

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ

Новые подходы и взгляды

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2015

КАФЕДРА РУССКОЙ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК
РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. А.И. ГЕРЦЕНА

**РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА В РОССИИ:
НОВЫЕ ПОДХОДЫ И ВЗГЛЯДЫ.**

Санкт-Петербург, 2015

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. /
Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов.
СПб., 2015. с.

ISBN 978-5-9906573-7-3

В сборник включены материалы международной научной конференции
«Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 6
ноября 2014 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание
рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей ре-
волюции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

© А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2015.
© Авторы статей, 2015.
© А.А. Иванов, оформление обложки, 2015.
© Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена,
2015.

ISBN 978-5-9906573-7-3

От составителя

В 1984 – 1998 гг. кафедру русской истории (истории СССР до 1991) возглавлял профессор Виталий Иванович Старцев, всемирно известный ученый, крупнейший специалист по истории революции 1917 года в России. Именно благодаря В.И. Старцеву сложилась традиция проводить научные конференции, в ходе которых изучались различные аспекты истории русской революции 1917 года. После ухода Виталия Ивановича из РГПУ, кафедра русской истории долгое время таких мероприятий не организовывала. Наконец, в 2007 году состоялась конференция, посвященная 90-летию Февральской революции. С 2008 года конференция под названием «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды» проходит ежегодно. По ее итогам публикуются сборники научных статей, которые получают высокую оценку у специалистов. Отметим, что сборник, изданный в 2013 году, стал «рекордсменом», собрав 6 рецензий, опубликованных в различных научных журналах.

6 ноября 2014 года кафедра русской истории провела очередную научную конференцию «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды». В ее оргкомитет вошли заведующий кафедрой, доктор исторических наук, профессор А.Б. Николаев (председатель), кандидат исторических наук, доцент Д.А. Бажанов и доктор исторических наук, профессор А.А. Иванов. В конференции приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода и Петрозаводска. Кроме этого, заочно участвовали в конференции зарубежные исследователи из Донбасса и США. Именно это обстоятельство придало конференции международный характер. В ее программу был включен 31 доклад. Как и в прошлые годы, конференция вызвала неподдельный интерес среди студентов и аспирантов факультета социальных наук РГПУ. Молодые ученые участвовали в обсуждении докладов и сами выступали на конференции с сообщениями. На страницах студенческой газеты факультета социальных наук РГПУ «Двадцатый корпус» была опубликована обзорная статья, посвященная ходу конференции. В частности, в статье был отмечен доклад д. ист. н., профессора А.В. Островского, в котором речь шла о точном времени возвращения В.И. Ленина в Петроград осень 1917 г. Выступление Александра Владимировича сопровождалось аплодисментами. Это было последнее появление А.В. Островского в стенах РГПУ. 18 февраля 2015 г. профессор А.В. Островский скончался после тяжелой болезни, не успев передать статью в сборник.

Заметим, что ряд других статей не публикуются на страницах данного сборника по другим причинам.

Шесть статей сборника посвящены событиям накануне и в дни Февральской революции в Петрограде. А.А. Чемакин показывает эволюцию Независимой группы IV Государственной думы от «конструктивной» оппозиции к революции. Напомним, что лидером этой группы был депутат Михаил Алек-

сандрович Караулов, сыгравший важную роль в победе Февральской революции. О.Р. Айрапетов дает понять, что А.И. Гучков использовал Рабочую группу ЦВПК при подготовке переворота. В связи с изучением вопроса о роли РГ ЦВПК в Февральской революции определенным интересом представляет работа американского историка С.М. Ляндреса. В частности, он публикует запись краткого рассказа историка-медиевиста и умеренного социалиста П.Б. Шаскольского, в котором приводятся ценные сведения о деятельности РГ ЦВПК по «организации революционных событий». Л.С. Бокарева пишет о деятельности Св. Синода в феврале – марте 1917 г. В статье содержатся интересные наблюдения и выводы. Так, автор пишет, что в дни Февральской революции Св. Синод работал «в штатном режиме», т.к. «иерархи не придавали особого значения происходящим в городе событиям». А.Г. Румянцев, опираясь на труды предшественников, а также (и главным образом!) на материалы, хранящиеся в ЦГИА СПб, изучает вопрос о «полицейских пулеметах» в дни Февраля 1917 г. в Петрограде. Автор приходит к выводам о том, что, во-первых, «пулеметный огонь открывали, главным образом, оставшиеся верные престолу части», во-вторых, «бесхозные пулеметы использовались самими восставшими для подавления очагового сопротивления сторонников “старого” режима», и, в-третьих, пулеметы использовались против восставших царской полицией. Последний вывод – самый важный, т.к. он не переводит историю о полицейских пулеметах Февраля 1917 года в область мифов, а оставляет ее в качестве актуальной темы для последующих научных исследований. Ф.А. Селезнев посвятил свою статью выяснению обстоятельств назначения генерала Л.Г. Корнилова на должность командующего Петроградским военным округом. Автор, изучив историю вопроса, пришел к выводу о том, что инициатором назначения был не М.В. Родзянко, а А.И. Гучков. Утверждение, заметим, спорное и требующее веских документальных доказательств.

В четырех статьях сборника раскрыты различные аспекты русской революции с февраля по октябрь 1917 года. Е.С. Гавроева, опираясь на, так называемые, «письма во власть», исследует отношение рабочих из различных губерний и областей России к председателю IV Государственной думы и ее Временного комитета М.В. Родзянко. Автор приходит к выводу о том, что «рабочие с восторгом описывали революционные события на местах, признавая за Государственной думой, в особенности, М.В. Родзянко, первого гражданина свободной России, главную роль в свержении самодержавия». П.Н. Гордеев проанализировал деятельность оперного певца В.Ф. Безпалова на посту команданта петроградских государственных театров. А.В. Пыжиков описывая процессы, протекающие в среде буржуазии, заостряет свое внимание на борьбе московского купечества и питерской буржуазии по различным вопросам тогдашней жизни – об ограничении прибылей капиталистов, рабочему, продовольственному и т.д. А.Б. Николаев продолжает изучать историю временной гражданской юстиции в Петрограде (март – июль 1917 г.). В этот раз

он пишет о преследовании Временным судом домовладельцев, в первую очередь, за антисанитарию и нарушение «нового квартирного закона». Автор, проанализировав материалы поднадзорных дел и периодической печати, обращает внимание на то, что «обвинительные приговоры преобладали над оправдательными». И тут перед автором встал вопрос о справедливости/несправедливости Временного суда. Николаев решает его следующим образом: «...утверждать, что Временный суд был несправедлив, вынося обвинительные приговоры, нельзя. Вместе с тем он был несправедлив, присуждая домовладельцев к огромным штрафам».

Две статьи посвящены «левым» и столько же «правым». Е.М. Лаврова изучает конфликты в революционной среде и попытки их разрешения. Автор, в частности, замечает, что «межличностные конфликты, связанные с оскорблением и посягательством на честь революционера, были и одним из признаков кризиса в межпартийных и внутрипартийных отношениях, и одновременно фактором, способствующим углублению этого кризиса». Я.В. Козлов обращается к весьма актуальной теме – возвращению политэмигрантов через Германию в Россию весной 1917 г. Исследователь утверждает, что, «во-первых, наиболее приемлемый маршрут для возвращения политэмигрантов в Россию проходил через Германию; во-вторых, распространенное мнение об оплате Германией проезда политэмигрантов, не соответствует действительности». А.А. Иванов пишет о деятельности видного правого деятеля Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года, а Д.И. Стогов анализирует дневник С.Д. Шереметева.

В двух статьях речь идет о военных. К.А. Тарасов на материалах Петроградского гарнизона показывает общеполковые собрания как институт прямой демократии. Автор считает, что общеполковые собрания «открыли для большего числа солдат возможность напрямую участвовать в политической жизни». А.М. Кулегин приводит любопытные сведения из истории 1-го Петроградского женского батальона. В частности, он приводит слова председателя больничной комиссии Городской думы меньшевика В.Е. Мандельберга: «есть свидетельские показания», что «над тремя добровольцами в то время, как они находились в Павловском полку, было совершено насилие».

Три статьи сборника содержат национальный и региональный компоненты. М.А. Златина, исследуя вопрос о ликвидации в 1917 году Консультации для оказания юридической помощи неимущему еврейскому населению, доказывает, что она была ликвидирована не 20 марта 1917 г. Временным правительством, как считалось ранее, а закрыта решением ее членов, принятым 23 мая 1917 г. Е.А. Козлова, основываясь на материалах русскоязычных газет, рассказывает о создании революционной власти в Ревеле в марте 1917 г. Д.А. Бажанов анализирует «Дело» офицеров линейного корабля «Гангут» весной 1917 г. как отражение стереотипов во взаимоотношениях личного состава. Е.Ю. Дубровская делает ряд ценных наблюдений в своей статье о российских

военных, а также о национальных и социальных движениях финляндцев весной 1917 года. В частности, она пишет, что «содействуя революционной радикализации, русские гарнизоны часто непреднамеренно способствовали росту национального движения в Финляндии и этим ускорили достижение независимости страны в декабре 1917 г.».

В трех статьях сборника речь идет о благотворительности и образовании. Д.В. Надсадный, на основе архивных документов, сообщает о деятельности городских благотворительных учреждений Петрограда в марте – октябре 1917 г. Подводя итоги исследования, автор замечает: «Февральская революция сыграла в истории муниципальных благотворительных учреждений роковую роль: послереволюционная эйфория и некоторое оживление деятельности, особенно в области проектов переустройства городской благотворительности, быстро сменились тяжелейшим системным кризисом и крахом муниципальных благотворительных институтов». А.А. Смирнова пишет об эвакуации Павловского женского института (август – октябрь 1917 г.), а Т.Г. Фруменкова рассказывает о том, как жил и с какими проблемами сталкивался воспитательный дом после Октября 1917 года.

Закрывает сборник статья американского профессора Ц. Хасегавы «Большевики, преступность и милиция в Петрограде (октябрь 1917 – март 1918 гг.)», которая публикуется на английском языке.

Надеемся, что и этот сборник трудов конференции найдет своего благодарного читателя, будет способствовать росту интереса к истории революции 1917 года в России.

А.Б. Николаев
29 октября 2015 г.

Чемакин А.А.

*От «конструктивной оппозиции» – к революции:
М.А. Караулов и Независимая группа в 1914 – 1917 гг.*

Независимая группа образовалась в конце 1913 г. в результате объединения ряда внефракционных депутатов, возглавил ее терский казак Михаил Александрович Караулов. В начале 1914 г. вне IV Государственной думы начала формироваться национал-демократическая Народная партия, в деятельности которой Караулов принял активное участие. Было решено, что члены Группы независимых, насчитывавшей к лету 1914 г. в своем составе 14 депутатов, присоединятся к национал-демократам и станут думской фракцией Народной партии. В Государственной думе новая фракция пыталась занять нишу «конструктивной оппозиции», находящейся на левом фланге, но готовой к определенным компромиссам с правительством и думским центром. При этом политическая ориентация «независимых» казаков, составляющих ядро группы, была намного более левой, чем у остальной части фракции и сторонников партии вне Думы, но на протяжении первой половины 1914 г. обе части уравнивали друг друга и поддерживали определенный баланс внутри партии и фракции. В апреле – мае 1914 г. партия пыталась получить регистрацию, но Санкт-Петербургское городское по делам об обществах присутствие отказало ей.

Начавшаяся Первая мировая война разрушила все планы по созданию национал-демократической партии. Структуры вне Думы, созданные к тому моменту, развалились. Спонсор партии А.Л. Гарязин приостановил выпуск журнала «Дым Отечества», служившего де-факто партийным и фракционным печатным органом, посчитав «необходимым все свои силы и помыслы отдать на борьбу с врагом, оставив вопросы внутренней жизни без рассмотрения»¹ и принял на себя обязанности руководителя Канцелярии управления верховного начальника санитарной и эвакуационной части. Один из лидеров создаваемой партии генерал-майор К.И. Дружинин погиб в конце августа 1914 г. в Восточной Пруссии². Таким образом, уже в 1914 г. партия осталась без своей внедумской относительно консервативной части.

Сразу же после начала войны Караулов также, несмотря на свой статус депутата, вернулся на действительную военную службу. Уходя на фронт, он не удержался от очередного экстравагантного поступка: следуя примеру казаков-запорожцев, он обрил голову, оставив лишь «оселедец», и в таком виде сфотографировался для иллюстрированного журнала «Искры»³. Караулов

¹ РГИА. Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1068. Л. 4.

² Некрологи // Исторический вестник. 1914. № 10. С. 341 – 344.

³ Депутат-доброволец // Искры. 1914. 10 августа. № 31. С. 247.

принял участие в Галицийском походе, участвовал «в боях под Перемышлем в качестве офицера и командира казачьей сотни»⁴.

Уже во время короткой думской сессии в январе 1915 г. Караулов пытался представить себя голосом армии, отмечая в своем выступлении, что «армия будет приветствовать мир, – об этом определенно меня даже просили передать, – но мир победоносный, который будет заключен на развалинах Берлина и на костях Вильгельма»⁵. Уволившись в феврале 1915 г. со службы, он продолжал активно взаимодействовать с действующей армией. Офицеры и солдаты обращались к нему с новостями с фронта, с просьбами помочь в решении личных вопросов⁶, сообщали о тех или иных фактах «немецкого засилья»⁷. Караулов использовал эту информацию в своих выступлениях в Государственной думе и докладах. Кроме того, и сам Караулов постоянно выезжал в действующую армию: так, например, в марте 1915 г. он был избран главным уполномоченным 3-го (Кавказского) военно-санитарного отряда Государственной думы, побывал с ним в Тифлисе, Батуме, Севастополе, а затем проследовал в Галицию⁸. В июле 1915 г. он вновь ездил на фронт в качестве уполномоченного этого же военно-санитарного отряда⁹. Караулов и товарищ председателя фракции А.П. Савватеев также участвовали в работе благотворительной «Казачьей организации», занимающейся сбором пожертвований и вещей для армии¹⁰. Кроме того, Караулов входил в состав ЦВПК¹¹.

На протяжении 1915 г. Независимая группа пыталась добиться своих целей парламентскими методами, активно участвуя в деятельности Думы. В июле – августе 1915 г. независимыми (самостоятельно или совместно с представителями других фракций) были внесены такие законодательные предположения, как «О расширении интерpellационных прав Думы», «Об утверждении на вечные времена в Российском государстве трезвости», «О ликвидации немецкого землевладения в России»¹².

Самые тесные отношения у «независимых», как и раньше, были с прогрессистами, и летом 1915 г. даже появилась возможность их объединения в одну

⁴ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. Л. 1 об.

⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия третья. Пг., 1915. Стб. 74.

⁶ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6577.

⁷ Там же. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1022. Л. 1100.

⁸ Николаев А.Б. Караулов Михаил Александрович // Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917. М.; Челябинск, 2013. С. 283.

⁹ Отъезд М.А. Караулова в действующую армию // Утро России. 1915. 4 июля.

¹⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 225. Оп. 1. Д. 2. Ч. 1. ЛЛ. 41 об. – 42.

¹¹ Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция 1917 г. К вопросу о соотношении факторов организованности и стихийности // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6 – 7 декабря 2006 года. СПб., 2007. С. 246.

¹² Законотворчество думских фракций. 1906 – 1917 гг. Документы и материалы. М., 2006. С. 431 – 432, 440 – 441, 442 – 449.

фракцию. 12 июля 1915 г. в газете «Утро России» была помещена следующая заметка: «Организаторы национал-либеральной партии в Гос[ударственной] думе М.А. Караулов и И.Н. Ефремов рассчитывают на то, что устав этой партии, не утвержденный министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, теперь новым министром кн. Н.Б. Щербатовым, по полученным сведениям, будет утвержден. М.А. Караулов в беседе с нашим сотрудником констатирует возможность объединения всех прогрессивных думских партий вокруг платформы новой национал-либеральной партии. И.Н. Ефремов также не находит существенных разногласий между фракцией народной партии и фракцией прогрессистов и допускает возможность присутствия членов народной партии на узкофракционном заседании. Что касается к.-д., то у них расхождение с национал-либеральной партией замечается, главным образом, по национальному вопросу. В то время, как к.-д. на первый план выдвигают еврейский вопрос, национал-либеральная партия разрешает еврейский вопрос наравне с общим вопросом о праве инородцев»¹³. Потенциальная национал-либеральная фракция могла занять место левого центра Государственной думы и объединить в своих рядах более 50 депутатов. В преддверии предполагаемого объединения Караулов и члены его фракции принялись редактировать свою платформу, приближая ее к платформе прогрессистов. Окончательный вариант, по большому счету, не сильно отличался от проекта 1914 г., но в него были включены некоторые важные пункты: требование ответственного министерства и автономии для Польши и Финляндии¹⁴.

Но объединение двух фракций так и не произошло. Причин этому могло быть две. Во-первых, если Караулов полностью контролировал свою фракцию, то в рядах прогрессистов подобного единодушия не было. Идея Национал-либеральной партии могла быть близка И.Н. Ефремову, но другие лидеры прогрессистов, по всей видимости, не проявили к ней особого интереса. Второй причиной стало образование Прогрессивного блока. В то время как фракция прогрессистов присоединилась к блоку, «карауловцы» остались вне его. Караулов объяснил, что позиция Независимой группы к блоку «остается вполне доброжелательной», но они не хотят войти в него по той причине, что программа Блока «страдает своей узостью, неясностью, неотчетливостью, страдает своей запоздалостью»¹⁵. По мнению «независимых», надо было поднимать вопросы об организации православного прихода, о борьбе с немецким засильем, о борьбе с дороговизной, земельный, и – самое главное – вопрос об ответственном министерстве¹⁶. После этого разговор о возможности создания Национал-либеральной партии можно было считать закрытым. Правда, секретарь Караулова Г.Ф. Фальчиков писал, что, хотя группа и не вошла в блок,

¹³ Национал-либеральная партия // Утро России. 1915. 12 июля.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1320. Л. 1.

¹⁵ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1915. Сессия четвертая. Пг., 1915. Стб. 1153.

¹⁶ Там же. Стб. 1154.

«но фактически стала на его сторону»¹⁷. Забегая вперед, отметим, что в мае 1916 г. Караулов дал интервью, в котором снова раскритиковал прогрессивный блок с радикальных позиций, повторив обвинения в излишней осторожности¹⁸.

Настроения избирателей и общая обстановка в стране способствовали радикализации фракции. «Независимый» Е.Д. Логвинов писал 8 октября 1915 г. из своей родной Константиновки в Петроград к А.П. Савватееву: «Роспуском Думы и тем, что созыв ее откладывается, возмущаются все. Вскоре по приезде сюда мне пришлось быть на станичном сборе. Очень многие выборные высказывали неудовольствие по поводу роспуска Думы. Они говорят: вся надежда теперь на Думу, правительство ни к черту не годится. Меня удивило то, что те, которые прежде относились к Думе безучастно, теперь интересуются ею, мало того, что интересуются, а возлагают все надежды на нее»¹⁹.

Секретарь Караулова Г.Ф. Фальчиков вспоминал, что большинство членов группы «с различных мест от самых разнообразных мест и учреждений (большая корреспонденция поступала от командиров частей) поступали письма, заявления, проекты, докладные записки на имя депутата Государственной думы М.А. Караулова. Весь этот материал тщательно обсуждался в группе и тут же вырабатывались конкретные меры для удовлетворения тех или иных групповых просьб или общих нужд тогдашней жизни. Особенно много внимания уделялось фронту: после принятия решений начинались настоячивые хлопоты по различным ведомствам... <...>. Однажды, возвратившись домой поздно ночью после какого-то делового свидания, М.А. Караулов сказал мне: “Извините, что задержал вас у себя, что поделаешь, с завтрашнего утра займитесь, пожалуйста, подготовкой материала к моей речи”. Он дал мне необходимые указания и прибавил: “Вероятно, это будет последняя моя речь, теперь нужно действовать, нужно решительно атаковать правительство, не шадя и трона, или атакуем мы, Государственная дума, или атакует народ, – последний случай будет гибелью для Государства”»²⁰. После «этого момента чисто казачьи дела были оставлены; группа приняла активное участие в открытой борьбе против Правительства. К этому выводу она пришла, по признанию самого Караулова, после того, когда, тщательно обследовав обстановку и конкретную действительность, убедилась, что никакие лояльные средства не помогут. Особенно тяжело было для группы прийти к убеждению о необходимости коренных изменений в Верховном Управлении»²¹.

Желая проверить себя, «М.А. Караулов согласился на свидание с Распутиным, состоявшееся по настоятельной просьбе приближенных Распутина,

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. Л. 1 об.

¹⁸ Задачи момента и прогрессивный блок. Беседа с членом Гос[ударственной] думы М.А. Карауловым // Маленькая газета. 1916. 20 мая.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1034. Л. 1645.

²⁰ Там же. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. ЛЛ. 1 об. – 2.

²¹ Там же. ЛЛ. 2 – 2 об.

высших чинов Мин[истерства] внутр[енних] дел. [...] По-видимому, распутицы хотели заполучить симпатии казачьих депутатов, учитывая серьезность борьбы с прогрессивным блоком Государственной думы. Караулов согласился на это свидание лишь потому, как он сам объяснял, чтобы непосредственно убедиться, насколько верны сведения о влиянии “святого старца” на государственные дела»²². Инициатором встречи был журналист А.А. Кон, член кружка Распутина, у которого появилась мысль о «сближении с ним членов Думы для восприятия ими непосредственных от сношения с ним впечатлений»²³. Сенатор С.П. Белецкий вспоминал: «Я два или три раза присутствовал при свидании Распутина с М.А. Карауловым и видел, как Распутин <...> с особым вниманием всматривался в Караулова, как в человека другого мира, стараясь найти в нем какой-либо особый даже с внешней стороны отпечаток, не знал, как вести себя, и только, когда Караулов, налив ему за обедом вина, пригласил его выпить и сразу определил свои отношения к нему, Распутин начал входить в свою колею, но все-таки от поры до времени в нем проскальзывало желание показать Караулову, что он человек исключительный»²⁴.

Сам Караулов рассказ о встрече «передавал как веселый анекдот с печальными серьезными последствиями»:

«– Хочешь, я тебя сделаю министром? – начал Распутин.

– Нет, раньше всего ты мне скажи, живешь с царицей?

– Брешут, вот тебе крест, брешут, а ты мне нравишься, и очень даже, хочешь, министром тебя сделаю? – приставал Распутин.

– Чего ты пристал с министром, я тебя о деле спрашиваю, а ты о пустяках мелешь.

Распутин весело расхохотался по поводу этого замечания и покорно отвечал на все вопросы, касающиеся отношений Двора к Распутину; Распутин неизменно отвечал “брешут”, божился и заканчивал одним и тем же предложением, но, не добившись никакого ответа, стал жаловаться на свою судьбу [...]. Рассказывая все это, Михаил Александрович небрежно шутил, спокойно покуривая свою неизменную трубку.

– Ну, как нравится вам этот рассказ? – спросил он меня (Фальчикова – А.Ч.) и почему то начал сильно смеяться.

– Почему вы смеетесь? – спросил я, смущенный этим смехом.

– Дожили, а? Хорош у нас правитель, – и снова начал смеяться, потом громко с насмешкой вытянул: “Сильный, державный, царствуй на славу!” Да, братец ты мой, скверные наши дела! Ничего не поделает, придется сверху начинать»²⁵.

²² Там же. Л. 2 об.

²³ ПЦР. Л., 1925. Т. IV. С. 282.

²⁴ Там же. С. 282 – 283.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. ЛЛ. 2 об. – 3 об.

С.П. Белецкий отметил, что А.А. Кон не добился тех результатов, какие он преследовал, «так как Караулов, как равно и другие члены Государственной Думы, которым Кон демонстрировал Распутина, не нашли в последнем тех исключительных совершенств, о которых им рассказывал Кон»²⁶. Похоже, именно об одной из этих встреч упоминал и В.В. Шульгин: «Член Государственной Думы К., очевидно, не страдает теми предрассудками, которыми опутаны мы все. Вчера он пьянствовал с Гришкой. То, что он рассказывает, определено – водка и бабы...»²⁷ Л. Львов вспоминал, что в феврале 1916 г. был на встрече на квартире барона Ю.Н. Миклоса; он отмечал, что «особенно много было дам», а «Распутин долго беседовал в боковой комнате с депутатом Карауловым»²⁸. Арон Симанович, входящий в окружение Распутина, свидетельствовал, что «о событиях в Государственной думе нас регулярно информировал член Думы Караулов»²⁹. Похоже, Караулов вел свою игру, все подробности которой сейчас вряд ли возможно восстановить. Так, например, он имел какие-то отношения с министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Последний рассказывал Чрезвычайной следственной комиссии, что Караулов два раза по его просьбе отвозил госпоже С.Г. Лунц по 250 руб. жалованья, которые министр платил ей «как агентше по общественной разведке»³⁰. Председатель Астраханской народной монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий выражал опасение в связи с тем, что великий князь Борис Владимирович окружил себя «мятежными думцами-казаками во главе с Карауловым»³¹.

На протяжении 1916 г. позиция Караулова и «независимых» становилась все более радикальной. На заседании Совета старейшин 30 октября Караулов от имени своей группы предложил поставить на обсуждение проведенные в порядке ст. 87 законопроекты и отвергнуть те из них, которые неприемлемы для страны³². Несколько дней спустя, на думском заседании 3 ноября Караулов заявил, что есть четыре выхода из сложившейся ситуации. Первые три пути – испросить аудиенцию у государя для представления соображений; объявить бойкот министрам и отвергнуть бюджет на будущий год в целом; продолжать нынешний курс. Про четвертый путь было сказано особо: «Четвертый путь, гг. ... нет, гг. депутаты, о четвертом пути я скажу не вам и не здесь!.. Вы его и без меня должны были бы знать, но для меня ясно, что этим путем вы не пойдете. Этим путем пойдет сама страна, когда потеряет свою последнюю надежду –

²⁶ ПЦР. Т. IV. С. 283.

²⁷ Шульгин В.В. Дни // Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 147.

²⁸ Львов Л. Из встреч с Распутиным // Речь. 1916. 21 декабря.

²⁹ Симанович А.С. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. М., 2005. С. 117.

³⁰ ПЦР. Т. IV. С. 57.

³¹ Правые партии. 1905 – 1917. Документы и материалы. М., 1998. Т. 2. С. 552.

³² Заседание совета старейшин // День. 1916. 31 октября.

надежду на вас»³³. Правый депутат Н.Е. Марков воспринял эти слова как прямой призыв к революции³⁴. Сам Караулов вспоминал, что он «предвидел революцию еще в октябре 1916 г. и тогда же говорил с командирами 2-х казачьих полков и 1-ой пулеметной команды»³⁵. Позже Караулов уверял, «что он, как член Государственной думы добивался установления в России парламентарной монархии, веря, что этот порядок лучше всего и безболезненное обеспечит блага народа, <...> но убедился в процессе своей работы, что именно монархия не только не способна была справиться с сложнейшими государственными задачами, но она вела страну к явной гибели, и тогда, чтобы предотвратить это, пришлось вступить в открытую борьбу с монархией»³⁶.

Показательно, что сам термин «Народная партия» уже не используется к этому времени и членами фракции, которые, видимо, осознали всю комичность такого пафосного наименования для группы, состоящей к этому времени менее чем из 10 человек. За время с сентября 1915 г. по июнь 1916 г. фракцию покинули 6 депутатов: В.В. Кочубей, А.П. Сидоров и А.С. Юхтанов ушли к земцам-октябристам, П.Н. Ягодинский – к прогрессивным националистам, А.В. Иванов 2-й – к левым октябристам, М.И. Канашев – к кадетам. В середине ноября 1916 г. «Речь» сообщила, что из фракции вышли также К.К. Фирсов 2-й (перешел к кадетам), Н.С. Орлов и И.К. Ерымовский³⁷. П.Ф. Мерший был исключен из фракции в середине января 1917 г. за участие в финансовых махинациях и дискредитацию статуса депутата³⁸. Согласно внутридумской статистике, в конце января 1917 г. в Независимой группе оставалось 7 человек³⁹. При этом по нашим подсчетам их должно было быть и того меньше, а именно 5 – М.А. Караулов, М.С. Лашухин, Е.Д. Логвинов, Н.А. Мирошниченко, А.П. Савватеев. Получается, или кто-то за это время присоединился к группе (что маловероятно), или информация «Речи» была не совсем верна, и Орлов и Ерымовский в итоге из фракции не вышли. Но это, в принципе, не так и важно. Важно то, что численность группы сократилась в 2 раза. Все умеренные депутаты покинули фракцию уже к лету 1916 г., а основное (собственно, национал-демократическое) ядро фракции к этому времени по политической ориентации мало чем отличалось от трудовиков⁴⁰. Впрочем, к

³³ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 82 – 84.

³⁴ Там же. Стб. 97 – 98.

³⁵ Войсковой круг (Продолжение) // Терские ведомости. 1917. 17 марта.

³⁶ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 699. Л. 13об.

³⁷ Выход из группы независимых // Речь. 1916. 16 ноября.

³⁸ Дело П.Ф. Мерция // Речь. 1917. 17 января.

³⁹ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1080. ЛЛ. 10 – 11.

⁴⁰ Демин В.А. Независимых группа и фракция Народной партии // Государственная дума Российской империи. 1906 – 1917. М.; Челябинск, 2013. С. 470.

этому времени фракция, за исключением своих лидеров Караулова и Савватеева, практически никакой деятельности не вела и фактически находилась на грани окончательного распада.

15 февраля 1917 г. Караулов заявил с трибуны Думы, что рабочие, которые «хотели сюда идти и требовать от Думы, чтобы она объявила себя учредительным собранием, как об этом носятся слухи, и чтобы она назначила временное правительство или избрала из своей среды диктатора, то и они, конечно, искали твердой, сильной и решительной власти, которая положила бы конец разрухе и вывела бы страну из рокового тупика. Но, гг., мы, Члены Государственной Думы, разве мы не знаем, как горько ошибаются те, которые возлагают на нас такие надежды. Это из нашего-то состава выбрать диктатора? Это мы-то учредительное собрание?»⁴¹ Несмотря на явное понимание неспособности Думы решить стоящие перед страной вопросы, распад собственной фракции и отсутствие у своей идеологической платформы поддержки в массах, он решается на активные действия. Вряд ли можно теперь можно установить, чем это было вызвано – авантюризмом и особенностями характера? верой в жизненную необходимость переворота? надеждой все-таки попытаться оседлать революционную волну? Так или иначе, днем 27 февраля Караулов был избран членом ВКГД, и в последующие дни он и товарищ председателя Независимой группы А.П. Савватеев приняли активнейшее участие в революционных событиях⁴².

Айранетов О.Р.

Рабочая группа ЦВПК и А.И. Гучков – провокация ареста?

«В Петербурге напряженные настроения не успокаивались. – Вспоминал о начале 1917 г. один из видных кадетов. – В Военно-промышленном комитете говорили о рабочем брожении. Правительство подливало масла в огонь арестами»⁴³. Что же происходило на самом деле? Участники съездов общественных организаций и представители либеральной думской оппозиции активно распространяли по стране листовки с принятыми в Петрограде декларациями⁴⁴. В Петрограде распространялись слухи, что новый министр внутренних дел готовит городскую полицию к провокации в день открытия сессии Думы и даже вооружает городских пулеметами. Численность этого грозного

⁴¹ Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия пятая. Пг., 1917. Стб. 1384 – 1386.

⁴² См. подробн. об их участии в Февральской революции: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

⁴³ *Родичев Ф.И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Newtonville. 1983. С.96.

⁴⁴ *Стиридович А.И.* Великая война и Февральская революция 1914 – 1917. Нью-Йорк, 1960. Кн. 2. С. 189.

оружия, якобы поступившего в столицу, постоянно росла в рассказах «пятьсот, шестьсот, тысяча»⁴⁵.

На самом деле удар готовился на другом направлении. А.Д. Протопопов смотрел на рабочие группы при ВПК как на связующее звено между революционно настроенной частью рабочих и оппозицией, то есть прогрессивным блоком с конституционными демократами во главе. Эту связь он хотел разрушить, тем более, что имел исчерпывающую информацию о том, какой вклад в организацию забастовочного движения внесли эти организации. Теперь министр внутренних дел хотел арестами предупредить новые забастовки и политические шествия к Думе⁴⁶.

Чем дальше, тем больше он становился фигурой, вызывающей всеобщее раздражение либерального лагеря. Поскольку общественное мнение было соответствующим образом организовано, то эти чувства постепенно начали воплощаться в действия. 30 декабря 1916 г. Протопопов был исключен из членов «Союза 17 октября»⁴⁷. Через два дня, 2 января 1917 г., при встрече на новогоднем приеме в Царском селе М.В. Родзянко устроил А.Д. Протопопову сцену. Увидев своего бывшего заместителя, глава Думы отказал ему в рукопожатии и сделал так, чтобы об этом услышали все находившиеся рядом. Немедленно поползли слухи о дуэли⁴⁸. Вскоре выяснилось, что она не состоится. Разумеется, виной были некие высшие инстанции, заявившее о ее нежелательности – храбрость Родзянко не могла быть поставлена под сомнение⁴⁹. Безусловно, эта история не украшала Протопопова, как и новости о том, что его постоянно хвалит германская печать, которая в то же самое время ругает Сазонова⁵⁰.

Причиной этих атак был, как представляется, тот факт, что министр не сидел, сложа руки. В результате совещания Протопопова с командующим войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенантом С.С. Хабаловым было принято решение обратиться к главе ЦВПК с официальным письмом о деятельности Рабочей группы с предоставлением трехдневного срока на ответ⁵¹. 3 января 1917 г. Хабалов действительно обратился к Гучкову с официальным письмом. «По дошедшим до меня сведениям, – сообщал генерал главе ЦВПК – Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета устраивала за истекшие месяцы собрания, на которых участвовали не только члены этой группы, но и представители больничных касс и рабочих кооперативов и иные совершенно непричастные к Военно-промышленному

⁴⁵ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 258 – 259.

⁴⁶ ПЦР. Л., 1925. Т. IV. С. 87.

⁴⁷ Утро России. 1917. 4 января.

⁴⁸ Утро России. 1917. 3 января.

⁴⁹ Утро России. 1917. 4 января.

⁵⁰ Утро России. 1917. 16 и 17 января.

⁵¹ ПЦР. Т. IV. С. 88.

комитету лица, причем на означенных собраниях обсуждался ряд требований революционно-политического характера, как, например, о немедленном заключении мира, о ниспровержении настоящего правительства и об осуществлении программных требований социал-демократической партии»⁵².

Ссылаясь на закон 1 сентября 1916 г. о контроле над деятельностью общественных организаций, Хабалов требовал впредь уведомлять о времени и месте заседаний Рабочей группы, для того, чтобы на них мог присутствовать представитель власти⁵³. Ответа в определенный срок не последовало⁵⁴. Через печать Гучков заявил о том, что получил письмо Хабалова только 6 января, в то время как уже в 20.00 5 января в помещение ЦВПК прибыл представитель петроградского градоначальника. Застать кого-то не удалось, хотя здание предварительно было оцеплено полицией. Помещение, где проходили заседания Рабочей группы, оказалось пустым⁵⁵. Это было довольно странным совпадением, отнюдь не свидетельствовавшим в пользу искренности слов главы ЦВПК.

Между тем, претензии Хабалова были, мягко говоря, небеспочвенными. Собрания Рабочей группы на самом деле уже превратились в публичные, некое подобие будущего Петросовета, в котором члены группы были представлены в меньшинстве⁵⁶. Власти имели надежный источник. «Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета, – отмечал на допросе 26 июня 1917 г. начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К.И. Глобачев, – освещалась охранным отделением главным образом другим сотрудником, именно Лущуком, состоявшим в секретариате группы. Сведения Лущука были более ценны, чем сведения Абросимова, потому что через его руки проходили в секретариате все сведения о деятельности группы, и, таким образом, Лущук давал Охранному отделению документальные доказательства Ликвидация группы, состоявшаяся в конце января текущего года, была предпринята на основании сведений, полученных от Лущука, а не от Абросимова. Поводом для нее послужило воззвание Рабочей группы к рабочим Петрограда, отпечатанное, кажется, на mimeографе, с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существующего государственного строя. Рабочая группа предполагала предложить Государственной думе, низвергнув правительство, опереться в дальнейшем в своей деятельности на рабочих. Экземпляр такого воззвания и сведения о предполагаемом выступлении рабочих были получены охранным отделением от Лущука»⁵⁷.

⁵² Русские ведомости. 1917. 4 февраля.

⁵³ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 63.

⁵⁴ ПЦР. Т. IV. С. 88.

⁵⁵ Утро России. 1917. 6 января.

⁵⁶ ПЦР. Л., 1924. Т. I. С. 194.

⁵⁷ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / Вст. Ст. Дж. Дейли и З.И. Перегудовой // Вопросы истории. 2002. № 7. С. 109.

Сам Хабалов позже утверждал, что по имевшейся у него информации на собраниях рабочей группы предложено было продовольственный вопрос, а на самом деле – «вопрос об организации беспорядков»⁵⁸. Требования Хабалова к ЦВПК не были жесткими, а его терпение – удивительным. На мой взгляд, оно свидетельствовало лишь о том, что 59-летний генерал плохо подходил к занимаемой должности. Армии он был почти неизвестен, общественности – тоже, к роли, уготованной ему историей, подготовлен слабо⁵⁹. Последний градоначальник Петрограда ген.-м. А.П. Балк дал ему исключительно верную характеристику: доступный, работающий, спокойный, не лишенный административного опыта, но «тиходум», и «без всякой способности импонировать на своих подчиненных и, главное, распоряжаться войсками»⁶⁰.

Гораздо лучше к этой должности подходил предшественник Хабалова – инженер-генерал князь Н.Е. Туманов. 15 июня 1916 года он был замещен на посту главного начальника Петроградского военного округа Хабаловым и переведен на должность начальника снабжения армий Западного фронта⁶¹. Туманов был решительным и жестким человеком, хорошо знакомым с обстановкой в столице. Его симпатии и антипатии были ясны и понятны. Когда в конце 1916 г. приехавший в штаб Западного фронта М.В. Родзянко попытался устыдить генерала репрессиями против рабочих на Путиловском заводе, Туманов публично заявил в ответ, что жалеет лишь об одном – что не успел повесить некоторых членов Государственной думы и самого Родзянко⁶². Уход такого генерала был серьезной потерей для правительства. Хабалов слабо соответствовал требованиям текущего момента. В 1886 г. он окончил Академию Генерального штаба, до 1900 г. служил в различных штабах в Петербурге, потом в военно-учебных заведениях. С января 1914 по июнь 1916 гг. Хабалов был военным губернатором Уральской области и наказным атаманом Уральского казачьего войска⁶³. Свое назначение он принял без какой-либо радости, а на постоянное вмешательство Н.В. Рузского в командование смотрел как на наказание⁶⁴.

О настоящих настроениях, которые царили среди руководителей некоторых общественных организаций и членов Государственной думы, можно судить по следующей записи в дневнике в.к. Николая Михайловича, оставлен-

⁵⁸ ПЦР. Т. I. С. 188.

⁵⁹ Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте. Л., 1927. С. 60.

⁶⁰ Балк А.П. Последние пять дней царского Петрограда (23 – 28 февраля 1917 г.). Дневник последнего Петроградского градоначальника // Русское прошлое. 1991. № 1. С. 38.

⁶¹ Правительственный вестник. 1916. 16 июня; Русский инвалид. 1916. 16 июня.

⁶² Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора (1914 – 1918 гг.). Орел, 1994. С. 105.

⁶³ Русский инвалид. 1916. 16 июня.

⁶⁴ Дунин-Раевский П.М. Из записок и воспоминаний о первых днях революции в 1917 году // Военно-исторический вестник. Париж. 1967. № 29. С. 7.

ной 4 января после беседы с В.В. Шульгиным и М.И. Терещенко: «Какое облегчение дышать в другой атмосфере! Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, а люди. Шульгин – вот он бы пригодился, но, конечно, не для убийства, а для переворота! Другой тоже цельный тип, Терещенко, молодой, богатейший, но глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, уверен, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки раньше времени (31 декабря 1916 г. он был отправлен в ссылку в свое имение под Киевом – Грушевка – О.А.). Дай, то Бог! Его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к ней, к нему, и они это вовсе не скрывают, и оба в один голос говорят о возможности цареубийства!»⁶⁵

7 января 1917 г. была арестована Рабочая группа Московского ВПК. Формально она собралась для обсуждения вопроса о фабрично-заводских старостах. В момент начала заседания появилась полиция и, не смотря на возражения руководства комитета, арестовала 8 членов группы и 2 присутствовавших на заседании выборщиков⁶⁶. Вслед за этим немедленно последовали протесты и требования освободить арестованных со стороны руководителей комитета⁶⁷. Члены Рабочей группы Одесского ВПК в знак протеста отказались продолжать свою работу. Через два дня арестованные были освобождены⁶⁸. Весьма интересным совпадением было то, что именно в день ареста московской Рабочей группы московский городской голова М.В. Челноков счел необходимым обратиться к правительству с открытой телеграммой, в которой заявил о том, что в город поступает недостаточное количество хлеба, запасы муки в Москве, по его словам, оставалось на 5 дней, после чего «Москву ожидает настоящий голод». Городской голова просил принять меры⁶⁹.

Не удивительно, что подобные заявления вызвали у населения панику и повышенный спрос на продовольствие. На улицах появились очереди в булочные. 11 января московский градоначальник ген.-м. В.Н. Шебеко обратился к москвичам с разъяснением ситуации. «Ложная тревога ни на чем не основана» – Заверял он. Как оказалось, запасы пшеничной (792 тыс. пудов) и ржаной (478 тыс. пудов) муки в Москве позволяли обеспечить снабжение ее хлебом в течение 3 недель, даже если не будет никакого подвоза. Шебеко призвал жителей города успокоиться⁷⁰. Генерал не ограничился словами. Им были приняты и другие меры, лично инспектируя хлебную торговлю. Хозяева булочных, которые прекращали торговлю при наличии муки, или вывешивали

⁶⁵ Записки Н.М. Романова // КА. 1931. Т. 6 (49). С. 103.

⁶⁶ Утро России. 1917. 8 января.

⁶⁷ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 17 января. № 192. С. 3.

⁶⁸ Утро России. 1917. 18 января.

⁶⁹ Утро России. 1917. 8 января.

⁷⁰ Русские ведомости. 1917. 11 января; Утро России. 1917. 11 января.

ложные объявления об ее отсутствии подвергались штрафам от 500 до 1 000 рублей⁷¹.

В начале февраля в связи с метелями и морозами, усложнившими обстановку на железной дороге, положение со снабжением Москвы мукой вновь ухудшилось. При наличии около 2100 вагонов с мукой, рассредоточенных по разным станциям к востоку от среднего Поволжья, в первопрестольную столицу удавалось ежедневно перебрасывать по 17 вагонов из необходимого минимума в 35 вагонов в день. Недостаток покрывался из запасов интендантства и продовольственного отдела⁷². Впрочем, к концу месяца обстановка разрешилась – город стал ежедневно получать от 100 до 90 вагонов муки (преимущественно пшеничной), что позволило резко улучшить его снабжение хлебом⁷³. В немалой степени снятию ажиотажа способствовало введение в Москве 20 февраля 1917 г. карточной системы распределения хлеба (по карточкам он распределялся по твердым ценам)⁷⁴.

В целом можно отметить, что, не смотря на сложное положение, обстановка в Москве все же несколько разрешилась. В Петрограде с начала года она оставалась неизменно напряженной. 11 января 1917 г. глава Рабочей группы ЦВПК К.А. Гвоздев на заседании Бюро ЦВПК заявил о том, что в условиях, предлагаемых властями, Рабочая группа работать не может⁷⁵. На следующий день под председательством А.И. Гучкова состоялось «многолюдное» заседание ЦВПК, где в ходе обсуждения требования Хабалова подверглись жесткой критике, и было принято решение ответить на них протестом⁷⁶. При этом в газетах было заявлено о том, что 12 января ЦВПК принял требование петроградской полиции об уведомлении ее относительно времени, места и программы заседаний Рабочей группы⁷⁷.

13 января Гучков ответил, наконец, на письмо Хабалова. Ответ был почти откровенно издевательским. Председатель ЦВПК заявлял, что он лично крайне отрицательно относится к закону 1 сентября 1916 г., а так как указанный закон не возлагает на общественные организации обязательства сообщать о своих собраниях администрации, то ЦВПК не будет извещать о времени, месте и программе заседаний Рабочей группы. Более того, Гучков счел возможным прибегнуть к откровенной демагогии, обвиняя правительство в предвзятом отношении к общественным организациям. По его мнению, такое

⁷¹ Утро России. 1917. 17 января.

⁷² Русские ведомости. 1917. 9 февраля.

⁷³ Русские ведомости. 1917. 21 февраля.

⁷⁴ Русские ведомости. 1917. 22 февраля.

⁷⁵ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 63 об.

⁷⁶ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 17 января. № 192. С. 2.

⁷⁷ Новое время. 1917. 20 января.

отношение, «диктуемое соображениями, чуждыми самым насущным в данное время интересам Родины, может принести стране непоправимый вред»⁷⁸.

Вечером 17 января в здание Комитета явился пристав Литейной части с 2 чиновниками. Они удостоверились в том, что в помещении Рабочей группы нет собрания и удалились⁷⁹. На следующий день сюда вновь прибыли представители администрации. Они должны были присутствовать на заседании Рабочей группы, однако ее секретарь заявил, что собрания нет и оно не планировалось. Вновь повторилась та же история – убедившись, что в помещении Рабочей группы никого нет, чиновники удалились⁸⁰.

19 января Хабалов вновь отправил Гучкову письмо, пытаясь доказать необходимость выполнения закона. Генерал призывал председателя ЦВПК войти в суть дела, так как Рабочая группа обсуждает вопросы в резко революционной тональности, и он просто обязан принять меры. Поэтому генерал предупреждал: или ЦВПК будет давать требуемую информацию, или военные власти не допустят более собраний Рабочей группы⁸¹. Ответа не последовало. На следующий день во время заседания Рабочей группы в ее помещении вновь посетили пристав и чиновник для особых поручений при градоначальнике. Явившемуся товарищу председателя ЦВПК М.И. Терещенко был задан вопрос о том, на каком основании Группа ведет работу, не известив об этом предварительно власти. Терещенко прибегнул к отговорке. Он заявил, что Рабочая группа подобных указаний от Бюро ЦВПК не получала, и попросил К.А. Гвоздева закрыть собрание во избежание недоразумений. Представители власти составили протокол⁸². Эта история немедленно была отражена в прессе⁸³, а 21 января работа Рабочей группы возобновилась в обычном режиме⁸⁴.

Именно в это время газеты либерального направления единодушно выступают с публикациями письма гр. Д.А. Олсуфьева и разъяснительного письма Протопопова в адрес предводителей губернского дворянства, собранных в Москве в августе 1916 г.⁸⁵ Исчерпанная и почти забытая история превращается в обвинение в адрес министра внутренних дел. Лучшим направлением для дискредитации власти, естественно, были опробованные на практике слухи о предательстве, лучшим поводом для этих слухов – встреча Протопопова с Максом Морицем Варбургом в Стокгольме.

⁷⁸ Русские ведомости. 1917. 4 февраля.

⁷⁹ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 63 об.

⁸⁰ Русские ведомости. 1917. 19 января.

⁸¹ Русские ведомости. 1917. 4 февраля.

⁸² АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. ЛЛ. 63 об. – 64 об.

⁸³ Русские ведомости. 1917. 21 января.

⁸⁴ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 64 об.

⁸⁵ Русские ведомости. 1917. 19 января; Утро России. 1917. 19 января; Новое время. 1917. 20 января.

Принципиально важным вопросом было, по мнению Олсуфьева то, что Варбург не являлся официальным представителем враждебного государства: «Вообще ни о каких германских дипломатах и помина не было, и беседа имела совершенно частный характер. Я настаиваю на этих обстоятельствах потому, что, как мне думается, все то преувеличенное внимание, которое вызвала в наших официальных кругах и обществе встреча А.Д. Протопопова с Варбургом объясняется несколько ее внешней официальной стороной. Всех интересовал вопрос, кто таков был сам Варбург, по чьему полномочию он выступал и при каких условиях происходил разговор. Действительно, беседа гамбургского банкира за чайным столом в небольшом кружке русских людей с формальной стороны не имеет больше значения, чем какая-нибудь случайная встреча с немцем в вагоне или беседа с военнопленным»⁸⁶.

Полное отсутствие каких-либо доказательств предательства, естественно, ни о чем не свидетельствовало. Более того, сделанные Олсуфьевым разъяснения, фактически подтверждавшие правоту слов Протопопова, но отрицавшие причастность к организации встрече русского посланника в Швеции (который был информирован о ее подготовке⁸⁷), были перетолкованы самым чудесным образом. 20 января Милюков так откомментировал их: «Для меня разоблачения гр. Д.А. Олсуфьева не были новостью, т.к. я сам имел случай указывать на «неточное» изложение А.Д. Протопопова и в частности на странность его ссылки, что будто бы наш посланник в Стокгольме г. Неклюдов просил его побеседовать с Варбургом, но, я должен признаться, я не ожидал, что на долю фантазии А.Д. Протопопова приходится так много, как это видно из письма Д.А. Олсуфьева»⁸⁸.

Итак, предатели и реакционеры демонстрировали готовность к исполнению агрессивных замыслов, их противники изображали покорность. 20 января 1917 г. московский ВПК заявил о своем присоединении к решению ЦВПК от 12 января⁸⁹. Внешне могло показаться, что комитеты готовы были капитулировать. 23 января 1917 г. Председатель ЦВПК «разрешил к размножению» 4 документа Рабочей группы: 1) Об административных преследованиях рабочих групп в Петрограде и других городах; 2) О переписке с Хабаловым; 3) Анкету о распространении института фабричных старост; 4) Анкету о сборах среди рабочих подарков для солдат.⁹⁰ На самом деле после массовых выступлений рабочих столицы в годовщину событий 9 января 1917 г., Рабочая группа ЦВПК призвала рабочих к однодневной забастовке в день открытия Думы, 14 февраля. Предполагалось организовать шествие к Таврическому

⁸⁶ Русские ведомости. 1917. 19 января.

⁸⁷ Эрицбергер М. Германия и Антанта. Мемуары. М.; Пг., 1923. С. 202; Necludoff A.[V.] Diplomatic reminiscences before and during the world war, 1911 – 1917. Lnd., 1920. P. 426.

⁸⁸ Русские ведомости. 1917. 20 января.

⁸⁹ Новое время. 1917. 20 января.

⁹⁰ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 64 об.

дворцу, а на демонстрации у здания Думы потребовать создания правительства «народного спасения»⁹¹.

24 января РГ распространила среди рабочих прокламацию со следующим призывом: «Рабочему классу и демократии нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения, вопросом существования рабочего класса и демократии... К моменту открытия Думы мы должны быть готовы на общее организованное выступление. Пусть весь рабочий Петроград к открытию Думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии. Вся страна и армия должны услышать голос рабочего класса. Только учреждение Временного правительства, опирающегося на организующийся в борьбе народ, сможет вывести страну из тупика и гибельной разрухи, укрепить в ней политическую свободу и привести к миру на приемлемых как для российского пролетариата, так и для пролетариата других стран, условиях»⁹².

«Вплоть до начала февраля, – писала 5 марта в своем первом номере восстановленная «Правда», – атмосфера стояла какая-то особенно нудная, душная, – уж подлинно, как перед грозой. Некуда была податься, почти нельзя было дышать. Невероятно возрастающая дороговизна, отсутствие то одного, то другого необходимого продукта страшно возбуждало массы. По заводам стали распространяться листки (без всякой подписи) с критикой политики государства и призывом к рабочим: направиться 14 февраля (день открытия Гос. думы) к Таврическому дворцу с требованием Временного правительства. На заводах стали устраиваться митинги, где выступали сторонники этого призыва – «гвоздечцы». Передают, что именно в связи с этим была арестована «Рабочая группа» при Центральном военно-промышленном комитете»⁹³. Нельзя не отметить неплохую информированность большевистского органа, впрочем, она легко объяснима.

Впрочем, из происходившего никто и не делал особого секрета. Обстановка в Петрограде тем временем становилась все более сложной. Настроение в рабочих районах накалялось. Распространялись слухи о пулеметах, которые полиция устанавливает на чердаках и пожарных каланчах, о росте арестов среди рабочих активистов и т.д. Нарастала готовность к выступлению⁹⁴. Увеличивалось количество стачек, начались столкновения с полицией. Генерал

⁹¹ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 262.

⁹² Стиридович А.И. Указ. соч. Нью-Йорк, 1962. Кн. 3. С. 42.

⁹³ Правда №№ 1 – 227. 1917 г. Полный текст под общей редакцией К.С. Еремеева, М.С. Ольминского, М.А. Савельева и М.И. Ульяновой. Л., 1927. Вып. 1. №№ 1 – 22. С. 6.

⁹⁴ Марков И. Как произошла революция (воспоминания рабочего) // Воля России. Прага. 1927. № 3. С. 67.

Глобачев представил министру внутренних дел доклад о действиях руководителей ЦВПК и Рабочей группы и испросил разрешения на арест Гучкова, Коновалова и членов группы. Протопопов, после колебаний, согласился только на арест Рабочей группы по ордерам военных властей⁹⁵.

Со своей стороны, провоцируя власти на аресты, Гучков готовился представить Рабочую группу как организацию, прежде всего заботящуюся о фронте и благе трудящихся. В ночь с 26 на 27 января 1917 г. в помещении Рабочей группы ЦВПК был произведен обыск, и в ту же ночь на своих квартирах было арестовано 10 из 11 ее членов. В ночь на 31 января арестовали последнего из них⁹⁶. «Арест рабочей группы произвел ошеломляющее впечатление на ЦВПК, – вспоминал генерал Глобачев, – и в особенности на Гучкова, у которого, как говорится, была выдернута скамейка из-под ног: связующее звено удалено и сразу обрывалась связь центра с рабочими кругами. Этого Гучков перенести не мог; всегда в высшей степени осторожный в своих замыслах, он в эту минуту потерял свое самообладание и, наряду с принятыми им мерами ходатайства об освобождении арестованных перед главнокомандующим Петроградского военного округа, рискнул на открытый призыв петроградских рабочих к протесту против якобы незаконного ареста народных избранников. По заводам и фабрикам рассылались об этом циркуляры ЦВПК за подписью его председателя А.И. Гучкова»⁹⁷.

29 января на заседании ЦВПК, где присутствовали представители партийных участников прогрессивного блока Гучков известил собравшихся об арестах. Он заявил о солидарности с политической деятельностью группы. Присутствовавший Вл. И. Гурко заявил о том, что к данному вопросу нельзя подходить только с юридической точки зрения. С протестом в защиту арестованных выступил в Думе А.И. Коновалов. Столичная общественность негодовала, эти настроения передавались и рабочим⁹⁸. В газетах было помещено сообщение о том, что арестованный Гвоздев болеет⁹⁹. Следует отметить, что либеральная пресса заняла весьма двусмысленную позицию по вопросу о рабочих группах. С одной стороны, их стремились представить, как совершенно необходимый инструмент для будущего, послевоенного экономического возрождения России¹⁰⁰.

Еще более они были нужны для контроля над рабочим движением в настоящее время: «Стремление к объединению за последнее десятилетие стало, несомненно, лозунгом рабочих масс, но для того, чтобы эти стремления не

⁹⁵ Спиридович А.И. Указ. соч. Кн. 3. С. 43.

⁹⁶ АВИМАИВиВС. Ф. 13. Оп. 87/1. Д. 137. Л. 64 об.

⁹⁷ Глобачев К.И. Указ. соч. // Вопросы истории. 2002. № 8. С. 62.

⁹⁸ Шляпников А.[Г.] Семнадцатый год. М., 1924. Кн. 1. С. 30, 33; Данилов Ю.Н. На пути к крушению. Очерки последнего периода Российской монархии. М., 2000. С. 226.

⁹⁹ Русские ведомости. 1917. 31 января.

¹⁰⁰ Русские ведомости. 1917. 1 февраля.

приобретали агрессивного, а подчас, может быть, даже революционного характера, нельзя загонять это движение в подполье, нельзя «выемкою» выборных людей ликвидировать такое стихийное явление, как движение в рабочей среде»¹⁰¹. По мнению коноваловской газеты, рабочие группы ВПК вполне справлялись с задачей контроля над рабочим движением, ведя борьбу с дезорганизацией труда, являясь фактически инструментом мобилизации труда, без которой невозможна и мобилизация промышленности¹⁰².

Со своей стороны, руководители военно-промышленных комитетов делали все возможное для того, чтобы показать свою заботу о рабочих. 31 января Гучков и Коновалов посетили главу правительства и в разговоре с ним попытались заступиться за арестованных. Голицын ответил отказом, сославшись на сообщение, сделанное в Совете министров Протопоповым¹⁰³. Министр внутренних дел верил, что предпринятый с его санкции шаг является достаточной гарантией от возможных волнений и был абсолютно спокоен. Значение ареста Рабочей группы ЦВПК было явно переоценено властями¹⁰⁴.

31 января последовало официальное сообщение о причинах случившегося: «Образовавшаяся в ноябре 1915 года в Петрограде при Центральном военно-промышленном комитете Рабочая группа избранных петроградскими рабочими уполномоченных, оказавшихся принадлежащим к революционным партиям, с самого начала открытия своей деятельности заняла обособленное в комитете положение и, вместо того, чтобы посвятить свои силы делу обороны страны, стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в Империи, поставив своей конечной целью превращение России в социал-демократическую республику. Подготовка рабочих масс, как это в настоящее время обнаружилось, велась последовательно, но настолько втайне, что если и можно было многое подозревать, то лишь о частном и второстепенном имелись положительные сведения. За последнее время участники сговора стали действовать смелее и настойчивее, в силу чего определились данные, уже не составляющие дальнейших сомнений в преступном и опасном характере организации»¹⁰⁵.

4 февраля «Русские ведомости» опубликовали переписку Хабалова и Гучкова по вопросу о Рабочей группе, предшествовавшей ее аресту. Демонстративная оппозиционность руководителя ЦВПК стала широко известной¹⁰⁶. 9 февраля 1917 г. было проведено заседание ЦВПК, на котором обсуждался арест Рабочей группы. Протокол заседания, опубликованный почти сразу же

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Русские ведомости. 1917. 31 января.

¹⁰⁴ Спиридович А.И. Указ. соч. Кн. 3. С. 43 – 44.

¹⁰⁵ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 31 января. № 198. С. 1.

¹⁰⁶ Русские ведомости. 1917. 4 февраля.

после Февральской революции, производит потрясающее впечатление. Очевидно, что возбуждение было настолько сильным, что выступающие не очень следили за логикой, нервозность их речей постоянно увеличивалась. Руководитель рабочего отдела ЦВПК П.П. Козакевич начал с утверждения о том, что вся деятельность группы сводилась исключительно к защите прав рабочих, к созданию профсоюзов и т.п.¹⁰⁷ Впрочем, удержаться в рамках защиты он не смог и вскоре сам перешел к наступлению.

Признав, что арестованные обсуждали вопрос о мире и занимались политическими вопросами, он заявил: «С точки зрения правительства политическая деятельность преступна, но с точки нашего правительства политическими преступниками являются и все здесь присутствующие, поскольку они вмешиваются в политическое положение. Больше того, в этом преступлении повинна вся страна. И когда правительство ведет страну к гибели, рабочие не могут не вмешиваться в политику. Борьба ведется сейчас в России всеми общественными силами, всеми классами, и не принять участия в ней рабочие не могут»¹⁰⁸. Выступление завершилось призывом к Думе и всем общественным организациям: «...нельзя отдать Рабочую группу на растерзание правительству, приведшему страну к ужасной внешней и внутренней катастрофе»¹⁰⁹. Разумеется, этот призыв был встречен бурными аплодисментами, а при дальнейшем обсуждении действий властей вновь прозвучали миллюковские слова «глупость или измена»¹¹⁰.

На следующий день под председательством Гучкова состоялось «многолюдное заседание» ЦВПК, на котором руководитель комитетов изложил историю Рабочей Группы и рассказал о том, что руководство ЦВПК сделало для нее. Речь получила полную поддержку слушателей, а выступивший вслед за Гучковым председатель Рабочей группы московского ВПК А.А. Федоров заявил, что рабочие твердо выступают против «мира во что бы то ни стало» и призвал обратиться к общественным организациям, Думе и «ко всей стране» с запросом о судьбе рабочего представительства в военно-промышленных комитетах. Предложение Гучкова одобрить работу ЦВПК было принято с одобрением¹¹¹. Казалось, что мечта лидера октябристов о контроле сверху начала осуществляться на практике, не смотря на то, с каким трудом начиналось ее воплощение в жизнь.

Влияние Рабочей группы на рабочих было все же немалым, и с ним должны были считаться и большевики, тем более, что накануне февральских событий их позиции в столице были крайне слабыми. Попытки действовать

¹⁰⁷ Известия Центрального военно-промышленного комитета. 1917. 30 марта. № 212. С. 2.

¹⁰⁸ Там же. С. 3.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Утро России. 1917. 10 февраля.

самостоятельно и организовать выступление рабочих к 10 февраля, т.е. к очередной годовщине суда над депутатами-большевиками, успеха не имели¹¹². Накануне Милюков призвал рабочих отказаться от выступления и не выходить на улицы¹¹³. Очевидно, сказалась и продемонстрированная властями готовность к действиям. Еще 8 февраля Хабалов обратился к рабочим столицы с воззванием. Генерал призывал их не поддаваться на призывы устроить демонстрацию в день открытия думской сессии и оставаться на рабочих местах. «Берегите нашу общую мать, нашу родину – Россию, – гласил этот документ. – Тем же, кто останется глух к моему обращению я напомню, что Петроград находится на военном положении и что всякая попытка насилия и сопротивления законным властям будет немедленно прекращена силой оружия»¹¹⁴.

Обращение Милюкова последовало за этим воззванием. Призывы к выступлению лидер кадетов назвал провокацией «темных сил». Коварная реакция только и ждала удобного случая, чтобы расправиться с либералами, но те, по его свидетельству, оставались начеку: «Общественной России известно, какие именно темные силы борются у нас с идеей народного представительства, от каких именно организаций только что вышла пресловутая петиция о разгоне Государственной думы. Эти темные силы мы смело ставим в непосредственную связь с теми силами, которые рассылают сейчас по заводам и фабрикам агентов-provokatorov, подстрекающих под маской членов Государственной думы рабочих к выходу на улицу»¹¹⁵.

Итак, к этим призывам, как убеждал Милюков, Дума не имела никакого отношения. Открестился от них и ЦВПК, благо на его заседании представитель Рабочей группы московского ВПК А.Ф. Федоров-Девяткин призвал воздержаться от эксцессов, вредных для дела обороны государства¹¹⁶. Точно такую же позицию занял и Родзянко. По его мнению, заявление Хабалова не имело никаких оснований, никто не обращал к рабочим призывов выйти на улицу. Впрочем, по его мнению, русские рабочие и сами прекрасно понимали, что происходит: «Я глубоко убежден, что все русские рабочие всех заводов и предприятий настроены вполне патриотично, и поэтому все эти слухи и предположения мне кажутся совершенно невероятными»¹¹⁷. Следовательно, власти не было никакой необходимости запугивать рабочих применением силы.

Демонстрация сорвалась, что, во всяком случае, не означало отказа от планов выступления. В искренность заверений Милюкова и Родзянко верится с трудом. Представляется, что можно доверять словам Гучкова, сказанным сразу же после Февраля в Петрограде, о ЦВПК, о его политике после ареста Рабочей группы: «И вот таким образом мы, мирная, деловая, промышленная,

¹¹² Спиридович А.И. Указ. соч. Кн. 3. С. 43.

¹¹³ Утро России. 1917. 11 февраля.

¹¹⁴ Утро России. 1917. 10 февраля.

¹¹⁵ Утро России. 1917. 11 февраля; Русские ведомости. 1917. 10 февраля.

¹¹⁶ Утро России. 1917. 11 февраля.

¹¹⁷ Русские ведомости. 1917. 14 февраля.

хотя и военно-промышленная организация, вынуждены были включить в основной пункт нашей практической программы переворот, хотя бы и вооруженный»¹¹⁸. Свое политическое кредо полу-искренно и полу-лживо Гучков изложил после победоносного февральского переворота: «В этот-то момент для русского общества, по крайней мере, для многих кругов русского общества и, в частности, для меня стало ясно, что как во внутренней жизни пришли мы к необходимости насильственного разрыва с прошлым и государственного переворота, так и в этой сфере, в сфере ведения войны и благополучного ее завершения, мы поставлены в то же положение. Идти прежним путем, значит привести войну к полной неудаче, может быть, не в форме какой-нибудь внезапной катастрофы, но в форме, я бы сказал, тягучего процесса изнурения страны, понижения одушевления и завершения всего этого плачевным бессилием, плачевной капитуляцией. Как в вопросах внутренней политики надо было руководящим классам прибегнуть к новым приемам, так и в вопросе ведения войны надо было ясно сознать, что рука об руку с существующей властью мы к победе не придем. Нужно было стать на путь государственного переворота. Надлежало искать тех путей, которые через государственный переворот привели бы к полному обновлению нашей жизни, и тех путей, которые могли бы довершить войну успешно и с выполнением поставленных ею задач. Вина, если говорить об исторической вине русского общества, заключается в том, что русское общество, в лице своих руководящих кругов, недостаточно сознавало необходимость этого переворота и не взяло его в свои руки, предоставив слепым стихийным силам, не движимым определенным планом, выполнить эту болезненную операцию»¹¹⁹.

Конечно, Гучков в последнем предложении лукавил. Он готовился к перевороту и готовил эти события. Ставка согласилась наблюдать, а ЦВПК, в лице своего руководителя, 15 февраля 1917 г. на всякий случай обзавелся документом («Деятельность Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета»¹²⁰), по характеру своему являвшим нечто среднее между оправданием и доносом на самих себя (неудивительная предусмотрительность, если учесть тот факт, что в это время императором рассматривалась возможность ареста Гучкова¹²¹). Можно было действовать дальше. Обстановка вдохновляла общественность к дальнейшим разговорам, и они становились все менее невинными.

В планы переворота были посвящены и представители Антанты в России. Для союзников вопрос о грядущей революции в России стоял довольно остро до донесения С. Хора от 20 января 1917 г. Тесные контакты с французским и

¹¹⁸ Гучков А.И. Речи по вопросам государственной обороны и об общей политике 1908 – 1917. Пг., 1917. С. 114.

¹¹⁹ ПЦР. М.; Л. 1926. Т. VI. С. 261.

¹²⁰ См.: К истории «Рабочей группы» при Центральном военно-промышленном комитете // КА. 1933. Т. 2 (57). С. 48 – 72.

¹²¹ ПЦР. Л., 1925. Т. IV. С. 89.

британским посольствами в России оппозиция установила с осени 1915 г. В мае 1916 г., после того, как вслед отставкой Поливанова выявилась новая линия в отношении финансирования общественных организаций, она впервые попыталась повлиять на власть через правительства и общественное мнение союзников¹.

Бокарева Л.С.

Св. Синод в феврале – начале марта 1917 г.

Революционные события в феврале 1917 г. протекали стремительно. Волнения в Петрограде не могли остаться незамеченными высшими иерархами Православной Российской Церкви, членами Святейшего Правительствующего Синода. Какова же была их реакция на происходящие изменения? И почему Св. Синод не встал на защиту монархии?

В зимнюю сессию 1917 года в состав Св. Синода входили: митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), он был первоприсутствующим членом Синода и имел право доклада императору с 1916 г.², митрополит Петроградский Питирим (Окнов), митрополит Московский Макарий (Невский), архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий), архиепископ Литовский Тихон (Белавин), архиепископ Гродненский Михаил (Ермаков), архиепископ Нижегородский Иоаким (Левицкий), архиепископ Черниговский Василий (Богоявленский) и протопресвитеры А.А. Дернов и Г.И. Шавельский³.

Стихийные беспорядки в Петрограде начались 23 февраля 1917 г., а 27 февраля на сторону восставших стали массово переходить части Петроградского гарнизона. Согласно протоколам заседаний Св. Синода, всю эту неделю проходили регулярные заседания. Здесь решались текущие дела, в основном бракоразводные, что легко проследить по определениям Св. Синода⁴. Обсуж-

¹ Гайда Ф.А. Указ. соч. С. 206, 210 – 211.

² 1 марта 1916 г. Николай II по докладу обер-прокурора А.Н. Волжина повелел, чтобы «на будущее время доклады обер-прокурора Св. Синода Его Императорскому Величеству по делам, касающимся внутреннего строя церковной жизни и существа церковного управления, совершались в присутствии первенствующего члена Св. Синода в целях всестороннего канонического их освещения» (РГИА Ф. 796. Оп. 209. Д. 2797. Л. 43). В «Московских ведомостях», называя Высочайшее повеление 1 марта «великим актом доверия», писала: «Из Петрограда сообщают, что в церковных кругах и в Синоде великий акт царского доверия переживается как светлый праздник, что А.Н. Волжин и митрополит Владимир получают отовсюду приветствия и выражения благодарности». (Великий акт доверия // Московские ведомости. 6 марта. 1916).

³ РГИА Ф. 796. Оп. 209. Д. 2831.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2831. Протоколы заседаний Синода от 8 – 27 февраля 1917 г. №№ 881 – 1206.

суждался и важный вопрос материального содержания приходского духовенства: на заседании 23 февраля 1917 г. были рассмотрены журналы комиссии по вопросу об улучшении содержания православного духовенства под председательством митрополита Петроградского Питирима, и определением Св. Синода за № 1132 был одобрен выработанный законопроект, согласно которому плата за обязательные требы отменялась при условии выплаты окладов из казны в размере: протоиереям и священникам 1800 руб. в год, для диакона 1200 руб. и для псаломщика 800 руб. в год¹. Работа шла в штатном режиме.

В конце февраля 1917 г. протопресвитер армии и флота Г. Шавельский характеризовал атмосферу, царящую в Св. Синоде, как «покой кладбища»². Вернувшийся из поездки товарищ обер-прокурора Св. Синода Н.Д. Жевахов 24 февраля 1917 г. застал в столице «необычайное возбуждение, которому, однако не придавал никакого значения»³. Он характеризовал настроение иерархов как «бодрое и спокойное: никто из них не выражал тревоги, и только один митрополит Московский Макарий передал, что его карета была застигнута на Невском толпою хулиганов, не желавших ее пропустить на Сенатскую площадь. Этот рассказ вызвал лишь остроты со стороны прочих иерархов, увидевших в этом эпизоде указание на то, что пришла пора старцу уйти на покой»⁴. Таким образом, иерархи не придавали особого значения происходящим в городе событиям.

Именно поэтому иерархи не выступили с обращением о поддержке правящей власти. Так, в своих воспоминаниях товарищ обер-прокурора Св. Синода князь Н.Д. Жевахов отмечал, что лично сам обратился на заседании Св. Синода 26 февраля 1917 г. к первоприсутствующему митрополиту Владимиру с предложением выпустить воззвание к населению – «вразумляющее, грозное предупреждение Церкви, влекущее, в случае слушания, церковную кару»⁵. Однако митрополит Владимир отказался, видимо, из-за обиды на царя в связи с его удалением на Киевскую кафедру в 1915 г. после громкого Тобольско-Варнавинского дела. Н.Д. Жевахов приписывает митрополиту Владимиру такие слова: «Это всегда так, когда мы не нужны, тогда нас не замечают; а в момент опасности к нам первым обращаются за помощью»⁶. И сам товарищ обер-прокурора Св. Синода объясняет отказ иерарха как сведение личных счетов и отмечает, что «митрополит, подобно многим другим, не отдавал себе отчета в том, что в действительности происходило»⁷.

¹ Там же. ЛЛ. 228 – 228 об.

² *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 1996. Т. 2. С. 173.

³ [*Жевахов Н.Д.*] Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н.Д. Жевахова. СПб., 2014. Т. 1. С. 380.

⁴ Там же. С. 381.

⁵ Там же. С. 386.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Исследователь А.В. Соколов, анализируя описанный эпизод о «памятном заседании Св. Синода», относит описываемые события не к 26 февраля, а к 27, в связи с тем, что 26 февраля было воскресенье, следовательно, не присутственный день¹. К тому же и определения Св. Синода датированы 25 февраля (определение за № 1192 «О разрешении въезда в Россию священника В. Кришиану, И. Кришиану, Д. Гиркояшу и диакону Ф. Симионову»²), далее 27 числом. Согласно журналам Синода в этот день он принял одно определение за № 1203: отправил в Крым председателя Центрального свечного комитета протоиерея Г.Я. Леончукова «для обследования вопроса о приобретении ведомством православного исповедания имения с виноделием, принадлежащего князю Горчакову»³. Это было последнее официальное заседание Св. Синода перед отречением Николая II.

27 февраля был образован Временный комитет Государственной думы и Петроградский совет рабочих депутатов. В первые дни революции Св. Синод оказался в хвосте событий, плохо понимая происходящее. С 27 февраля же начались аресты представителей царской администрации. И тут необходимо остановиться на аресте члена Св. Синода, одного из наиболее одиозных иерархов Православной Российской Церкви, имевшего репутацию «распутинца», митрополита Петроградского Питирима.

В дни Февральской революции 1917 г. Питирим находился в Петрограде. 28 февраля 1917 г., в резиденцию митрополита – в Александро-Невскую лавру – прибыл автомобиль с солдатами, которые предложили Питириму следовать в Государственную думу. По свидетельствам Н.Д. Жевахова (со слов митрополита Питирима) сделано это было по приказу А.Ф. Керенского, который и объявил митрополиту, что тот должен покинуть столицу. Его, задержанного «в качестве усердного слуги старого режима», через весь город везли под негодующие возгласы: «Ты помогал врагам народа»⁴. О событиях, происходящих в Таврическом дворце, сведения источников расходятся.

В Министерском павильоне митрополит Питирим беседовал со священником-депутатом С.А. Крыловым, который с некоторыми другими депутатами занимался приемом и размещением арестованных сановников, привозимых в Таврический дворец. Он склонил владыку написать прошение об оставлении митрополичьей кафедры⁵. Затем прошение было доставлено во Временный комитет Государственной думы, после чего Питирим вернулся в Лавру.

¹ Соколов А.В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 гг. СПб., 2015. С. 69.

² РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2831. ЛЛ. 263 – 263 об.

³ Там же. Л. 264.

⁴ Фруменкова Т.Г. Высшее православное духовенство в России в 1917 г. // Из глубины времен. СПб., 1995. №5. С. 75 – 76.

⁵ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 485.

По другой версии, Питириму навстречу вышел один из членов Государственной думы, который, попросив окружающих отнестись с уважением к сану преосвященного и дать ему дорогу, проводил Питирима в помещение ВКГД. Там его встретил член Думы В.М. Вершинин, заявивший, что ВКГД распоряжения о его аресте не давал, и думский Комитет ему предоставит возможность безопасно вернуться в свою обитель. Однако, видимо, опасаясь за свою жизнь, владыка попросил разрешения остаться в Таврическом дворце до утра. Член ВКГД В.Н. Львов проводил Питирима в Министерский павильон. Через некоторое время митрополит передумал и перед отъездом в Лавру подал председателю Государственной думы М.В. Родзянко заявление об увольнении на покой¹. Вернувшись в Александро-Невскую Лавру, Питирим первым делом сжег личные бумаги: высочайшие грамоты, рескрипты на его имя, письма царя и царицы. 2 марта митрополит Питирим отправил прошение об увольнении на покой членам Св. Синода.

После 27 февраля 1917 г. в отсутствие действующего обер-прокурора официальных заседаний Св. Синода не собиралось, деятельность высшего церковного управления фактически остановилась. 2 марта 1917 г. состоялось «частное совещание» в покоях Московского митрополита Макария, присутствовали помимо самого Макария, митрополит Киевский Владимир (Богоявленский), архиепископы Финляндский Сергей (Страгородский), Новгородский Арсений (Стадницкий), Нижегородский Иоаким (Левицкий) и протопресвитер А. Дернов, а также настоятель Казанского собора протоиерей Ф. Орнатский. Главным вопросом обсуждения стало прошение об увольнении на покой митрополита Петроградского Питирима², его приняли к сведению. Хотя этот вопрос можно было отложить до следующего официального заседания, однако, они делать этого не стали, видимо, здесь сыграло отношение к митрополиту Питириму других членов Св. Синода, всегда державшихся к нему в оппозиции.

Другим значимым вопросом было решение наладить связь с Временным комитетом Государственной думы. 3 марта 1917 г. собрались уже в покоях Киевского митрополита Владимира, о резолюции Св. Синода было сообщено новому правительству: был направлен не иерарх, а священник одной из кладбищенских церквей.

4 марта 1917 г. вновь возобновились официальные заседания Св. Синода. На этом первом заседании присутствовал новый обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов, бывший бессменный председатель комиссии по делам Православной Церкви в IV Государственной думе. На первом заседании В.Н. Львов торжественно провозгласил членам Св. Синода «о предоставлении Православной Российской Церкви полной свободы в ее управлении, сохраняя за собой

¹ Впечатления очевидца. Сообщение члена Государственной думы А.М. Александрова // Крымский вестник. 1917. 15 марта.

² Митрополит Питирим // Северное утро. 1917. 16 марта.

лишь право останавливать решение Св. Синода в чем-нибудь несогласные с законом и нежелательные с политической точки зрения»¹. По требованию нового обер-прокурора из зала заседаний было вынесено в архив царское кресло, что должно было свидетельствовать о начале новой жизни. Причем князь Н.Д. Жевахов, ссылаясь на слова не называемого им очевидца этого события, утверждал, что кресло было вынесено непосредственно обер-прокурором, которому помогал один из церковных иерархов, член Св. Синода².

5 марта 1917 г. митрополитом Питиримом было написано прошение об уходе уже на имя первоприсутствующего члена Синода митрополита Киевского Владимира³. Определением Св. Синода (№ 1213 от 6 марта 1917 г.) митрополит Питирим увольнялся на покой согласно его прошению «с разрешением поселиться в пределах Владикавказской епархии в обители на горе Бештау или в подворье того же монастыря в Пятигорске»⁴, при этом митрополиту назначалось «пособие по 4000 руб. в год с выдачей пособия помесечно из средств Св. Синода»⁵. Вопрос же о пенсии митрополиту Питириму предполагалось обсудить особо.

6 марта 1917 г. Св. Синод также принял определение за № 1207 «Об обновлении в православных храмах актов 2 и 3 марта 1917 г.», т.е. непосредственно «Акта об отречении Николая II от престола государства российского за себя и за сына в пользу великого князя Михаила Александровича» от 2 марта 1917 г. и «Акта об отказе великого князя Михаила Александровича от восприятия верховной власти» от 3 марта. Св. Синод постановил «принять к сведению и исполнению» означенные акты и «объявить во всех православных храмах в городских в первый по получению текста сих актов день, а в сельских в первый воскресный или праздничный день после божественной литургии с возглашением многолетия богохранимой Державе Российской и благоверному Временному Правительству ее»⁶. В епархии разослали телеграммы от имени первенствующего члена Св. Синода митрополита Киевского Владимира с новой формулировкой поминовения⁷.

Также в этот день было принято определение за № 1215 «Об установлении новой формы определений и указов Св. Синода», из преамбулы убрано «По Указу его императорского величия»⁸.

7 марта 1917 г. Определением Св. Синода за № 1223 была образована комиссия по исправлению богослужебных книг под председательством архиепископа Финляндского Сергия (Страгородского), ей поручалось произвести

¹ В Св. Синоде // Петроградские ведомости. 1917. 15 марта.

² Жевахов Н.Д. Указ. соч. Т. 2. С. 722.

³ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Отд. I. Стол 5. Д. 34а. Л. 1.

⁴ Там же. Оп. 209. Д. 2832. Л. 11а.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 2а.

⁷ Там же. Оп. 204. Д. 54. Л. 40.

⁸ Там же. Оп. 209. Д. 2832. Л. 13.

изменения в богослужебных чинах и молитвословиях соответственно с прошедшей переменой в государственном управлении¹. Но, не дожидаясь решения этой комиссии, в этот же день Св. Синод принял определение за № 1226 «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома»², которым всему российскому духовенству предписывалось «во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома, возносить моление «О богохранимой Державе Российской и благоверном Временном правительстве ее»³. Стоит обратить внимание на меткое наблюдение, сделанное историком С.Л. Фирсовым, что стремление сохранить прежнюю «форму» и предопределило тот факт, что многолетие предписывалось провозглашать временному институту власти⁴.

Составленный синодальной комиссией по исправлению богослужебных книг подробный перечень богослужебных изменений был рассмотрен Синодом 18 марта 1917 г., упоминание о царствующем доме заменялось на «благоверное Временное правительство»⁵. Причем в определении за № 1599 отмечалось, что «перепечатка подлежащих соответствующему изменению мест вызовет большой расход, комиссия пришла к заключению о необходимости напечатать соответствующие изменения для каждой богослужебной книги на отдельных листах, которые и вкладывать в книги при продаже их»⁶.

Также 7 марта было принято решение об удалении на покой архиепископа Тобольского и Сибирского Варнавы (Накропина) согласно ранее поданному прошению еще в феврале 1916 г. с назначением его управляющим, на правах настоятеля, Высокогорскою пустынью Нижегородской епархии и назначением пособия из средств Св. Синода в размере 1000 руб. в год⁷. На Тобольскую кафедру был назначен епископ Гермоген (Долганов). Выбор в пользу противника Варнавы епископа Гермогена хоть и был красноречивым всеобщего одобрения не встретил, отмечалось, что «о Варнаве двух мнений быть не может. Это такой же проходимец, как и Распутин. Но Гермоген – почище Варнавы! И вдвое опаснее. Потому что умнее и образованнее»⁸.

Митрополит Владимир посетил председателя Государственной думы М.В. Родзянко и выразил от имени всего духовенства полное удовлетворение действиями Временного правительства. Митрополит Владимир заявил, что в решении церковных вопросов Св. Синод будет придерживаться духа думских

¹ Там же. Л. 19.

² Там же. Л. 16в.

³ Там же.

⁴ Фирсов С.Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 490.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2833. Л. 70об.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 16б.

⁸ Свеницкий В. Почище Варнавы // Маленькая газета. 1917. 10 марта.

пожеланий¹. При этом данное заявление митрополита Владимира расценивалось как «акт явной неискренности»², который производил тяжкого впечатление, так как сам митрополит еще в недавнем времени был «убежденным врагом Государственной думы и всех церковных реформ»³.

Вопрос о предстоящих церковных преобразованиях был затронут и на заседании Св. Синода и вызвал конфликт между иерархами и обер-прокурором. 7 марта обер-прокурор В.Н. Львов объявил членам Св. Синода, что Временное правительство постановило поручить обер-прокурору представить правительству проекты значительных церковных преобразований: реформа православного прихода, переустройство епархиального управления и пр. Св. Синод решил обсудить вопрос о разработке этого закона, на что В.Н. Львов ответил, что закон будет вырабатываться им единолично, без участия членов Синода и что к этой работе он уже приступил⁴. Стоит отметить, что В.Н. Львов еще при выработке законодательной программы прогрессивного блока на заседании президиума 9 ноября 1915 г. В.Н. Львов выступал за то, чтобы вопрос о приходе был включен в программу, с его слов записано П.Н. Милюковым: «Приход, по предложению А.А. Папкова»⁵. В.Н. Львов вступил в прогрессивный блок в августе 1915 г. Из шести списков будущего правительства, составленных и опубликованных в 1915 г., он в качестве кандидата в обер-прокуроры Св. Синода фигурировал в четырех⁶. Будучи председателем комиссии по делам Православной Церкви в марте 1916 г. принимал самое активное участие в обсуждении законопроекта о реформе православного прихода.

8 марта 1917 г. шестеро членов Св. Синода подписали обращение, в котором указывали на то, что, поверив обещаниям о даровании свободы в делах церковных, провозглашенной обер-прокурором на торжественном заседании Св. Синода 4 марта 1917 г., в свою очередь «Св. Синод во всем пошел навстречу этим обещаниям, совершил акты, необходимые по мнению правительства для успокоения умов»⁷. В то время как 7 марта 1917 г. обер-прокурор дал ясно понять, что «обер-прокурор не только остается фактическим хозяином и начальником, как при прежнем режиме, но оказывается на неопределенный срок до созыва Собора и безапелляционным вершителем церковных дел»⁸. Осознавая произошедшую коренную перемену в отношениях государственной власти к Церкви, подписавшие члены Св. Синода снимали с себя

¹ Митрополит Владимир у М.В. Родзянко // Современное слово. 1917. 8 марта.

² *Свеницкий В.* Церковь просится в рабство // Маленькая газета. 1917. 9 марта.

³ Там же.

⁴ О деятельности последнего обер-прокурора В.Н. Львова // Церковность. 1917. 6 августа.

⁵ Прогрессивный блок в 1915 – 1917 гг. // Красный Архив. 1932. Т. 3. (52). С. 169.

⁶ *Фруменкова Т.Г.* К биографии В.Н. Львова // Из глубины времен. 1997. № 9. С. 92.

⁷ В Св. Синоде // Петроградские ведомости. 1917. 15 марта.

⁸ Там же.

всякую ответственность «за все мероприятия, какие Временное правительство или единолично обер-прокурор найдут нужным провести в церковном управлении»¹. Подписались: архиепископ Финляндский Сергей, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким, архиепископ Черниговский Василий.

9 марта Святейший Правительствующий Синод обратился с посланием «К верным чадам Православной Российской Церкви по поводу переживаемых ныне событий», подписали обращение: митрополит Киевский Владимир, митрополит Московский Макарий, архиепископ Финляндский Сергей, архиепископ Новгородский Арсений, архиепископ Литовский Тихон, архиепископ Гродненский Михаил, архиепископ Нижегородский Иоаким, архиепископ Черниговский Василий и протопресвитеры А.А. Дернов². В нем был призыв оставить распри и несогласия, довериться Временному правительству и оказывать ему помощь в деле «водворения новых начал государственной жизни»³. При этом послание начиналось так: «Свершилась воля Божия. Россия вступила на путь новой государственной жизни. Да благословит Господь нашу великую Родину счастьем и славой на ее новом пути»⁴. Фактически Синод официально провозгласил начало «новой государственной жизни» России, а революционные события объявил, как свершившуюся «волю Божию». По сведениям газет, текст обращения был составлен самим обер-прокурором В.Н. Львовым, а Св. Синодом был лишь одобрен⁵, и иерархи поставили под ним свои подписи. Вместе с тем ранее сообщалось, что «текст послания выработывается митрополитом Киевским Владимиром, архиепископом Новгородским Арсением и обер-прокурором В.Н. Львовым»⁶. Данное послание должно было быть прочитано одновременно с прочтением актов об отречении от престола Николая II и отказа от престола великого князя Михаила Александровича⁷.

В газете «Церковность» помимо текста самого послания в этом же номере разместили «Постановление московского столичного Совета благочинных», в котором также содержался призыв «подчиниться Временному правительству, поддерживать Временное правительство»⁸, и обращение к пастве редактора газеты И. Восторгова. Целый номер был посвящен разъяснению отношения Православной Российской Церкви к произошедшим событиям. Так, И.

¹ Там же.

² РГИА Ф. 796. Оп. 209. Д. 2832. Л. 75 об.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 75.

⁵ Послание Св. Синода // Современное слово. 1917. 11 марта.

⁶ Послание Св. Синода // Современное слово. 1917. 8 марта.

⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2832. Л. 74.

⁸ Постановление московского столичного Совета благочинных // Церковность. 1917. 12 марта.

Восторгов давал подробные обоснование о причинах принятия новой власти: «Отрекшись от престола, бывший наш государь передал законным порядком власть своему брату. В свою очередь, отрекшись от власти до окончательного решения Учредительного собрания, брат государя законным порядком передал власть Временному правительству и тому правительству постоянному, которое дано будет России Учредительным собранием»¹.

Обер-прокурор Св. Синода В.Н. Львов стремился удалить не только Петроградского митрополита Питирима, но и другого «распутинца» митрополита Московского Макария. В газетах сообщения о том, что Макарий по распоряжению В.Н. Львова уволен на покой появились еще 7 марта². Чтобы убедить 80-летнего архиерея подписать прошение об увольнении на покой, Львов, «явившись в сопровождении солдат в покои митрополита Макария, дерзко, с неприличными окриками и угрозами потребовал от него прошения об отставке»³. В результате Макарий сдался и подписал, но «Св. Синод протестовал против насилия обер-прокурора над митрополитом Макарием и вернул последнему поданное им под давлением Львова прошение об увольнении на покой»⁴. Обер-прокурор В.Н. Львов направился в Москву, где всячески стал агитировать против митрополита Макария. С 12 по 15 марта 1917 г. В.Н. Львов находился в Москве. 13 марта должно было состояться заседание Св. Синода, но в виду того, что обер-прокурор В.Н. Львов задержался в Москве, заседание было отложено на 14 марта⁵.

13 марта 1917 г. вышло обращение Св. Синода к Временному правительству с заявлением о том, что архиереи находят образ действий нового обер-прокурора «неканоничным и незаконным»⁶. Это постановление Св. Синода осталось без рассмотрения, хотя и было представлено Временному правительству⁷. Весь март 1917 г. В.Н. Львов отчаянно пытался укрепиться в своем ведомстве.

В итоге митрополит Макарий был уволен на покой, согласно определению Св. Синода за № 1661 от 20 марта 1917 г., с «оставлением его в звании члена Св. Синода и с назначением ему местопребывания в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии»⁸, также ему назначалось ежегодное пособие по 5000 руб. из средств Николо-Перервинского монастыря, вопрос

¹ Восторгов И. Два слова по поводу текущих событий // Церковность. 1917. 12 марта.

² В Синоде // Петроградская газета. 1917. 7 марта.

³ О деятельности последнего обер-прокурора В.Н. Львова // Церковность. 1917. 6 августа.

⁴ Там же.

⁵ В Св. Синоде // Современное слово. 1917. 14 марта.

⁶ Постановление Св. Синода // Петроградские ведомости. 1917. 15 марта.

⁷ О деятельности последнего обер-прокурора В.Н. Львова // Церковность. 1917. 6 августа.

⁸ РГИА. Ф. 796. Оп. 209. Д. 2833. Л. 135.

же о пенсии из казны в размере 6000 руб. должен был быть решен Временным правительством.

Событиям, происходящим в феврале 1917 г., Св. Синод еще не придавал особого значения, и поэтому не предпринимал никаких шагов, именно этим объясняется и отказ от составления воззвания к верующим, и шутки над случаем с задержанием машины митрополита Московского Владимира 24 февраля 1917 г. Св. Синод в столице ждал вступления в права нового обер-прокурора и до этого ничего не предпринимал, в то время как епископы на местах ждали руководящих распоряжений от Св. Синода. Молчание Св. Синода, то, что он не выступил в защиту самодержавия, было не связано с личной симпатией или антипатией епископов к монархии, речь идет о логике подчинения начальству, признания законной власти.

Св. Синод признал власть Временного правительства законной и призвал довериться ей, выступал за то, чтобы власть была сильной. Была разработана форма молитвы за власть, выпущено воззвание в поддержку Временного правительства.

Светская власть в лице обер-прокурора по-прежнему вмешивалась в дела Церкви, и более того считала, что Православная Российская Церковь не в состоянии самостоятельно провести необходимые преобразования и решить вопрос созыва Поместного Собора.

Румянцев А.Г.

«Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность?

Принято считать, что Февральская революция в Петрограде, несмотря на участие в ней десятков тысяч людей, была «бескровной» и не сопровождалась разгулом анархии, актами вандализма и пр. Впервые подобное суждение высказал тогдашний министр юстиции А.Ф. Керенский¹, а впоследствии с легкой руки С.П. Мельгунова тезис о «бескровной революции» прочно вошел в отечественную историографию². Незначительным признается и количество пострадавших. Первоначально регистрационно-справочное бюро Всероссийского союза городов и объединенного студенчества называло цифру в 1382

¹ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 509.

² Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 97.

человека, которая впоследствии была увеличена до 1656 человек¹. В настоящее время, считается, что в февральские дни 1917 г. пострадало 1315 человек².

Не вдаваясь в дискуссию, велики или нет были жертвы «бескровной» революции, и насколько они были занижены³, отметим, что символом Февраля 1917 года стала ликвидация прежних органов правопорядка, что сопровождалось разгромом полицейских участков, сожжением архивов, убийствами городских, жандармов и агентов сыска⁴. Такие акции превратились в своеобразную «охоту», когда толпа вылавливала полицейских чинов и расправлялась с ними⁵. По столице прокатилась волна обысков, связанных с поиском укрывшихся полицейских и тайников с оружием. Описывая подобные случаи, бывший начальник Петроградского охранного отделения К.И. Глобачев резюмировал: «те зверства, которые совершались взбунтовавшейся чернью в февральские дни по отношению к чинам полиции, корпуса жандармов и даже строевых офицеров, не поддаются описанию», – сравнив их с действиями большевистских «чрезвычайек»⁶.

Думается, однако, что К.И. Глобачев несколько сгустил краски. Негативное в целом отношение общества к институту полиции далеко не всегда автоматически переносилось на всех служителей правопорядка. В февральские дни 1917 года в целом ряде случаев рядовые жители столицы укрывали полицейских, спасавшихся от бесчинств толпы. Впоследствии же, при разбирательстве дел арестованных служителей правопорядка в особых следственных отрядах, им нередко давались положительные характеристики⁷. Да и сама по-

¹ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде в дни февральской буржуазно-демократической революции 1917 года // Академик Волобуев П.В. Неопубликованные работы. Воспоминания. Статьи. М., 2000. С. 75; Николаев А.Б. Отрезанные головы Февральской революции // 90 лет Февральской революции. Сб. научн. ст. / Отв. сост. А.Б. Николаев. СПб., 2007. С. 33.

² Мартынов Е.И. Царская армия в Февральском перевороте // Мартынов Е.И. Политика и стратегия / Ред. совет серии: С.В. Степашин (пред.) и др. М., 2003. С. 222.

³ См.: Николаев А.Б. Отрезанные головы. С. 33 – 42; его же. Революция и власть. С. 72, 469 – 470; Мельников А.В. К проблеме выявления персонального состава жертв Февральской революции в Петрограде // 90 лет Февральской революции. С. 43 – 58.

⁴ Петроград на переломе эпох. Город и его жители в годы революции и гражданской войны. СПб., 2000. С. 75; Николаев А.Б. Революция и власть. С. 466.

⁵ Аксенов В.Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: Дисс. ... к. ист. н. М., 2002. С. 39.

⁶ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

⁷ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских накануне февральской революции // Journal of Modern Russian History and Historiography. Boston, Leiden, 2012. Vol. 5. № 1. P. 11, 38.

лиция не была «темной, реакционной силой», верной существовавшему режиму, как это обычно считалось в отечественной историографии¹. Скорее следует говорить о росте аполитичности, появлении среди служителей правопорядка значительного числа лиц, сочувствующих либеральным, или даже радикальным идеям. Это было связано с размытием кадрового состава петроградской полиции в годы Первой мировой войны, когда на службу привлекались нередко малограмотные выходцы из крестьянства². Ухудшению качественного состава правоохранительных органов столицы также способствовала и реформа полиции, проведенная в 1916 г. министром внутренних дел А.Д. Протопоповым. Предполагаемое увеличение штатов полиции и введение образовательного ценза натолкнулись на практике с недостатком подготовленных кадров, в результате чего пустующие вакансии замещались неподготовленными, а порой, и случайными лицами³. Тяготившиеся своим положением, многие служители правопорядка были вынуждены трудиться за «кусок хлеба» без социальных гарантий, явственно ощущая на себе негативное отношение общества. В своих настроениях они выражали безысходность, недовольство службой и существующим режимом. Некоторые полицейские высказывали стремление сменить место службы и вернуться к земле, а в случае революции выражали готовность присоединиться к восставшим⁴. И действительно, в февральские дни часть петроградской полиции оказалась в рядах революционеров, в том числе, и по идейным соображениям⁵.

Тем не менее, переход части служителей правопорядка на сторону революции не был воспринят народом и не получил общественной поддержки. Погромные настроения в отношении правоохранительных органов все же преобладали. Несмотря на то, что многие современники февральских собы-

¹ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде / Отв. ред. А.Л. Фрайман. Л., 1967. Кн. 1. С. 65, 77; Минц И.И. История Великого Октября. М., 1977. Т. 1. С. 472; Пушкарева И.М. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России / Отв. ред. В.Я. Лаврычев. М., 1982. С. 164, 179. См. обзор отечественной историографии на данную тему: Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских. Р. 2 – 5.

² Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских. Р. 16 – 17, 22 – 26, 31 – 32.

³ Романов К.С. Накануне Февральской революции: А.Д. Протопопов и реформа полиции // 90 лет Февральской революции. СПб., 2007. С. 7 – 15.

⁴ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских. Р. 16 – 17, 22 – 26, 31 – 32.

⁵ Николаев А.Б. Под красным флагом. Петроградская полиция в дни Февральской революции // Межвузовская научная конференция «Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии». Сб. докладов, 16 ноября 2012 г. СПб., 2013. С. 38 – 50.

тий видели в «охоте» на полицейских лишь некую шутку, выражавшую добродушно-игривое настроение толпы¹, в целом, следует отказаться от изображения тех дней как безобидного действия, сопровождавшегося революционным творчеством народных масс. Очевидно, кровавые акции имели под собой обывательское неприятие правоохранительных органов, которое подогревалось многочисленными преступниками, освобожденными в ходе революции. Жандармов, полицейских, городских «узнавали» в любом обличье, и неудивительно, что бывшие полицейские на почве мании преследования активно пополняли контингент больниц для душевнобольных². Прокатившаяся по Петрограду волна погромов и убийств сопровождалась также разгромами ряда церквей. В этой связи вполне справедливо утверждается, что общественное мнение однозначно обвиняло духовенство в причастности к уличным обстрелам и укрывательству полицейских³.

Все эти действия приобрели столь широкий резонанс, что по провинции, многократно усиливаясь, распространились известия о кровавых революционных событиях в столице. Так, известный тихвинский краевед И.П. Мордвинов указывал в своем дневнике, что, по слухам, в Петрограде было убито свыше 6 тыс. человек, а в районе Путиловского завода происходило подлинное избиение рабочими полиции под лозунгом «Нам – собачья жизнь, вам – собачья смерть»⁴. Некоторые члены Исполкома Архангельского совета рабочих и солдатских депутатов считали, что в Петрограде было убито до 15 тыс. человек⁵. Несмотря на явно преувеличенные масштабы жертв, в том числе и среди полицейских, очевидным является вывод о том, что результатом Февральской революции стал полный демонтаж прежней правоохранительной системы. Все это породило всплеск преступности, охватившей Петроград в 1917 году⁶.

В связи с уничтожением в дни Февральской революции существовавшей ранее системы охраны и поддержания порядка весьма актуальным является изучение вопроса о применении полицией пулеметов. Представляется, что это обстоятельство в значительной мере способствовало развернувшейся «охоте» на полицейских как «акта возмездия» со стороны восставших. Несмотря на то, что отечественная историография, в целом, отрицает использование пулеметов полицией⁷, вопрос остается нерешенным по сей день. Как

¹ Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 39.

² Там же. С. 43.

³ Соколов А.В. Разгром православных храмов в Петрограде во время февральских событий 1917 г. // Вопросы истории. 2014. № 8. С. 153 – 161.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2253. Оп. 1. Д. 1. Л. 203.

⁵ Николаев А.Б. Отрезанные головы. С. 33.

⁶ Петроград на переломе эпох. С. 75 – 76.

⁷ Волобуев П.В. По поводу числа убитых и раненых в Петрограде. С. 76; Булдаков В.П. Февраль наоборот // Новая газета. 2012. 29 февраля; Старков Б.А. Февральский излом 1917 года // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2007. № 4. С. 38.

свидетельствуют источники тех дней, столица в февральские дни 1917 года была переполнена подобными слухами¹. Это не только озлобляло местное население, но также укрепляло в умах петроградских обывателей убеждение в том, что царское правительство само спровоцировало февральские беспорядки с тем, чтобы, подавив выступление народа, перейти к открытой реакции. С этой целью, якобы, заранее на крышах города были расставлены пулеметы². Людская молва, как и периодическая печать, приписывала подобную инициативу министру внутренних дел А.Д. Протопопову³.

Вопрос о применении полицией пулеметов попал в поле зрения и Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Учрежденная 5 марта 1917 г. по предложению министра юстиции А.Ф. Керенского, Комиссия под председательством Н.К. Муравьева занималась расследованием «противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств». 7 апреля 1917 г. Комиссия направила предписание прокурору Петроградской судебной палаты собрать во всех участковых комиссариатах и отрядах милиции достоверные сведения о стрельбе с крыш из пулеметов и ружей в дни Февральской революции⁴. В двух томах дела «о противозаконных действиях высших должностных лиц в борьбе с февральской революцией и использованием полицией пулеметов» под руководством командированного для производства следствия члена Комиссии В.О. Южвик-Компанейца были собраны копии протоколов допросов высших должностных лиц «старого» режима, а также многочисленные, порой противоречащие друг другу, показания очевидцев событий. Подшитые в хронологическом порядке, эти разнообразие свидетельства впоследствии никак не проверялись. В результате осталось множество расхождений в показаниях, недомолвок, как по мелким случаям, так и по таким крупным происшествиям как разгром гостиницы «Астория», носившей тогда наименование «Петроградская военная гостиница»⁵.

Прежде всего, следует обратить внимание на протоколы допросов высших должностных лиц «старого» режима, в которых шла речь об использовании полицией пулеметов⁶. Любопытно, что в протоколах допроса главного подозреваемого, бывшего министра внутренних дел А.Д. Протопопова какие-

¹ См., напр.: *Шляпников А.Г.* Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. Кн. 1 – 2. С. 70 – 71; *Философов Д.В.* Дневник (17 января – 30 марта 1917 г.) // Звезда. 1992. № 1. С. 200.

² *Аксенов В.Б.* Указ. соч. С. 39 – 40.

³ *Руднев В.М.* Правда о русской царской семье и темных силах // Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг.: Сб. материалов / Сост. Л.А. Лыкова. М., 1998. С. 156 – 157.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 487. Оп. 1. Д. 2529. Л. 30.

⁵ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441, 442.

⁶ ПЦР. Л., 1924 – 1927. Т. I – VII.

либо упоминания подобного рода отсутствуют. Наиболее ценными в этой связи оказываются показания бывшего начальника Петроградского военного округа генерал-лейтенанта С.С. Хабалова, данные им на допросе в Петропавловской крепости 22 марта 1917 г. На прямой вопрос председателя Комиссии С.С. Хабалов заявил, что впервые услышал о пулеметах от А.Ф. Керенского, который, якобы, указывал, что они были установлены на крышах столицы по приказу некоего генерала Гордон¹.

Отрицая какую-либо причастность к расстановке пулеметов, бывший начальник Округа пытался переложить ответственность на Главное артиллерийское управление. Он прямо заявил: «Откуда мне их дать? В моем распоряжении могли быть пулеметы только в частях войск, да и то гвардейских. Гвардейские пулеметы подчинены мне не были, как начальнику гарнизона, а в остальных частях они были подчинены инспектору войск»². Тем более С.С. Хабалов отрицал свою какую-либо осведомленность о передаче пулеметов полиции, полагая, что этого, попросту, не было³.

Похожее мнение высказывал и допрошенный 19 апреля 1917 г. бывший военный министр, генерал М.А. Беляев. На вопрос председателя он заявил: «Относительно пулеметов [начальник Петроградского военного округа] ничего не говорил... Во всяком случае, я лично думаю, что генерал Хабалов мне бы сказал, если бы это было сделано по военному ведомству». В своих показаниях М.А. Беляев упомянул также, что наблюдал пулеметную стрельбу со здания на углу Кирпичного пер. и наб. р. Мойки, недалеко от здания Генерального штаба. Основным же отличием показаний М.А. Беляева от свидетельств С.С. Хабалова было акцентирование внимания следствия на применение пулеметов полицией. Бывший военный министр заявил, что, по слухам, на здании Азовского-Донского банка и на колокольне Исаакиевского собора находились полицейские пулеметчики⁴.

Протоколы допросов других лиц не проясняют ситуацию. Также ничего не дал осмотр членами Комиссией документов, изъятых из Канцелярии Отдельного корпуса жандармов⁵. Лишь из показаний бывшего начальника штаба Петроградского военного округа генерал-майора М.И. Тяжелникова следовало, что 26 февраля 1917 г. бывшим начальником Округа было дано распоряжение о присылке в столицу из офицерской стрелковой школы в Ора-

¹ ПЦР. Л., 1924. Т. I. С. 210. Личность генерала Гордона вызывает многочисленные сомнения. Ни среди армейских генералов, ни среди чинов МВД она не фигурирует. Адресно-справочная книга «Весь Петроград» на 1916 – 1917 гг. также не упоминает генерала Гордона. Среди офицеров русской армии на 1916 – 1917 гг. числилось семеро Гордонов, но никто из них генералом не являлся (РГВИА. Ф. 409 (Картотека офицеров)).

² ПЦР. Т. I. С. 211.

³ Там же. С. 207.

⁴ Там же. Л., 1925. Т. II. С. 234.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 13 – 24.

ниенбауме двух рот пулеметного полка с 24 пулеметами. Пулеметы были доставлены утром 27 февраля, частично были переданы в отряд А.П. Кутепова¹, другие же остались при градоначальстве². Возможно последние, по признанию С.С. Хабалова, были установлены в ночь с 27 на 28 февраля в здании Адмиралтейства, однако к полудню 28 февраля были брошены³.

Первоначально следствие придерживалось версии об использовании в дни Февральской революции пулеметов противовоздушной обороны столицы, о чем свидетельствовал сам С.С. Хабалов. Он заявил: «может быть, в этот день 27-го эти противоаэропланные пулеметные батареи стреляли против жителей. А, может быть, они стреляли и против правительственных войск. Может быть, они начали стрелять потому, что в них стали стрелять. Господь их ведает!»⁴ Версию об использовании таких пулеметов озвучил и начальник штаба противовоздушной обороны Петрограда, подполковник А.В. Бениксон. Он заявил членам Комиссии, что пулеметы, найденные на крышах домов, были даны им А.Д. Протопоповым, первоначально, для стрельбы по аэропланам, а затем – переданы городовым для стрельбы по населению столицы⁵.

Как известно, противовоздушная оборона Петрограда была организована 30 ноября 1914 г. на основании «Инструкции по воздухоплаванию», объявленной командующим 6-й армией с целью «обороны столицы от нападения воздушного флота». Инструкция была введена в действие 8 декабря 1914 г., а руководителем службы был назначен начальник Офицерской электротехнической школы, генерал-майор Г.В. Бурман. Как следует из показаний его непосредственного начальника С.С. Хабалова, противовоздушная оборона столицы, включенная в единую систему обороны Петрограда и Царского села, состояла как из серии наблюдательных пунктов, снабженных прожекторами и радиостанциями, так и из противоаэропланов и пулеметных батарей⁶.

Прежде всего, Комиссией была осмотрена карта противовоздушной обороны Петрограда, о чем свидетельствует протокол от 31 марта 1917 г., состав-

¹ Из показаний С.С. Хабалова следует, что этот отряд был сформирован 27 февраля и состоял из двух рот л.-гв.Кексгольмского полка, двух рот л.-гв. Преображенского полка, роты стрелков Его императорского величества, а также пулеметной роты и эскадрона драгун 9-го запасного полка. Всего под командованием полковника А.П. Кутепова оказалось 6 рот, полтора эскадрона и 15 пулеметов. Впрочем, отряд действовал неэффективно и, по признанию С.С. Хабалова, куда-то растворился (ПЦР. Т. I. С. 198).

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 275.

³ ПЦР. Т. I. С. 205.

⁴ Там же. С. 212.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 3.

⁶ ПЦР. Т. I. С. 212.

ленный под руководством В.О. Ювжик-Компанейца. О ней в своих показаниях упомянул С.С. Хабалов, заявив следствию: «на эти воздушные батареи есть план у того же генерала Бурмана, где все нанесено и где сказано, где сколько стоит»¹. Этот план, подписанный 26 июня 1916 г. генерал-майором Г.В. Бурманом и начальником его штаба, подполковником А.В. Бениксоном, и был прислан членам Комиссии помощником начальника штаба Петроградского военного округа, полковником Генерального штаба Ф.И. Балабиным. В документах дела его самого не сохранилось, но из протокола осмотра следует, что план (карта) «состояла из бумажных склеенных 14 квадратных листов и двух обрезков таковых». На ней была показана территория, ограниченная с запада Ораниенбаумом и Кронштадтом, с севера – Сестрорецком и Парголово, с востока – слободой Пороховых заводов и местностью Славянка, и с юга – Царским селом. Красными кружками на ней были отмечены артиллерийские «воздухобойные» батареи, а синими – пулеметы. Исходя из данных карты, в Петрограде насчитывалось 16 батарей и 7 пулеметов, а Царское село охраняли 4 батареи и 3 пулемета. Из всех пулеметов, охранявших небо Петрограда, лишь два находились в центральной части города – у Зимнего дворца и у Варшавского вокзала². Третий пулемет находился на Васильевском острове, «против устья р. Фонтанки». Остальные четыре пулемета были расположены на окраинах города – у платформы Скачки близ Новой Деревни, у Артиллерийской лаборатории вблизи ст. Пискаревка, у дер. Волково и на Путиловском заводе³.

Любопытно сравнить данные протокола осмотра карты с теми показани-ями, которые Г.В. Бурман давал Комиссии 1 апреля 1917 г. Из них следует, что уже осенью 1915 г. в центральной части города было оборудовано три пункта противовоздушной обороны – на здании Балтийского судостроительного и механического завода, у штаба Петроградского военного округа и в Николаевском кавалерийском училище. Впоследствии такие же пункты были организованы на Комендантском аэродроме, при Путиловском заводе, на складе Нобеля у Волковского кладбища, складах Городка огнестрельных припасов. Каждый из них был снабжен артиллерийским оружием и двумя пулеметами системы «Максим» со специальными установками для стрельбы по воздушным целям⁴.

Очевидны значительные расхождения между данными плана противовоздушной обороны и свидетельствами Г.В. Бурмана. Прежде всего, в показаниях последнего не указано точное число пунктов и количество артиллерийских батарей. Возможно, следствие и не ставило перед собой такой задачи. А

¹ Там же.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 49.

³ Там же. ЛЛ. 49 – 50.

⁴ Там же. ЛЛ. 51 – 52.

вот общее число пунктов, снабженных пулеметами, по данным карты и по показаниям Г.В. Бурмана совпадает. Однако при их локализации следует учитывать, что под обозначением «пулемет» на карте следует понимать перечисленные Г.В. Бурманом пункты, снабженные пулеметами. В протоколе присутствуют и многочисленные неточности при указании мест расположения пулеметных точек. Полностью совпадает лишь описание такого пункта при Путиловском заводе. Указание на Васильевской остров, «против устья р. Фонтанки» может означать противовоздушный пункт у Балтийского завода. Пункт у Зимнего дворца идентифицируется с таковым же у штаба Петроградского военного округа, а склад Нобеля у Волковского кладбища – с указанием на карте дер. Волково. Под складом Городка огнестрельных припасов может пониматься Артиллерийская лаборатория у ст. Пискаревка, а Комендантский аэродром, действительно, располагался вблизи ст. Скачки. Наконец, Николаевское кавалерийское училище находилось напротив Варшавского вокзала через Обводный канал. Таким образом, к Февралю 1917 году в Петрограде существовало 7 пунктов противовоздушной обороны, располагавших 14 пулеметами. Они находились у Зимнего дворца (охраняя также штаб округа), у Балтийского и Путиловского заводов, у склада Нобеля вблизи Волковского кладбища, при Артиллерийской лаборатории у ст. Пискаревка, на Комендантском аэродроме и при Николаевском кавалерийском училище.

В своих показаниях Г.В. Бурман категорически утверждал, что не получал приказов от С.С. Хабалова на передачу пулеметов полиции¹. Он также признал, что если артиллерийские орудия в февральские дни 1917 года остались нетронутыми, то многие пулеметы были сняты со своих мест. Далеко не все пулеметы противовоздушной обороны столицы подлежали централизованному учету, да и не все такие пункты организовывались исключительно соответствующей службой. Так, в 1915 – 1916 гг. пункты противовоздушной обороны были организованы на таких предприятиях как Обуховский сталелитейный завод² или Сестрорецкий оружейный завод³; инструкции на случай налета вражеских самолетов были разработаны на Петроградском трубочном⁴ и Ижорском заводах⁵. Сам Г.В. Бурман утверждал, что пулеметы на здании Николаевского кавалерийского училища были установлены по инициативе его начальника и являлись «собственностью училища». После Февральской революции они бесследно исчезли. Как следует из показаний, неизвестными солдатами и рабочими были сняты и увезены также 12 пулеметов службы

¹ Там же. Л. 53.

² Там же. Ф. 1267. Оп. 15. Д. 128.

³ Там же. Ф. 1290. Оп. 1. Д. 3405; Оп. 5. Д. 6.

⁴ Там же. Ф. 1173. Оп. 1. Д. 226. ЛЛ. 669 – 670.

⁵ Там же. Ф. 1348. Оп. 1. Д. 3158-а. ЛЛ. 301 – 302 об.; Д. 3188. Л. 44.

противовоздушной обороны и 7 пулеметов батальона Петроградской крепостной артиллерии¹. Как видно, даже упоминаемое число «снятых» пулеметов превышает те 14 штук, которые были заявлены начальником противовоздушной обороны.

Как следует из показаний Г.В. Бурмана, организация службы противовоздушной обороны также оставляла желать лучшего. Изначально при таких пунктах должны были находиться дежурные посты, в том числе, и в дни Февральской революции. Однако начальник пулеметной команды, прапорщик Энгель-Крон в период с 17 февраля по 7 марта 1917 г. находился в отпуске, и его замещал прапорщик Поляков, подчинявшийся командиру батальона Петроградской крепостной артиллерии. Симптоматичным также является указание Г.В. Бурмана на то, что жертв среди дежурных постов не было². Из всего этого можно предположить, что в дни Февральской революции прямое руководство службой противовоздушной обороны не осуществлялось, а дежурные посты далеко не всегда находились на своих местах. В такой ситуации пулеметы могли оказаться бесхозными.

Однако одних пулеметов службы противовоздушной обороны было явно недостаточно, чтобы объяснить устойчивые слухи среди населения Петрограда об использовании их полицией. Так, 17 апреля 1917 г. В.О. Ювжик-Компанейцем, в присутствии генерал-майора от артиллерии, известного конструктора В.Г. Федорова было осмотрено оружие, захваченное восставшими в дни революции. Часть его находилось в Таврическом дворце, а часть – на Петроградском артиллерийском складе. Всего оказался в наличии 61 пулемет, главным образом, системы «Максим», несколько пулеметов системы «Кольт», а также германского и австрийского производства. Обнаружилось множество винтовок, три ружья-пулемета систем Гочкиса и Мадсона, запасные стволы, станки и замки к пулеметам и прочее вооружение³. Наличие большого числа пулеметов в Таврическом дворце подтверждались показаниями управляющего делами Военной комиссии ВКГД, зауряд-капитана А.А. Чиколини. Он предположил, что пулеметы могли быть доставлены в Таврический дворец из Арсенала или ГАУ⁴. Действительно, по воспоминаниям очевидцев, утром 27 февраля в ходе взятия здания ГАУ находившееся там имущество было брошено на произвол судьбы⁵. Возможно, это – лишь небольшая часть оружия, оказавшаяся в февральские дни 1917 года в руках восставших. Как заявил генерал-майор А.С. Потапов, «при расстановке мною войск на

¹ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 51.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 240.

⁴ Там же. Л. 79. А.А. Чиколини, зауряд-капитан 86-й Вологодской пешей дружины Государственного ополчения, член Военной комиссии ВКГД, в начале марта 1917 г. подписывался помощником военного министра (*Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 599).

⁵ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 173 – 174.

Варшавском, Балтийском и Царскосельском вокзалах у них оказалось множество пулеметов, отобранных у сторонников старого режима»¹.

Помимо протоколов допросов бывших должностных лиц «старого» режима и осмотра образцов вооружения, в материалах дела фигурируют многочисленные свидетельские показания, как тех, кто видел или изымал пулеметы, так и сторонних наблюдателей, жителей домов, откуда велся пулеметный огонь и пр. Большинство протоколов допросов короткие, не более полутора листов, но встречаются и пространные. Также в деле имеются списки солдат различных частей, снимавших пулеметы с крыш и чердаков зданий. Так, по свидетельству командира запасного батальона л.-гв. Кексгольмского полка полковника Гапонова, его подчиненными было снято 16 пулеметов, в т.ч. со здания гостиницы «Астория», у Московских триумфальных ворот, с крыши Спасо-Преображенского собора и пр.² Из показаний солдата 2-й роты запасного батальона л.-гв. Финляндского полка И.И. Литвинова от 10 апреля 1917 г., следует, что при осмотре Исаакиевского собора 1 марта 1917 г. им с товарищами было обнаружено 8 пулеметов и 23 пулеметные ленты, а также арестовано 11 полицейских³.

Если суммировать эти и другие свидетельства, то может сложиться впечатление, что полиция и жандармерия, вооруженная пулеметами «до зубов», была способна по приказу подавить любое выступление. Однако протоколы допросов арестованных городских демонстрируют растерянность и отсутствие единого центра по координации действий⁴. Так, бывший городской, потомственный почетный гражданин П.Н. Бухтеев, арестованный 28 февраля на своей квартире солдатами и студентами, на допросе заявил, что «еще 26 февраля во 2 уч. Литейной части наш пристав, капитан Прямухин велел нам итти по домам, т.к. военные взяли в свои руки власть»⁵, а бывший городской, крестьянин Вольнской губ. М.И. Рудницкий, опасаясь за свою жизнь, две ночи подряд, с 27 февраля по 1 марта, провел в Государственной думе⁶. Как представляется, возбужденные, а порой истерические настроения народных масс из-за возможного подавления революции сочетались с реакцией на очаговое сопротивление представителей правоохранительных органов. Упоминаемый нами выше бывший городской П.Н. Бухтеев заявил на допросе, что его вместе с другими арестованными городскими спас от расправы находившийся в толпе студент⁷.

Из протокола допроса бывшего старшего помощника пристава 1-го участка Адмиралтейской части В.А. Штенгеля следовало, что уже утром 27

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 78.

² Там же. Л. 85.

³ Там же. Л. 104.

⁴ Там же. Д. 442. ЛЛ. 36 – 45.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Там же. Л. 42.

⁷ Там же. Д. 442. Л. 43.

февраля 1917 г. были убраны все посты городских, а сами они, переодевшись в штатское, попрятались от возможной расправы в казармах¹. Этому предшествовал приказ пристава, подполковника В.Ю. Эгарда не стрелять в толпу и не сопротивляться войскам. Сам же пристав попытался собрать своих подчиненных и вместе с ними добровольно явиться в Государственную думу, однако в итоге пришел туда в одиночку утром 28 февраля 1917 г.² Как можно полагать, причиной неявики подчиненных В.Ю. Эгарда стало то, что вечером 27 февраля начался пулеметный обстрел казармы, где находились городовые. Действия нападавших были неплохо скоординированы: так, один из пулеметов был установлен на крыше дома по Невскому пр. и обстреливал ул. Гоголя, а другой – Кирпичный пер., т.е. оба выхода из казармы оказались под огнем³. Вероятно, именно об этих пулеметах свидетельствовал военный министр М.А. Беляев⁴, а также дворник А.Ф. Ляпишев, проживавший по Морской ул., д. 16. Допрошенный 27 апреля 1917 г., он сообщил командированному члену Комиссии А.А. Спичакову-Заболотному, что 27 февраля видел, как на углу Морской ул. и Кирпичного пер. были поставлены два пулемета с командой, которые на следующий день были подавлены броневедомobileм⁵. Эти показания подтверждаются сведениями о том, что в течение 27 и 28 февраля 1917 г. вооруженные отряды рабочих и солдат, посылаемые Военной комиссией ВКГД для занятия Телефонной станции и других объектов, несколько раз попадали под перекрестный обстрел со стороны арки Главного штаба и Кирпичного пер. За пулеметами, по слухам, находились переодетые полицейские, которым удалось даже захватить броневедомobile восставших⁶. Однако дворник это фактически отрицал, заявляя: «я знал полицейских чинов участка, в районе коего находился наш дом, но никого из них я не признал в людях в военной форме»⁷. Если же учесть, что неподалеку находился пункт противовоздушной обороны, прикрывавший Зимний дворец и штаб Петроградского округа, то можно аккуратно предположить, что пулеметы были сняты именно оттуда и их использовали военнослужащие, оставшиеся верными престолу.

Настроения же полицейских весьма красочно передают показания В.А. Штенгеля: «Никто не был осведомлен. Говорили разные слухи, будто, как теперь выясняется, пулеметы привозили в гробах в церкви и после уже ставили на колокольни... Ведь из-за этих пулеметов озлобленная толпа, считая виновником полицию, уничтожила все имущество, и некоторые даже были убиты. И по своему глубокому убеждению, я скажу, что полиция ничего не знала о пулеметах, т.к. их поставили на крыши домов в последние дни, когда полиция

¹ Там же. ЛЛ. 282 – 283.

² Николаев А.Б. Под красным флагом. С. 44 – 45.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 282 – 283.

⁴ ПЦР. Т. II. С. 234.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 87 – 88.

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 217 – 218, 240.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 87 – 88.

была снята со своих постов и сидела в казармах»¹. Оправдывая действия полиции, В.А. Штенгель добавлял: «ходили слухи, что из пулеметов стреляли нижние чины, присланные на усиление штатов полиции, некоторые высказывали предположение, что все это было организовано на немецкие деньги, но правда только одна, что наружная полиция из пулеметов не стреляла и снятые с крыш домов пулеметчики в форме городских – не были городскими»².

Действительно, в последние дни февраля 1917 г. организованное сопротивление полиции было уже подавлено. К утру 28 февраля 1917 г., когда Военная комиссия ВКГД отдала приказ на разоружение полиции, из 47 участков не менее половины уже было захвачено восставшими. В тот же день были заняты здание Департамента полиции и штаб Отдельного корпуса жандармов³. Уже с 27 февраля 1917 г. началось бегство полицейских и жандармов из столицы, которое продолжалось вплоть до 3 марта 1917 г.⁴ Все это объясняет ту растерянность и беспокойство за свою жизнь и жизнь своих близких, которые царили среди полицейских в последние дни февраля 1917 г. Нервное напряжение было таково, что некоторые из них открывали стрельбу в воздух, обычно в целях самообороны. Так, из показаний пулеметчика 11-й роты 1-го пулеметного Революционного запасного полка А.И. Винокурова следует, что 1 марта 1917 г. его с группой однополчан попросил арестовать переодетый городской, дабы избежать суда толпы. По призыву местных жителей А.И. Винокуров с товарищами отправился на Петроградскую сторону, к неустановленному дому, откуда доносилась редкая стрельба. «Когда мы добрались до чердака этого дома, то оттуда послышался голос: «ради Бога, заберите нас отсюда». На чердаке оказалось семеро перепуганных городских «в вольной одежде» и два пулемета с 8 – 10 лентами. Как специалист, А.И. Винокуров уверенно заявил следствию, что пулеметы не были приготовлены для стрельбы. Сами же городские не смогли ответить на вопрос, как они оказались на чердаке, и «были очень взволнованы». Они признались, что произвели 7 – 8 выстрелов, не в людей, а без всякой цели. Городских задержали и посадили в грузовик, и вместе с пулеметами отвезли в Государственную думу⁵.

Это свидетельство выглядит весьма показательным. Оно демонстрирует, что, помимо отрядов на броневиках, формируемых Военной комиссией ВКГД для подавления сопротивления сторонников «старого режима»⁶, существовали также отдельные группы восставших, наводившие в столице «революционный порядок». Совершенно неясно, как в случайном доме оказываются переодетые городские с двумя пулеметами. Можно лишь предположить, что

¹ Там же. ЛЛ. 282 – 283.

² Там же.

³ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 240.

⁴ Там же. С. 258 – 259.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. ЛЛ. 106 – 107.

⁶ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 194, 222 – 224.

группа городских, снятых со своих постов не позднее 27 февраля, переоделась в штатское и захватила два бесхозных пулемета. Скрываясь от бесчинств толпы, городские были загнаны на чердак одного из домов, откуда открыли беспорядочный огонь в целях самообороны. В страхе за свою жизнь, они, сделав несколько выстрелов, сумели заранее вынуть пулеметную ленту и вернуть пулемет (пулеметы) в исходное положение.

Наиболее ценными в этой связи являются показания от 7 апреля 1917 г. генерал-майора А.С. Потапова, прибывшего в Петроград из действующей армии 25 февраля 1917 г. Он заявил, что являлся свидетелем того, как солдаты снимали пулеметы с крыш и чердаков домов, в частности, по Бассейной ул., д. 58 или 60, и в ряде домов по Суворовскому пр. На 8-й Рождественской ул. он также наблюдал арестованных после вооруженного сопротивления семейных городских с пулеметами. Как и многие другие, генерал-майор А.С. Потапов указывал, что ружейно-пулеметная стрельба по прохожим раздавалась на Кирочной и Морской ул., на Литейном пр., Исаакиевской пл. и в других местах. Он также свидетельствовал о дворниках, убитых восставшими за то, что те отрицали наличие пулеметов на крышах домов. А.С. Потапов прямо заявил: «считаю, что распределением пулеметов и их установкой руководили лица, малоавторитетные в пулеметном деле, чем и объясняю малые потери, понесенные от их действия восставшими войсками. По-видимому, общего командования ими не было, и пулеметы действовали врозь и зря. Мне кажется, что некоторые полицейские стреляли в целях личной обороны»¹.

Как представляется, генерал-майор А.С. Потапов дал весьма исчерпывающую характеристику использования полицией пулеметов. В его показаниях просматривается и другой, ранее не отмеченный момент: невозможность четко отличить частую ружейную стрельбу от пулеметной. Так, одним из первых 12 марта 1917 г. Комиссия приняла заявление от железнодорожников Николаевского вокзала о том, что 28 февраля, уже после его занятия революционными войсками², с чердаков главного здания велся интенсивный обстрел «приезжающей публики». После пяти залпов ответного огня восставшим удалось несколько жандармов, в том числе начальник жандармского отделения Николаевского вокзала, подполковник Плетнев³. Однако из позднейшего свидетельства вольноопределяющегося 6-й батареи 46-й артиллерийской бригады С.Ф. Шешко от 7 апреля 1917 г. выяснилось, что в толпу было произведено несколько выстрелов, «похожих, по моему мнению, на учащенную стрельбу из ружей системы Маузера»⁴. Не менее известным стал случай с «обнаружением» пулеметов на здании Мариинского театра. Так, по свидетель-

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 78.

² Николаев А.Б. Революция и власть. С. 218.

³ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. ЛЛ. 1 – 2.

⁴ Там же. Л. 77.

ству присяжного поверенного Петроградской судебной палаты Г.А. Алексева от 8 апреля 1917 г. он присутствовал при обстреле 27 февраля толпы, громящей Литовский замок. Огонь велся из здания театра, причем свидетель явно видел «молодых людей с чердака и дуло пулемета»¹. Наэлектризованная толпа тотчас же пыталась взять приступом Мариинский театр, под крышей которого ясно видели торчащие дула пулеметов, однако вскоре выяснилось, что за них были ошибочно приняты концы вентиляционных труб². Тем не менее, вообще отрицать факт обстрела не приходится.

Также следствием были собраны свидетельства очевидцев о разгроме гостиницы «Астория». Как известно, она была взята штурмом отрядом Военной комиссии ВКГД под руководством поручика Чеченского полка А.Ф. Орла и матросами 2-го Балтийского флотского экипажа 28 февраля 1917 г.³ Имеющийся в деле показания председателя Комитета по управлению гостиницей, генерала от инфантерии П.И. Ползикова от 27 апреля 1917 г. уточняют наше представление о произошедшем. П.И. Ползиков сообщил следствию, что утром 28 февраля он из окна гостиницы наблюдал, как по Морской улице с музыкой «в полном порядке» проходили матросы 2-го Балтийского флотского экипажа. Неожиданно очевидец «услышал страшный крик толпы и увидел, как матросы рассыпались в разные стороны». Ими был открыт ответный огонь по окнам нижнего этажа, а вскоре ворвавшиеся с толпой матросы арестовали П.И. Ползикова и обследовали чердак, откуда, по их мнению, велась стрельба. Генерал как мог оправдывался перед следствием, заявляя: «пулеметов на чердаке не было и не могло быть, потому что таких распоряжений администрация гостиницы не делала, а посторонние не могли туда прийти, в виду строгого контроля, существующего в гостинице, и мною все три двери чердака были заперты... Кроме того, само расположение слуховых окон на чердаке гостиницы таково, что обстрел на близком расстоянии прилегающей к гостинице площади невозможен. С прилегающих домов проникнуть на крышу гостиницы возможно только со здания страхового общества «Россия», но и то с большим трудом и риском, причем едва ли при этом было бы возможно принести пулемет»⁴.

Как видно из показаний П.И. Ползикова, он пытался снять с себя какую-либо ответственность за обстрел матросов, послуживший поводом к разгрому гостиницы. Просматривается явная попытка умолчания: бывший председатель охотно рассказывает об отсутствии пулеметов на чердаках, тогда как стрельба велась из нижних этажей. Вероятнее всего, речь шла об одиночных выстрелах в толпу из окон номеров гостиницы тамошними постояльцами. А вот пулеметов в «Астории», пожалуй, действительно не было. Об этом, как и

¹ Там же. Л. 98.

² Аксенов В.Б. Указ. соч. С. 40.

³ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 258 – 259.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 85.

об отсутствии задержанных городовых, сообщали также рядовой 1-го запасного пехотного полка А.Т. Белобородов, командированный в гостиницу для носки угля и дров, солдат того же полка С.К. Руденко, работавший в машинном отделении и другие свидетели¹. При этом, как и в случаях с городовыми, П.И. Ползиков пытался выставить себя жертвой революции, заявив, что после ареста «на Морской, в то время, когда мы с конвойными прошли здание Министерства земледелия, нас обстреляли из пулеметов, по-видимому, с верху здания страхового общества «Россия» или с соседнего дома». Он также заявил, что 27 февраля 1917 г. наблюдал из окна гостиницы, «как солдаты тащили на веревочке по Мариинской площади к зданию Министерства земледелия два или три пулемета пехотного образца. От служащих в гостинице я слышал, что некоторые из них, кто именно, не помню, видели пулеметы на крыше Исаакиевского собора»².

В конечном итоге, следствию не удалось доказать вину высших должностных лиц «старого режима» в передаче пулеметов полиции, как и вообще использование ею пулеметов. Об этом, в частности, сообщал командированный в Комиссию товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда В.М. Руднев: «ни одного полицейского пулемета не было не только на крышах домов, но и на улицах, причем, вообще, никаких пулеметов на крышах домов не стояло, кроме ограниченного числа пулеметов, поставленных с самого начала войны на некоторых высоких домах для защиты от налета неприятельских воздушных машин»³.

Единственным обвиняемым по делу о применении пулеметов стал бывший начальник полицейского резерва В.В. Левисон. Финн по национальности, он родился в 1869 г. и происходил из дворян Ковенской губернии. Начав службу в 1887 г. юнкером в армейской пехоте, В.В. Левисон с 1893 по 1917 гг. служил в полицейском резерве столичной полиции. Являлся теоретиком полицейского дела, перу которого принадлежало «Пособие для приготовления на должности классных и околоточных надзирателей с.-петербургской столичной полиции». Дослужился до звания подполковника, в 1916 г. он был назначен начальником Петроградского полицейского резерва⁴. Не выдержав обвинений, В.В. Левисон покончил с собой 21 апреля 1917 г., застрелившись на Смоленском лютеранском кладбище⁵. Накануне гибели он послал письмо судебному следователю Комиссии, в котором заявлял: «я клянусь Вам всем для меня дорогим, что я ничего о пулеметах не знаю и никакого отношения к ним, если они в действительности существовали, не имел»⁶. Высокая оценка

¹ Там же. ЛЛ. 91 – 92.

² Там же. Л. 85.

³ Руднев В.М. Указ. соч. С. 156 – 157.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 690.

⁵ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 441. Л. 269.

⁶ Там же. Д. 442. Л. 104.

деятельности начальника полицейского резерва была дана его бывшим руководителем, генерал-майором В.Ф. Галле, обвиняемом в обучении полицейских стрельбе из пулеметов¹. Отрицая свою причастность к делу о применении пулеметов, В.Ф. Галле заявил: «Левисон – человек безукоризненный, честнейший, либеральных воззрений [одно из клише революции – А.Р.], но твердый и человек долга»². Как представляется, в материалах дела нет прямой связи между самоубийством В.В. Левисона и ходом расследования. Тем не менее, с мая 1917 г. количество допросов становится единичным, после чего дело заглохло само собой.

Фактически, следствие сделало круг и вернулось к первоначальной версии об использовании пулеметов из средств противовоздушной обороны. Это, впрочем, никак не объясняет их значительное число, изъятое в ходе революционных событий. Как представляется, наиболее интенсивное использование пулеметов пришлось на 27–28 февраля, и с этими днями совпадает появление в Петрограде двух рот из Ораниенбаумской офицерской стрелковой школы. Любопытно также отметить, что по распоряжению помощника главного начальника Петроградского военного округа Н.В. Плеве от 24 января 1917 г. столичным градоначальством была предпринята попытка ареста имущества Русского акционерного общества «Пулемет»³. Само общество, учрежденное в 1913 г. С.Г. Лианозовым и Ф.К. Шифлером для эксплуатации собственных заводов по Глухоозерской ул., д. 10 и М. Дворянской ул., д. 19, занималось изготовлением оружия и военного снаряжения, станков, снарядов и приборов, а также выполнением военных подрядов⁴. Однако вскоре выяснилось, что комиссия во главе с подпоручиком 1-й запасной бригады тяжелой артиллерии Г. Конради, прибыв по указанному адресу по Сердобольской ул., д. 2-д, реквизирувало имущество не Сердобольского механического завода, также входившего в состав предприятий общества «Пулемет», а имущество Акционерного общества «Радиотелеграф»⁵. Не утверждая наверняка, можно предположить, что таким образом столичная полиция накануне решающих событий в столице пыталась получить в свое распоряжение пулеметы.

Однако основным содержанием последних дней февраля 1917 года стало появление в столице значительного числа бесхозных пулеметов. Их находили как в зданиях, ранее занимаемыми различными учреждениями, как в случае с

¹ Николаев А.Б. Настроения и политические взгляды петроградских полицейских. Р. 33.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. Л. 166.

³ Там же. Ф. 569. Оп. 12. Д. 1745. Л. 1.

⁴ СУ. 1914. Отд. II. № 46. Ст. 362. Устав был утвержден Николаем II 13 сентября 1913 г., опубликован 13 марта 1914 г. В состав правления, располагавшегося на Захарьевской ул., д. 13 входили: председатель С.Г. Лианозов, члены правления: Д.И. Лианозов, С.П. фон Миних, кн. К.М. Шаховской и директор-распорядитель Ф.К. Шифлер. Основной капитал составлял 5 млн. руб.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 12. Д. 1745. Л. 5.

ГАУ, так и в расположении воинских частей. К слову сказать, отдельные пулеметы находили вплоть до начала мая 1917 г., о чем свидетельствуют показания младшего дворника Е.Д. Круглова, обнаружившего 6 мая 1917 г. пулемет в подвале дома по Лиговской ул., д. 44¹. Освидетельствованный 9 мая 1917 г. в помещении арсенала 1-го подрайона Московского комиссариата на углу Колокольной ул. и Поварского пер., он оказался пулеметом германского образца за № 1742 1914 г. выпуска в ржавом, поврежденном состоянии².

В конечном итоге, Комиссия пришла к выводу, что изъятые в ходе революции пулеметы принадлежали воинским частям. Как представляется, в последние дни Февраля 1917 года пулеметный огонь открывали, главным образом, оставшиеся верные престолу части, как это было при попытке взятия восставшими казарм Гвардейского экипажа (угол Екатерингофского пр., д. 18 и наб. Крюкова кан., д. 13) или 2-го Балтийского флотского экипажа (ул. Благовещенская, д. 7)³. В некоторой степени бесхозные пулеметы использовались самими восставшими для подавления очагового сопротивления сторонников «старого» режима. И лишь на третье место следует поставить использование пулеметов петроградской полицией.

Селезнев Ф.А.

*Царский генерал и революционная контрэлита: обстоятельства назначения Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (2 марта 1917 года)*⁴

С точки зрения теории элит Февральская революция стала результатом раскола правящего класса царской России, часть которого, чтобы предотвратить действительную или мнимую угрозу заключения Николаем II сепаратного мира с Германией пошла на союз с революционной контрэлитой.

В любой революции есть переходный период, когда происходит замена старой элиты на новую. В это время возможен резкий карьерный рост отдельных политиков и военных. Подобное возвышение произошло и с генералом Л.Г. Корниловым. После вступления в должность главнокомандующего Петроградским военным округом он превратился в важную политическую фигуру.

Главный вопрос, который стоял в это время перед страной, был вопрос о войне с Германией. Члены Временного правительства были нацелены на её продолжение вместе с союзниками по Антанте. Однако солдаты Петроградского гарнизона, восстание которых смело царский режим, не имели никакого

¹ Там же. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 442. ЛЛ. 233 – 234.

² Там же. Л. 273.

³ Николаев А.Б. Революция и власть. С. 222 – 224.

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Российские контрэлиты и вопрос о сепаратном мире с Германией (1914 – 1918)», проект № 14-01-00032.

желания отправиться из столицы на фронт. Они были заинтересованы в скорейшем заключении мира. Главными врагами для них были не германцы, а собственные офицеры. В дни революции солдаты их просто убивали. В начале марта самые политически подкованные из них нацелились на то, чтобы лишить офицеров дисциплинарной власти, а сами их должности сделать выборными. Чтобы обуздать столичный гарнизон Л.Г. Корнилов и был поставлен командовать Петроградским военным округом. Таково единодушное мнение мемуаристов и историков. Кто, однако, стоял за этим назначением? По этому поводу в историографии нет единого мнения, поскольку существуют довольно серьезные разночтения в источниках.

В.И. Старцев следовал за версией, изложенной в тексте «Из воспоминаний А.И. Гучкова», опубликованном русской эмигрантской газетой «Последние новости» (Париж) в 1936 году. В нем от имени Гучкова было написано: «Для того чтобы прибрать к рукам петербургский гарнизон, я вызвал с фронта генерала Корнилова, которого Временное правительство назначило командующим Петербургским военным округом»¹. Названный текст на основе стенограмм бесед Н.А. Базили с А.И. Гучковым составил видный деятель кадетской партии В.А. Оболенский, сотрудничавший с «Последними новостями». Сами эти стенограммы, с ценными комментариями С.М. Ляндреса и А.В. Смолина, были опубликованы в 1993 году. Как сообщают Ляндрес и Смолин, Оболенский подверг текст стенограмм «значительным изменениям, как по содержанию, так и по толкованию отдельных сюжетов, объем сокращен почти вполвину»².

Так получилось, поскольку в ходе бесед Базили и Гучкова разговор перекакивал с темы на тему, потом возобновлялся с возвращением к прежним сюжетам. В частности, о назначении Корнилова на Петроградский военный округ Гучков вспоминал дважды. Оболенский соединил два этих эпизода. Впрочем, в данном случае смысл был передан практически без искажения.

Впервые указанной темы А.И. Гучков коснулся в интервью, данном 5 ноября 1932 года. Он, обозначив основные вехи служебной карьеры Корнилова, отметил, что тот командовал корпусом, откуда Гучков «взял его в Петербург». Более подробно об этом рассказывается в стенограмме интервью от 22 ноября 1932 года. Хотя Гучков дважды употребил безличный оборот («Был вызван после Корнилов, мне казалось, что он более подходящий»; «Корнилов был приглашен»), но все же видно, что инициатором назначения генерала Корнилова на Петроградский округ политик стремился представить себя³.

Г.З. Иоффе в своей книге о Корнилове кроме «воспоминаний» Гучкова из «Последних новостей» использовал также документы Ставки верховного

¹ Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 83.

² Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания Председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 130.

³ Там же. С. 12, 72.

главнокомандующего, опубликованные в журнале «Красный архив». Самым важным из них была телеграмма генерала Алексева царю от 2 марта 1917 г., включавшая текст телеграммы ВКГД. В ней указывалось на необходимость «для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения». ВКГД признавал таким лицом «доблестного, известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова»¹.

Иоффе отметил, что эту телеграмму М.В. Родзянко отправил Алексеву 2 марта около 6 вечера, а спустя 10 минут тому же адресату телеграфировал генерал П. Аверьянов просивший «осуществить меру» изложенную Родзянко, чтобы помочь Временному комитету Думы «спасающему монархический строй».

Иоффе выяснил, что Аверьянов в это время исполнял обязанности начальника Генерального штаба, а в 1916 г. заведовал в этом учреждении отделом эвакуации и военнопленных. На этом основании ученый предположил, что именно Аверьянов первым вспомнил о Корнилове². Это не соответствовало версии изложенной в «воспоминаниях» Гучкова. Однако Г.З. Иоффе не стал примирять это противоречие, резюмировал: «Так или иначе, вечером 2 марта имя Корнилова впервые было упомянуто в связи с февральскими событиями в Петрограде»³. Версию об Аверьянове, как о человеке, который первым в марте 1917 г. вспомнил о Корнилове, поскольку заведовал отделом, опекавшим бежавших из плена, и должен был хорошо знать совершившего побег генерала, Иоффе повторил и в следующей книге о революционных событиях 1917 года⁴.

В 2002 г. вышло в свет фундаментальное исследование А.Б. Николаева о роли Государственной думы в Февральской революции. Сюжет о назначении Корнилова является в книге второстепенным. Тем не менее, ее автор ввел в научный оборот ряд важных фактов, относящихся к этому вопросу⁵. В частности, А.Б. Николаев ознакомил читателей с напечатанными в 1954 г. воспоминаниями депутата Государственной думы Э.П. Беннигсена. В них рассказывалось, при каких обстоятельствах М.В. Родзянко принял решение о том, что должность командующего Петроградским военным округом следует принять Корнилову.

¹ Февральская революция 1917 года. (Документы ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армиями Северного фронта) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 9.

² Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С. 36 – 37.

³ Там же. С. 37.

⁴ Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 39.

⁵ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002. С. 119.

Беннигсен (заместитель Родзянко по председательствованию во фракции земцев-октябристов, секретарь комиссии по военным и морским делам, участник работ комиссии ВКГД по принятию задержанных военных и высших чинов¹) вспоминал, что 2 марта 1917 г., вернувшись в Думу «после завтрака» нашел Родзянко, совещающимся с генералами. Среди них Беннигсен узнал Н.П. Михневича (начальник Главного штаба). Еще с двумя участниками беседы депутат познакомился потом. Это были генералы «Аносов и Носов», «один из них командовал в Петрограде запасными батальонами» (Н.С. Аносов состоял начальником 19-й пехотной запасной бригады²). «Речь шла о назначении в Петроград главнокомандующим генерала и сильного, и популярного». Тут Н.М. Родзянко (сын председателя Государственной думы), сидевший около отца, «заговорил о генерале Корнилове». Беннигсен поясняет, что Н.М. Родзянко был уполномоченным Думского отряда Красного Креста, работавшего при 48-й дивизии, которой до его пленения командовал Корнилов. Родзянко-сын говорил, «очень восхваляя генерала». Никто из присутствующих военных «ничего не сказал». Тогда Родзянко-отец обратился к ним с вопросом «нет ли среди них возражений против назначения Корнилова», добавив, что об этом он пошлет телеграмму генералу Алексееву³.

По мнению А.Б. Николаева, в этом совещании также принял участие генерал-лейтенант П.И. Аверьянов (и.о. начальника Генерального штаба)⁴. Такое заключение было сделано на основании свидетельства В.Д. Набокова. Тот 2 марта явился в Таврический дворец, и был проведен в комнату, где в числе прочих находились П.Н. Милюков, Н.В. Некрасов, А.И. Шингарев, А.Ф. Керенский. Набоков запомнил, что «в соседней комнате происходило какое-то военное совещание» – издали он увидел генералов Михневича и Аверьянова⁵. Напомним, что именно Аверьянов вдогонку за посланием Родзянко направил телеграмму Алексееву о назначении Корнилова уже от себя.

Кроме того, А.Б. Николаев сообщил следующую важную информацию: 2 марта М.В. Родзянко своим приказом временно возложил обязанности главнокомандующего войсками Петроградского военного округа на участника со-

¹ Николаев А.Б. Беннигсен // Государственная дума Российской империи. Т.1. 1906 – 1917. М., 2006. С. 54.

² Лурье В.М. Командующие войсками и начальники штаба Петроградского военного округа. Февраль – октябрь 1917 года // Из глубины времен. 2000. Вып. 12. С. 103.

³ Беннигсен Э.П. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. Тетр.33. С. 127. Выражаю искреннюю признательность А.Б. Николаеву за возможность ознакомиться с содержанием этой публикации.

⁴ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. С. 119.

⁵ Набоков В.Д. Временное правительство // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 1 – 2. С. 15 – 16.

вещения – генерала Н.С. Аносова. Тот 2 марта издал приказ по войскам Петроградского гарнизона, где оповестил, что назначен временно «до приезда в Петроград доблестного генерала Корнилова»¹.

В 2006 г. биографический очерк о Корнилове опубликовал В.Ж. Цветков. Описывая назначение Корнилова на Петроградский округ, этот историк проигнорировал сведения из опубликованных в «Красном архиве» документов Ставки, а также из книг Г.З. Иоффе и А.Б. Николаева. Цветков предпочел опереться на «копию показаний» генерала Архангельского, опубликованных Н.М. Левитовым в книге по истории Корниловского ударного полка².

Появление этих «показаний» имеет длинную предысторию. Она связана с бурной дискуссией в эмигрантской среде вокруг вопроса о степени участия Л.Г. Корнилова в революционных событиях 1917 года. Начало полемике положил выход в 1938 г. на русском языке (до этого она была издана по-французски) книги И.П. Якобия «Император Николай II и революция»³. В этом труде генерал Корнилов упрекался в поддержке произошедшего в феврале – марте 1917 г. переворота. Причем одним из важных аргументов автора было то, что революционные власти назначили Корнилова командующим Петроградским военным округом.

На это обвинение в журнале «Часовой» откликнулся начальник РОВСа генерал А.П. Архангельский. Ниже помещены отрывки из его отзыва на книгу Якобия.

«Хорошо зная Генерала Корнилова и лично с младших офицерских чинов (я его однокурник по Академии Генерального Штаба), и в силу своего служебного положения, как Дежурный Генерал Главного Штаба, считаю долгом внести некоторые поправки в характеристику Генерала Корнилова, данную ему г. Якобия, и пояснить, как и почему он был назначен Главнокомандующим войсками Петроградского военного округа».

«Выбор Генерала Корнилова на должность Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа состоялся еще 2 марта, до отречения Государя Императора и до образования Временного правительства – уже это одно свидетельствует об ошибочности выводов г. Якобия о причинах назначения Генерала Корнилова.

Со своей стороны, я, как занимавший тогда должность Дежурного Генерала Главного Штаба, с полной категоричностью заявляю, что Генерал Корнилов был указан Главным Штабом для этого назначения исключительно как лицо, которое по своему характеру, твердой воле и по своей, тогда уже, попу-

¹ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. С. 119, 133.

² Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 63.

³ Современное переиздание: Якобий И.П. Император Николай II и революция. СПб., 2005.

лярности в армии, могло успешнее других справиться с разнuzданным гарнизоном Петрограда, командовать которым после появления пресловутого Приказа № 1 было особенно трудно».

«Все эти данные дали Главному Штабу не только право выдвинуть Генерала Корнилова в те исключительно тяжелые дни на должность Главнокомандующего войсками Петроградского военного округа, но и обязанность это сделать. У начальника Главного штаба и Дежурного Генерала были только сомнения в том, что Генерал Корнилов согласится сменить свою боевую службу на фронте на все же тыловую должность, но патриотизм Генерала Корнилова взял верх и своё назначение он принял как выполнение служебного долга – восстановить порядок в Петрограде.

Необходимо упомянуть, что Совет Раб.[очих] и Солд.[атских] Депутатов встретил назначение Генерала Корнилова очень враждебно, считая его контрреволюционером и опасаясь его решительных действий»¹.

Вновь полемика вокруг обвинений Якобия вспыхнула после того как один из создателей Добровольческой армии, И.К. Кириенко, в своей книге² написал о том, что генералы, включая будущих вождей Белого движения, во время Февральской революции предали Николая II. В 1965 г. за честь основателя своего соединения вступилось Объединение чинов Корниловского ударного полка. Оно выпустило сборник статей с критикой книги Кириенко.

Генерала А.П. Архангельского в это время уже не было в живых. Поэтому составители сборника использовали выдержки из письма его помощника по руководству РОВС и изданию журнала «Часовой» генерала Б.Г. Гартмана великой княгине Елене Владимировне, где вопрос о назначении Корнилова командующим Петроградским военным округом излагался со слов Архангельского. Приводим отрывок из этого письма.

«Генералу Корнилову ставят в вину, что с первых минут революции он прибыл в Петроград, чтобы отдать себя в распоряжение Временного правительства и играть революционную роль. Это неверно. Генерал Архангельский, в то время Дежурный Генерал Главного Штаба, показывает, что когда начался хаос, то он сам с Генералом Верьяновым, Генералом Михневичем и начальником Морского Штаба советовались, как восстановить снабжение армии всеми видами довольствия, приостановленное беспорядками, что грозило фронту катастрофой. Они пришли к заключению, что необходимо поставить во главе Петроградского военного округа энергичного и боевого генерала. Выбор их пал на Генерала Корнилова, овеянного боевой славой. Названные генералы отправились в Таврический дворец и настояли перед Родзянко о посылке телеграммы в Ставку. Родзянко отправил телеграмму Алексееву, прося его вызвать в Петроград Генерала Корнилова. Эту телеграмму Генерал

¹ Отзыв генерала А.П. Архангельского // Часовой. 1939. № 238 – 239. С. 30 – 31.

² Кириенко И.К. 1613 г. От чести и славы – к подлости и позору февраля 1917 года. Воспоминания. Сан-Пауло, 1963.

Алексеев Корнилову не отправил (см. “Очерки Русской Смуты” Ген. Деникина, стр.76. т.1), но послал ее Государю Императору. Государю угодно было написать на этой телеграмме “ИСПОЛНИТЬ”. Только после этого Генерал Алексеев предписал Генералу Корнилову ехать в Петроград и принять командование Округом. Все эти события описаны в воспоминаниях Генерала Лукомского (гл. 5, стр. 141 и 201). Г. Якобий, ссылаясь на те же воспоминания, об этом факте умалчивает. Генерал Корнилов, приехав в столицу, исполнил лишь волю Государя Императора и приказ своего начальства. О самовольном приезде для принятия участия в перевороте не может быть и речи»¹.

Один из участников этого сборника, М.Н. Левитов, в 1974 г. издал книгу по истории Корниловского ударного полка. Естественно, он постарался доказать, что нападки на основателя этой легендарной воинской части не имеют под собой никакого основания. Враги, – писал Левитов, – стараются скомпрометировать службу Корнилова в императорской армии, тем, что он «еще до назначения на пост Командующего войсками Петроградского военного округа, он был связан с революцией и поэтому-то и был назначен на этот пост». Чтобы доказать обратное, М.Н. Левитов привел «показания генерала Архангельского, как лица непосредственно принимавшего участие в назначении Генерала Корнилова на этот пост». Далее Левитов в кавычках привел «копию показания» Архангельского. Вот названный текст.

«Это назначение произошло при следующих обстоятельствах: за два дня до отречения Государя генерал Михневич как начальник Главного штаба, и генерал Архангельский, как начальник Особого отдела по назначению чинов Армии поехали на заседание Комиссии по снабжению Армии, чтобы там выяснить вопрос о снабжении боевого фронта. В результате переговоров все пришли к заключению о необходимости назначения в Петроград, который тогда являлся центром политической пропаганды, волевого начальника, дабы установить в городе порядок и умерить революционный пыл комитетов и рабочих. Генерал Архангельский предложил генералу Михневичу выставить кандидатуру Генерала Корнилова, овеянного боевой славой и популярного как в Армии, так и среди народных масс, особенно после его легендарного побега из австрийского плена. Эта кандидатура тут же была одобрена всеми присутствующими, не исключая и Керенского. По предложению генерала Архангельского тогда же было предложено послать две телеграммы: одну командиру 25-го армейского корпуса Генералу Корнилову, а другую генералу Алексееву с просьбой испросить соизволения Государя на это назначение. На посланную генералом Алексеевым телеграмму Государь наложил резолюцию “Исполнить”. Это произошло накануне отречения Государя от престола. Та-

¹ Ответ на книгу Кириенко «1613 г. от чести и славы — к подлости и позору февраля 1917 г.». Сборник статей членов Объединения чинов Корниловского Ударного Полка. Париж, 1965. С. 15 – 16.

ким образом, толки в эмиграции о якобы революционном назначении Генерала Корнилова не имеют никакого основания. Только после этого генерал Алексеев предписал Генералу Корнилову ехать в Петроград. Таким образом, приехав в Петроград, Генерал Корнилов только исполнил волю Государя Императора и приказ своего начальства. О самовольном приезде для принятия участия в перевороте не может быть и речи (см. воспоминания генерала Лукомского, гл. 5, стр. 141 и 201)¹.

В основу «показаний Архангельского» М.Н. Левитов, судя фактическим и текстуальным совпадениям, положил цитированное выше письмо Гартмана из сборника 1965 года, домыслив и слегка изменив его содержание. Так в «показаниях Архангельского» появилась «Комиссия по снабжению Армии». У Гартмана, как мы помним, речь идет не о каком-то официальном органе, а о неформальном совещании Архангельского, Михневича, «Генерала Верьянова» и начальника Морского Штаба по поводу того, как «восстановить снабжение армии всеми видами довольствия, приостановленное беспорядками».

Следует, однако, отметить, что все эти лица по должности могли участвовать в работе прямо связанного со снабжением армии Особого совещания по передвижению войск и военных грузов. В указанный орган среди прочих входили: начальник Главного штаба, Дежурный генерал, представитель Морского министерства². Эти чины (начальник Главного штаба Н.П. Михневич, дежурный генерал А.П. Архангельский, начальник Морского штаба как представитель Морского ведомства) фигурируют и в письме Гартмана. Вполне уместно выглядело бы на их встрече и присутствие начальника Генерального штаба П.И. Аверьянова.

Сохранив ссылку на ту же, что и у Гартмана, страницу воспоминаний Лукомского, приведенную в письме Гартмана сноску на «Очерки русской смуты» Деникина Левитов убрал. (Изложенный с опорой на эту книгу факт отказа Алексеева послать телеграмму Родзянко Корнилову мог вызвать у читателя ненужные мысли о трениях двух вождей Добровольческой армии). Исчез из текста Левитова и сам Родзянко – председатель мятежной Государственной думы (вместе с очагом революции – Таврическим дворцом). Правда, откуда-то возник Керенский, играющий, впрочем, пассивную роль.

Главное действующее лицо изложенных М.Н. Левитовым «показаний Архангельского» сам Архангельский. Он первый называет имя Корнилова в качестве кандидата на должность командующего Петроградским военным округом. Именно по предложению Архангельского посылаются телеграммы Корнилову и Алексееву с просьбой испросить соизволения Государя на это назначение. И всё это происходит обычным путем, за два дня до отречения

¹ Материалы для истории Корниловского ударного полка / Сост. М.Н. Левитов. Париж, 1974. С. 30 – 32.

² Леонидов Л.Б. Главный штаб // Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. Том первый. М., 1994. С. 562.

Николая II (притом, что в подлинных воспоминаниях А.П. Архангельского называется дата 2 марта).

Чтобы окончательно убедить читателя в законности назначения Корнилова М.Н. Левитов превращает Архангельского из дежурного генерала в «начальника Особого отдела по назначению чинов Армии». На самом деле такой должности не существовало. Главным армейским кадровиком являлся дежурный генерал Главного штаба. В 1-м отделе управления дежурного генерала имелись отделения по личному составу офицерских чинов и по назначению на должности офицерских чинов¹. Но в 1970-х гг. уже не помнили этих тонкостей. Зато произведенная метаморфоза позволила автору более рельефно показать, что кандидатура Корнилова продвигалась в строгом соответствии с субординацией: «начальник Особого отдела по назначению чинов Армии» предложил ее начальнику Главного штаба, тот ее одобрил, а царь утвердил.

В итоге читатель, вслед Левитовым, должен был сделать однозначный вывод: «Выдвижение Генерала Корнилова Императорским Главным Штабом с утверждением этого самим Государем являются исключительным подтверждением его блестящей службы Царю и Родине»². Именно так произошло с опиравшимся на книгу М.Н. Левитова В.Ж. Цветковым. У него нарисовалась следующая картина: в «преддверии массовых выступлений» «правительство» думало заменить на посту командующего петроградским военным округом нерешительного Хабалова на Корнилова. «Приказ о его назначении был подписан Николаем II за два дня до отречения». Кандидатура Корнилова «не встретила возражения и со стороны взявшего власть в Феврале Временного комитета Государственной думы»³.

Версия Цветкова противоречит известным источникам. Из документов Ставки ясно видно, что инициатором вызова Корнилова в Петроград был ВКГД. Николай II с этим согласился. И не за два дня до отречения, а в день указанного события. А за два дня до отказа от престола царь сделал командующим Петроградским военным округом не Корнилова, а другого генерала, о котором умолчали и В.Ж. Цветков, и М.Н. Левитов, и Б.Г. Гартман, и А.П. Архангельский. Речь идет о Николае Иудовиче Иванове. («Государь император повелел: Генерал-адъютанта Иванова назначить главнокомандующим Петроградского военного округа», – сообщил 27 февраля 1917 г. М.В. Алексеев начальнику штаба Северного фронта Ю.Н. Данилову)⁴.

Н.И. Иванов был выходец из низов (сын сверхсрочнослужащего), популярный боевой генерал, взявший Львов и Перемышль. Правда, потом он их

¹ Леонидов Л.Б. Указ. соч. С. 563.

² Материалы для истории Корниловского ударного полка. С. 32.

³ Цветков В.Ж. Лавр Георгиевич Корнилов // Вопросы истории. 2006. № 1. С. 63.

⁴ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. Репринтное издание. М., 1990. С. 226.

был вынужден оставить. Однако в ходе «Великого отступления» 1915 г. Юго-Западный фронт генерала Иванова действовал удачнее прочих и отошёл относительно недалеко. Кроме того, Иванов имел удачный опыт подавления матросских и солдатских бунтов в Кронштадте. Не стужевался он и в февральские дни: лично входил в поезда, набитые пьяными солдатами Петроградского гарнизона, ставил их на колени и арестовывал¹.

Если бы ВКГД действительно стремился «спасти монархический строй», то лучшую кандидатуру на должность начальника Петроградского военного округа трудно было найти. К тому же если Корнилов с Юго-Западного фронта приезжал в столицу лишь 5 марта, Н.И. Иванов со своим отрядом уже 1 марта был в Царском Селе, т.е. в непосредственной близости от Петрограда. Однако именно прибытия Иванова в Таврическом дворце опасались больше всего.

Как вспоминал А.Ф. Керенский, перед ВКГД, прежде всего, встали две проблемы: организовать систему обороны от правительственных сил и наладить руководство петроградским гарнизоном. С этой целью вечером 27 февраля была создана Военная комиссия. Первоначально в неё вошли Керенский, Родзянко, горстка офицеров и солдат². Ее состав и деятельность детально проанализированы в монографии А.Б. Николаева. Военная комиссия (в ночь на 28 февраля ее возглавил депутат Б.А. Энгельгардт) отдала приказ о разоружении всех полицейских участков, произвела аресты чинов контрразведочного отделения штаба Петроградского военного округа, взяла под контроль вокзалы³.

Ключевую роль в работе Военной комиссии играл А.И. Гучков, 1 марта 1917 г. возглавивший этот орган. В качестве председателя Военной комиссии он ездил на Варшавский и Балтийский вокзалы, «чтобы навести порядок на случай прибытия карательной экспедиции»⁴. По воспоминаниям П.Н. Милокова весь день 1 марта Гучков провел в сношениях с военными частями и в подготовке обороны столицы от войск, посланных по приказанию Николая II⁵.

Одновременно А.И. Гучков использовал свои связи в военных кругах, чтобы перетянуть отряд Иванова на сторону Думы. Прежде всего, Гучков переговорил о миссии Иванова с исправляющим должность начальника Глав-

¹ Допрос ген. Н.И. Иванова 28 июня 1917 года // ПЦР. М.; Л., 1926. Т. V. С. 320 – 321; Блок А. Последние дни царского режима // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 4. С. 45.

² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. М., 1993. С. 140.

³ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. С. 96, 102, 170.

⁴ Блок А. Последние дни царского режима // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 4. С. 48.

⁵ Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 47.

ного управления Генерального штаба и начальником войсковой охраны Петрограда М.И. Занкевичем¹. (С ним Гучков еще до революции поддерживал добрые отношения, получая от него секретную информацию)². Занкевич командировал в распоряжение Иванова для исполнения должности начальника его штаба полковника В.Н. Доманевского (того тоже связывали давние отношения с Гучковым), а также подполковника Тилле. Перед отъездом с Доманевским встретился председатель Военной комиссии Энгельгардт и попросил его передать Иванову предложение признать власть Временного комитета Думы³. Отметим, что Тилле получил пропуск от Государственной думы на свободный проезд⁴. Доманевский, очевидно тоже имел такой документ. То есть оба они являлись представителями сил, стремившихся к низложению Николая II.

Доманевский доложил Иванову, что «в распоряжении законных военных властей не осталось ни одной части», «часть министров арестована» и министерства могут продолжить работу только «как бы признав Временное правительство». При таких условиях, – убеждал Доманевский Иванова, – «вооруженная борьба трудна и выход представляется не в ней, а в соглашении с Временным правительством», путем «узаконения наиболее умеренной его части»⁵. В этом же духе была выдержана телеграмма начальника штаба верховного главнокомандующего М.В. Алексеева. Её Иванов прочёл, вернувшись в свой вагон после встречи с находившейся в Царском Селе императрицей Александрой Федоровной. Алексейев сообщал, что по его информации «в Петрограде наступило полное спокойствие» – «войска, примкнули к Временному правительству в полном составе» и «приводятся в порядок». «Воззвание к населению, выпущенное Временным правительством, говорит о неизбежности монархического начала в России, о необходимости новых оснований для выбора и назначения правительства». «Если эти сведения верны, то изменятся способ ваших действий», – писал Алексейев Иванову: «Переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу...»⁶.

Однако, несмотря на все уговоры, Иванов не перешел на сторону новой власти. Его упорство, контакты с императрицей и пребывание рядом с ней в Царском Селе вызывали большое беспокойство в революционном Петрограде, в том числе у А.И. Гучкова и М.В. Родзянко. Как отмечал Г. Катков,

¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года. М., 2008. С. 159 – 160.

² Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. С. 58.

³ Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С.297.

⁴ Экспедиция генерала Иванова на Петроград // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С.231.

⁵ Блок А.А. Указ. соч. С. 47

⁶ Документы к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 3. С. 251 – 252.

Родзянко, фактически примкнувший к мятежу, «был жизненно заинтересован в остановке продвижения войск Иванова». При этом «навязчивый страх Родзянко в связи с продвижением войск Иванова разделяли члены думского Комитета, а также Совета»¹.

Против Иванова были направлены батальон и тяжелый дивизион 1-го гвардейского запасного стрелкового полка. Из контекста сообщения А.А. Блока следует, что их послал А.И. Гучков². В те же часы (3 часа 30 минут 2 марта) М.В. Родзянко связался по прямому проводу с командующим Северным фронтом Н.В. Рузским. В разговоре он отметил, что «присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном только подлила масла в огонь и приведет только к междоусобному сражению». Родзянко потребовал прекратить присылку войск «так как они действовать против народа не будут» и призвал остановить «ненужные жертвы»³. Очевидно, в этом же духе на Иванова действовали Доманевский и Тилли. Учитывая, что Николай II прислал генералу телеграмму с предписанием «до моего приезда и доклада мне ничего не предпринимать», Иванов, сам не заинтересованный в кровопролитии, уехал со своим Георгиевским батальоном из Царского Села на станцию Вырица, куда прибыл в 4 утра⁴.

Оттуда он запросил телеграммами начальника Царскосельского жандармского управления и начальника станции о том, каким кратчайшим путем можно от Вырицы проехать на станцию Александровская Варшавской железной дороги⁵. Заняв эту станцию, генерал, во-первых, перекрывал путь из Петрограда в Псков; во-вторых, оказывался в непосредственной близости от Царского Села и Гатчины; в-третьих, мог лично принять командование отданным в его распоряжение Тарутинским полком, который туда прибыл. Кроме того, Иванов получал возможность, взяв императрицу с детьми в Царском Селе, отвезти их в Псков. Мог он и сам прибыть в Псков с верными царю войсками. Поэтому известие о том, что генерал Иванов намерен перейти на Варшавскую железную дорогу вызвало настоящую панику в революционном Петрограде.

Военная комиссия ВКГД приказала прекратить всякое движение по железным дорогам. На некоторых участках пути по распоряжению Ю.В. Ломоносова (помощника комиссара ВКГД в Министерстве путей сообщения А.А. Бубликова) были сняты крестовины (части стрелок). Сам Бубликов послал Иванову телеграмму, в которой угрожал применением артиллерии и советовал генералу «не двигаться из Вырицы»⁶. Тем не менее, Иванов предпринял

¹ Катков Г. Февральская революция. М., 2006. С. 229, 230.

² Блок А.А. Указ. соч. С. 48.

³ Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев, документы. С. 234.

⁴ Допрос ген. Н.И. Иванова 28 июня 1917 года. С. 323.

⁵ Провал попыток Ставки подавить Февральскую революцию 1917 г. в Петрограде // Вопросы архивоведения. 1962. № 1. С. 107.

⁶ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 41 – 42, 46.

попытку прорваться на Варшавскую железную дорогу. Однако его отряд смог доехать только до станции Сусанино.

Между тем, распоряжения Бубликова и Ломоносова, парализовавшие движение на железных дорогах, прилегающих к столице, сделали невозможным снабжение Северного фронта. Это, вероятно и вызвало упоминавшееся выше совещание членов Особого совещания по передвижению войск и военных грузов, о котором вспоминал один из его участников, А.П. Архангельский и, с его слов, Б.Г. Гартман. Согласно письму Гартмана, в этой встрече участвовали начальник Главного штаба Н.П. Михневич, дежурный генерал А.П. Архангельский, не названный по имени начальник Морского штаба, а также начальник Генерального штаба П.И. Аверьянов. Все указанные генералы были готовы к сотрудничеству с Гучковым. (Вскоре все трое вместе с ним стали заседать в т.н. Поливановской комиссии, занявшейся военной реформой)¹. Поэтому присутствие самого Гучкова на этом совещании весьма вероятно. Тем более, что он держал в поле зрения вопрос о железнодорожном сообщении вблизи Петрограда, поскольку руководил обороной столицы от войск Иванова. К тому же Гучков сам собирался срочно выезжать по железной дороге в Псков.

Исходя из этого, ему нужно было, с одной стороны, восстановить нормальное движение поездов, а с другой, не дать воспользоваться этим генералу Иванову. Причем для гарантированного успеха своих далеко идущих замыслов Гучкову требовалось лишить Николая II верной ему вооруженной опоры. Следовательно, было необходимо не просто остановить генерала Иванова, но сместить его с поста командующего Петроградским военным округом. Однако стало ясно, что Иванов подчиниться только тому, кто его назначил – царю. Итак, нужно было убедить Николая II назначить на Петроградский округ другого генерала, предложив императору приемлемую для него кандидатуру. То есть такого человека, которого бы царь уважал и считал способным навести порядок в Петрограде.

При этом Гучков хотел видеть преемником Иванова лояльного себе военного. И первая мысль ему пришла о генерале А.М. Крымове. Но, как, вспоминал Гучков, Крымов «был молодым генералом, так что назначение командующим войсками было бы встречено очень недружелюбно военными кругами»². Надо думать, это объяснили Гучкову генералы Архангельский, Михневич и Аверьянов. Они же назвали кандидатуру Корнилова. Напомним, что тот был однокурсником главного армейского кадровика А.П. Архангельского

¹ *Половцов П.А.* Дни Затмения (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году) / Предисл., указ., примеч. А.С. Сенина. М., 1999. С.37.

² Там же. С.72.

по Академии Генерального штаба, а Михневич там же читал ему лекции. Аверьянов же, по уже приводимому предположению Г.З. Иоффе, мог вспомнить о героическом побеге Корнилова из плена, известном царю¹.

Гучков с ними согласился. Возможно, это произошло потому, что Корнилов тоже был замешан в заговоре. По крайней мере, это следует из воспоминаний А.М. Верховского. А.И. Коновалов якобы говорил тому (вскоре после убийства Распутина), что Корнилова «очень обхаживает Гучков» и этот «генерал очень резко высказывается против царя и всего царского строя»². Впрочем, к мемуарам Верховского нужно подходить осторожно: в них действует несколько вымышленных фигур, иногда рассказывается о событиях, свидетелем которых он не был. Работу над своими воспоминаниями Верховский завершил в 1937 г. и нельзя исключать, что эпизод с Корниловым был вставлен в них для того, чтобы нанести моральный удар по Русскому общевосточному союзу. Напомним, что эта многочисленная организация переживала тогда не лучшие времена (В 1937 г. агентами НКВД был похищен начальник РОВС генерал Е.К. Миллер, в 1938 г. его сменил причастный к выдвигению Корнилова генерал А.П. Архангельский). Хотя воспоминания Верховского тогда не увидели свет, они могли быть использованы, чтобы опорочить имя Корнилова, являвшееся знаменем непримиримой части эмиграции.

По нашему мнению, Корнилов не был причастен к заговору. Его кандидатура была использована Гучковым исключительно потому, что именно Корнилова с наибольшей вероятностью Николай II мог назначить командующим Петроградским военным округом вместо Н.И. Иванова.

Но, естественно, назвать царю фамилию Корнилова сам Гучков не мог. В думском лагере связь с монархом поддерживал М.В. Родзянко. К нему и направились генералы Михневич и Аверьянов. Положение осложнилось тем, что, как уже говорилось выше, М.В. Родзянко после ареста С.С. Хабалова назначил исполняющим обязанности главнокомандующего Петроградским военным округом генерала Н.С. Аносова. Тот встретился с Михневичем и Аверьяновым. В разговоре также приняли участие сын и отец Родзянко. Родзянко-младший горячо поддержал кандидатуру Корнилова. Аносов сопротивляться не стал, уступив место своему давнему сослуживцу по Туркестанскому военному округу. Тогда и было опубликовано объявление о том, что Аносов назначен на Петроградский округ временно, до приезда Корнилова.

М.В. Родзянко послал на имя М.В. Алексева телеграмму, в которой указывалось на необходимость «для установления полного порядка, для спасения столицы от анархии командировать сюда на должность главнокомандующего Петроградским военным округом доблестного боевого генерала, имя которого было бы популярно и авторитетно в глазах населения». ВКГД призна-

¹ *Иоффе Г.З.* «Белое дело». Генерал Корнилов. М., 1989. С.36 – 37.

² *Верховский А.М.* На трудном перевале. М., 1959. С.158.

вал таким лицом «доблестного, известного всей России героя, командира двадцать пятого армейского корпуса генерал-лейтенанта Корнилова». Текст телеграммы в полном виде был отослан М.В. Алексеевым на имя Николая II. Тот положил на телеграмме Алексева резолюцию: «Исполнить»¹. Иванову было приказано возвращаться.

Таким образом, назначение Л.Г. Корнилова главнокомандующим Петроградским военным округом произошло не по инициативе М.В. Родзянко и не для наведения порядка в Петрограде. Оно стало важным элементом действий Гучкова, направленных на нейтрализацию экспедиции генерала Н.И. Иванова. Корнилов невольно принял участие в этом плане, неожиданно для себя, вошел в состав революционной контрэллиты.

Ляндрес С.М.

*Из архива М.А. Полиевктова: неизвестная запись рассказов
В.В. Шульгина и П.Б. Шаскольского в мае 1917 г.*

Публикуемые здесь краткие записи рассказов известного думского политика и публициста правых взглядов Василия Витальевича Шульгина (1878 – 1976) и историка-медиевиста и умеренного социалиста Петра Борисовича Шаскольского (1882 – 1918) были сделаны петербургским историком Михаилом Александровичем Полиевктовым (1872 – 1942)² в мае 1917 г. Разговор с Шульгиным, личность и биография которого не нуждаются в представлении³, состоялся 11 мая 1917 г. Историк зашел к Шульгину⁴, чтобы договориться о времени записи подробного рассказа об его участие в Февральской

¹ Документ к «Воспоминаниям» ген. А. Лукомского // Архив русской революции. В 22 т. М., 1991. Т. 3 – 4. С. 264.

² См. его краткую биографию в: *Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution.* Oxford University Press, 2013. P. 15 – 52; и несколько сокращенную версию: *Ляндрес С.М. М.А. Полиевктон и Комиссия опросов Таврического дворца // Политическая Россия XX века. К 80-летию профессора Виталия Ивановича Старцева.* Сб. научн. тр. СПб., 2011. С. 287 – 315.

³ Наиболее полные био-библиографические сведения об этой яркой личности читатель сможет найти в статье: *Макаров В.Г., Репников А.В., и Христофоров В.С. Василий Витальевич Шульгин: штрихи к портрету // Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного.* М., 2010. С. 5 – 132. См. также: *Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Шульгин Василий Витальевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев.* М., 2008. С. 709 – 710; Будницкий О.В. В.А. Маклаков и В.В. Шульгин: друзья-противники // Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919 – 1939 гг. М., 2012. С. 3 – 42.

⁴ Из публикуемой здесь записи не следует, где именно состоялась их встреча. Возможно, Полиевктон посетил Шульгина на его квартире на Б. Монетной улице, д. 22, на Петроградской стороне.

революции для Общества изучения революции, в котором Полиевктов руководил работой Комиссии опросов Таврического дворца. В задачи этой комиссии входил опрос и запись показаний участников событий, находившихся в дни революции в Таврическом дворце, т.е. главным образом депутатов и служащих Государственной думы¹.

Судя по всему, намечавшегося с Шульгиным разговора о Февральской революции не состоялось. Во всяком случае, о нем не упоминается ни в сохранившихся материалах Комиссии опросов, ни в других известных нам источниках. Позже «последний рыцарь самодержавия»² еще не раз напишет и расскажет, в том числе и на допросах в МГБ СССР, о своем деятельном участии в революции, о совместной с А.И. Гучковым поездке в Псков за отречением последнего русского царя³. В разговоре же с Полиевктовым 11 мая 1917 г., судя по публикуемой здесь записи, речь шла о двух ярких представителях конституционно-демократической партии П.Н. Милюкове и В.В. Маклакове в связи с их деятельностью в Государственной думе дореволюционного периода.

С первым из них Шульгина связывали несколько лет совместной, хотя и не всегда гладкой, работы в III и IV Думе. Со вторым – многолетние доверительные отношения, начавшиеся еще во времена II Думы⁴. Именно Маклакова Шульгин считал «самым умным среди думских кадетов» и на протяжении двух десятилетий, уже в эмиграции, вел с ним обширную и содержательную переписку⁵. В своей оценке Маклакова бывший лидер думских умеренных

¹ Подробнее об истории создания и деятельности возглавляемого А.Е. Пресняковым Общества изучения революции, а также о работе и составе полиевктовской Комиссии опросов и судьбе собранных ею материалов читатель может узнать из книги: *Lyandres. The Fall of Tsarism*. (Р. 36 – 50) и рецензии на нее (*Николаев А.Б. Новая книга С.М. Ляндреса // Российская история. 2015. № 5. С. 215 – 222*). См. также: *Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года*. СПб., 2005. С. 113 – 115.

² По хлесткому определению А.В. Репникова и В.С. Христофова (*Репников А.В., Христофоров В.С. В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 64 – 111*).

³ См., напр.: *Шульгин В.В.* 1) Дни: Записки. Белград, 1925; 2) 1917 – 1919 / Предисл. и публикация Р.Г. Красюкова; коммент. Б.И. Колоницкого // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1994. Т. 5. С. 121 – 328, другие воспоминания Шульгина, упоминаемые в его краткой политической биографии (*Николаев А.Б., Ромов Р.Б. Указ. соч. С. 710*) и показания («Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного». С. 99 – 109).

⁴ См.: Спор о России: В.А. Маклаков – В.В. Шульгин. Переписка 1919 – 1939 гг. М., 2012.

⁵ См. о думской деятельности Маклакова биографическую справку Н.И. Дедкова в думской энциклопедии (*Дедков Н.И. Маклаков Василий Алексеевич // Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 341 – 343*) и его же монографию: *Дедков Н.И. Консервативный либерализм*

националистов был не одинок. Знавшие Маклакова современники не раз отмечали широту его взглядов, способность пересмотреть собственные оценки и, неизменно, острый ум и ораторский талант «кадетского златоуста». Особенно ценил Шульгин столь редкую для русского политика тех лет склонность Маклакова к примирительным решениям и надпартийному сотрудничеству – качества, несомненно ставившие его в особое положение на общественно-политическом Олимпе эпохи думской монархии.

В отличие от Шульгина, второго собеседника Полиевктова – Петра Борисовича Шаскольского¹ нельзя назвать ни заметной фигурой предреволюционной политической жизни, ни видным участником Февральской революции, хотя он и был деятельным членом эсеровской партии и входил во многие революционные и оппозиционные круги столицы. Насколько известно, в дни Февральской революции Шаскольский не находился в Таврическом дворце и очевидно по этой причине Полиевктон не назначал с ним специальной встречи для опроса в руководимой им Комиссии. Встретились историки, скорее всего, случайно, вечером 25 мая 1917 г. на квартире у их общего знакомого и коллеги А.Е. Преснякова.

Судя по составленной Полиевктовым записи, разговор в тот вечер получился содержательный и откровенный. Можно предположить, что записывая за своим молодым коллегой, Полиевктон отмечал не только те моменты, которые по его мнению могли представлять интерес для будущих историков русской революции, но и то, что не нашло достаточного освещения в уже записанных к тому времени Комиссией Таврического дворца опросах². Этим, надо полагать, объясняется упоминание о ведущей роли Рабочей группы при Центральном военно-промышленном комитете в организации революционных событий и неафишируемые в то время «колебания», в первые дни революции, будущих лидеров Петроградского Совета Н.С. Чхеидзе и Временного комитета Государственной думы П.Н. Милюкова. Об этой, подтвердившейся впоследствии в других источниках, первичной реакции двух политиков

Василия Маклакова. М., 2005. См. также: *Будницкий О.В.* Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 12 – 26; № 3. С. 64 – 80.

¹ Шаскольский Петр Борисович (Бернгардович) (1882 – 1918), историк, специалист по средневековой Италии, ученик И.М. Гревса, приват-доцент Петербургского университета, преподавал в столичных школах. Член партии социалистов-революционеров, затем входил в трудовую группу, летом 1917 г. избран в ЦК трудовой народно-социалистической партии. Позже вернулся к эсерам, входил в состав Всероссийского Комитета спасения Родины и революции. Во время Красного террора скрывался, умер от «испанки». Шаскольский был женат на Надежде Владимировне Брюлловой (1889 – 1937), внучке художника А.П. Брюллова (брат К.П. Брюллова), которая тоже была деятельной эсеркой.

² С 4 по 25 мая 1917 г. Комиссией Таврического дворца были опрошены: С.В. Суфцинский, М.Г. Кантор, Б.А. Энгельгардт, А.А. Чиколони, П.В. Герасимов, М.В. Родзянко, Л.С. Туган-Барановский, и Н.В. Некрасов. Подр. см.: *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. P. 40, 53 – 155.

Шаскольский сообщал со ссылкой на хорошо осведомленного внепартийного социал-демократа Сергея Карловича Вржосека, много сделавшего в Февральские дни для организации восставших войск и налаживания доверительных отношений между солдатами и офицерами Петроградского гарнизона¹. Упоминание Шаскольским о мало кому тогда известной конфликтной ситуации внутри кабинета Г.Е. Львова, в связи с милюковской нотой союзникам, свидетельствует не только о высокой степени осведомленности рассказчика, но и о его доверии к своим собеседникам. Насколько нам известно, записанный за Шаскольским рассказ является единственным сохранившимся свидетельством о Февральской революции этого рано ушедшего из жизни историка.

Автографы публикуемых документов хранятся в личном фонде М.А. Полиевктова в Отделе редких книг и рукописей библиотеки им. Хесбурга, Университет Нотр-Дам, США. Записи сделаны на двух отдельных листах писчей бумаги. Ранее эти документы хранились в квартире Полиевктовых-Николадзе в Тбилиси в отдельной папке вместе с другими документами Комиссии опросов Таврического дворца и были обернуты в лист бумаги, с надписанным рукой Полиевктова заголовком: «Из разговоров. Рассказы». Записи публикуются впервые, без каких-либо сокращений, но с учетом правил современной орфографии. Авторские примечания оговариваются.

В.В. Шульгин 11 мая 1917 веч.[ером]²

Давно уже готовилось объединение³. Помню, это было еще давно, еще задолго до войны, после одной перебранки между правыми и левыми в Думе, вышли мы – я и Маклаков – разными дверями из заседания и сошлись в Екатерининском зале. Он и говорит мне: «Эх! Нехорошо! Ругают, кабал, болото! Надо что-нибудь такое большое, чтобы нас всех объединило» и тут же добавил: «а я знаю[,] что такое и такое есть». Сказал и пошел к выходу, а потом повернулся назад и снова ко мне и снова повторил: «А я знаю, что такое». Вижу я – и хочется человеку сказать и не знает как, и говорю ему: «Ну полноте, В[асилий] А[лексеевич]! И ничего Вы не знаете, и нет ничего». И

¹ См. о деятельности Вржосека в Февральские дни показания П.В. Герасимова (*Lyandres S. The Fall of Tsarism*. P. 96) и его собственное свидетельство в: Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда Офицерских депутатов армии и флота в Петрограде. С 8 по 27 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 45, 112 – 113.

² Примечание М.А. Полиевктова: «Я зашел сговориться с ним о том, что он даст для Об-а из. рев. 1917 г.». Речь идет об Обществе изучения революции (ОИР), позже – Обществе изучения русской революции (ОИРР).

³ Возможно, речь идет о планах создания некой внутридумской структуры, которая бы объединила, по основным вопросам, различные фракции от умеренно правых до умеренно левых, что-то наподобие будущего прогрессивного блока.

тогда он мне: «Нет, знаю: война с Германией!» Потом, когда сложился Прогрессивный блок, Маклаков любил говорить: «ведь это я создал блок». Он был немного обижен, что его как бы отодвигали в тень.

Вообще как-то всегда старались найти случай, как бы ухватывались за каждый повод, чтобы найти что-нибудь общее: «ну вот, хоть тут-то мы согласны!» Так было и тогда, когда какие-то хулиганы ударили Милокова – мы поспешили завести ему кортеж¹. Как-то старались почувствовать, что бывает[,] когда что-нибудь [случается – С.Л.], что сближает, старались отбиться от тех с кем были вместе по партийным взглядам, сблизиться с противниками.

То, что я рассказал было вероятно около 1910 г. Позднее в 1912 –13 гг. как-то осенью была стычка с кадетами, но в чем-то согласились². Тогда я вошел на трибуну и, вспомнив наш разговор с Маклаковым, сказал в том духе, что мы рады, что наконец-то есть у нас что-то общее: «Поверьте, если наступят решительные минуты, мы рады будем сблизиться и тогда забудем кадетам все». И Маклаков тоже говорил: «Вы тоже найдете в нас союзников, когда дело дойдет до защиты родины!»^{3,4}.

¹ Возможно, Шульгин говорит о покушение в мае 1908 г., когда на возвращавшегося вечером домой П.Н. Милокова напали несколько черносотенцев. После этого инцидента кадетская фракция внесла в Думы запрос (*Чернявский Г., Дубова Л.* Милоков. М., 2015. С. 224). Об опасениях за безопасность Милокова, его родственников и коллег по партии в связи с известной хулиганской выходкой В.М. Пуришкевича, бросившегося во время своего выступления в Думе в ухмылявшегося Милокова стакан с водой, пишет во второй половине мая 1910 г. в своем дневнике хорошо информированная А.В. Тыркова-Вильямс (Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 91). Слухи о покушении нашли отражение и в прессе того времени. Например, московское «Русское слово» от 13 апреля 1910 г. писало о ходивших в столице слухах о ранение Милокова кистнем в голову во время его пребывания в Выборге. Сам Милоков вспоминал как весной 1907 г. по дороге в редакцию «Речи» на Литейном проспекте он был дважды ударен «молодым парнем» сзади. По словам мемуариста, нападавший действовал по указанию одного из лидеров Союза русского народа доктора А.И. Дубровина. После этого инцидента и из-за продолжавшихся слухов о новых покушениях к Милокову была приставлена охрана. Правда, сам он считал, что агентов охраны прислало правительство (*Милоков П.Н.* Воспоминания (1859 – 1917). Нью-Йорк, 1955. Т. I. С. 432 – 433). Следует отметить, что для подобных опасений имелись серьезные основания. Незадолго до описываемого Милоковым нападения, 14 марта 1907 г. в Москве по дороге домой был смертельно ранен видный член кадетской партии Г.Б. Иоллос.

² Скорее всего, речь идет о прениях с кадетами по вопросам, связанным с событиями Первой балканской войны (октябрь 1912 – май 1913). Большинство кадетов, за исключением главным образом Милокова, занимали в то время провоенную позицию, близкую к националистам.

³ Примечание М.А. Полиевктова: «цитируя[sic!] по отчетам».

⁴ Осенью 1912 – весной 1913 гг. в связи с положением на Балканах в различных общественных и политических кругах много говорилось об ожидании большой европейской войны и необходимости подготовке к ней. См. напр., выступление В.А. Маклакова на

Маклаков вообще всегда был элементом сближения, даже еще во II Думе, где нас, правых, была горсточка. Всегда сказывалась его широта и культурность¹.

П[етр] Б[орисович] Шасколький, пр[иват]-доц[ент] ун[иверсите]та, член Нар[одно]-с[оциалистической] партии. 25/V [19]17 г. вечером у Преснякова².

Революция начата еще рабочей группой Военно-промышленного комитета, перед 24 февраля арестованной³. Это же назыв[ается] группа Гвоздева⁴.

заседание московского отделения ЦК кадетской партии 22 октября 1912 г., в котором он призвал своих партийных товарищей принять следующую формулу: «Мы должны готовиться к ней [войне – С.Л.] во всех отношениях: приводя в порядок и наши военные силы, и наши внутренние отношения» (Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 2. С. 106).

¹ На эти качества Маклакова указывали и другие бывшие думцы, например, октябрист Н.В. Савич, хорошо знавший Маклакова по работе в Думе и продолживший общение с ним в Париже в 1920-е – 30-е гг., и харьковский кадет В.В. Лашкевич (Воспоминания члена Государственной думы последнего созыва Валериана Валериановича Лашкевича. 1917-й год. Петроград // ГА РФ, Ф. 5581. Оп. 1. Д. 730-а. Л. 14). А.В. Тыркова-Вильямс считала терпимость в политике одним из ценных свойств Маклакова, которое вместе с тем ослабляло его положение и в партии, и в Думе (Тыркова-Вильямс А. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 353).

² Квартира Преснякова находилась в д. № 11 по Надежденской улице. Полиевктов жил в то время в д. № 27 по Фурштатской ул., примерно в 20 минутах ходьбы. Шасколький жил намного дальше, на Васильевском Острове (Средний пр., д. 19).

³ Рабочая группа (РГ) при Центральном военно-промышленном комитете (ЦВПК) была образована в конце ноября 1915 г. в составе 10 (позже 11) членов – по партийной принадлежности главным образом меньшевики, но было и несколько эсеров. Возглавлял РГ меньшевик-оборонец К.А. Гвоздев. Большинство членов РГ было арестовано 27 января 1917 г. О ведущей роли ЦВПК в подготовке Февральских событий упоминали некоторые современники, например, В.В. Лашкевич (ГА РФ. Ф. 5581. Оп. 1. Д. 730-а. Л. 13). Но особенно энергично это мнение отстаивают современные российские историки С.В. Куликов, Б.В. Миронов и, отчасти, О.Р. Айрапетов (Куликов С.В. Центральный военно-промышленный комитет накануне и в ходе Февральской революции 1917 года // Российская история. 2012. № 1. С. 69 – 90; Миронов Б.В. Благополучие населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 665 – 666; Айрапетов О.Р. Генералы, либералы и предприниматели. Работа на фронт и на революцию (1907 – 1917). М., 2003. С. 148 – 162, 164 – 174, 188 – 189). О заметном влиянии РГ среди рабочих Петроградских заводов, в том числе и в феврале 1917 г., обоснованно пишет В.В. Поликарпов (Поликарпов В.В. Начало рабочих выступлений в столице / Революция в Петрограде: день за днем // Первая мировая война и конец Российской империи. СПб., 2014. Т. 3. С. 71).

⁴ Кузьма Антонович Гвоздев (1883–1956), рабочий-железнодорожник, видный меньшевик-оборонец, в 1915 – 1917 гг. возглавлял РГ ЦВПК, один из организаторов и лидеров Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С 25 сентября 1917 г. министр труда во Временном правительстве. С 1931 по 1956 гг. в тюрьмах и ссылках.

Все время войны их настроение как «большинства» европ[ейских] социалистов. Позднее они разочаров[ались] в правительстве и готовили демонстрацию на 14 февраля¹. Лозунги предполагались «долой правительство» «выборное м-во» и «мир» (здесь впервые). Большевики возражали и хотели на 12-е, чтобы не вышло что поддерживают Думу². На этом сорвалось и из-за этой же демонстрации – арест Гвоздецев³.

¹ Вскоре после ежегодных рабочих выступлений в Петрограде 9 января 1917 г. РГ ЦВПК приняла решение призвать рабочих к однодневной забастовке в день открытия Государственной думы 14 февраля 1917 г. и направить шествие бастующих рабочих к Таврическому дворцу для оказания давления на депутатов, чтобы они потребовали от властей создания правительства «народного спасения» (*Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 262). 14 февраля на заводах устраивались митинги и распространялись листовки с призывом к забастовке и с требованием смены правительства.

² Речь, скорее всего, идет о намечавшейся представителями большевистского ЦК на 13 (а не 12-е) февраля демонстрации, приурочив ее к годовщине суда над депутатами-большевиками IV Думы (суд проходил с 10 по 13 февраля 1915 г.). Однако Петроградский комитет большевиков не согласился с мнением ЦК, главным образом, из-за намечавшейся на 10 февраля стачки. В итоге было решено провести демонстрацию 14 февраля 1917 г., но направить движение рабочих не к Таврическому, чтобы не создавать впечатления о поддержке «буржуазной» Думы, а к Невскому проспекту.

³ Гвоздев и почти вся РГ ЦВПК, за исключением трех ее членов, были арестованы полицией в ночь с 27 на 28 января 1917 г. См. подробн. об этом: *Куликов С.В.* Центральный военно-промышленный комитет и Февральская революция. К вопросу о соотношении фактов организованности и стихийности // *Власть, общество и реформы в России: история, источники историография. Материалы Всероссийской научной конференции 6 – 7 декабря 2006 г.* СПб., 2007. С. 265; *Айрапетов О.Р.* Указ. соч. С. 189). Несмотря на арест РГ, по словам В.В. Поликарпова, в забастовке 14-го февраля приняли участие «свыше 80 тыс. питерских рабочих» (*Поликарпов В.В.* Указ. соч. С. 71).

Вржосек¹ рассказывал, что когда вспыхнула революция Чхеидзе² долго колебался, не надеясь, что соц[иал]-дем[ократическая] масса готова. Колебался и Миллюков³.

После известной ноты Миллюкова⁴ Керенский ставил условием, чтобы около Миллюкова была составлена консультация из 3-х лиц: Некрасов, Терещенко, Керенский⁵. Он хотел подать в отставку, если не будет принято это предложение. Львов⁶ сообщил ему, что оно принято.

¹ Вржосек Сергей Карлович (1867 – 1957), военный юрист, с 1907 г. петербургский присяжный поверенный, участник революционного движения, внепартийный социал-демократ, плехановец, позже член трудовой группы. В начале Первой мировой войны Вржосек был мобилизован, к 1917 г. имел чин штабс-капитана. В Февральские дни вместе с группой офицеров-единомышленников Вржосек активно сотрудничал с думским Комитетом, выполнял поручения ИК Петроградского Совета, объезжая воинские части и уговаривая солдат поддерживать Временное правительство. 2-го марта уговаривал Миллюкова против регенства в.к. Михаила Александровича и оставления власти в руках династии Романовых. После Февральской революции стал одним из руководителей Исполкома Совета офицерских депутатов Петрограда, куда был выбран от так называемой нестроевой группы, активный оборонец (см.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism*. P. 101; Стенографический отчет заседаний Всероссийского съезда офицерских депутатов армии и флота в Петрограде. С. 45, 112 – 113; Исполнительный орган офицерских депутатов // Речь. 1917. 14 марта).

² Чхеидзе Николай Семенович (1864 – 1926), в описываемое время был председателем социал-демократической (меньшевиков) фракции в IV Думе и одним из организаторов (с 27 февраля председателем) Петроградского Совета рабочих депутатов.

³ Миллюков Павел Николаевич (1859 – 1943) в описываемое время фактический лидер прогрессивного блока, председатель кадетской фракции и чуть ли не самый влиятельный депутат IV Государственной думы. Несмотря на общепринятое мнение, исследователям Февральской революции еще предстоит выяснить в чем именно заключались и особенно чем были мотивированы его «колебания».

⁴ Имеется в виду известное заявление (дипломатическая нота) П.Н. Миллюкова от 18 апреля 1917 г. в качестве министра иностранных дел Временного правительства первого состава, направленное правительствам стран Антанты. В ноте подтверждались, принятые царским правительством, обязательства продолжать военные действия до победного конца. Однако в социалистических кругах столицы это заявление было воспринято как отрицание Временным правительством принятой им 27 марта (9 апреля) совместно с Петроградским советом декларации об отказе от аннексий и контрибуций. Нота Миллюкова послужила поводом для начала так называемого Апрельского кризиса, в результате которого кадетский лидер ушел в отставку и было образовано коалиционное Временное правительство с участием представителей социалистических партий.

⁵ В описываемое время Николай Виссарионович Некрасов (1879 – 1940), Михаил Иванович Терещенко (1886 – 1956) и Александр Федорович Керенский (1881 – 1970) занимали министерские посты (путей сообщения, финансов и юстиции, соответственно) и были наиболее влиятельными членами кабинета кн. Г.Е. Львова.

⁶ Князь Георгий Евгеньевич Львов (1861 – 1925) был министром-председателем Временного правительства с 2 марта по 7 июля 1917 г.

Гавроева Е.С.

Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.)

Михаил Владимирович Родзянко относится к ключевым фигурам Февральской революции 1917 года в России. Однако, вплоть до сегодняшнего дня в историографии, как российской, так и в зарубежной, деятельность председателя Временного комитета Государственной думы после создания Временного правительства относится к малоизученным темам российской истории¹. Историки не обращали должного внимания на роль Думы и ее председателя после решающих дней революции, популярность среди различных слоев населения страны². После Февральской революции в адрес Государственной думы, а в большинстве своем на имя ее председателя поступило более 20 000 телеграмм и писем. «Огромнейшее количество приветственных телеграмм, со словами восторга, восхищения и поддержки шагов Государственной думы и ее Временного комитета, стекалось в Таврический дворец со всех сторон России»³. Такой массовый источник как «письма во власть» при рассмотрении событий революционного 1917 г., а в первую очередь, фигуры председателя ВКГД не становился предметом специального исследования.

Обратимся к телеграммам, поступающим на имя председателя ВКГД М.В. Родзянко, от рабочих фабрик и заводов. В отечественной историографии уже не раз обращались к такому роду источникам, однако, работы эти посвящены советскому периоду⁴. Как отмечают исследователи, «письма являются

¹ И.Л. Архипов в своих работах затрагивает некоторые аспекты деятельности М.В. Родзянко после 3 марта 1917 г., но вместе с тем продолжает линию советской историографии о незначительной роли ВКГД и ее председателя, представляя читателю образ амбициозного, тщеславного и мало на что способного председателя думского Комитета. См.: *Архипов И.Л.* 1) Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // *Отечественная история*. 2006. № 3. С. 114 – 126; 2) М.В. Родзянко: второй человек «думской монархии» // *Звезда*. 2009. № 11. С. 160 – 178.

² Исключение составляет работы А.Б. Николаева, где он на основе скрупулезного анализа широкого круга источников показал несправедливость тезиса о нерешительном и недалеко председателе Государственной думы М.В. Родзянко, который укрепился в отечественной и зарубежной историографии (см., напр.: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2005). Также стоит выделить работы американских историков Ц. Хасегавы и С.М. Ляндреса (см., напр.: *Hasegawa T.* The February Revolution, Petrograd, 1917. Seattle, 1981; *Lyandres S.* The Fall of Tsarism. Untold stories of the February 1917 revolution. Oxford, 2013).

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 573.

⁴ См., напр.: *Письма во власть. 1917 – 1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям / Сост.: А.Я. Лифшин, И.Б. Орлов. М., 1998; Письма во власть. 1928 – 1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост.: А.Я. Лившин, И.Б. Орлов, О.В. Хлевнюк. М., 2002; Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Власть и общество: диалог в письмах. М., 2002.

своего рода зеркалом менталитета общества»¹. Не стоит также говорить о том, что они являются полностью объективным отражением сознания общества изучаемого периода. Они в большей степени – источник повседневной жизни тех, кто обращается к власти, описывая свои проблемы, трудности, высказывая требования и пожелания.

Изучение этого нетрадиционного еще для исторической науки источника позволяет рассмотреть отношение рабочих к различным мероприятиям власти, политической обстановке в стране. Обнаруженные в РГИА в фонде Государственной думы (1278) телеграммы помогут раскрыть образ М.В. Родзянко, выявить приписываемые ему характеристики, выяснить, поддерживали ли их авторы его, одобряли ли его действия.

Специальных работ о восприятии рабочих М.В. Родзянко нет. Но в сборнике 1986 г. «Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917 – 1918 гг.» опубликована статья Б.Д. Гальпериной о петроградских рабочих и Государственной думе в марте – июле 1917 г., где она пишет о большом влиянии Государственной думы в среде провинциальных рабочих. Рабочие с разных окраин России считали, что именно Государственная дума сыграла решающую роль в свержении самодержавия. «Они обращались к Государственной думе с приветствиями, требованиями улучшения своего положения, всеобщего избирательного права, созыва Учредительного собрания и т.д.»². А.Б. Николаев проводит анализ телеграмм, полученных ВКГД и М.В. Родзянко с мест со словами приветствия и поддержки, пишет он и о том, что председатель думского Комитета пользовался популярностью среди рабочих.

После создания ВКГД на места отправлялись телеграммы о падении старого режима. Одной из таких была телеграмма № 129 за подписью М.В. Родзянко от 2 марта 1917 года председателям губернских и уездных земских и городских управ об окончательном переходе власти в руки ВКГД, о необходимости соблюдать спокойствие и порядок³. Эта телеграмма, которая особо подчеркивала роль Государственной думы в революционных событиях, способствовала созданию выгодных, преимущественных позиций ВКГД на провинциальном уровне⁴. Такие позиции были достигнуты, в первую очередь, благодаря деятельности М.В. Родзянко, А.А. Бубликова (комиссар ВКГД над МПС) и П.П. Гронского (комиссар в ПТА), а также других комиссаров ВКГД,

¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Власть и народ: «сигналы с мест» как источник по истории России 1917 – 1927 годов // *Общественные науки и современность*. 1999. № 2. С. 95.

² Гальперина Б.Д. Петроградские рабочие и Государственная дума (март – июль 1917 г.) // *Питерские рабочие в борьбе с контрреволюцией в 1917 – 1918 гг.*: [сб. ст.] / Отв. ред. Г.Л. Соболев ; [редкол.: О.Н. Знаменский и др.]. М., 1986. С. 41.

³ Можно говорить о том, что в ответ именно на телеграмму № 129 за подписью М.В. Родзянко потоком отправлялись сообщения с мест, так как рабочие особо отмечали свое согласие на необходимость сохранения порядка и спокойствия, отчитываясь о действиях, которые для этого предпринимались на местах.

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть. 2005. С. 392.

которые отправлялись на места, имея полномочия от думского Комитета, Временного правительства, либо были комиссарами с двойными полномочиями. В ответ с мест потоком шли поздравления в адрес ВКГД и его председателя, высказывались просьбы о помощи, возобновлении деятельности учреждений¹.

Еще в дни Февральской революции М.В. Родзянко пользовался популярностью среди солдат и рабочих, старательно поддерживая ее². Но и после создания Временного правительства письма и телеграммы рабочих со всех концов страны позволяют нам говорить о том, что председатель ВКГД не ушел в тень, его имя не было вычеркнуто из истории революционного 1917 г. В фонде Государственной думы выявлено порядка 600 телеграмм рабочих из Амурской, Донской, Архангельской, Тифлисской, Таврической, Симбирской, Минской, Рязанской и других областей и губерний страны.

В первую очередь обратимся к строке адресата, где в большинстве телеграмм значились следующие сочетания: «господину председателю Государственной думы», «Председателю Исполнительного комитета Государственной думы» или «Председателю Временного правительства». Это фразы встречаются наиболее часто. Отправлялись телеграммы, где встречаются различные варианты названия ВКГД: «Комитету Временного правительства»³, «Исполнительному Комитету Нового правительства»⁴, «Председателю Временного правительства»⁵, «Народному правительству свободной России»⁶. Именовали рабочие М.В. Родзянко и председателем Временного правительства⁷. На наш взгляд, самым интересным и важным является употребление следующих словосочетаний: «Первому гражданину Великой России Родзянко»⁸, «Освободителю России М.В. Родзянко»⁹, «Первому гражданину России Михаилу Родзянко»¹⁰, «Великому гражданину Михаилу Владимировичу Родзянко»¹¹. Ряд телеграмм отправлялся сразу и другим адресатам, среди которых министр-председатель Временного правительства кн. Г.Е. Львов, министр юстиции А.Ф. Керенский, министр путей сообщения

¹ Там же. С. 80.

² Там же. С. 556. На 38 телеграммах, полученных в марте 1917 г. от рабочих, значится подпись «Печать», т.е. предполагалось, что они будут оглашены, как подтверждение весомого вклада в революцию ВКГД и его председателя.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. Л. 21.

⁴ Там же. Д. 1291. Л. 42.

⁵ Там же. Л. 154.

⁶ Там же. Д. 1281. Л. 51.

⁷ Там же. Д. 1267. Л. 22; Д. 1251. Л. 167.

⁸ Там же. Д. 1267. Л. 108.

⁹ Там же. Д. 1291. Л. 52.

¹⁰ Там же. Д. 1253. Л. 78.

¹¹ Там же. Л. 139.

Н.В. Некрасов, министр земледелия А.И. Шингарев, председатель Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе.

Попробуем определить, какой образ М.В. Родзянко создается в телеграммах рабочих. Стоит сразу оговориться, что выявленные нами «письма во власть» дают только положительную оценку деятельности председателя ВКГД. Рабочие благодарили избранника народа, первого гражданина свободной России¹, «великого патриота и борца за свободу»² за свободу и счастье родины³. В первую очередь, рабочие приветствовали его «как спасителя России из-под векового ига старой власти»⁴, для них он был выражением народной мечты⁵. В лице председателя ВКГД рабочие видели новую, обновленную Россию⁶, с чувством восхищения следили они за плодотворной работой⁷, благодарили за «за геройский подвиг и дарование свободы»⁸, выражали чувства уважения и признательности за «бессмертную деятельность во главе Государственной думы»⁹, писали о его «беспримерном мужестве и преданности»¹⁰. При анализе телеграмм с мест становится очевидным тот факт, что для рабочих М.В. Родзянко и народные представители, т.е. думцы, были героями, теми, кто сверг старое правительство, предоставил гражданам свободу.

Для большинства рабочих, которые отправляли телеграммы в Петроград, имя Родзянко было неразрывно связано с Временным правительством, не отрицали они и роли ВКГД в создании новой власти. Именно через него (ВКГД) они передавали свои горячие приветствия, благодарность и чувства уважения членам нового правительства. Рабочие уверяли в верности ВКГД и новой власти, так как «смелый шаг Государственной думы – возможность выйти России на широкий светлый путь обновления»¹¹. Не забывали рабочие и упомянуть о присяге на верность Временному правительству и ВКГД¹². В телеграммах присутствует информация о соблюдении порядка и спокойствия, данные о том, что происходило на местах. Так, например, рабочие рудников Франко-русского общества писали о замене полиции милицией, во главе которой стал

¹ Там же. Л. 1267. Л. 80.

² Там же. Д. 1274. Л. 47.

³ Там же. Д. 1267. Л. 39.

⁴ Там же. Д. 1274. Л. 22.

⁵ Там же. Д. 1267. Л. 116.

⁶ Там же. Д. 1274. Л. 53.

⁷ Там же. Л. 55.

⁸ Там же. Д. 1253. Л. 97.

⁹ Там же. Д. 1267. Л. 139.

¹⁰ Д. 1253. Л. 76.

¹¹ Там же. Д. 1274. Л. 73.

¹² Там же. Д. 1253. Л. 89.

комитет общественной безопасности¹, а рабочие из Курской губернии, в соответствии с инструкциями М.В. Родзянко², избрали комитет для сохранения внутреннего порядка и спокойствия на местах и организации работы на пользу родине³, представители от казенного Сергеевского лесопильного завода не только сообщили о создании местного комитета и милиции, но также отправили доклад и копию протокола об учреждении соответствующих организаций⁴. Рабочие также информировали председателя ВКГД о состоявшихся собраниях и их постановлениях, с указанием количества собравшихся людей или перечисляли фамилии присутствовавших. Высказывались и просьбы о смене администрации старого режима, представителей которых следовало бы отправить на фронт⁵.

На основе анализа поступивших телеграмм можно выделить ряд требований, которые выдвигались рабочими: продолжение войны до победоносного конца, с заверением, что все силы направлены на сокращение врага, нет ни одного упоминания о необходимости прекратить военные действия, наоборот, рабочие всячески подчеркивали готовность работать для поддержки фронта и тыла. Следующим пунктом стало требование амнистии политических заключенных, «товарищей, пострадавших в борьбе за свободу»⁶, «всех невинно осужденных»⁷, а рабочие ремонтных мастерских из Екатеринослава высказались и за пересмотр участи уголовных заключенных⁸. Писали и о необходимости изменения законодательства новым правительством, которое способствовало бы улучшению положения рабочего класса⁹. Рабочие призывали к созыву Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования¹⁰, которое завершит «созидание великого храма народной свободы»¹¹, а также к осуществлению всех политических свобод, проведению демократических и экономических реформ¹², предоставлению свободы слова, печати, собраний, союзов, равноправия национальностей, обеспечению неприкосновенности личности¹³. Волновал рабочих и продовольственный вопрос, который требовал немедленного урегулирования¹⁴.

¹ Там же. Д. 1267. Л. 68.

² Речь идет о телеграмме председателя ВКГД за № 129 от 2 марта.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1267. Л. 141.

⁴ Там же. Д. 1281. Л. 34.

⁵ Там же. Д. 1267. Л. 93.

⁶ Там же. Л. 24.

⁷ Там же. Л. 29.

⁸ Там же. Л. 47.

⁹ Там же. Л. 33; Д. 1253. Л. 41.

¹⁰ Там же. Д. 1267. Л. 89.

¹¹ Там же. Д. 1274. Л. 5.

¹² Там же. Д. 1267. Л. 90.

¹³ Там же. ЛЛ. 112, 123.

¹⁴ Там же. Д. 1253. ЛЛ. 125, 127, 128.

Встречаются в телеграммах и неординарные требования: так, рабочие фабрики Красильщикова в Костромской губернии по итогам собрания, на котором присутствовало 6 тысяч человек, говорили о Конституции¹, а рабочие Владимирского порохового завода просили принять меры к удалению членов бывшей царской фамилии от занимаемых ими должностей, к выселению бывшей императорской четы за пределы России², а вот, рабочие депо Саратов считали необходимым предать военному суду старое правительство³. Стоит особо отметить, что выполнение требований рабочих было условием поддержки Временного правительства и новой власти.

Заканчивали же свои приветственные телеграммы рабочие следующими фразами: «Да, здравствует освобожденная Россия»⁴, «Да здравствует Государственная дума»⁵, «Да здравствуют народные представители»⁶, «Да здравствуют армия и флот»⁷, «Да здравствует великий Родзянко»⁸, «Да здравствует свободный гражданин»⁹, «Да здравствует свобода»¹⁰, «Да здравствует Демократическая Республика»¹¹.

Рабочие с восторгом описывали революционные события на местах, признавая за Государственной думой, в особенности, М.В. Родзянко, первого гражданина свободной России, главную роль в свержении самодержавия. Именно с председателем ВКГД они связывали свои надежды на будущее, благодарили за дарование свободы, высказывали требования и просьбы. «Письма во власть» демонстрируют, что и после создания Временного правительства фигура М.В. Родзянко оставалась символом борьбы, как это было и до революции.

Гордеев П.Н.

В.Ф. Безпалов – комендант петроградских государственных театров в 1917 году.

Оперный певец Василий Федорович Безпалов известен историкам и театроведам, в первую очередь, как мемуарист, оставивший ценные воспомина-

¹ Там же. Д. 1267. Л. 123.

² Там же. Д. 1274. Л. 40.

³ Там же. Д. 1251. Л. 45.

⁴ Там же. Д. 1274. Л. 28.

⁵ Там же. Д. 1253. Л. 36; Д. 1274. Л. 67; Д. 1283. Л. 186.; Д. 1291. ЛЛ. 109, 114.

⁶ Там же. Д. 1267. Л. 18.

⁷ Там же. Д. 1267. ЛЛ. 33, 52; Д. 1274. Л. 27; Д. 1289. Л. 12.

⁸ Там же. Д. 1251. Л. 31.

⁹ Там же. Д. 1267. Л. 69; Д. 1274. Л. 55.

¹⁰ Там же. Д. 1251. Л. 19.

¹¹ Там же. Д. 1253. Л. 55.

ния о своей деятельности в 1917 г. в качестве коменданта петроградских государственных театров¹. В то же время, сама эта деятельность до сих пор выпадала из поля зрения исследователей, а она, между тем, отнюдь не исчерпывающе была отражена Безпаловым в его известной книге. Цель настоящей статьи – попытаться восполнить указанный пробел и, на основании широкого круга источников, изучить фактическую сторону работы Безпалова на указанном посту, а также определить ту политическую роль, которую ему довелось сыграть в ведомстве государственных театров во время революции.

В.Ф. Безпалов был уроженцем Восточной Сибири. Писательница С.И. Смирнова-Сазонова, с семьей которой он сблизился во время революции, 6 февраля 1917 г., когда будущий комендант театров (вероятно, впервые) побывал у нее в гостях и говорил о своей жизни и пребывании на фронте, занесла в дневник некоторые его рассказы: «Семья его живет в селе Витиме, за 1 1/2 или 2 т[ысячи] верст от Иркутска по соседству с якутами и с дремуч[ими] лесами. У них есть, напр[имер], рабочий, обязанность кот[орого] ловить рыбу и дичь к столу. Пекут, напр[имер], пирог с стерлядями, рабочему накануне заказывают наловить стерлядей. Он знает места и к утру исполняет заказ. Дичь ловит силками. Земли т[ак] много, что каждый желающий косит заливн[ые] луга по рекам и все-таки деревня всего выкосить не может, часть травы т[ак] и погибает зимою под снегом. Всего там вдоволь, все сыты, даже медведи там крупные, но смиренные, при обилии всякой дичи в лесу, ягод и грибов, они всегда сыты. Народ не нуждается. Приезжий нанимает мужика довести его до места, сторгуется с ним, но мужик объявляет, что он нынче не поедет, ему не охота, а повезет его завтра. И сиди сутки, да побольше, жди, когда мужику будет охота»².

В конце XIX века село Витимское (Витим) было центром Витимской волости Киренского округа Иркутской губернии³. Безпаловы, по-видимому, осели в Витиме и его окрестностях довольно прочно: так, во время поездки епископа Киренского Евгения (Зернова) по церквам вверенных ему благочиний, предпринятой летом 1913 г., архиерей осмотрел в селе Больше-Пеледуйское, расположенном неподалеку от Витима, церковно-приходскую школу, где, как отметил в своих записках сопровождавший епископа Евгения священник Н.А. Пономарев, «учительствует окончившая прогимназию Анфуса Безпалова»⁴. Среди лиц, подвергшихся сталинским репрессиям, упоминается

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. Л., 1927.

² РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. ЛЛ. 62 – 63.

³ Волости и населенные места 1893 года. Вып. 4. Иркутская губерния. СПб., 1894. Волости. С. 8.

⁴ *Пономарев Н.А.* Поездка Преосвященного Епископа Евгения в Киренский уезд в июне – июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007. С. 104.

экономист, сотрудник Амурского рыбтреста Сергей Петрович Беспалов¹, родившийся в Витиме в 1907 г.² Вероятно, они были родственниками будущего революционного коменданта театров, дату рождения которого пока установить не удалось.

В 1907 г. Василий Беспалов окончил Музыкальные классы при Иркутском отделении Императорского Русского музыкального общества³. Затем юный сибиряк переехал в Москву, где, пройдя обучение в Московской консерватории⁴, в апреле 1914 г. подписал контракт с Дирекцией императорских театров о поступлении с 1 сентября 1914 г., в качестве певца-баритона, в Большой театр. Однако уже в августе, с началом Великой войны, он был призван в армию, а в конце 1914 г. – отправлен на фронт. В мае 1915 г. Беспалов прибыл на лечение в Петроград и сумел, при помощи директора императорских театров В.А. Теляковского, остаться в столице, будучи прикомандированным к Главному управлению Генерального штаба. При этом с 1 сентября 1915 г. певец был зачислен в труппу Мариинского театра⁵. В данном качестве он и встретил Февральскую революцию, ставшую «звездным часом» для молодого артиста.

«27 февраля, как всегда, в десятом часу утра, я вышел на службу в штаб. Жил я тогда на Васильевском острове близ Малого проспекта» – вспоминал об этом историческом дне Беспалов⁶. Однако, будущий комендант театров «не успел еще дойти до Николаевского моста, как почувствовал, что жизнь выходит из берегов. По улицам шли оживленные группы солдат, матросов, студентов и рабочих, ехали грузовики, наполненные винтовками, неслись автомобили с седоками, вооруженными с ног до головы, и все это стремилось куда-то в центр»⁷. Туда же направился и Беспалов, вскоре оказавшийся в Таврическом дворце и предложивший свои услуги деятелям Думы. Затем в течение двух дней (27 и 28 февраля) артист погрузился в круговорот революционной столицы, где «все пошло уже с дикой быстротой»; он приводил в Таврический дворец колонну автомобилей, ездил в казармы Егерского полка и

¹ Фамилия героя нашей статьи при его жизни писалась через «з» (Беспалов), а в некоторых поздних изданиях через «с» (Беспалов).

² Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://lists.memo.ru/d4/f250.htm>

³ Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. Иркутск, 1987. С. 110.

⁴ Г. К предстоящим концертам Василия Беспалова и Павла Берлинского // Бурят-Монгольская правда. 1927. 25 мая.

⁵ Гордеев П.Н. Военная служба В.Ф. Беспалова в годы Великой войны // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и сост.), А.В. Аранович. СПб., 2013. С. 110 – 116.

⁶ Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 15. Беспалов жил на 11-й линии Васильевского острова, в доме 56 б: Весь Петроград на 1917 год. Пг., 1917. Отд. III. С. 51.

⁷ Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 15.

в район Военно-медицинской академии, охранял здание Думы, встречал великого князя Кирилла Владимировича, беседовал с А.Ф. Керенским¹. 1 марта «по пути в Таврический дворец» он заехал в Мариинский театр, где узнал, от дежуривших там артистов², что «27 февраля³, во время пожара Литовского замка, в Мариинский театр пыталась проникнуть грабительски настроенная толпа», искавшая пулеметы, однако находившиеся в театре артист В.В. Киселев и режиссер П.И. Мельников сумели успокоить непрошенных гостей, проведя выборных от толпы по театру, и с тех пор артисты установили добровольные дежурства, по три человека в каждой смене⁴. Безпалов, загоревшийся мыслью поставить дело охраны театров на более прочную основу, отправился в Дирекцию императорских театров, на Театральную улицу. «В дирекции все было тихо» – вспоминал будущий комендант. «Я поинтересовался, не может ли директор принять меня. Сторож, к моему удивлению, очень быстро устроил эту аудиенцию». Вскоре сам В.А. Теляковский «встретил меня радушно в своих замерших, как бы опустевших покоях»⁵.

Тишина и безлюдье, поразившие В.Ф. Безпалова, были, конечно, отнюдь не случайными. Утром 1 марта, за несколько часов до его визита, Теляковский был арестован и препровожден в Государственную думу, откуда ему удалось вернуться лишь около 4 часов дня (следовательно, беседа его с Безпаловым происходила уже во второй половине дня)⁶. Можно представить, насколько тревожной была в то время атмосфера в здании Дирекции театров – а потому неудивительно, что когда Безпалов поделился с Теляковским мыслью об охране императорских театров, последний «одобрил мою мысль и советовал сейчас же действовать». После этого разговора молодой артист немедленно поехал в Таврический дворец, где его направили к П.Н. Милокову; получив от лидера кадетов записку «к одному из военных в комендатуре», затем, на основании этого клочка бумаги он смог, потратив «шесть – семь часов», набрать «в Измайловском и Стрелковом полках сорок солдат с винтовками и

¹ Там же. С. 16 – 22.

² Мариинский театр, как и остальные театры Петрограда, с 27 февраля был закрыт: Прекращение спектаклей // Петроградская газета. 1917. 5 марта.

³ Согласно рапортам, представленным 18 марта 1917 г. в Петроградскую контору государственных театров заведующим зданием Мариинского театра Н.Г. Менгденом и и. о. гардеробмейстера того же театра Н.А. Печатниковым, указанное событие произошло 28 февраля: Гордеев П.Н. Воровство и хулиганство в петроградских государственных театрах в феврале – октябре 1917 года // Новое литературное обозрение. 2013. № 123. С. 132 – 133.

⁴ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 22 – 23; Дежурство артистов в Мариинском театре // Петроградская газета. 1917. 5 марта.

⁵ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 24.

⁶ Гордеев П.Н. Февральская революция и Министерство двора // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. колл.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2011. С. 27.

патронами, разбить их по группам, назначить старших и помощников и выставить караулы к Мариинскому, Александринскому и Михайловскому театрам, а также к денежному ящику и материальным складами дирекции. Около четырех часов утра я, наконец, закончил этот оригинальный ночной развод» – вспоминал о начале своей деятельности по охране театров В.Ф. Безпалов¹.

На следующий день, 2 марта, проинспектировав расставленные им караулы и закончив эту работу во втором часу ночи, Безпалов остался ночевать, по предложению В.А. Теляковского, в здании Дирекции театров². Об эмоциональном состоянии артиста в это время дает представление запись в дневнике писательницы С.И. Смирновой-Сазоновой, к которой он 2 марта успел заскочить в гости: «Безпалов 4 дня провел в Думе добровольцем, исполнял там разн[ые] поручения, ездил реквизирировать автомобили и весь пылает от восторга, что переворот совершился так образцово. Был, говорит, один опасн[ый] момент, одна ночь, когда город оставался без властей и без охраны, но буйные элементы не сумели им воспользоваться, они его пропустили. Теперь он уже больше не вернется. Госуд[арственный] переворот действ[ительно] прошел в образцов[ом] порядке, без кровопролитий, если не считать нескол[ьких] случайных жертв. В 4 дня госуд[арство] пережило перемену веков[ого] строя, все власти смещены при общем сочувствии всего города. Но я предсказываю, что будет еще кровопролитная борьба, и мы увидим резню на улицах. Безпалов уверяет, что ничего подобного не будет. С юношеск[им] энтузиазмом он верит, что наступил золот[ой] век. Дума всех накормит, припасов у нас много, Москва сейчас навезет нам всего. Я усомнилась, откуда взять Москве, если она сама сидит без хлеба. Все подвезут, все будет, со всех концов повезут!»³

3 марта в Дирекцию театров прибыл назначенный ВКГД комиссар, член IV Государственной думы Н.Н. Львов, предложивший В.Ф. Безпалову «совершенно новую должность коменданта петроградских государственных театров, которому должна быть поручена охрана всех зданий, складов декораций, костюмов, бутафории и всего имущества императорских театров». На реплику певца, колебавшегося принять предложение, о том, что он «больше предан сцене, нежели административной работе, особенно хлопотливой в такое время», Львов ответил, что «должность коменданта будет временной» и что Безпалов сможет совмещать ее с «работой артиста Мариинского театра»; получив эти заверения, последний дал свое согласие. Тогда же, по предложению В.А. Теляковского, новоиспеченному коменданту был назначен оклад в 150 руб. в месяц (также в его распоряжение были отданы лошадь и пролетка)⁴.

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 25 – 26.

² Там же. С. 26 – 27.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. Л. 138.

⁴ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 27 – 28. Помимо этого В.Ф. Безпалов получал оклад и как оперный певец: в сезон 1916 – 1917 гг. он составлял 1200 руб. в

Таким образом, согласно мемуарам Безпалова, уже 3 марта было достигнуто устное соглашение о назначении его комендантом петроградских государственных (бывших императорских) театров. Однако, официальное утверждение артиста в этой должности произошло позднее. В сохранившихся от недолгой эпохи комиссарства Н.Н. Львова документах фамилия Безпалова впервые упоминается 4 марта, когда приказами №№ 5 и 6 Львов назначил его «начальником охраны казенных театров», которому было поручено «наблюдение за порядком в зданиях Марининского, Александринского и Михайловского театров и во всех зданиях Дирекции театров за караулами и внешнею, и внутреннюю охраню их и служащих при театрах и зданиях». 6 марта приказом Львова за № 16 Безпалов был назначен на новую, не существовавшую ранее, должность «коменданта всех государственных театров Петрограда» с подчинением его приказаниям «всех служащих и должностных лиц». В приказе говорилось о том, что «всякое его приказание должно быть немедленно приведено в исполнение». По-видимому, столь широкая формулировка вскоре потребовала конкретизации, которая была дана приказом Львова № 24 (появился не позднее 8 марта), уточнявшим, что «должность коменданта Государственных театров Петрограда ограничивается наблюдением за внешним и внутренним порядком в зданиях»¹. В таких условиях В.Ф. Безпалов приступил к своей работе.

Личность коменданта петроградских государственных театров привлекала в то время внимание прессы – отмечался и тот факт, что он был на фронте², и то, что наряду с исполнением обязанностей коменданта Безпалов продолжал выступать в качестве оперного артиста³. Интересовались Безпаловым, разумеется, и его коллеги по сцене (причем не только в Мариинском театре), для которых он являлся представителем нового, революционного,

год, и лишь с мая 1917 г., когда бюджет оперной труппы Марининского театра был существенно повышен, оклад Безпалова вырос до 2200 руб. – оставаясь по-прежнему одним из наиболее скромных в труппе: РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5119. ЛЛ. 3 об., 11 об.

¹ Гордеев П.Н. Н.Н. Львов – комиссар ВКГД и Временного правительства над Дирекцией императорских театров // Таврические чтения 2013. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сборник научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2014. Ч. 1. С. 346 – 347, 350 – 351. Корреспондент всегда живо интересовавшейся театральными делами «Петроградской газеты» отмечал, что «должность эта является совершенно новой» и Безпалову теперь «поручено хранение всех зданий бывшей дирекции императорских театров, т. е. театров, складов, декораций, театрального училища, экипажного заведения и т. д. Коменданту подчинены все театральные полицеймейстеры»: Комендант государственных театров // Петроградская газета. 1917. 17 марта.

² Комендант государственных театров // Петроградская газета. 1917. 9 марта.

³ Комендант и комиссар на сцене // Там же. 11 марта; Комендант государственных театров // Там же. 17 марта.

«начальства»¹. Комендант действительно выделялся на фоне деятелей старого театрального управления. Е.М. Кузнецов, автор предисловия и комментариев к мемуарам Безпалова, писал (вероятно, на основе собственных воспоминаний): «В защитном френче, со знаками отличия, в серой окопной шинели, В.Ф. Безпалов в самом деле производил неожиданное впечатление среди застарелых и хронических² чиновников театральной конторы»³.

Об эмоциональном состоянии В.Ф. Безпалова в то время дают представление записи в дневнике С.И. Смирновой-Сазоновой, в доме которой артист сделался частым гостем⁴. «Комендант госуд[арственных] театров у нас обедал» – записала С.И. Смирнова-Сазонова 15 марта. «Последн[ий] раз, когда он у нас был, это б[ыл] просто юный, начинающ[ий] певец Безпалов. Нескол[ько] дней работы в Думе в перв[ые] дни революции сразу вознесли его на место времен[ного] командира наших недавно еще император[ских] театров. Чем он там командует, не знаю хорошенько, всем каж[ется], кроме артистов, только они ему не подвластны, но он видимо упоен св[оей] властью, особенно тем, что у него под командой теперь контора театров и ее довольно-таки противные и важничавшие чиновники. Шишко⁵, напр[имер], раньше рвал записки Безпалова, а теперь оказался у него под начальством. Теляковский с ним страшно любезен, показывает ему письма, кот[орыми] его осаждали протеже имп[ератри]цы, желавшие поступить на сцену, но он их все-таки не принимал⁶. Безпалова выдвинул Львов, комиссар Думы, кот[орому]

¹ 9 марта С.И. Смирнова-Сазонова записала: «Комендантом Александрин[ского] театра [так в тексте, на самом деле – комендантом всех петроградских государственных театров – П. Г.] назначен Безпалов. Любу [Л.Н. Шувалову] это страшно рассмешило. Этот юный баритон из Якутской области подписывает им теперь пропуска»: РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. Л. 167.

² Так в тексте.

³ Кузнецов Е. Предисловие // *Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917*. С. 5.

⁴ Можно предположить, что причина посещений Безпаловым дома Смирновой-Сазоновой имела романтический характер и была связана с влюбленностью Безпалова в сестру зятя писательницы П.К. Анчутину (об их родственных отношениях см.: РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 66. ЛЛ. 161, 181 и др.; № 67. Л. 47) девятнадцатилетнюю Нину Анчутину. 22 апреля 1917 г. Смирнова-Сазонова записала: «Был еще Тарасевич [инициалы установить не удалось – П.Г.]. Два подпоручика, он и Безпалов, ухаживали за Ниной». Несколько месяцев спустя (24 августа), когда писательница и ее дочь, актриса Л.Н. Шувалова спросили подпоручика Тарасевича, отчего он только один раз посетил их летом на даче в Финляндии и более не приезжал, то выяснилось: «Оказывается, он что-то сказ[ал] Нине о Безпалове, а она будто бы обиделась» (Там же. № 66. ЛЛ. 14, 317). Налицо, по-видимому, классический «любовный треугольник».

⁵ Имеется в виду Н.М. Шишко, помощник заведующего постановками Петроградской конторы государственных театров: *Весь Петроград на 1917 год*. Отд. I. С. 64.

⁶ Подобных писем, авторы которых хотели устроиться на императорскую сцену через покровительство высочайших особ или высокопоставленных государственных деятелей, действительно сохранилось немало в фондах Дирекции театров (и почти все – с

временно поручено ведать театрами. Люба [Л.Н. Шувалова], когда позвонила по телефону к Безпалову, узнала голос Теляковского, сообщившего, что его сейчас нет, и любезно спрашивавшего, не нужно ли что-ниб[удь] передать ему»¹.

Еще более интересное сообщение появилось в дневнике Смирновой-Сазоновой 2 апреля, на Пасху (Безпалов тогда зашел к ней в гости, вместе с артисткой Александринского театра М.А. Костровой). «У нас в гостиной встретились республиканец с монархисткой, Безпалов с Марусей Костровой, и она громко негодовала на нов[ые] порядки <...> Безпалов, тот напротив, радуется перевороту. Он все в нов[ые] союзы записывается: в республикан[ский] союз, в крестьян[ский] союз. Он хочет играть роль, быть диктатором, и не скрывает этого. Особенно надеется он на крестьян[ский] союз², кот[орый] лет через пять станет всемогущ, а он, Безпалов, будет им руководить³. Он почему-то рассчитывает на св[ою] власть над толпой, хотя оратор он не важный и гов[орит] к[ак]-то в нос, точно у него насморк. Главное его качество – непобедимое упрямство, он не отступится от того, что задумал. “Я оч[ень] упрям”, объявил он. Поет он гораздо лучше, чем говорит, и спел нынче нескол[ько] романсов, не дожидаясь, пока его попросят, сам предложил. Марусе он не понравился, он показался ей шарлатаном. Мы с Любой защищали его: это просто юношеск[ий] задор»⁴. Уникально информационное содержание этой записи. Во-первых, в ней раскрываются весьма далеко шедшие политические амбиции В.Ф. Безпалова (о чем более не говорится ни в одном известном автору этих строк источнике). Во-вторых, дневник Смирновой-Сазоновой передает многие личностные черты коменданта театров – стремление быть «диктатором», упрямство и т. д. – о которых воспоминания самого Безпалова, написанные в ровном, доброжелательном тоне, совершенно не дают представления.

В 1917 г. этот молодой человек, увлекавшийся политикой, был вхож в «советские» круги и поддерживал, как комендант государственных театров, связь с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов. В своих мемуарах он лишь вскользь упоминает об этом: «Вечером 17 апреля я получил

отрицательными резолюциями В.А. Теляковского): РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5099. ЛЛ. 1 – 5, 23 – 29, 36, 41 – 49

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. ЛЛ. 186 – 187.

² Вероятно, речь идет о Всероссийском крестьянском союзе, впервые возникшем в 1905 г. и воссозданном после Февральской революции: *Симонова М.С.* Крестьянский союз Всероссийский // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 110 – 112.

³ Эту мысль Безпалов сумел внушить и В.А. Теляковскому, с которым он часто общался по службе в данное время. «Теперь скоро вступит в силу крестьянский союз» – записал 3 мая в своем дневнике директор театров (после очередного разговора с В.Ф. Безпаловым): АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 124.

⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. ЛЛ. 245 – 247.

из исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов распоряжение до начала демонстрации под личной ответственностью осмотреть крышу и купол Мариинского театра, так как ходят слухи, что там спрятаны пулеметы»¹. Отметим, что посылка Исполкомом Петроградского совета «распоряжения» служащему театрального ведомства, подчиненного отнюдь не Совету, а комиссару Временного правительства над бывшим МИДв Ф.А. Головину, вообще была явлением исключительным. Безпалов не был обязан выполнять какие-либо распоряжения Петросовета (формально – общественной организации), но там, вероятно, знали, что в глазах коменданта театров Совет – это власть, и приказ будет выполнен (так и произошло, Безпалов произвел осмотр²). Эксклюзивной политической информацией из сфер, близких Совету, он не раз делился с гостями маленького домашнего салона С.И. Смирновой-Сазоновой. 15 марта писательница отметила в дневнике, что Безпалов, будучи у нее в гостях, говорил, «что отношения времен[ного] правительства с советом рабоч[их] депутатов теперь уладились, а дня 3 назад сильно было обострились. В совете поднялась сильн[ая] агитация против думск[ого] правительства, агитаторы гов[орили] зажигательн[ые] речи с явн[ой] целью перессорить рабочих и солдат с министрами. Но выступил Керенский, спросил рабочих и солдат[ских] депутатов, верят ли они ему, подчиняются ли его распоряжениям и, получив утвердительн[ый] ответ, приказал запереть все двери, оценить их стражей и объявил собранию: “среди вас находятся 60 провокаторов”. После этого предложил всем убедиться в этом самолично, выходить в двери по одному и каждому предъявлять при выходе документы. В результате так[им] образом б[ыло] поймано 40 чел[овек] немец[ких] шпионов»³. 22 апреля Безпалов ознакомил Смирнову-Сазонову и ее гостей с содержанием заявления, сделанного П.Н. Милюковым Петроградскому совету, о том, что в случае сепаратного мира с Германией Япония захватит Владивосток, а Англия – Мурманск⁴. 23 марта директор театров В.А. Теляковский после разговора с Безпаловым отметил в дневнике: «Безпалов мне сегодня говорил, что, присутствуя среди рабочих и депутатов солдат, он слышал разговоры и рассуждения по поводу французских спектаклей в Михайловском Театре» (речь шла о целесообразности сохранения в Петрограде французской драматической труппы)⁵. Наконец, в июне 1917 г. Безпалов оказался уже официально связанным с Петроградским советом, войдя в состав Театральной комиссии при Исполнительном комитете как один из двух делегатов от государственных театров (вторым был оперный артист В.В. Киселев)⁶.

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 51.

² Там же.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 65. ЛЛ. 187 – 188.

⁴ Там же. № 66. Л. 15.

⁵ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 76.

⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 1. Д. 5. Л. 1; *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 73 – 74.

Правомерно задаться вопросом – а чем, собственно, занимался комендант петроградских государственных театров? Ответ на него в значительной части содержится в воспоминаниях В.Ф. Беспалова. Их структура отличается присущей военному человеку четкостью и разделяется на ряд тем, последовательно освещаемых мемуаристом: это попытки артистов (особенно активные в марте – апреле 1917 г.) выработать некую театральную «конституцию», основанную на идеях автономии и самоуправления¹; торжественное открытие спектаклей после Февральской революции²; судьба «Гимна революции», сочиненного Ф.И. Шаляпиным³; враждебные отношения, сложившиеся между артистами государственных и частных театров⁴; празднование 1 мая в театрах⁵; многочисленные спектакли-митинги и концерты-митинги, ставшие неотъемлемой частью жизни театральных коллективов в 1917 г.⁶; характеристика главноуполномоченного по государственным театрам Ф.Д. Батюшкова и рассказ об обстоятельствах его назначения⁷; разработка и принятие «Временного положения об управлении государственными театрами»⁸; избрание видного музыкального деятеля А.И. Зилоти управляющим оперной труппой Мариинского театра⁹; вопрос о военнообязанных артистах (наиболее близкий лично Беспалову и освещенный в мемуарах весьма подробно)¹⁰; настроения в артистическом мире осенью 1917 г.¹¹; события Октябрьской революции и последовавшего за ней периода непризнания театрами власти большевиков, закончившегося в январе 1918 г. (чему способствовал ряд силовых мер, предпринятых Советским правительством и также описанных в мемуарах)¹². Наконец, завершает книгу рассказ о событиях декабря 1917 г., когда Беспалову довелось выступить посредником между великими князьями Николаем и Сергеем Михайловичами, хлопотавшими о спасении от вселения революционных организаций и последующего более чем вероятного разграбления своего родового Ново-Михайловского дворца, и наркомом просвещения А.В. Луначарским¹³, и, в самом конце текста, описание концерта, данного Беспаловым 29 декабря, перед отъездом в Сибирь¹⁴.

¹ Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 31 – 38, 48 – 50.

² Там же. С. 38 – 41.

³ Там же. С. 42 – 45.

⁴ Там же. С. 45 – 48.

⁵ Там же. С. 50 – 52.

⁶ Там же. С. 52 – 55.

⁷ Там же. С. 55 – 60.

⁸ Там же. С. 60 – 64.

⁹ Там же. С. 64 – 67.

¹⁰ Там же. С. 67 – 74.

¹¹ Там же. С. 76 – 82.

¹² Там же. С. 83 – 116.

¹³ Там же. С. 117 – 125.

¹⁴ Там же. С. 125 – 132.

Однако, не все аспекты многохлопотной службы коменданта петроградских государственных театров получили должное освещение в его, в общем, небольших по объему мемуарах. Ниже мы остановимся на той части работы В.Ф. Безпалова в 1917 г., которая осталась за рамками книги воспоминаний.

Во-первых, следует отметить осуществление Безпаловым, как комендантом театров, представительских функций (в особенности весной 1917 г.). 12 марта, во время открытия петроградских государственных театров после двухнедельного перерыва, он, вместе с членами выборного комитета Марининского театра, встречал прибывших туда членов ВКГД и представителей Петроградского совета¹. Противоречивыми впечатлениями от этого спектакля (шла «Майская ночь») Безпалов поделился с В.А. Теляковским, записавшим на следующий день в дневнике: «наш временный комендант пор[учик]² Безпалов, оставшись вполне доволен энтузиазмом свободной России первого спектакля и порядком, сохранившимся в театре, был в то же время поражен тем заискиванием и низкопоклонством, которое проявили некоторые артисты к представителям нового режима – холопство осталось, переменялся лишь объект – нет той осанки свободного гражданина, со свободным мнением и независимостью». Безпалова, согласно цитированной записи, «поразило», как оперная артистка М.Б. Черкасская «подставляла стулья приехавшим депутатам и деятелям революции»³.

Во-вторых, Безпалов рассматривался театральными служащими в качестве лица, которому можно было пожаловаться на нарушение распорядка и дисциплины в театрах. Артист балетной труппы М.А. Петров сообщил 24 марта в «Комиссию по текущим делам» труппы, что 22 у него в Марининском театре произошел конфликт с регистратором Петроградской конторы государственных театров Ч.Б. Прушинским. Прушинский потребовал от Петрова освободить одну из бывших царских лож, переданную теперь Временному правительству, а когда тот отказался, Прушинский пригрозил, что будет вынужден донести об этом «коменданту театра Г. Безпалову»⁴.

В-третьих, комендант государственных театров – по крайней мере, весной 1917 г. – имел возможность (весьма ценную для театралов) предоставить тем или иным лицам бесплатные места в зрительном зале. Подтверждения этому можно найти в дневнике С.И. Смирновой-Сазоновой, записавшей 23 апреля о хлопотах своей дочери Л.Н. Шуваловой с целью дать возможность побывать в театре солдатам-фронтовикам, лечившимся в «актерском» лазарете: «Утром Люба ходила в театр, чт[обы] достать места на утрен[нее] представление для лазарета и посадить солдат. По записке Безпалова им дали министерск[ую] ложу, но их было 20 человек, одной ложи б[ыло] мало, дали еще другую в

¹ Открытие государственных театров // Новое время. 1917. 14 марта.

² Так в тексте, правильно – подпоручик.

³ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 61 об.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 337. Оп. 1. Д. 3. ЛЛ. 12 – 12 об.

бельэтаже и туда 6 чел[овек] посадили»¹. Безусловно, помещение в бывшую ложу министра двора героев Великой войны нельзя поставить в вину коменданту театров. Что касается предоставления мест для своих знакомых, то в этом случае, Безпалов, по-видимому, в основном жертвовал собственным «казенным» местом в зрительном зале, появившимся у него после назначения на должность коменданта. Об одном таком случае также имеется упоминание в дневнике Смирновой-Сазиной; 30 апреля она отметила, что Безпалов обещал ее зятю П.К. Анчутину «св[ое] кресло в балете и забыл сказать об этом в кассе. П.К. напрасно приехал в Мариин[ский] театр, кресла ему т[ак] и не дали»². До этого, 15 марта, Безпалов «доставил Любу до театра, где дал ей место за креслами на “Маскарад”»³ – лишь этот случай с формальной точки зрения можно было бы признать «протекцией», хотя тот факт, что Л.Н. Шувалова получила место в зрительном зале театра, в труппе которого она состояла актрисой, конечно, вполне извинителен.

Наконец, в-четвертых, следует отметить определенное влияние, которое Безпалов весной 1917 г. приобрел на дела Дирекции театров и лично на В.А. Теляковского. Насколько оно было значительным, показывает дневник последнего за март – начало мая 1917 г. (вплоть до отставки Теляковского), в котором Безпалов, начиная с 9 марта, упоминается 13 раз (в 12 дневниковых записях): 9 марта (дважды: запись о служебном отношении в градоначальство по поводу назначения Безпалова комендантом⁴ и об отправлении Безпалова с докладом к Н.Н. Львову⁵), 10 марта (автор дневника просил Безпалова съездить в Измайловский полк⁶), 11 марта (о желании оперных артистов лишить Безпалова, как коменданта, выступлений на сцене⁷), 12 марта (рассказ Безпалова о курьезном прошении артистов оперы⁸), 13 марта (впечатления Безпалова о торжественном открытии театров 12 марта⁹), 17 марта (сообщение Безпалова об инциденте между хором Мариинского театра и Ф.И. Шаляпиным¹⁰), 23 марта (передача Безпаловым Теляковскому мнения «рабочих и депутатов солдат» о желательности сохранения французской труппы¹¹), 25 марта (сообщение Безпалова о переносе «торжественного спектакля» на 9

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 66. Л. 16.

² Там же. Л. 33.

³ Там же. № 65. Л. 187. Немаловажным представляется и употребление в записи слова «доставил» – значит, В.Ф. Безпалов в то время пользовался казенным автомобилем.

⁴ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 56.

⁶ Там же. Л. 57 об.

⁷ Там же. Л. 58.

⁸ Там же. Л. 60.

⁹ Там же. ЛЛ. 61 об., 62 об.

¹⁰ Там же. Л. 69.

¹¹ Там же. Л. 76.

апреля¹), 2 апреля (рассказ коменданта театров о намерении оперных артистов «подать прошение г. Комиссару об отпуске им подъемных денег на дороговизну для облегчения их поездки на курорты, где, по их сведениям, жизнь очень дорога!!!». «Из каких это средств, спрашивается» – отметил там же Теляковский²), 8 апреля (мнение Безпалова о предполагаемом «отнятии» бывших царских лож от артистов Мариинского театра, занявших их явочным порядком после Февраля³), 16 апреля (жалоба Безпалова на то, как трудно размещать разнообразных «делегатов», претендующих на бесплатные места, в Мариинском театре – при этом, как отметил Теляковский, «наши оперные артисты вместо того, чтобы помогать коменданту, своему товарищу, также высказывают неудовольствие, когда к ним в ложу приводят различных делегатов»⁴), 3 мая (сообщение Безпалова об обстановке в оперной труппе⁵). В данном случае следует отметить не только высокую частотность упоминаний фамилии коменданта театров в дневнике Теляковского, но и содержание этих записей – директор считал нужным фиксировать суждения Безпалова по разнообразным вопросам театральной жизни. Это неудивительно – молодой певец, стоявший на одном из последних мест в артистической иерархии, после Февраля приобрел статус ставленника новой власти в бывших императорских театрах Петрограда. Еще больший политический вес придавало коменданту театров знакомство с левыми, советскими кругами, которым он время от времени щеголял перед своими собеседниками. При всем этом Безпалов пытался по мере сил поддерживать порядок в театрах, что не могло не импонировать Теляковскому, с горечью наблюдавшему начавшийся развал стройного театрального механизма.

Помимо напряженной работы в качестве коменданта, В.Ф. Безпалов весной 1917 г. не прекращал и концертной деятельности, выступая и на сцене государственных театров, и на иных, менее привилегированных подмостках. Следует отметить, что назначение его комендантом чуть не привело к конфликту с товарищами по сцене. В.А. Теляковский записал 12 марта о том, что режиссер оперной труппы И.В. Тартаков сообщил ему: «артисты не хотели дать петь Безпалову, так как он теперь исполняет должность коменданта театров – то же мне подтвердил и сам Безпалов». Директор «просил Тартакова убедить артистов, что это несправедливо. Если Безпалов взял на себя обязанности коменданта, то этим хлопочет и приносит пользу не только театрам, но и самим же артистам – а в сущности он поступил в театры как певец, это его цель жизни, и лишать его этого было бы несправедливо – тем более, что он

¹ Там же. Л. 79 об.

² Там же. Л. 87.

³ Там же. Л. 91 об.

⁴ Там же. Л. 102 об.

⁵ Там же. Л. 124.

назначен новым правительством и исполняет добросовестно дело, которое ему поручено»¹.

После окончания сезона в государственных театрах Безпалов продолжал свои выступления на многочисленных в то время «концертах-митингах». 16 мая уже упоминавшаяся С.И. Смирнова-Сазонова отметила в дневнике: «Безпалов у нас обедал <...> Вечером он поет на 2 митингах: в Технологич[еском] и[нститу]те и в Мариин[ском] театре. Прежде петь на митингах показалось бы диким, теперь это сам[ая] обыкновен[ная] вещь»². Уже на следующий день Безпалов участвовал в концерте-митинге Кексгольмского полка в театре Музыкальной драмы; впрочем, внимание публики в этот раз было сфокусировано отнюдь не на нем – впервые после Февральской революции (и последний раз в России) на этом концерте выступила знаменитая балерина М.Ф. Кшесинская³. Сам Безпалов вспоминал о подобных вечерах, где музыкальное искусство тесно перемешивалось с политикой: «Иногда политическо-митинговая часть вечера не выделялась отдельно от концертной, а нарочито перемешивалась с выступлениями артистов. Помню такой вечер в Михайловском театре, где я пел перед “речью общественного деятеля” Ю.М. Стеклова, которого сменила балерина Е.А. Смирнова с каким-то танцем, на смену которому появился “общественный деятель” (как тогда писали в программах) А.В. Амфитеатров. Это был вечер электротехнического батальона какого-то полка, один из типичнейших вечеров этого типа»⁴.

Как мы уже могли убедиться, весна 1917 г. выдалась для В.Ф. Безпалова весьма напряженной. Поэтому кажутся вполне искренними строки из прошения, поданного им 14 июня главноуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову: «Вследствие крайне напряженной работы, длящейся непрерывно с конца февраля сего года, я чувствую сильное переутомление и прошу не отказать разрешить мне воспользоваться отдыхом с 20 июня по 20 июля сего года»⁵. Прощение было удовлетворено и Безпалов отправился отдыхать в Евпаторию⁶. В положенный срок (20 июля) он вернулся на службу⁷. Несмотря на произошедший с ним вскоре несчастный случай, вновь на время

¹ АРО ГЦТМБ. Ф. 280. № 1325. Л. 58.

² РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 66. Л. 78.

³ А.У. Концерт-митинг Кексгольмского полка // Обозрение театров. 1917. 21 мая; *Кшесинская М.Ф.* Воспоминания. М., 1992. С. 188 – 189.

⁴ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 54.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 249. Л. 3. На время отсутствия В.Ф. Безпалова его обязанности были возложены на заведующего зданием Александринского театра Н.В. Волкова (Там же).

⁶ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 76.

⁷ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 249. Л. 7; Комендант государственных театров // Петроградская газета. 1917. 29 июля.

выведший его из строя¹, Безпалов пытался напомнить о себе – в прессе появилось его интервью по вопросу о возможном закрытии государственных театров², сообщалось и о том, что комендант театров «выступит в наступающем сезоне в ответственном репертуаре. Он появится в роли Демона, а в половине сентября будет петь тореадора в “Кармен”»³. Имя Безпалова стояло среди участвующих в спектакле 25 августа в Красносельском театре⁴, в афише вечера (с участием артистов государственных театров) в зале инженеров путей сообщения, намеченного на 21 октября⁵.

Тем временем его положение в театральном ведомстве становилось все более шатким. Ни слова о должности коменданта не было во «Временном положении об управлении государственными театрами» – «театральной конституции», утвержденной комиссаром над бывшим МИДв Ф.А. Головиным 13 мая 1917 г.⁶ (строго говоря, отсутствие упоминаний о коменданте театров в этом основополагающем документе, подписанном представителем верховной власти, должно было бы означать прекращение с 13 мая всех полномочий Безпалова, данных ему комиссаром Н.Н. Львовым, и ликвидацию его должности, но тогдашние руководители государственных театров продолжали признавать его комендантом). В подготовленном Ф.Д. Батюшковым и его сотрудниками и утвержденном 10 августа Головиным «Проекте распределения бесплатных мест в Петроградских и Московских Государственных театрах» бесплатного места для коменданта театров предусмотрено не было (а ранее он им пользовался). Лишь через несколько дней спохватились и место выделили,

¹ «Подпоручик попал на Невском под трамвай и довольно серьезно повредил себе ногу» – сообщалось в «Петроградской газете». «В настоящее время г. Безпалов чувствует себя гораздо лучше и может ходить»: Театральное эхо // Петроградская газета. 1917. 3 августа.

² Корреспондент «Петроградской газеты» поинтересовался мнением Безпалова «по поводу слухов о возможном закрытии столичных театров, в связи с предстоящей разгрузкой Петрограда». Комендант ответил: «что касается Государственных театров, то они откроются в свое обычное время, а если действительно явится необходимость закрыть их, то они закроются последними из всех столичных театров»: Государственные театры закроются последними // Там же. 11 августа.

³ Оперный комитет и молодые артисты // Там же. Пробу на партию Демона Безпалову в начале октября устроил Художественно-репертуарный комитет Мариинского театра; результат испытания, к сожалению, в прессе отражения не получил («Проба голоса» // Там же. 11 октября). В заметке неверно приведены инициалы певца: К.Ф. вместо В.Ф.

⁴ Театральное эхо // Там же. 24 августа. В заметке вновь неверно приведены инициалы певца: А.Ф. вместо В.Ф.

⁵ Театральный курьер // Петроградский листок. 1917. 19 октября.

⁶ Гордеев П.Н. «Временное положение об управлении государственными театрами»: история создания, редактирования и обсуждения «театральной конституции» 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.) и др. СПб., 2012. С. 97 – 166.

но лишь «на предстоящий сезон»¹. С учреждением в июле (реально начали работу в августе) «местных комитетов» – органов самоуправления рабочих и служащих казенной сцены² – властные полномочия коменданта, распространявшиеся преимущественно на среду технического персонала театров, сильно сократились и стали еще более неопределенными. На этом фоне определенным утешением для Беспалова могло быть решение Головина, сообщенное 13 сентября отношением бывшего Кабинета Его Величества в Канцелярию главноуполномоченного по государственным театрам: комиссар «разрешил, для производства Коменданту Петроградских Государственных театров подпоручику Беспалову ежемесячных по 150 р. выдач, со 2 сего сентября по 1 января 1918 г., открыть по действующей смете Петроградских Государственных театров по ст. “на производство Коменданту Петроградских Государственных театров подпоручику Беспалову ежемесячных по 150 р. выдач”, за счет непредвиденных по б. Министерству издержек с[его] г[ода], кредит в размере пятисот девяносто пяти руб.»³ Таким образом, верховная власть, представителем которой был Головин, намеревалась сохранить занимаемую Беспаловым должность как минимум до начала 1918 г.

Впрочем, в Управлении государственных театров работу коменданта отнюдь не считали необходимой. С.Л. Бертенсон, один из руководителей театрального ведомства в 1917 г., в своих мемуарах размышлял: «Никакой специальной комендант, в сущности, был не нужен: во-первых, никто не собирался громить театры⁴, а во-вторых, если уж нужно было устанавливать для них охрану, то заботиться об ней могли те самые офицеры, которые всегда состояли при каждом казенном театре и назывались полицеймейстерами»⁵. Схожего мнения, как увидим ниже, придерживался и главноуполномоченный по государственным театрам Ф.Д. Батюшков.

Весьма прохладное отношение нового театрального руководства к Беспалову проявилось уже в самом начале сезона. 6 сентября последний обратился к Батюшкову со следующим рапортом: «Имея необходимость в помощнике по делам службы, обращаюсь с покорнейшей просьбой, не найдете ли воз-

¹ Гордеев П.Н. Царские ложи и казенные кресла: из истории государственных театров в 1917 году // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. Leiden: Koninklijke Brill NV, 2012. January. Vol. 5. Issue 1. P. 110.

² Гордеев П.Н. Местные комитеты и другие организации рабочих и служащих в петроградских государственных театрах в 1917 году // *Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды*. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2013. С. 67 – 152.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 249. ЛЛ. 9 – 9 об.

⁴ Так в тексте.

⁵ Бертенсон С.Л. *Вокруг искусства*. Холливуд, 1957. С. 212.

возможным пригласить для этого чиновника военного времени Артиста Государственных Театров Филиппова-Бугхардта¹, состоящего на службе в Рос[сийском] О[бщест]ве Красного Креста». При этом комендант театров уточнял, что «Г-н Филиппов отказывается от какого бы то ни было вознаграждения, и для его откомандирования из Красного Креста нужно лишь заручиться разрешением Главноуполномоченного Красного Креста при армиях Северного фронта Александра Дмитриевича Зиновьева, принципиально уже выразившего на это свое согласие». Тем не менее, несмотря на отсутствие материальных затрат на содержание помощника коменданта, 9 сентября Батюшков наложил на рапорт Безпалова неутешительную для последнего резолюцию: «Не вижу надобности»². В конце сентября 1917 г. Безпалов и Батюшков еще раз вступили в пикировку, касавшуюся на этот раз вопроса о дежурствах театральных служащих (система дежурств во время революции стала стремительно разваливаться): Батюшков призывал коменданта театров «иметь неуклонное наблюдение за правильным несением дежурств», а последний, в специальном рапорте главноуполномоченному, перекладывал на него ответственность, ходатайствуя «о немедленном восстановлении всех дежурных постов» в государственных театрах. Характерно, что оба, и Безпалов, и Батюшков, никаких реальных средств воздействия на прекративших явочным порядком дежурства плотников и осветителей не имели³.

В середине октября в прессу просочились слухи (оказавшиеся справедливыми) о грядущем упразднении должности, занимаемой В.Ф. Безпаловым⁴. 19 октября состоялось очередное заседание созданного Ф.А. Головиным «Совещания по пересмотру штатов бывшего Министерства Двора», на котором утверждались штаты служащих театрального ведомства. Должность коменданта государственных театров даже не упоминалась на заседании; по предложению Ф.Д. Батюшкова, было решено назвать «комендантами» нынешних заведующих зданиями театров «с распределением между ними также обязанностей по заведыванию другими зданиями Управления Государственными Театрами»⁵. Таким образом, речь шла о децентрализации тех функций, которыми Н.Н. Львов в марте наделил Безпалова.

В это время последний напомнил о себе благодаря двум интервью, данным «Петроградской газете». В одном из них, вышедшем 8 октября, он вновь

¹ И.Ф. Бугхардт (сценический псевдоним – Филиппов) родился в 1876 г. В 1895 – 1903 гг. служил певчим в Придворной певческой капелле; в 1903 – 1916 гг. состоял солистом оперной труппы Мариинского театра. В сентябре 1917 г. вновь был принят в труппу, где служил до 1919 г.: РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 3266. ЛЛ. 75 об., 84, 96.

² Там же. Д. 249. Л. 8.

³ Гордеев П.Н. Вопрос о дежурствах младших служащих в петроградских государственных театрах в 1917 году: к истории повседневной жизни театров в эпоху революции // Архивы и история Российской государственности. СПб., 2013. Вып. 4. С. 179 – 180.

⁴ Театральное эхо // Петроградская газета. 1917. 18 октября.

⁵ РГИА. Ф. 482. Оп. 10. Д. 1337. ЛЛ. 4 – 4 об.

отвечал на вопрос относительно возможной эвакуации государственных театров ввиду приближения немцев к Петрограду. Рассказав о двух имеющихся проектах «на случай нашествия неприятеля на Петроград», Безпалов выразил свое личное убеждение, «что государственные театры будут функционировать до самого последнего, крайнего момента». Завершалось интервью также на успокоительной ноте: «Пока никаких приготовлений к эвакуации государственных театров не делается, да и вряд ли есть основание беспокоиться за участь театрального имущества»¹. Намного больше шума наделало второе интервью коменданта, увидевшее свет 20 октября. Ему предшествовало обращение, разосланное Безпаловым всем труппам государственных театров, следующего содержания: «Комендант государственных театров подпоручик Безпалов приглашает на экстренное общее собрание всех артистов балета, драмы, оперы, оркестра и хора в среду, 18 октября, в два с половиной часа дня, в фойе Мариинского театра». О причине созыва общего собрания сам Безпалов впоследствии говорил в обтекаемых выражениях («Люди даже не подумали заинтересоваться, зачем я их приглашаю. Кто знает, может нам предстоял бы разговор о возможном закрытии государственных театров?») На зов коменданта театров, однако, явился только один человек (артист балета), что вызвало резкую реакцию у Безпалова. «Я не нахожу слов для того, чтобы выразить свое изумление артистам» – говорил он сотруднику «Петроградской газеты». «Иначе, как уклончивостью, я не могу объяснить этот поступок, достойный не свободных граждан, не взрослых людей, а каких-то пригитовишек, не дерзнувших “сметь свое суждение иметь” и привыкших все делать по указке своего начальства». Как только артистам стало известно о собрании, «они сейчас же стали обсуждать: имею ли я право созывать собрание, не будет ли с их стороны проступком, если они, без разрешения начальства, распишутся в получении повестки и т. д.?» Безпалов возмущался: «И это свободные граждане, республиканцы, которые так много и громко говорят о свободе! <...> Где же после этого автономия, о которой так много говорят на актерских собраниях, и разве артисты не видят, что поступая так, они снова надевают на свою шею прежний хомут?»²

Резкие выражения, допущенные Безпаловым по адресу своих коллег, вызвали возмущение в артистической среде, некоторые представители которой, прочитав интервью коменданта, решили «потребовать у него объяснений». Оперные певцы «хотя и знали об этом собрании, но не могли быть на нем, так как в это время у них происходили выборы в комитет по реорганизации государственных театров», а актеры Александринского театра, согласно сообще-

¹ *Театрал.* Будут ли эвакуироваться государственные театры (беседа с комендантом государственных театров подпоручиком В.Ф. Безпаловым) // Петроградская газета. 1917. 8 октября.

² *Театрал.* Комендант Государственных театров – об артистах // Там же. 20 октября.

нию «Петроградской газеты», говорили, что «никаких повесток от коменданта о собрании они не получали и потому, естественно, не могли знать об этом собрании и явиться на него»¹. Через день на страницах того же издания появилось «письмо в редакцию» Безпалова, в котором комендант отвечал на заявление александринцев о неполучении ими повестки: «я заявляю, что повестка была послана обыкновенным порядком, через курьера, и если артисты о ней ничего не знали, то очевидно виновно в этом лицо (имени которого я пока не называю), взявшее на себя смелость решить единолично, за всю труппу, можно ли считаться с этим собранием или нет и позволившее себе даже не сообщить труппе о моем приглашении». Вместе с тем Безпалов считал «своим долгом принести артистам мои глубокие извинения за неосновательно предъявленные им обвинения и за допущенные мною резкие выражения, явившиеся результатом очевидного недоразумения с повестками, в чем я убедился вчера из личных разговоров со многими артистами государственных театров»².

Нетактичный выпад В.Ф. Безпалова в печати не остался незамеченным в Управлении государственных театров, где на его деятельность уже давно смотрели без всякого одобрения. 20 октября, в тот же день, когда вышло в свет злополучное интервью, Ф.Д. Батюшков обратился к комиссару над бывшим МИДв Ф.А. Головину с предложением вообще упразднить должность коменданта театров, так как она «носила временный характер и в функции этого Коменданта входили лишь обязанности наблюдения за караулами, представленными к зданиям Государственных театров», теперь же, «когда эти караулы уже отменены больше месяца назад, упомянутая должность является совершенно излишней. <...> Нынешнему Коменданту решительно нет никакого дела и продолжение его пребывания в занимаемой должности приносит только вред, поэтому покорнейше прошу Вас упразднить эту должность с прекращением выдачи содержания с 1-го Ноября с. г. и позволить о Вашем решении сообщить в ближайшем номере «Вестника Канцелярии»». Помощник Ф.А. Головина П.М. Макаров, временно исполнявший обязанности комиссара в связи с отъездом Головина в Москву, в тот же день наложил на документ резолюцию: «Согласен»³. Последствием этой переписки стало помещенное в № 40 «Вестника Канцелярии главноуполномоченного по государственным театрам с 23-го по 25-е октября 1917 года» краткое уведомление: «Артист оперной труппы подпоручик Безпалов освобождается с 1 Ноября от возложенных на него обязанностей Коменданта Государственных Театров, за упразднением таковой должности»⁴. Информация об этом появилась и в прессе накануне Октябрьской революции⁵.

¹ Как артисты будут реагировать на выступление коменданта // Там же. 21 октября.

² Безпалов В. Письмо в редакцию // Там же. 22 октября.

³ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5117. Л. 25.

⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 260. Оп. 7. Д. 1. Л. 1 об.

⁵ Упразднение должности коменданта // Петроградская газета. 1917. 24 октября.

Все это, безусловно, не могло не повлиять на отношение В.Ф. Безпалова к разворачивавшемуся конфликту между, с одной стороны, артистами и служащими государственных театров, возглавляемыми Батюшковым, и, с другой стороны, органами Советской власти. В своих мемуарах, в общем довольно точных, этот неприятный для себя эпизод В.Ф. Безпалов описал со значительными искажениями. Не упомянув ни словом про смещение с поста коменданта театров¹, мемуарист рассказал об октябрьских событиях следующим образом: 26 октября утром он поехал в Смольный «и пошел в третий этаж в комнату № 75, где помещалась театральная комиссия Петроградского Совета, но оказалось, что эта комната со вчерашнего вечера занята военным отделом Военно-Революционного комитета, а театральная комиссия перебралась в центр города в помещение Малого театра Суворина». В Смольном Безпалов узнал, что «комиссаром государственных и частных театров» новыми правителями был назначен режиссер Суворинского театра М.П. Муравьев, а также что «власть перешла к большевикам и что оформилось новое правительство»². Таким образом, поездка в Смольный на следующий день после переворота выглядит как бы случайной, что вызывает определенные сомнения (тем более, зная честолюбие Безпалова и его интерес к политической жизни, видные хотя бы из цитированных выше записей С.И. Смирновой-Сазоновой). Возможно, на подлинные мотивы посещения Безпаловым Смольного проливает свет следующий фрагмент мемуаров: «Так как должность коменданта государственных театров была создана комиссаром Временного правительства, а сейчас пришла новая власть, то я решил, что должен передать комендатуру кому-то другому и отправился искать Муравьева». Не найдя последнего, Безпалов «встретил О.Д. Каменеву, с которой мне приходилось сталкиваться по концертно-театральным делам. <...> Каменева просила меня продолжать мои обязанности, и в ответ на мое согласие тут же в Смольном через несколько минут передала мне удостоверение на бланке Военно-Революционного комитета, в котором подтверждалось, что я продолжаю занимать должность коменданта государственных театров»³.

¹ Лишь отдельные обороты речи в воспоминаниях В.Ф. Безпалова напоминают об этом факте – так, описывая свой разговор с управляющим оперной труппой Мариинского театра А.И. Зилоти (состоявшийся уже после посещения Смольного), мемуарист упоминает о том, как он рассказал Зилоти «что был в Смольном и *снова* [курсив мой – П.Г.] назначен комендантом» (Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 89). Как и следовало ожидать, Зилоти «это известие принял как-то холодно»: Там же.

² Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 86.

³ Там же. С. 87. Сохранившийся в архивном фонде ВРК отпуск удостоверения, выданного В.Ф. Безпалову в том, что он назначается комендантом государственных театров в Петрограде, датирован, однако, не 26, а 27 октября (Петроградский Военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3-х т. М., 1966. Т. 1. С. 191). В этот же день, 27 октября, от имени ВРК было отправлено и официальное отношение главномуполномоченному по государственным театрам Ф.Д. Батюшкову, уведомлявшее, что

27 октября М.П. Муравьев издал свой первый приказ по театрам, в котором, в числе прочего, говорилось: «Считаю необходимым восстановить комендатуру во всех Государственных Петроградских театрах и учредить в частных театрах. Комендантом назначается Поручик¹ Безпалов. Помощниками Коменданта назначаются: по Михайловскому театру – Полковник Крылов, по Мариинскому – Поручик Столица, по Александр. театру – Поручик Волков»². В этом документе интересно не только восстановление Безпалова в должности, но и фактическое подчинение ему А.Е. Крылова, Г.К. Столицы и Н.В. Волкова (на тот момент – заведующих зданиями указанных театров). Высокая степень доверия Муравьева к Безпалову (первому сколько-нибудь заметному деятелю государственных театров, пошедшему на службу к большевикам) сказалась и в докладе, представленном «комиссаром государственных и частных театров» в ВРК. Перечисляя принятые им меры, Муравьев, в частности, указывал: «восстановлена комендатура государственных театров с оставлением в должности коменданта уволенного в последние дни происками чиновников поручика Безпалова»³. Очевидно, что Муравьев в то время смотрел на обстоятельства упразднения должности коменданта театров глазами Безпалова. Последний также старался поддерживать нового начальника: недоброжелательно настроенный к Безпалову С.Л. Бертенсон вспоминал, что приказ Муравьева распространялся в государственных театрах «нашим комендантом Безпаловым, который быстро забыл свое офицерское звание и орден Владимира с мечами, которым он очень гордился»⁴, и сразу же занял весьма активную роль в пропаганде признания большевиков, за что был резко осужден своими товарищами – союзом солистов Мариинской оперы»⁵.

Дружное сопротивление, оказанное артистической средой представителям Советской власти и имевшее своим следствием отказ М.П. Муравьева от должности «комиссара государственных и частных театров»⁶, поставило В.Ф. Безпалова в сложное положение. Хотя он был восстановлен в правах коменданта не только приказом Муравьева, но и распоряжением ВРК, тем не менее,

«комиссаром государственных и частных театров назначается тов. М.П. Муравьев; уполномоченным комиссара государственных и частных театров назначается тов. А. Слободской и комендантом Петроградских государственных театров назначается тов. подпоручик В.Ф. Безпалов» (Там же. С. 181). Поскольку второй документ имеет более ранний исходящий номер, чем первый (соответственно, №№ 1225 и 1226), это является лишним подтверждением того, что удостоверение было выдано Безпалову именно 27 октября.

¹ Так в тексте, правильно – подпоручик.

² РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. Л. 2.

³ Петроградский Военно-революционный комитет. Т. 1. С. 205.

⁴ Орден хорошо виден и на фотографии Безпалова в его личном деле, отложившемся в фонде Дирекции театров: РГИА. Ф. 497. Оп. 5. Д. 249. Л. 4 об.

⁵ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 236 – 237.

⁶ См.: Гордеев П.Н. Председатель II Государственной думы Ф.А. Головин – комиссар Временного правительства над бывшим Министерством двора. С. 182 – 184.

Безпалов не мог не понимать, что теперь он стал на другую сторону баррикад, нежели большинство его товарищей по сцене, не говоря уже о театральном руководстве¹; в то же время, расчет на быстрый захват театров большевиками не оправдался. «Мне лично в этом неустойчивом, нелепом положении было не по себе», – вспоминал он позднее о первых послеоктябрьских днях в государственных театрах². И тогда Безпалов, во избежание дальнейшей своей изоляции в театральном мире, решил сам обратиться к артистам, созвав их на собрание.

Для этой цели он выбрал своих коллег по Мариинскому театру, и, надо полагать, не случайно: помимо того, что сам Безпалов состоял в оперной труппе, свою роль здесь мог сыграть и тот факт, что александрицы уже успели на общем собрании 28 октября высказать решительный протест против действий М.П. Муравьева³, а позиция Мариинской труппы еще ясна не была. 1 ноября Безпалов «решил взять на себя инициативу, и в письменной

¹ В своих мемуарах В.Ф. Безпалов написал о том, как после вторичного назначения на пост коменданта театров (распоряжением ВРК) он вернулся в здание Управления государственных театров, «прошел к Ф.Д. Батюшкову и рассказал ему, что был в Смольном и снова назначен комендантом государственных театров». Батюшков «как-то замкнулся и ничего определенного мне не ответил. Я решил, что он чем-то озабочен и уехал в Мариинский театр» (*Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 89*). Этот эпизод, конечно, поражает своей наивностью (безусловно, деланной); трудно предположить, чтобы Безпалов, активно интересовавшийся политикой, действительно не понимал, чем «озабочен» Батюшков. Последний, между тем, реагировал на маневры коменданта весьма жестко. В его записях, которые Батюшков вел во время пребывания в должности главноуполномоченного по государственным театрам, сохранилась оценка, данная им сразу после инцидента с «комиссарством» М.П. Муравьева поведению Безпалова: «поступает [...] как наблудившая собачонка, которая ложится потом брюхом вверх и протягивает лапки. Но при всей его ограниченности, он хитер и, вероятно, будет мстить»: Дневниковые записи и мемуарный очерк Ф.Д. Батюшкова о его пребывании на посту главноуполномоченного по государственным театрам в 1917 году (из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома). Публикация П.Н. Гордеева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 370 – 371.

² *Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 92*. Хотя данная фраза из мемуаров была призвана прежде всего подчеркнуть общую растерянность, царившую тогда в актерской среде, она, думается, хорошо иллюстрирует то положение, в котором оказался сам мемуарист.

³ См.: *Альтшуллер А.Я. К истории Академического театра драмы имени А.С. Пушкина в первые годы Советской власти // Ученые записки Государственного научно-исследовательского института театра и музыки. Т. I. Сектор театра. Л., 1958. С. 31 – 32; Ленинградский государственный академический театр драмы имени А.С. Пушкина // Советский театр. Документы и материалы. Русский советский театр. 1917 – 1921. Л., 1968. С. 222 – 223. Обе публикации неполные; два сохранившихся черновых варианта подлинного протокола см.: Отдел рукописей и документов Санкт-Петербургского государственного музея театрального и музыкального искусства. Ф. 66. КП 3355/2. ЛЛ. 1 – 2 об.*

форме, в виде расклеенных по театру объявлений, приглашал собраться артистов оперы, балета, хора и оркестра на экстренное собрание 2 ноября, в 2 часа дня, в фойе Мариинского театра». В объявлениях артистам предлагалось «обсудить вопрос о взаимоотношении искусства и политики, а также определить свое отношение к происходящим событиям»¹.

Придя на следующий день за полчаса до назначенного времени в театр, В.Ф. Безпалов «был неприятно удивлен: все объявления, расклеенные по моему распоряжению, как коменданта театров, были сорваны». На вопрос Безпалова, адресованный театральным сторожам, «чьих это рук дело», ему ответили, что управляющий оперной труппой А.И. Зилоти «приказал им сорвать мои объявления и что некоторые из них Зилотти сорвал лично». В итоге на собрание пришло всего 6 человек «и, пробыв полчаса, мы разошлись. Собрание не состоялось»². О своей беседе с Зилоти, которого он повстречал в театре в тот же день, Безпалов рассказал корреспонденту «Петроградской газеты»: «В оправдание своего поступка А.И. Зилотти заявил мне, что по уставу отдельные лица не могут созывать общие собрания и на этом основании он сорвал мое объявление. Я от всей души протестую против такой формалистики. Теперь, в такой момент, когда все кругом горит и рушится, уместно ли оправдываться какими-то параграфами?» Комендант заявил, что в поступке Зилоти он видит «акт насилия не только по отношению ко мне, но и ко всем артистам, которых я приглашал на собрание»³. Таким образом, попытка объясниться с коллегами потерпела неудачу, и Безпалов продолжал оставаться в неопределенном положении коменданта театров, назначенного властью, которую в театрах не признавали. Подобная неопределенность не могла сохраняться в течение долгого времени, и уже через несколько дней Безпалов был поставлен своими коллегами по сцене перед выбором, малоприятным для его самолюбия.

5 ноября в Мариинском театре под руководством Ф.Д. Батюшкова состоялось общее собрание артистов государственных театров, созванное с одной целью – выработать общую позицию по отношению к Советской власти. В итоге собрание приняло решение закрыть театры на 3 дня (в знак протеста

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 92 – 93. Дата расклейки объявлений установлена по имеющемуся в мемуарах В.Ф. Безпалова упоминанию о том, как 2 ноября, узнав, что объявления сорваны, он утешал себя тем, что «объявления прочли еще в первый день их расклейки» (Там же. С. 93) – т. е. 1 ноября.

² *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 93.

³ Инцидент Безпалов-Зилотти // Петроградская газета. 1917. 5 ноября. Практически в тех же выражениях этот эпизод описан и в мемуарах В.Ф. Безпалова: А.И. Зилоти «ответил, что по уставу театра отдельные лица не могут созывать общие собрания», В.Ф. Безпалов «горячо протестовал против такого крючкотворства, мне казалось совсем неуместным в такое грозное время руководствоваться только какими-то параграфами» (*Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 93 – 94). Очевидно, что при написании данного фрагмента мемуаров Безпалов использовал материал «Петроградской газеты».

против «братоубийственной войны», развернувшейся в то время на улицах Москвы), а также выработало текст соответствующей резолюции¹. Одним из кульминационных пунктов заседания стала обструкция, устроенная артистами В.Ф. Безпалову. В мемуарах последнего этот инцидент описан в весьма смягченном виде: «На этом общем собрании мне неожиданно устроили бенефис артисты Александринского театра М.А. Ведринская и А.Н. Лаврентьев, усиленно высмеивавшие меня как “большевика”. Они обратились к общему собранию с предложением, чтобы меня попросили покинуть зал, так как я теперь назначен комендантом театров советской властью, но большинство собрания не поддержало этого предложения.

Однако, этот выпад имел своим следствием здесь же вынесенное постановление общего собрания, по которому артисты театра впредь не имели права совмещать административные или хозяйственные должности с художественной работой².

После такого постановления, очевидно направленного против меня, мне нужно было или оставаться комендантом и бросить оперную работу или остаться артистом оперы и отказаться от комендатуры. Конечно, выбор для меня был прост и ясен и я сейчас же заявил общему собранию, что слагаю с себя обязанности коменданта. Когда я сообщил об этом Батюшкову, он снова стал со мной мил и любезен³.

Описание этого эпизода в протоколе собрания существенно отличается от его трактовки в мемуарах В.Ф. Безпалова. Часть документа под заголовком «Инцидент с поручиком⁴ Безпаловым» занимает примерно треть всего текста, что свидетельствует о значимости «инцидента» в глазах составителя протокольной записи (им был секретарь собрания, артист оркестра Мариинского театра скрипач В.Г. Вальтер⁵). Впрочем, поскольку протокол был утвержден Ф.Д. Батюшковым, а копии его было решено разослать по труппам⁶, описание данных событий, равно как и место, отведенное им в протоколе, можно признать в целом соответствующим действительности (тем более в то время, при крайне шатком положении театрального руководства, в его интересах было избегать обвинений в тенденциозности со стороны артистического сообщества). Прочитируем этот фрагмент целиком: «Безпалов просит слова. Председатель⁷: “Раньше, чем дать слово г. Безпалову, я желаю знать, в качестве кого

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 95 – 98.

² В сохранившемся протоколе этого заседания о принятии подобного постановления не упоминается (РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. ЛЛ. 5 – 5 об.) Возможно, В.Ф. Безпалов выдумал его, чтобы скрыть глубину своего конфликта с коллегами по сцене, проявившегося на собрании 5 ноября.

³ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 99 – 100.

⁴ Так в тексте.

⁵ РГИА. Ф. 497. Оп. 6. Д. 5129. Л. 4 б.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Председателем собрания был Ф.Д. Батюшков.

он желает выступить? Если в качестве коменданта театра¹, то я ему слова не дам, так как он является комендантом по назначению узурпаторов власти". Безпалов не дает определенного ответа. Вальтер объясняет собранию: Безпалов был назначен комендантом Мариинского театра в начале Февральского переворота. С 1-го Ноября эта должность упразднена, но по распоряжению Муравьева Безпалов вновь назначен комендантом. Так как Муравьев от своего назначения отказался, то и его распоряжения, не признанные и раньше, тем более недействительны теперь, и Безпалов не есть комендант.

Безпалов: "Я сам себя назначил комендантом, и останусь таковым до Учредительного Собрания" (в зале смех, крики "долой" и аплодисменты). Председатель лишает Безпалова слова. Безпалов уходит, но вскоре возвращается, и с разрешения Председателя заявляет: "Я передумал, я слагаю с себя должность коменданта" (смех). Безпалов уходит².

Дополнением к этому, достаточно яркому описанию «инцидента с Безпаловым» может служить дневниковая запись С.И. Смирновой-Сазоновой, сделанная 5 ноября на основе рассказа ее дочери Л.Н. Шуваловой, вернувшейся с общего собрания артистов. Писательница, отзывавшаяся о В.Ф. Безпалове в своем дневнике весной-летом 1917 г. с доброжелательностью, в ноябре уже видела его в совершенно ином свете³: «Комическую роль сыграл Безпалов. Он попросил слова. "Пожалуйста, говорят, на сцену". Все желающие говорить произносили св[ои] речи оттуда. Актеры встретили его враждебно. Своими бестактностями он восстановил их против себя. Батюшков спросил его, в качестве кого он будет говорить: как актер или как комендант? Он пытался б[ыло] уклониться от прям[ого] ответа, но его прижали к стене. Пытался отозвать Батюшкова на два слова, но и это не выгорело. Тогда он выпалил, что он мож[ет] б[ыть] для других и не комендант, но он сам считает себя комендантом. Тут полетели ему в лицо враждебн[ые] возгласы, особенно неистовствовали Ведринская и Лаврентьев. Ведринская выкрикивала на низк[их] грудн[ых] нотах "Позор! Позор!" А Лаврентьев, что он немедленно уйдет, если Безпалов тут останется. Комендант ушел. Но, как ни в чем не бывало, вернулся в партер. Это еще ничего, финал б[ыл] лучше. Он потом опять попросил слова, вышел на сцену и заявил, что нет, он, собственно, актер, а не комендант»⁴.

¹ Так в тексте.

² Там же. Л. 5 об. В общих чертах этот инцидент получил освещение и в прессе: В.Ф. Безпалов сложил с себя обязанности коменданта // Петроградская газета. 1917. 7 ноября.

³ Здесь, конечно, сыграла роль политическая позиция С.И. Смирновой-Сазоновой, обеспеченной женщины, домовладелицы, имевшей обширные знакомства в сферах художественной интеллигенции и высших кругах петербургского общества, категорически не принявшей Октябрьской революции.

⁴ РО ИРЛИ РАН. Ф. 285. № 67. Л. 13.

Судя по мемуарам В.Ф. Беспалова, на следующий день после собрания артистов государственных театров он поехал в Смольный к Л.Д. Троцкому и «просил освободить» его от должности коменданта. Троцкий подписал его отставку спустя два дня, 8 ноября – после чего, «освободившись от обязанностей коменданта, я принялся за свою прямую работу»¹ (артистическую). Последняя цитата, впрочем, нуждается в примечании – от политической деятельности Беспалов отошел далеко не сразу. В воспоминаниях С.Л. Бертенсона описан эпизод, произошедший, судя по контексту, существенно позже 5 ноября²: во время визита в Мариинский театр некоего «помощника» А.В. Луначарского, в ответ на требование последнего предоставить народному комиссару директорскую ложу, управляющий оперной труппой А.И. Зилоти ответил решительным отказом. «Наш большевистствовавший комендант Беспалов, сопровождавший помощника Луначарского во время его неудачного визита в Мариинский театр, никак такого афронта не ожидал; он всячески за новым начальством ухаживал и прилагал все усилия к тому, чтобы артисты поскорее признали это начальство»³. Это свое тогдашнее намерение подтвердил в воспоминаниях и сам Беспалов, описавший свое участие во «введении» Луначарского в Мариинский театр: «Я ждал нового комиссара, встретил его внизу, провел за кулисы в фойе и представил всем собравшимся»⁴. Так как Беспалов уже успел сложить с себя обязанности коменданта театров, то в данном случае подобное представительство было его частной инициативой – поддерживаемой той (меньшей) частью артистов, которая склонялась к большевикам. Их имена не были тайной для театральной администрации: А.Н. Бенуа записал в дневнике 14 декабря о своей встрече с С.Л. Бертенсоном, который «чувствует себя героем; ждет ареста, уверен, что все эти меры Луначарского приняты по наущению Мейерхольда. Стал даже очень пространно рассказывать про интригу, в которой участвуют: Черкасская, Малько, машинист Граф»⁵, одна артистка Александринского театра и Беспалов»⁶.

Таким образом, и в декабре Беспалов довольно активно участвовал в политической жизни, ворвавшейся в 1917 г. в стены государственных театров. Тем поразительнее его последующий резкий разрыв с петроградским театральным миром: описывая свой концерт, данный 29 декабря в Малом зале Консерватории и собравший очень мало публики, мемуарист, не давая никаких объяснений, неожиданно отмечает: «этот концерт оказался в известной степени прощальным концертом – вскоре я уехал из Ленинграда к родным в

¹ Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 100, 117.

² Возможно, речь идет об инциденте 30 декабря, в ходе которого А.И. Зилоти был арестован: Арест А.И. Зилоти // Петроградский голос. 1917. 31 декабря.

³ Бертенсон С.Л. Вокруг искусства. С. 240.

⁴ Беспалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 106 – 107.

⁵ Так в тексте; правильно – Графф.

⁶ Бенуа А.Н. Дневник 1916 – 1918 годов. М., 2010. С. 586.

Сибирь»¹. Некоторые предположения, касающиеся причин этого поступка, мы выскажем ниже, пока же отметим, что о дальнейшей судьбе Безпалова удалось найти некоторые (увы, лишь отрывочные) сведения.

В годы Гражданской войны певец выступал с концертными программами в Сибири. В октябре 1919 г. его имя (как «артиста Московских и Петроградских государственных театров») красовалось на первой странице иркутского «Свободного края», оповещавшего горожан о концерте В.Ф. Безпалова. Объявлению сопутствовало важное примечание: читатели газеты уведомлялись о том, что «весь чистый сбор с концерта поступит в распор[яжение] общест]ва “Возрождение Армии” для покупки и отправки на фронт подарков для солдат и для снабжения раненых и больных бельем»². Отметим, что осенью 1919 г. в Иркутске речь могла идти о «возрождении» только одной армии – Белой, действовавшей под руководством А.В. Колчака. При этом артист в данном случае выступал как инициативное лицо: в конце объявления указывалось, что «ответственным распорядителем» денег, которые поступят в кассу после концерта, является «подпоручик Безпалов»³ (упоминание офицерского чина в контексте целей, поставленных в данном случае певцом и «распорядителем», выглядело вполне органичным). Чуть ранее, в сентябре того же года, Безпалов принимал участие в «большом благотворительном концерте-бале», устроенном «офицерами 9-го Иркутского сиб[ирского] ст[релкового] полка на покупку и отpravку на фронт с ними же табака солдатам того же полка»⁴.

Тем не менее, после поражения Восточного белого фронта Безпалов не отправился, подобно многим, сочувствовавшим Колчаку, в эмиграцию, а в 1921 г. вошел в состав труппы Иркутской симфонической оперы (Симфонеры)⁵. В начале 1920-х гг. Безпалов вернулся в северную столицу: среди авторов, вступивших в 1922 г. в члены петроградского Союза драматических и музыкальных писателей, в изданном этой организацией каталоге указан «Безпалов, Василий Федорович», которого, как представляется, можно отождествить с героем нашей статьи (там же указано и его произведение: «Начало и конец, фантазия в 1 д. В. Безпалова»⁶). Уже будучи членом этого союза и имея статус композитора, Безпалов проживал, согласно справочным книгам

¹ Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 132.

² [Объявления] // Свободный край. 1919. 17 октября.

³ Там же.

⁴ [Объявления] // Свободный край. 1919. 24 сентября.

⁵ Харкеевич И.Ю. Музыкальная культура Иркутска. С. 174, 261.

⁶ Союз драматических и музыкальных писателей. 1922 г. Прибавление к каталогу произведений Членов Союза драматических и музыкальных писателей. Пг., [1922]. С. 1, 10.

«Весь Ленинград» за 1924 – 1926 гг., в доме 77 по ул. Чайковского¹. В конце этого, второго в его жизни «петербургского» (ленинградского) периода², артист создает книгу воспоминаний, навсегда вписавшую его имя в историю отечественного театра.

Здесь мы позволим себе сделать небольшое источниковедческое примечание. В ходе изучения его мемуаров как исторического источника мы пришли к выводу, что Безпалов при работе над книгой пользовался не только своей памятью, но и материалами периодической печати (в основном – «Петроградской газеты», уделявшей большое внимание театральным делам)³. Приведем несколько примеров.

Материалы периодической печати	Воспоминания В.Ф. Безпалова (в скобках указывается номер страницы)
<p>«В воскресенье, 5-го марта, в фойе Мариинского театра собрались все артисты оперы, балета, хора и оркестра, устроившие перед этим свои частные совещания. <...></p> <p>От имени всех артистов к депутату обратился оперный артист П.З. Андреев, произнесший следующую речь: <...> мы видим единственный выход из положения – только в самой широкой автономии. <...></p> <p>На эту речь Н.Н. Львов ответил с пожеланиями свободного развития проявлений русского народного творчества и гения и закончил свою</p>	<p>«В воскресенье 5 марта было назначено общее собрание всех групп и коллективов Мариинского театра. Львов приехал, обратился с приветствием, опять поздравлял со свободной Россией и свободным искусством.</p> <p>От имени собравшихся ему отвечал П.З. Андреев, который подчеркнул, что артисты ждут от Временного правительства самой широкой автономии в театральном деле» (С. 29).</p>

¹ Весь Ленинград на 1924 год. [Л., 1924]. Алфавитный указатель жителей Петрограда. С. 20; Весь Ленинград на 1925 год. [Л., 1925]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 30; Весь Ленинград на 1926 год. [Л., 1926]. Алфавитный указатель жителей Ленинграда. С. 27.

² Отметим, что в эти годы Безпалов продолжал гастролировать по стране – к примеру, в 1925 г. он дал концерт в Верхнеудинске, где «пользовался успехом»: Г. К предстоящим концертам Василия Беспалова и Павла Берлинского // Бурят-Монгольская правда. 1927. 25 мая.

³ Возможно, какие-то заимствования мог сделать редактор книги Е.М. Кузнецов, признавшийся в предисловии к мемуарам коменданта театров: «Просматривая рукопись В.Ф. Безпалова, я внес в нее некоторые поправки, выверил последовательность событий, правильность которой приобретала особое значение при ориентации на характер исторической хроники»: Кузнецов Е. Предисловие // Безпалов В.Ф. Театры в дни революции 1917. С. 7.

речь возгласом: “Да здравствует свободная Россия!”» ¹	
<p>«На собраниях оперных артистов неоднократно высказывалась мысль, что Мариинский театр должен быть исключительно оперным театром, что балет слишком отягощает бюджет государства и нужен только для оперы, а отнюдь не как самостоятельный театр.</p> <p>Конечно, балетные артисты совершенно другого мнения.</p> <p>Есть оперы, где самый большой успех имеют балетные номера.</p> <p>Достаточно назвать “Князя Игоря” Бородина, где главную приманку для публики составляют “половецкие танцы”»².</p>	<p>«К тому же опера и балет начали глухую борьбу, так как опера хотела отвоевать Мариинский театр исключительно для себя и считала, что может обойтись без балета, как отдельного крупного коллектива. А балет считал, что он должен быть равноправен, причем подчеркивал, что существуют оперные спектакли, где самый большой успех как раз то и выпадает на долю балета – например, “Князь Игорь” с его “половецкими плясками»» (С. 37 – 38).</p>
<p>«Публика, которая соберется на сегодняшний первый спектакль в Мариинском театре, будет удивлена перемене в его зрительном зале.</p> <p>Вместо обычного темносинего, с золотым орлом занавеса, будет повешен новый.</p> <p>Этот занавес взят из оперы “Орфей”. Занавес – белый кружевной, необыкновенно изящный.</p> <p>Как старый, так и новый занавес – работы художника А.Я. Головина.</p> <p>Золоченые орлы, гербы, вензеля и прочие украшения будут задрапированы, до их переделки, красным сукном»³.</p>	<p>«На программах государственный герб был заменен лирой, все золотые орлы в помещениях театров были затянуты красным сукном. В Мариинском театре вместо прежнего темно-синего занавеса с казенным золотым орлом, в общем, очень напоминавшим коробки конфет “поставщиков высочайшего двора”, стали опускать белый кружевной занавес из оперы “Орфей” работы А.Я. Головина» (С. 39)</p>
«Назначение Ф.Д. Батюшкова, по-видимому, явилось совершенно	«Назначение это было для всех неожиданностью, и неожиданно-

¹ Свободный Мариинский театр // Петроградская газета. 1917. 7 марта.

² Борьба оперы с балетом // Там же. 30 марта.

³ В Мариинском театре // Там же. 12 марта.

<p>неожиданным для артистов государственных театров.</p> <p>В одном из государственных театров на прошлой неделе состоялось общее собрание труппы, на котором предлагались кандидаты в управляющие государственными театрами.</p> <p>Труппа наметила несколько лиц, рассчитывая рекомендовать их Ф.А. Головину.</p> <p>Ф.Д. Батюшков не был в этом списке и назначение его было для артистов настоящим сюрпризом»¹.</p>	<p>стью особенно неприятной александринцам, так как Батюшков не состоял в списке кандидатов, выставленных драмой, и в то же время служил в Александринском театре» (С. 56).</p>
--	---

Использование Беспаловым при работе над мемуарами газетных материалов можно, таким образом, считать установленным фактом. Разумеется, это не отменяет выдающейся ценности и значимости воспоминаний коменданта петроградских государственных театров, бывшего участником многих событий в театральной жизни 1917 года, но заставляет отнестись к ним (особенно к тем местам, в которых мемуарист выступает не в качестве непосредственного очевидца) с большей осторожностью.

Спустя всего лишь несколько месяцев после завершения работы над мемуарами, в мае 1927 г. неутомимый певец уже давал концерт в Бурятии; обозреватель местной газеты назвал его «первым носителем культуры по северовостоку Сибири»². Спустя несколько лет география его гастрольных поездок расширилась. В архивном фонде М.М. Зощенко, хранящемся в Пушкинском доме, удалось обнаружить письмо Беспалова Вере Владимировне Зощенко, супруге знаменитого сатирика, написанное в Мурманске 19 марта 1933 г. «Вот уже скоро два месяца, как я кочую за Полярным кругом» – сообщал Беспалов своей корреспондентке, с которой, судя по всему, был довольно хорошо знаком. «Пою в концертах и в радио-концертах. Был в Хибиногорске, теперь в Мурманске. Предполагаю через 2 – 3 недели вернуться в Ленинград. Приходится каждый день биться за ночлег и еду. Жилкризис здесь везде исключительный. Но еды (рыба и черный хлеб) больше чем в Ленинграде. Проскользнуло несколько приятных вечеров-конcertов, особенно мне понравился шефский концерт на знаменитом ледоколе “Красин”. Познакомился со многими Героями Арктики. Видел красочное интересное северное сияние. Когда вернусь, приду к Вам. Будьте здоровы телом и духом!» В завершение

¹ Неожиданное назначение // Там же. 27 апреля.

² Г. К. предстоящим концертам Василия Беспалова и Павла Берлинского // Бурят-Монгольская правда. 1927. 25 мая.

письма Безпалов просил «передать мой искренний привет Всему Зеленому Кругу»¹. 7 сентября того же 1933 г. В.Ф. Безпалов, находясь уже в Москве, обратился в «хозсекцию» дирекции Большого театра с просьбой «принять меня на должность коменданта здания». На его прошение было наложено две резолюции; первая (заведующего секцией), от 8 ноября, положительная – Безпалова предлагалось зачислить на «свободную вакантную должность» коменданта здания с окладом 150 руб. в месяц (тем же самым, что был у него и в 1917 г.!) Однако, затем последовала еще одна резолюция (с неразборчивой подписью): «Отказать», а в приложенной анкете Безпалова была проставлена пометка: «К раб[оте] не прист[упал]»². Причины этого отказа, вопреки выраженному первоначально согласию хозсекции, в документе не объясняются.

После 1933 г. сведения о В.Ф. Безпалове пока что найти не удалось.

Рассмотрев, таким образом, фактическую сторону деятельности Безпалова на посту коменданта петроградских государственных театров в 1917 г., представляется возможным сделать несколько выводов.

Во-первых, в дни Февральской революции Безпалов, молодой певец, имевший за плечами фронтовой опыт, самостоятельно (начиная с 1 марта) взял на себя организацию охраны государственных театров (хотя и получив на это «благословение» В.А. Теляковского). Поэтому вполне логичным было назначение его комиссаром Н.Н. Львовым сначала «начальником охраны казенных театров» (4 марта), а затем и их комендантом (6 марта). Отметим, что эта должность была новой, созданной специально для Безпалова.

Во-вторых, Безпалов в 1917 г. имел немалые политические амбиции (что отличало его от коменданта московских государственных театров Н.П. Штера, бывшего полициеймейстера этих же театров, выходца из гвардейско-аристократического мира, ни на какую политическую роль в 1917 г. не претендовавшего³) и намеревался, судя по дневниковым записям С.И. Смирновой-Сазоновой, «играть роль» и даже «быть диктатором». Именно эти амбиции подталкивали его к завязыванию контактов с разными политическими силами левого толка, вплоть до большевиков в дни Октября.

В-третьих, существенную роль в деятельности Безпалова в 1917 г. играли его взаимоотношения с театральным руководством. В.А. Теляковский нашел общий язык с комендантом государственных театров и в определенной степени прислушивался к мнению последнего; Ф.Д. Батюшков, напротив, отно-

¹ РО ИРЛИ РАН. Ф. 501. Оп. 5. № 240. ЛЛ. 1, 2 об. О каком «Зеленом Круге» идет речь, выяснить не удалось. Возможно, это выражение используется здесь как противоположность Полярному кругу?

² РГАЛИ. Ф. 648. Оп. 1. Д. 242. ЛЛ. 8 – 9.

³ Гордеев П.Н. Февральская революция в московских императорских театрах // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2014. С. 124 – 126.

силса к должности, занимаемой Безпаловым, как к лишней и ненужной и повел на нее планомерное наступление, завершившееся ее упразднением в начале ноября 1917 г.

В-четвертых – и это один из важнейших выводов – деятельность Безпалова в октябрьские дни представлена в его воспоминаниях в чрезвычайно искаженном свете. Притом, что любопытно, в отличие от многих представителей интеллигенции, в 1917 г. проклинавших «ленинцев», а затем, в вышедших в советские годы мемуарах, всячески преувеличивавших свой большевизм, Безпалов – в сущности, первое должностное лицо театрального ведомства, открыто перешедшее на сторону большевиков и за это «пострадавшее» от контрреволюционного (по отношению к Октябрю) театрального руководства – в своей книге старательно затушевывал данный, в общем, политически ему выгодный (в 1927 г.) сюжет. Нельзя также не обратить внимание на тот благодарный, мягкий и доброжелательный тон, с которым он писал о Ф.Д. Батюшкове. Батюшкова уважали многие артисты, но лично к Безпалову он относился с устойчивой неприязнью, инициировал его увольнение, а затем руководил собранием 5 ноября, на котором комендант подвергся настоящему разгрому со стороны товарищей по сцене. И все же Безпалов не стал на страницах мемуаров сводить счеты с давно уже покойным противником (Батюшков скончался в 1920 г.), а вместо этого написал о нем как о человеке, который был «стоящим ближе, чем многие другие, и к культуре, и к искусству, и любящим театр, человеком мягким и общительным, что в театре любят и ценят»¹.

В-пятых, в тесной связи с указанным выше искажением событий, происходивших в октябрьские (и последующие) дни, допущенным в мемуарах Безпалова, находится тот, в общем, удивительный факт, что Безпалов отказался от открывавшейся перед ним карьеры советского театрального администратора. Именно в то время, когда большевики силой ломали (и сломали) сопротивление артистов государственных театров их власти, он, бывший сразу после Октября первым из этой среды, принявшим полномочия от назначенца ленинского правительства, неожиданно уезжает в Сибирь, предпочитая работу провинциального гастролера перспективе (вполне реальной) вхождению в состав заново формирующегося театрального руководства. В чем причина подобного поступка? Сам Безпалов в мемуарах указывал (при описании беседы с Н.Н. Львовым 2 марта – см. выше), что творческую работу артиста он ставил выше административной, но приведенные в статье материалы, как представляется, показывают – осенью 1917 г. Безпалов хотел остаться комендантом; занимая довольно скромное место в труппе как артист, в качестве коменданта он сразу входил в состав театрального руководства. Более веской причиной может быть отрицательное отношение к его сотрудничеству с большевиками со стороны коллег по сцене (то, что их мнение было значимо для

¹ *Безпалов В.Ф.* Театры в дни революции 1917. С. 59.

Безпалова, показали события 5 ноября). Однако, и это объяснение все же недостаточно; вопреки своим мемуарам, их автор и после 5 ноября продолжал оставаться одним из активных сторонников Советской власти в государственных театрах. Можно предположить, что к концу 1917 г. у него накопилась как усталость от «политики» вообще, так и недовольство большевистскими методами ее ведения, вызывавшими возмущение у значительной части интеллигенции (что отчасти подтверждается его последующим антисоветским настроением в годы Гражданской войны, зримым выражением которого были благотворительные концерты в пользу Белой армии в Иркутске). В совокупности все это (а также надвигающийся голод, общая разруха – и в театрах, и в городе) обусловило отказ Безпалова от дальнейшей борьбы за видное место в театральном ведомстве и подтолкнуло его к решению об отъезде к родным в Сибирь.

Наконец, в-шестых, удалось установить, что при работе над воспоминаниями Безпалов использовал материалы периодической печати, порой включая те или иные фразы из газетных заметок в свой текст дословно. Это обстоятельство заставляет исследователя отнестись к «Театрам в дни революции 1917» более внимательно, по мере сил стараясь отделить личные впечатления мемуариста от образов и зарисовок, созданных бойким пером журналистов «Петроградской газеты».

На последней странице книги В.Ф. Безпалова проставлена дата: «Ленинград. Март 1927 г.»¹ Ровно десять лет прошло со времени его назначения комендантом петроградских государственных театров. Рассмотрев деятельность Безпалова в 1917 г. – амбициозного, слегка самовлюбленного и не чуждого интриге молодого артиста и администратора, грезившего о политическом «влиянии», и сравнивая ее с мудрым, взвешенным взглядом автора воспоминаний, нельзя не увидеть ту значительную нравственную эволюцию, которую он проделал за первое послереволюционное десятилетие. И данное обстоятельство, на наш взгляд, обрисовывает личность Василия Безпалова, промелькнувшую на театральном небосклоне 1917 года, в весьма симпатичном свете.

Пыжиков А.В.

Русская буржуазия в марте – октябре 1917 года.

Почти двадцатилетние политические баталии разной степени интенсивности увенчались победой либеральных сил, выступавших под лозунгом ограничения самодержавия и чиновничьего всевластия. Иными словами, купеческая буржуазия и либералы ратовали за то, чтобы лишить правящую бюрократию административных рычагов, и позиционировали себя более опытными управленцами, способными ответить на модернизационные вызовы.

¹ Там же. С. 132.

Административный ресурс манил не одно поколение капиталистов, вышедших из народа и с завистью наблюдавших за тем, как петербургский бизнес, тесно завязанный на чиновничьи круги, пользуется всевозможными преимуществами. Борьба за утверждение либеральных ценностей, чье знамя в начале XX столетия подхватила московская предпринимательская группа, подразумевала вытеснение с лидирующих позиций петербургского клана и завладение «контрольным пакетом» отечественной экономики. Февральско-мартовские события, наконец, смели и самодержавие, и ненавистные верхи бюрократии. В мгновение ока купеческие круги оказались в роли триумфаторов; столичные же предприниматели, лишившись административных опор, попали в абсолютно непривычную ситуацию.

8 марта 1917 года в Петрограде состоялось заседание ЦВПК, где чествовались организаторы февральско-мартовского переворота. Этот триумф купеческой буржуазии и ее союзников стал полным унижением их давних питерских конкурентов. Неслучайно им напоминали, чтобы в торжестве обязательно приняли участие члены не только самого ЦВПК, но и других объединений¹. На заседании Н.Н. Кутлер от лица Совета Съездов представителей промышленности и торговли говорил о наступлении желанного часа народного освобождения, о рухнувших преградах, которые препятствовали проявлению народной энергии, и т.д.² В устах кадета эти слова выглядели вполне логичными. Однако вслед за ним на трибуне побывали ключевые фигуры делового Питера и Юга России: В.И. Тимирязев, А.И. Вышнеградский, Н.Ф. фон Дитмар, А.П. Мещерский и др. Дифирамбы в адрес купеческих министров, чьи имена золотыми буквами будут вписаны в российскую историю, очевидно, стоили им немалых усилий³. Унижение продолжилось уже в Москве, где в конце марта с большой помпой прошел Всероссийский съезд торгово-промышленного союза – тот самый, который не позволили провести царские власти двумя месяцами ранее. Надо сказать, что Совет Съездов представителей промышленности и торговли намечал свой собственный форум на конец марта – но тут пришло телеграфное извещение об открытии в этих же числах съезда в Москве. Ради него пришлось отложить петроградское мероприятие⁴. Не стоит и говорить, с каким настроением ехали посланцы столичной буржуазии. Встретили их прохладно; даже Кутлера избрали в президиум с большими возражениями⁵. Сам он невысоко оценил мероприятие, отметив

¹ Журнал заседания Совета съездов представителей промышленности и торговли. 5 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 52.

² Заседание ЦВПК // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 марта.

³ Там же.

⁴ Журнал заседания Совета съездов промышленности и торговли. 7 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 58.

⁵ Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М.; Л., 1957. С. 272.

митинговый стиль и ряд организационных неурядиц. По его мнению, «съезд представлял собой довольно смешанную картину, так как тут было много лиц, которых мы видели в первый раз... вообще состав съезда можно назвать случайным, хотя такие форумы нужны и понятны»¹.

Присягнув на верность новой демократической власти, петроградские деловые круги сразу повели разговор о сокровенном – об открытии фондовой биржи, чья работа прервалась тревожными днями февраля. Напомним, биржевые торги, начатые 24 января 1917 г. после длительного, почти в два с половиной года, перерыва, характеризовались стремительным повышением стоимости различных акций. (Картина довольно странная: доживающий последние дни режим на фоне непрерывного роста курса ценных бумаг; это обстоятельство, по общему мнению, стало следствием всплеска спекулятивного ажиотажа².) Теперь, после крушения царизма, банковские деятели жаждали возобновления торгов; они провели специальное совещание, на котором сформулировали аргументы в пользу скорейшего открытия биржи. Но в пылу обсуждения не подумали о том, что теперь самые непредвиденные обстоятельства способны вызвать существенное падение цен: этот весьма вероятный ход событий заслонялся в их глазах двумя практическими соображениями. Во-первых, финансисты считали необходимым прояснить состоятельность акционерных обществ и лиц, которые за отсутствием биржевых котировок не знают, чем, собственно, располагают. А во-вторых, сам факт открытия биржевых торгов явился бы, по их мнению, актом доверия новой власти к российскому финансовому миру³. Однако Временному правительству было явно не до этих реверансов: его заботили непрекращающиеся забастовки на предприятиях, которые требовали пересмотра условий трудового найма. Петроградский совет постоянно взывал к продолжению работы, но дело приобретало явно затяжной характер. Требовался какой-то толчок, чтобы ситуация могла нормализоваться. Особые надежды возлагались на соглашение о новых условиях труда, заключенное между Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков и исполкомом совета 10 – 11 марта 1917 г. Именно это соглашение усиленно продвигало Министерство торговли и промышленности. На предприятиях учреждались фабрично-заводские комитеты с широкими функциями в области внутреннего распорядка, формировались примирительные камеры из рабочих и предпринимателей на паритетных началах, но главное – вводился восьмичасовой рабочий день⁴. Министр А.И. Коновалов после консультаций с руководством военного ведомства и на подконтрольных ему

¹ Что дал московский съезд (беседа с Н.Н. Кутлером) // Коммерческий телеграф. 1917. 29 марта.

² Обзор петроградской фондовой биржи // Торгово-промышленная газета. 1917. 5 февраля.

³ РГИА. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 14. Л. 62.

⁴ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 1. С. 247 – 248.

предприятиях также установил перечисленные новшества¹. По мысли правительства, эта социалистическая по духу мера внесет желанное успокоение в рабочую среду.

Однако в Петроградском обществе фабрикантов и заводчиков придерживались противоположного мнения: образование примирительных камер и комитетов если к чему и привело, то только к обострению конфликтов. А подписанное соглашение во многом остается на бумаге и не способствует урегулированию положения. Рабочие предъявляют невыполнимые требования, нередко применяют насилие, производительность труда снижается и т.д.² Недовольство столичных предпринимателей отчетливо прозвучало на совещании у Коновалова в Минторгпроме. Прежде чем объявлять восьмичасовой рабочий день, заявили они, необходимо разобраться, как это соотносится с интересами обороны страны. Предлагалось также распространять эту меру не по территориальному принципу, т.е. по отдельным регионам, а применительно к каждой конкретной отрасли, тщательно взвешивая все за и против³. Заметим: купечество Москвы тоже не было в восторге от этого, пусть и вынужденного, новшества. Например, известный фабрикант С.И. Четвериков указывал, что сокращение продолжительности рабочего времени до восьми часов означает снижение нынешнего производства страны на 20 %. И потому вместо этого лозунга русский народ должен выставить другой – всё для войны: он больше отвечает военному времени, чем требование добавочного отдыха. Любопытно сравнение, сделанное Четвериковым: как нельзя вообразить жизнь современного человека, в полном объеме выполняющего заповеди Христа, так нельзя представить рабочего, отдающего лишь восемь часов труду и шестнадцать – отдыху⁴. Справедливости ради добавим, что в Петроградском совете не было единодушия по этому вопросу: представители армии считали недопустимым сокращение рабочего дня в то время, когда солдаты круглые сутки находятся в окопах, неся тяжелую и опасную службу⁵.

И, тем не менее, баталии вокруг установления восьмичасового рабочего стали своего рода «первой ласточкой» усиливавшейся социализации либерально-буржуазной революции февраля – марта 1917 года. Дальнейший ход событий это подтверждает. Так называемый рабочий вопрос набирает такую силу, что требование восьмичасового рабочего дня вскоре начинает казаться невинной шалостью. Уже в апреле издание Совета съездов «Промышленность и торговля» пророчески предупреждало: трудящиеся посредством советов рабочих депутатов готовят бизнесу «не мир, но меч». Так, Петроградский Совет предложил проект закона о стачках и союзах, предоставляющий

¹ Керенский А.Ф. Россия в поворотный момент истории. М., 2006. С. 262.

² Рабочий вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 19 марта.

³ Там же. 18 марта.

⁴ Четвериков С.И. 8-ми часовой рабочий день в условиях переживаемого момента // Утро России. 1917. 19 марта.

⁵ Хроника // Русский инвалид. 1917. 10 марта.

рабочим полную свободу забастовок с целью повышения заработной платы. В то же время владельцы предприятий, допустившие, по мнению рабочих, ухудшение условий труда и тем самым вызвавшие забастовку, обязаны оплачивать им все время простоя. Таким образом, законопроект делал позицию рабочих абсолютно беспроблемной. По мнению издания, если бы данный документ, не содержащий признаков элементарного правосознания, превратился в закон, «то предпринимателям не оставалось бы ничего, как ликвидировать предприятия и искать применения своих сил в других, более нормальных правовых условиях»¹. М.В. Бернацкий, возглавлявший отдел труда Минторгпрома, куда стекались наработки по законодательству, лучше других ощущал остроту происходящего. В своих мемуарах он писал о непомерных аппетитах пролетариев, требовавших контроля над производством, об угрозах немедленной остановки работ и о попытках расправы с управляющим персоналом. Отдел труда добросовестно пытался рассматривать все требования и выработать наиболее приемлемые форматы для их удовлетворения². Однако, как вспоминал Бернацкий, обсуждения быстро превратились в самую настоящую пытку: представители совета нападали на чиновников министерства по малейшему поводу³.

Очень скоро все индустриальные районы страны охватила забастовочная лихорадка. В Петрограде рабочие предприятия «Треугольник» потребовали выдачи им военной прибавки задним числом – с мая 1915 года, что составило 13 млн руб. Правление нашло сумму чрезмерной и обратило внимание рабочих на долги завода, составлявшие 23 млн руб. В случае продолжения забастовки администрация обещала закрыть производство и рассчитать 17 тысяч человек. В ответ рабочие решили арестовать всех административных служащих, часть из которых доставили прямо на квартиру А.Ф. Керенского; тот распорядился освободить заложников, а срочно прибывшая делегация из Петросовета убеждала рабочих понизить требования⁴. Похожая обстановка сложилась и в Центральном регионе. На текстильных фабриках Саввы и Викулы Морозовых, Смирнова, Зиминых и др. шли незатухающие забастовки. Рабочие потребовали увеличить заработную плату на целых 200 %. Получив отказ, более 60 тысяч человек пригрозили взять фабрики в свои руки. С большим трудом, при помощи Московского совета рабочих депутатов конфликт удалось перевести в согласительную комиссию, т.е. в вялотекущий режим⁵. Од-

¹ Требования рабочих // Промышленность и торговля. 1917. Апрель. № 12 – 13. С. 243 – 244.

² Бернацкий М.В. Воспоминания о событиях 1917 года // Английская набережная. СПб., 2000. № 4. С. 381 – 382.

³ Там же.

⁴ Арест рабочими директоров товарищества «Треугольник» // Коммерческий телеграф. 1917. 4 мая.

⁵ В совете рабочих депутатов // Утро России. 1917. 7 мая.

нако это не успокоило трудящихся: они не без удовольствия продолжали третируют владельцев. Например, на мануфактуре братьев Гандуриных в Иваново-Вознесенске рабочие постановили арестовать хозяина за неподчинение их требованиям, держали его в несносных условиях, отказывали в свиданиях с родственниками. Экссесс сильно напугал местных промышленников, боявшихся оказаться на месте Гандурина¹. Эти примеры подтверждают вывод Бернацкого: «революция политическая превращалась в ожесточенную социальную распрю»².

Конечно, подобное развитие событий не могло не беспокоить новое правительство. И оно искренне пыталось нормализовать положение, стараясь нащупать параметры взаимоотношений с народом, свойственные социал-демократической практике. Опора на профсоюзы и фабзавкомы, элементы государственного регулирования – вот те узловые точки, вокруг которых должны были выстраиваться новые социальные связи. Коновалов говорил на заседании Московского биржевого комитета 14 апреля 1917 года: «Из глубин народных масс выдвигаются настойчивые требования к государству и к имущим слоям населения в отношении наискорейшего удовлетворения духовных и материальных потребностей, задержанных в своем развитии тяжелыми условиями старого режима. На этой почве – приходится слышать – создаются ложные страхи, тревоги и сомнения. Будем глубоко верить, что в процессе народного творчества, реорганизации государственного строя на новых началах, провозглашенных нашей революцией, будет найдена равнодействующая всех справедливых интересов, которая обеспечит социальный мир»³. Взаимоотношения труда и капитала также требовали новых форм. В частности, официальная «Торгово-промышленная газета» рекомендовала создавать акционерные общества, предусматривающие два вида ценных бумаг – акции капитала и акции труда. Количество последних определяется собственником предприятия и безвозмездно передается рабочим или служащим, которые образуют для этого кооперативное товарищество. Его делегаты участвуют в общих собраниях акционеров и получают места в правлении. В конце года на акции капитала выплачивается установленный процент, а дивиденд на акции труда передается товариществу рабочих, и оно само его распределяет. Такая форма объединения труда и капитала позволяет трудящимся не только получать долю прибыли, но и участвовать в управлении. В этом случае работники лучше знают о состоянии дел на предприятии, а значит, могут соразмерять свои претензии⁴.

¹ Иваново-Вознесенское самоуправство // Коммерсант. 1917. 16 июня.

² Бернацкий М.В. Воспоминания о событиях 1917 года. С. 380.

³ Речь министра торговли и промышленности А.И. Коновалова при посещении Московской биржи // Торгово-промышленная газета. 1917. 16 апреля.

⁴ Рабочий вопрос. Новая форма объединения труда и капитала // Торгово-промышленная газета. 1917. 1 апреля.

По указанию Коновалова Министерство торговли и промышленности занялось выработкой типового устава для промышленных обществ с обязательным участием в акционерном капитале рабочих¹. Не дожидаясь утверждения устава, купеческие лидеры приступили к апробации этих наработок. Один из лидеров московской буржуазии Н.А. Второв решил объединить все свои предприятия, расположенные в Сибири и на Урале, в большое акционерное общество – с таким расчетом, чтобы часть акций нового АО распределялась между всеми служащими и рабочими. Предполагалось третью часть ценных бумаг распределить между ними, а две трети – оставить в портфеле самого Второва; в правление планировалось избрать представителей работников². Этот пример свидетельствует, что не только министр Коновалов, но и лидеры буржуазии Москвы поддерживали новые социальные приоритеты. Однако их усилия поблекли на фоне самого мощного конфликта, разразившегося в южном индустриальном районе, где, казалось бы, лучшего всего должен быть известен европейский тип взаимоотношений труда и капитала. Напомним, что расположенные здесь металлургические и горные предприятия принадлежали французскому, английскому и бельгийскому капиталу, и европейские союзники болезненно относились к начавшемуся развалу их российских активов. Кроме того, южный регион являлся опорным для Совета съездов представителей промышленности и торговли, а потому руководство крупнейшей предпринимательской организации страны активнее всего донимало Временное правительство призывами об урегулировании положения. Требования рабочих по зарплате и различным выплатам быстро достигли здесь огромной суммы в 800 млн руб. Возник вопрос: кому, собственно говоря, адресованы эти чрезмерные претензии? К широким слоям французского населения, купившим в свое время эти акции, или к разоренной немцами Бельгии? Столичные «Биржевые ведомости» изумлялись: «Неужели мы намерены этим бельгийцам и французам объявить беспощадную войну и лишит мелких и средних акционеров этих стран тех минимальных доходов, которые они получали от помещенных капиталов в южнорусские металлургические предприятия?»³ Понятно, что управляющие этими заводами во главе с Кутлером, фон Дитмаром и др. настойчиво апеллировали к министрам и были настроены весьма резко против новой власти.

Положение в Донецком индустриальном бассейне Временное правительство рассматривало на специальном заседании 10 мая, куда были приглашены представители заводов. Они сообщали: заработная плата поглощает почти все оборотные средства; рабочие не идут на уступки, отказываются от услуг примирительных камер и не признают никаких распоряжений администраций; в

¹ Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

² Реорганизация сибирских предприятий Н.А. Второва // Коммерческий телеграф. 1917. 23 июня.

³ Экономический отдел // Биржевые ведомости. 1917. 14 мая (утр. вып.).

результате продолжать производство невозможно. Однако М.И. Скобелев, глава только что учрежденного Министерства труда, опроверг сообщение промышленников: рабочие региона выступают за переговоры, для чего в столицу скоро прибудет их делегация и доложит об истинном положении дел. Стремление трудящихся увеличить заработки вполне понятно, поскольку они всегда были незначительны; в последние же годы произошло необычайное обогащение предпринимателей, а это не способствует оздоровлению ситуации. Поэтому государство вправе рассчитывать, чтобы промышленники создали атмосферу, которая облегчит урегулирование отношений труда и капитала¹. С министром полностью солидаризовался совет рабочих и солдатских депутатов. Капиталистов юга России обвинили в сознательной дезорганизации производства: прекращен ремонт оборудования, шахты не модернизируются, допускается затопление копей и т.д.²

Позиция, занятая министром труда, объясняется тем, что социалисты из совета, войдя в состав правительства, пытались нарастить свой политический вес. А для этого им приходилось следовать за стихией и выступать выразителями чаяний масс. Должность Скобелева позволяла развить бурную деятельность по защите рабочего человека от ненасытного капитала. В ходе затяжных переговоров с южными горнопромышленниками министр-социалист доказывал, что российскую промышленность пора серьезно демократизировать: только при этом условии экономическая жизнь нормализуется. Он настаивал на формировании целого ряда органов и комиссий, в фактическом ведении которых должны находиться заводы и фабрики. При таком порядке владельцами предприятий в известной степени станут сами рабочие: это, по мнению Скобелева, и приведет к устранению причин, которые в настоящее время вызывают экономический кризис. А предприниматели обязаны участвовать в работе предприятия на правах пайщиков, получающих известный процент прибыли, которая, в свою очередь, должна быть ограничена³. Несложно понять, какие эмоции вызывали подобные откровения у южных угольщиков и металлургов, выросших на иностранных инвестициях. Коновалов пытался вразумить коллегу по кабинету: если хозяева перестанут быть полноправными собственниками своего дела, они не смогут нормально работать, а это прямая дорога к экономическому коллапсу. И вообще, совершенствование рабочего законодательства не допускает столь свободного его толкования, граничащего с произвольным⁴. Однако в ответ Скобелев указал на неоплатный долг предпринимателей перед народом: они могут только «зашибать дивид-

¹ Труд и капитал. Совещание правительства с промышленниками // Утро России. 1917. 13 мая.

² Кто разрушает промышленность? // Известия. 1917. 17 мая.

³ Рабочий вопрос // Финансовое обозрение. 1917. № 17 – 18. С. 15.

⁴ Там же.

денды», а когда от них требуются жертвы – умывают руки. И многозначительно намекнул, что трудовая повинность для бизнеса была бы совсем не лишней¹.

Перспектив для достижения компромисса явно не просматривалось. Речи Скобелева вызвали возмущение горнопромышленников юга, но еще больше раздражал их министр торговли и промышленности. Еще в середине апреля говорилось, что его речи несут «чувство бодрости и уверенности в счастливом будущем России»², а всего месяц спустя Коновалова прямо обвиняли в неспособности остановить сползание к катастрофе. К этим обвинениям с энтузиазмом присоединилась и деловая элита Питера. «Биржевой курьер» писал, что пролетарии устроили форменную осаду металлургической индустрии, а призванный защищать ее достопочтенный министр занят исключительно благими беседами, как ранее в ЦВПК и «у себя на Ильинке, в амбаре»³. В результате Коновалов был отправлен в отставку. М.И. Терещенко сообщил российскому послу в США Б.А. Бахметьеву: «Причины его ухода не чисто политические, а финансово-политические, связанные с тяжелым экономическим положением и начавшимися решительными нападками против него из промышленной среды»⁴. Финальное выступление Коновалова в качестве члена Временного правительства состоялось на III съезде военно-промышленных комитетов 16 – 18 мая 1917 г. Он, в частности, сказал: «Опасность катастрофы становится с каждым днем все более грозной. Под влиянием агитации безответственных лиц рабочими массами выдвигаются требования, осуществление которых связано с полным разрушением предприятий»⁵. Уходящий министр назвал иллюзорным мнение, будто предприятия, испытывающие затруднения, могут быть переданы государству: оно не располагает свободными кадрами, способными вести технические и управленческие дела. Еще более наивны надежды на удовлетворение за счет казны возросших претензий рабочих: государство не в состоянии взять на себя подобные финансовые обязательства⁶. Примечательно, что делегаты-рабочие, присутствовавшие на форуме, расценили речь Коновалова совсем в ином ключе. Они связали и ее, и некоторые другие выступления с началом контрреволюционного движения. Это заявление вызвало волнения, и работу съезда пришлось пере-

¹ Неоплатный долг предпринимателей // Коммерческий телеграф. 1917. 17 мая.

² Программа бодрости // Коммерческий телеграф. 1917. 17 апреля.

³ Задачи министра торговли и промышленности в переживаемое время // Биржевой курьер. 1917. 17 мая.

⁴ Телеграмма М.И. Терещенко послу Временного правительства в США Б.А. Бахметьеву. 6 июня 1917 года // Экономическое положение накануне Великой октябрьской революции. Документы и материалы. М., 1957. Ч. 2. С. 460.

⁵ Всероссийский съезд ВПК // Русское слово. 1917. 17 мая.

⁶ Там же.

нести на следующий день. Председатель ЦВПК А.И. Гучков с горечью заметил: в свое время старое правительство выставляло промышленников революционерами, а при новом строе их клеймят как контрреволюционеров¹.

Отставка Коновалова с поста министра торговли и промышленности подвела черту под тем политическим курсом, за реализацию которого выступала купеческая буржуазия. Неудача постигла и еще одно знаковое начинание московского происхождения. Речь идет об инициативе крупного фабриканта С.И. Четверикова по ограничению предпринимательской прибыли². Его почин, касающийся текстильной промышленности, быстро оказался в центре общего внимания; для разработки этой идеи Московский биржевой комитет 11 апреля 1917 г. образовал специальную комиссию³. Подготовку законопроекта признали своевременной: население должно ощутить патриотический настрой торгово-промышленного класса; необходимо также успокоить рабочих, со стороны которых не прекращаются упреки в адрес предпринимателей. Предлагалось не только установить твердый размер прибыли, но и довести его до возможного минимума; при этом не допускать сокращения производства и оставить возможности для развития. Причем планировалось не распространять новый закон на предприятия, возникшие после его введения, дабы не препятствовать приливу капиталов⁴. Многие участники комиссии высказались за установление нормированной прибыли в течение определенного – пятилетнего – срока⁵. Временное правительство с энтузиазмом восприняло московскую инициативу. Как напоминали власти, подобные меры уже приняты и успешно действуют в других странах. Проект, выдвинутый Четвериковым, предполагалось распространить на все отрасли⁶. Но, конечно, главными противниками проекта сразу выступили южане. Их печатный рупор «Промышленность и торговля» утверждал: подобные планы у каждого непредубежденного человека вызывают искреннее недоумение; они несовместимы с подъемом производительных сил страны⁷. Но больше всего их беспокоило, разумеется, то, как данная мера отразится на притоке средств от зарубежных акционеров. Европейцев привлекала в России возможность получения высоких

¹ Всероссийский съезд ВПК // Русское слово. 1917. 20 мая.

² Четвериков С.И. Предпринимательская прибыль в условиях переживаемого момента // Утро России. 1917. 24 марта.

³ Коммерсант. 1917. 12 апреля.

⁴ Журнал комиссии по разработке закона об ограничении прибыли промышленных предприятий. 10 мая 1917 г. // ГАРФ. 3348. Оп. 1. Д. 115. ЛЛ. 78 – 80.

⁵ Что даст ограничение прибылей? // Коммерческий телеграф. 1917. 7 мая.

⁶ Твердохлебов В. Ограничение предпринимательской прибыли и налог на «военную прибыль» // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 мая.

⁷ Ограничение прибыли и будущее нашей промышленности // Промышленность и торговля. 1917. Апрель. № 14 – 15. С. 265 – 266.

доходов, что всегда перевешивало боязнь внутренних потрясений. Теперешнее же ограничение прибылей на фоне непрекращающихся классовых распрей сводит на нет последнее инвестиционное преимущество страны¹.

Однако политических наработок московского купечества, активно разыгрывавшего народную карту, оказалось недостаточно, чтобы удержать ситуацию после февраля 1917 г. Попытка реализовать программу преобразований не удалась, и эпопея с ограничением прибыли убедительно это подтверждает. Патриотическая инициатива москвичей очень скоро вышла из-под их контроля; ее подхватили те, чья политическая капитализация напрямую зависела от степени радикальности принимаемых решений. Министры-социалисты провели масштабную налоговую реформу – скорее не по ограничению, а по изъятию у предпринимателей прибылей и доходов. Вместо солидного и либерального Четверикова на авансцену вышли новые государственные деятели – лидеры Совета. Их налоговое администрирование, преследовавшее цель переложить тяготы экономического кризиса на плечи имущих слоев, включало три постановления: о повышении подоходного налога, о единовременном налоге и об обложении сверхприбыли². После принятия этих постановлений крупные плательщики вынуждены были отдавать государству в общей сложности до 90 % своих доходов. Причем обложению подлежали прибыли минувшего операционного года, которые все предприятия уже выплатили и израсходовали³. И, тем не менее, Совет рабочих и солдатских депутатов рассматривал эту меру в качестве первого шага и заявлял об обширной финансово-экономической программе, к воплощению которой только еще следовало приступить. Несомненно, «ободряло» революционную демократию и напоминание о том, что сама «крупная буржуазия не сдает своих позиций, не откажется от своих привилегий и барышей»⁴.

Здесь следует сказать об одной любопытной странице истории тех дней. После отставки Коновалова, ушедшего под давлением буржуазных группировок, озлобленных последствиями государственных затей московского купечества, в дело вступили международные тяжеловесы. Союзники понимали, в какую сложную ситуацию погружается страна. В Россию командировались видные деятели европейских социалистов, призванные помочь новой российской власти обрести политическую устойчивость, в частности за счет решения социально-экономических проблем. Одним из первых прибыл член бельгийской рабочей партии Де Букер. Он удивился, что на многих предприятиях управленческие функции взяли на себя фабрично-заводские комитеты, не обладающие нужной подготовкой и не несущие ответственность за производство. Но еще больше его удивила пассивность самих предпринимателей. Если

¹ Там же. С. 267.

² Заседание № 108 от 12 июня 1917 г. // Журналы заседаний Временного правительства. М., 2004. Т. 2. С. 243.

³ Там же. С. 244 – 245.

⁴ Первый шаг // Известия. 1917. 17 июня.

бы у нас случилось нечто подобное, говорил Де Букер, союзы хозяев призвали бы на помощь общественное мнение. А в Петрограде распространено мнение, что рабочие комитеты, по крайней мере, предохраняют производства от откровенного расхищения¹. Бельгийский социалист добросовестно проводил анкетирование предприятий и неизменно предписывал им регулирование по западным образцам: по его убеждению, только промышленная демократия поможет русской революции преодолеть экономическое расстройство².

Но главным учителем молодой российской демократии стал английский министр труда А. Гендерсон. Премьер Великобритании Д. Ллойд-Джордж считал его не просто опытным политиком, а «крупнейшим политическим организатором своего времени»³. По приезду в Россию Гендерсон поведал, что в Великобритании все с восторгом отнеслись к русской революции, однако все чаще недоумевают по поводу того, что же, собственно, здесь происходит⁴. На заседаниях во Временном правительстве и затем в Московском биржевом комитете он призвал не отчаиваться и наметил четкую программу для российских властей и бизнеса. На русской промышленности, сказал английский министр, лежит особая ответственность: во имя интересов государства следует внимательнее относиться к требованиям рабочих и всеми силами улаживать конфликты. Как он убеждал московских биржевиков, вводимые меры – временные, необходимые в условиях войны. Например, в Англии это хорошо осознали и предприниматели, и рабочие: там налоговая реформа по ограничению прибылей прошла без особых затруднений. По взаимным договоренностям с трудящимися приостановлена даже деятельность профсоюзов, история которых насчитывает около ста лет. Вся промышленность находится под строгим государственным контролем, служащим буфером между рабочими и промышленниками. Такая система позволяет избегать конфликтов: все претензии рабочих рассматривает государство; однако существуют и третейские суды, и примирительные камеры. Гендерсон выразил веру в здравый смысл русского рабочего⁵. И при этом не забыл передать русскому правительству обращение фирм, принадлежащих английскому капиталу: желательно, чтобы власть взяла на себя ответственность по определению прав рабочих, по разрешению конфликтов, связанных с заработной платой, и по защите акционеров от насилия⁶.

Надо признать, что благодаря примиренческой миссии Гендерсона настрой российского министра труда заметно смягчился. Теперь Скобелев обнадеживал предпринимателей: «Долг демократии – честно признать, что Рос-

¹ *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Париж, 1963. Кн. 1. С. 431.

² Там же. С. 432.

³ *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. Т. 3. С. 117.

⁴ Беседа с Гендерсоном // *Утро России*. 1917. 20 мая.

⁵ Речь Гендерсона // *Утро России*. 1917. 15 июня.

⁶ *Милоков П.Н.* История второй русской революции. М., 2001. С. 159.

сия не готова к социализму и что для торжества свободы необходимо сотрудничество с буржуазными кругами»¹. Или: «Общение с Москвой дало мне очень много... здесь самобытное творчество, и наша задача свести в единое целое весь этот разнообразный опыт»². Казалось, то, что не удавалось Коновалову, совершил маститый британский деятель. Под впечатлением были и промышленники. Например, С.Н. Третьяков, с удовольствием пересказывая слова Гендерсона о том, что в Англии «труд и капитал дружно идут нога в ногу», прогнозировал: скоро так будет и в России³. На митинге предпринимателей в театре Зимина ему вторил П.П. Рябушинский: «Как будто все начинает понемногу проясняться и социалистическая часть министерства переменила уже свои воззрения»⁴. Однако если Скобелев внял увещаниям английского коллеги, то в Совете рабочих и солдатских депутатов явно и не помышлял о братании с буржуазией. Это отчетливо декларировало эсеровское «Дело народа», уделившее особое внимание миссии Гендерсона. Издание акцентировало внимание на просьбе английских владельцев к российскому правительству передать их предприятия под контроль государства. Этот шаг рассценивался в качестве уступки рабочему классу: британцы, не склонные к предпринимательскому максимализму, ясно увидели, в какую бездну увлекают себя и страну русские бизнесмены, привыкшие к безудержной эксплуатации и выколачиванию прибылей под охраной старого режима⁵. Вместе с тем газета предупреждала: кто думает, что правительственный контроль в России напоминает английский, тот жестоко ошибается. В Великобритании, помимо ограничений прибыли и хозяйских прав, предусмотрены запрет стачек и административные ссылки за агитацию, т.е. фактически сведено на нет фабричное законодательство. Этого Временное правительство никогда не допустит, зато оно, вне всякого сомнения, обязано воспользоваться политикой государственного вмешательства в отечественную промышленность⁶. Так что в целом, помимо вразумления части министров-социалистов, Гендерсон мало чего добился. Выправить ситуацию, используя английский опыт, ему не удалось. Это продемонстрировал громкий конфликт в Москве (где неделей ранее Гендерсон излучал оптимизм) – на Московском металлическом заводе Ю.П. Гужона.⁷ В конце июня 1917 года Особому совещанию по обороне пришлось специально рассматривать этот конфликт, пригласив представителей обеих сторон. Но между ними состоялся не диалог, а очередной обмен взаимными претензиями. Администрация указывала на полную дезорганизацию

¹ Министр Скобелев в Москве // Утро России. 1917. 16 июня.

² Там же. 15 июня.

³ Митинг представителей торговли и промышленности // Утро России. 1917. 15 июня.

⁴ Там же.

⁵ Учитесь у старших // Дело народа. 1917. 17 июня.

⁶ Там же.

⁷ См. подробн. об этом конфликте: *Лодзинский Э.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1929. С. 39 – 42.

производства и административно-технического персонала. Государству пришлось прибегнуть к секвестру предприятия¹. Рабочие массы никак не вписывались в европейский формат, поскольку ориентировались на иные способы решения своих проблем.

Не менее серьезное значение, чем рабочая проблематика имел в тот период и продовольственный вопрос. Московская буржуазия выработала собственную программу в этой области в начале Первой мировой войны. Царское правительство отнеслось к ней без энтузиазма; больше всего его смущала ставка на кооперативное движение, вызывавшее устойчивые опасения в его политической неблагонадежности. Между тем именно акцент на кооперацию являлся «фирменной» чертой московского проекта. Февральский переворот открыл путь для его воплощения. И 25 – 28 марта 1917 г. – разумеется, в Первопрестольной – прошел первый свободный съезд кооперации. Он собрал видных общественных и научных деятелей – выходцев из оппозиционных кругов; Временное правительство они приветствовали овациями. Один из лидеров московской кооперации В.Н. Зельгейм – создатель и руководитель Московского союза потребительских обществ – участвовал в работе съезда уже в качестве товарища министра земледелия А.И. Шингарева. Вместе с Зельгеймом в это ведомство делегировался целый отряд кооперативных работников из Москвы, занявших в нем ключевые должности². Они предложили решение продовольственной проблемы, поставив его в зависимость от поддержки на местах, которую и должны обеспечить миллионы кооператоров – «трудовая армия муравьев». Однако Зельгейм не забыл подчеркнуть, что кооперативы, «сообразуясь со своими силами, не должны брать на себя те функции, которые лучше могут выполнить в данный момент городские и земские или частные торговые организации»³. Шингарев обосновал на съезде необходимость хлебной монополии, введенной 25 марта 1917 года: эта мера позволит обеспечить гарантированное снабжение армии и тыла⁴. Ставка на кооперативы актуализировала также проблему их финансирования, которая, как известно, всегда была камнем преткновения. Царские власти так и не запустили полномасштабную систему мелкого кредитования; занималось ею управление мелкого кредита Минфина, вызывавшее резкое отторжение в кооперативной среде. Считалось, что это типично бюрократическое учреждение старается лишить кооператоров собственной инициативы, поставив их под неослабную опеку чиновничества. Поэтому Временное правительство признало целесообразным демонтировать прежнюю систему и разработать новые

¹ Заседание от 28 июня 1917 г. // Журнал заседаний Особого совещания по обороне. М., 1978. Т. 3. С. 503 – 505.

² Всероссийский съезд кооперативных союзов // Вестник кооперации. 1917. № 2 – 3. С. 105.

³ Там же. С. 100 – 101.

⁴ Там же. С. 103 – 104.

начала госфинансирования кооперации, для чего образовать особое совещание при Министерстве финансов¹. (Кстати, в московских общественных кругах даже обсуждалась идея организации специального ведомства или отдельного Министерства кооперации².)

В марте – апреле 1917 года с восторгом обсуждались различные потребительские и ссудно-сберегательные общества. Казалось, продовольственная программа либеральных сил, сформулированная в начале Первой мировой войны, начинает претворяться в жизнь. Но нет: уже в мае советские деятели во главе с новым министром продовольствия А.В. Пешехоновым внесли в нее серьезные коррективы. Их суть состояла в том, что баланс, предусмотренный между частноторговым сектором и различной кооперацией, полностью отвергался в пользу последней. (Вполне правомерно такое сравнение: в продовольственной сфере Пешехонов выступил в роли Скобелева, экспериментировавшего, как было показано выше, в области трудовых отношений.) Обескураженная купеческая буржуазия 9 – 11 мая 1917 г. созвала в Москве Всероссийский съезд по хлебному делу. На нем присутствовали те, кто изначально рассматривал привлечение кооператоров в качестве демократической меры, на которую не способна царская бюрократия³. С.Н. Третьяков, С.А. Смирнов, Д.В. Сироткин, В.Н. Башкиров и др. сразу заявили о своем недовольстве привилегированным положением кооперации. Купеческим тузам давал объяснения министр земледелия А.И. Шингарев. Указав на затруднительное положение центральной власти из-за несогласованных действий различных самочинных организаций на местах, он напомнил, что приверженность к кооперации – их общее и давнее дело, потому кооперативные организации Москвы и представили государству свои лучшие силы⁴. В заключение министр призвал не выяснять отношения, а отдать все силы для решения продовольственной проблемы.

В ходе съездовских дискуссий наметились два лагеря. Торговцы и мукомолы, связанные с питерскими банками, заняли непримиримую позицию; они считали единственным выходом незамедлительную отмену хлебной монополии и возобновление свободной торговли⁵. В то же время способность кооперации вынести на своих плечах весь груз продовольственных проблем ставилась под сомнение. По мнению ряда ораторов, она не в состоянии стать связующим звеном между производителями и потребителями хлеба, а потому

¹ Государственное кредитование кооперативов // Биржевые ведомости. 1917. 9 мая (утр. вып.).

² Революция и акционерно-паевое дело // Коммерсант. 1917. 16 марта.

³ Всероссийский съезд по хлебному делу // Торгово-промышленная газета. 1917. 14 мая.

⁴ Выступление А.И. Шингарева на Всероссийском продовольственном съезде // Торгово-промышленная газета. 1917. 7 мая.

⁵ Всероссийский съезд по хлебному делу 9 – 11 мая 1917 г. // Известия по продовольственному делу. 1917. Май. № 1. С. 16 – 17.

надежды на нее неоправданны¹. В другом лагере, ориентированном на Москву, к продовольственным новациям властей относились неодобрительно, но все же считали необходимым к ним приспособиться. Эта часть делегатов признала, что передача хлеба государству, т.е. хлебная монополия, – неизбежная во время войны мера и весь русский хлеботорговый класс должен поддержать Временное правительство. Правда, была сделана оговорка о необходимости привлечения представителей хлебной торговли к продовольственному снабжению и об обязательном включении их в образованные продовольственные комитеты. Эта позиция на съезде возобладала, что и отразила итоговая резолюция². Однако заметим, что здесь же на правах самостоятельной секции участвовал съезд мукомолов: он представлял крупные структуры, находившиеся под контролем столичных банков. Эти торговцы решили принять собственную резолюцию, отразившую полное неприятие деятельности новой власти. Усугубление и без того тяжелой ситуации они приписывали хлебной монополии и констатировали, что ждать живой и творческой работы неоткуда; в продовольственные комитеты соглашались входить только с правом решающего голоса³.

Московская буржуазия на протяжении мая – июня еще надеялась, что ее интересы при организации продовольственного дела будут учтены. Однако эти надежды, как и ожидания по рабочему вопросу, быстро таяли. Июльский кризис с неудавшейся попыткой большевиков захватить власть показал, к чему ведет политика, проводимая советами. А затем оживился давний соперник купечества – питерский буржуазный клан, решивший самостоятельно выбираться из охватившего страну кризиса. В продовольственной сфере петроградские банки попытались овладеть ситуацией, оттеснив кооперацию и советскую публику на вторые роли (разочарования партии друзей Керенского в советах рабочих и солдатских депутатов создавало для этого неплохие шансы). Они атаковали Министерство продовольствия уже не на каком-либо форуме, а на подконтрольной советам территории – в Общегосударственном продовольственном комитете (бывшем Особом совещании по продовольствию). В конце июля возник вопрос о ревизии продовольственных дел. Представители совета негодовали: с их точки зрения, это выглядело уступкой контрреволюционным домогательствам. Общегосударственный продовольственный комитет не усматривал никаких оснований для немедленной ревизии, отвлекающей силы от текущей работы⁴. Тем не менее, очередная, пятая, сессия комитета, состоявшаяся 8 августа, была фактически сорвана рядом

¹ Продовольственная программа // Биржевые ведомости. 1917. 10 мая (утр. вып.).

² Всероссийский съезд по хлебному делу 9 – 11 мая 1917 г. // Известия по продовольственному делу. Май. № 1. С. 17 – 18.

³ Там же. С. 19.

⁴ О ревизии продовольственной управы // Речь. 1917. 2 августа.

участников, заявивших о несоответствии программы мероприятия серьезности момента: жизнь требует принципиального разговора о продовольственной политике министерства в целом. Начавшаяся дискуссия потонула в яростных нападках на хлебную монополию, введение которой не позволило создать дееспособную систему снабжения продовольствием. Продовольственные комитеты создавались под лозунгом демократизации во что бы то ни стало: их огромная и дорогостоящая сеть, быть может, безупречно демократична, но абсолютно неэффективна. Окончательное устранение торгового аппарата от дел квалифицировалось как непоправимая ошибка. На все это представители совета неизменно отвечали, что политика министерства абсолютно правильна и полезна. Пешехонов заявил, что «ломать твердые цены невозможно»; если это произойдет, в стране неминуемо начнется голод¹. Питерская пресса развернула безудержную травлю В.Н. Громана, одного из идеологов советской продовольственной политики. Например, «Биржевые ведомости» рассуждали о необходимости предоставить ему возможность отдохнуть и подлечиться: «Громан по всем признакам человек одержимый. Не надо его раздражать нападками в печати, не надо расстраивать его толками о ревизии его деятельности, а надо спокойно сделать то, чего требует примитивная гуманность: надо обревизовать его личное умственное и душевное состояние»². В самом правительстве началось сильное давление на министра продовольствия Пешехонова. В противовес ему была выдвинута инициатива о введении специальной должности – верховного комиссара по продовольствию. На нее прочили крупного акционера Русско-Азиатского банка П.П. Батолина³; лоббировал это решение заместитель председателя премьер-министра, глава Министерства финансов Н.В. Некрасов (на этой почве он окончательно перессорился с социалистическим крылом кабинета). Вопреки сопротивлению министров-социалистов Временное правительство приступило к обсуждению с представителями частной торговли порядка их привлечения к продовольственному делу, о чем извещала пресса⁴. Под представителями частной торговли подразумевались крупные питерские коммерсанты: об этом говорит тот факт, что московское купечество оставалось совершенно не в курсе происходящего. На Втором торгово-промышленном съезде в начале августа 1917 года С.Н. Третьяков для московских деловых кругов комментировал лишь распространявшиеся в столице слухи о возможной отмене хлебной монополии⁵.

¹ Продовольственный вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 10 августа.

² В защиту Громана // Биржевые ведомости. 1917. 20 августа (утр. вып.).

³ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. М., 1990. С. 152 – 153.

⁴ Продовольственная брешь // Биржевые ведомости. 1917. 25 августа (утр. вып.); Реорганизация продовольственного дела // Русские ведомости. 1917. 25 августа.

⁵ Выступление С.Н. Третьякова // Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 3–5 августа 1917 года. М., 1917. С. 14.

Корниловские события и вызванный ими кризис власти отсрочили реорганизацию продовольственной системы. Однако четвертый состав Временного правительства, образованный на базе московской буржуазии, сразу приступил к делу. Прежде всего, был упразднен Общегосударственный продовольственный комитет, вызывавший неприкрытую злобу буржуазных деятелей. Его заседания, прерванные Корниловским выступлением, больше уже не возобновлялись. Советская публика негодовала, указывая, что власти не имели юридического права прекращать заседания: это мог сделать по собственному постановлению только сам комитет. Как писали «Известия», «путь, на который вступило Временное правительство, представляет собой не что иное, как возврат к худшим временам старого режима с его пренебрежением к общественным силам и общественной самодеятельности». ВЦИК Советов призывал к самому энергичному давлению на правительство¹. А оно тем временем провело совещание с крупными банками, где обсуждались условия финансирования продовольственных операций. Одного миллиарда рублей, выделенного на эти цели Государственным банком, было явно недостаточно. Банкиры указывали на неустойчивость политического положения, что неизбежно сказывается на финансовой состоятельности кредитных учреждений. Но желание нового правительства привлечь наконец к хлебным операциям торговцев можно приветствовать: они обещали подготовить свои предложения². Обещанная подготовка носила, правда, символический характер, поскольку предложения питерской банковской группы давно уже были разработаны; при царском правительстве их продвигал глава МВД А.Д. Протопопов, а в августе 1917 г. – возглавлявший Министерство финансов Н.В. Некрасов. Напомним: суть этих предложений сводилась к передаче хлебной торговли банковской филиальной сети, густо покрывавшей всю страну. С этим связывалось и решение проблем финансирования продовольственного снабжения. Одним из условий открытия большой кредитной линии на продовольственные операции стало назначение на ключевой правительственный пост известного Батолина. Однако эти меры заметно смущали купеческое правительство. Обещая привлечь банковский капитал, оно тем временем затеяло реформу продовольственной системы. Предполагалось, что Россия будет разделена на несколько крупных районов; возглавят их известные в стране лица, наделенными большими правами в этой сфере. За назначения отвечал поволжский купец В.Н. Башкиров, заступивший на пост товарища министра продовольствия С.Н. Прокоповича. В октябре 1917 г. особо уполномоченным по южному району, ключевого с точки зрения хлебного производства, успел стать полковник А.Е. Грузинов (герой февральско-мартовской революции в

¹ Известия. 1917. 6 октября. С. 6.

² Продовольственный вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 26 сентября.

Москве), а по Уральскому району – атаман А.И. Дутов¹. «Биржевые ведомости» выражали недоумение: как, не успев обнадеежить банковско-торговые круги, правительство начинает разделение страны на районы, которые должны управляться какими-то «особыми помпадурами»². Реорганизацию продовольственного дела вскоре прервал октябрьский переворот.

Земельный вопрос в отличие от продовольственного потребовал гораздо меньшего участия купеческой буржуазии, поскольку его решение было фактически predetermined. Столыпинский перевод деревни, приверженной общинным порядкам, на частнособственнические рельсы начался в последние десятилетия царизма и проходил с большим трудом. Аграрное законодательство обсуждалось и принималось Государственной думой в 1909 г. О том, какую позицию занимала тогда московская буржуазия, мы знаем благодаря статье крупного фабриканта С.И. Четверикова. Столыпинские инициативы купечество не одобряло, смыкаясь в этом с кадетами. Как указывал Четвериков, каждому беспристрастному наблюдателю ясно, что на основе хуторского хозяйства русская деревня существовать не сможет. Эта экономическая форма чужда вековым устоям крестьянской жизни. Ее эволюция должна идти в сторону выселения «гнездами» по пять-десять хозяйств. Такие союзы по обработке сравнительно больших участков земли позволяют сохранить взаимопомощь и связи с другими подобными «гнездами». Тем более что общественные угодья (леса, луга, водоемы) должны оставаться исключительно в общественной собственности. Четвериков утверждал: «Какие бы ни были дефекты предполагаемого проекта, в нем есть одна положительная сторона, которая может искупить многое: создается в деревне собственность и не разрушается община»³. Этот баланс интересов даст возможность бороться с самыми темными сторонами общины, в то время как о борьбе с общиной как таковой речи не идет. В столыпинском же законе от 9 ноября 1906 г. напрочь отсутствует специфическое народное понимание правды, так как его составители все надежды возложили на экономическую составляющую: «слишком много считались с хозяином и слишком мало – с человеком»⁴.

Здесь не место комментировать данные рассуждения, заметим только, что весной 1917 г. их невозможно было реализовать, поскольку страну захлестнула настоящая общинная революция снизу с разделом земли по уравнительному принципу. Этому глубинному народному порыву наиболее полно отвечали отнюдь не купеческие, а эсеровские программные установки. Партийный предводитель социалистов-революционеров В.М. Чернов предельно четко формулировал цель: «Между землей и трудом стоят рогатки монополии собственников: эти рогатки должны быть сняты, и Временное правительство

¹ Реформа продовольственного дела // Русское слово. 1917. 14 октября.

² Продовольственная помощь // Биржевые ведомости. 1917. 18 октября (утр. вып.).

³ Там же.

⁴ Четвериков С.И. Земля и община // Слово. 1908. 18 ноября.

может и должно их снять»¹. Подобные заявления были созвучны народным чаяниям, что продемонстрировал Всероссийский крестьянский съезд, состоявшийся в мае 1917 г. Его участники не хотели слышать ни о чем другом, кроме социализации земли и трудового уравнительного землепользования. Принцип частного владения совсем не находил сторонников; значительное большинство выступало против выкупа земли у собственников и не поддерживало их вознаграждение за государственный счет (в смысле компенсации за землю)². Когда дело так или иначе касалось этих насущных вопросов, крестьянские делегаты «совершенно теряли выдержку, обнаруживая типичный для того времени максимализм требований»³. Эсеровские лидеры, предавая на съезде анафеме частную собственность и воспевая общинные порядки, ратовали за отмену залога земель под банковские ссуды, что, по их убеждению, должно обеспечить прилив кредита непосредственно на сельскохозяйственную модернизацию⁴. Ходом съезда дирижировал Чернов (кстати, он присутствовал на нем не в качестве нового министра земледелия, а как крестьянский делегат от Камышинского уезда Саратовской губернии, считая это звание более почетным⁵).

Надо отдать должное эсеровской партии: она довольно быстро сумела взять под контроль Главный земельный комитет, превратив его в штаб аграрных преобразований. Идея образования комитета принадлежала кадету А.И. Шингареву, начинавшего свою деятельность в правительстве как раз министром земледелия: он планировал создать центр для подготовки теоретических основ реформы. В Главный земельный комитет предлагалось ввести представителей всех партий, не исключая и частных землевладельцев; никакими исполнительными функциями система комитетов на местах не обладала. Однако, войдя в состав Временного правительства, Чернов и Пешехонов наделили земельные комитеты правом разрешения споров и недоразумений в сфере земельных отношений, что придало их деятельности принципиально иной характер⁶. При Шингареве предполагалось, что Главным земельным комитетом будет руководить постоянно действующий орган из двенадцати человек. Но со вступлением в должность министра Чернова в состав комитета было кооптировано сорок человек из эсеровской среды. В результате этот орган стал напоминать обычный митинг⁷. Эсеровская вольница выдала целый

¹ Чернов В.М. Неотложное дело // Дело народа. 1917. 12 апреля.

² Гуревич В.Я. Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция // Летопись революции. Берлин, 1923. Кн. 1. С. 193.

³ Там же. С. 193.

⁴ Вихляев П.А. Развитие сельскохозяйственных производительных сил // Дело народа. 1917. 7 мая.

⁵ Выступление Чернова на Всероссийском съезде крестьянских депутатов // Дело народа. 1917. 18 мая.

⁶ Хрущев А.Г. Андрей Иванович Шингарев и его деятельность. М., 1918. С. 98 – 99.

⁷ Шидловский С.И. Воспоминания. Берлин, 1923. Ч. 2. С. 116 – 117.

ряд законопроектов, которые шокировали членов Временного правительства. Чего стоит только обещанный на крестьянском съезде запрет купли-продажи земель (его мотивировали необходимостью приостановить перераспределения земельного фонда). Понадобился правительственный кризис и отставка премьера кн. Г.Е. Львова, чтобы приступить к реализации творчества эсеров. Сделки с внегородской землей теперь могли производиться лишь с разрешения местных земельных комитетов и при утверждении каждого случая министром земледелия. При этих условиях ни о каком праве собственности говорить уже не приходилось¹. Кроме того, данный законодательный акт вел к огромным потрясениям всей хозяйственной жизни, ведь под определение «внегородские» попадали земли, приобретаемые или арендуемые коммерческими предприятиями для разработки угля, нефти, сахара и проч. Питерские банки требовали прекратить подобные эксперименты, грозящие им как крупным владельцам соответствующих бизнесов огромными потерями². Не менее вызывающим был признан законопроект «Об охране лесов и их рубке». Заготовлять древесину теперь полагалось только с разрешения уездных земельных комитетов, которые определяли, не преследует ли рубка спекулятивных или хищнических целей. Тем самым, по меткому замечанию «Русских ведомостей», под подозрение брался каждый удар топора, даже если он диктовался необходимостью обороны или потребностями общественных организаций³.

Эсеровские лидеры неуклонно придерживались взятого курса и открыто выражали недоверие тем членам Временного правительства, кто не разделял их партийных наработок. Например, назначенный министром внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев объяснял товарищам кн. Г.Е. Львова по МВД (Щепкину, Леонтьеву, кн. Урусову), что вынужден освободить их от занимаемых должностей из-за их принадлежности к землевладельческой буржуазии, к которой подозрительно относятся широкие демократические круги⁴. Разумеется, свою политику эсеры считали абсолютно правильной. Как уверенно декларировал их партийный рупор «Дело народа», «достаточно короткое время побывать на совещании совета крестьянских депутатов, подышать мужицким воздухом земельных комитетов, чтобы убедиться в том, как искусственен и как несправедлив упрек в адрес земельных законов»⁵. Неслучайно противники эсеровского законотворчества именовали Чернова преемником Ленина и считали

¹ Запрещение земельных сделок // Русские ведомости. 1917. 29 июля.

² Комитет съездов банков и неприкосновенность земельного запаса // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 июня.

³ Об аграрных проектах Чернова // Русские ведомости. 1917. 3 августа.

⁴ В Министерстве внутренних дел // Русские ведомости. 1917. 4 августа.

⁵ К уходу кн. Г.Е. Львова // Дело народа. 1917. 9 июля.

его присутствие во Временном правительстве «трагическим и позорным парадоксом»¹. Лишь четвертый состав Временного правительства охладил эсеровский пыл и попытался минимизировать влияние партии в Министерстве земледелия. В ведомстве развернулась упорная позиционная борьба между группой специалистов во главе с новым министром С.Л. Масловым, которые пытались «свети с небес на землю эсеровскую программу», и их оппонентами, стоящими на страже чистоты партийных принципов². Для пересмотра черновых земельных новаций была образована комиссия при Временном правительстве, куда вошли министры Коновалов, Никитин, Прокопович, Маслов и Малянтович³. Но времени для работы им уже не оставалось.

Во взаимоотношениях либеральных буржуазных кругов и советских деятелей помогает разобраться ситуация с Особыми совещаниями. Как известно, эти структуры были образованы летом 1915 г. для координации действий в условиях войны; их контролировали силы, оппозиционные царскому правительству. Представители Госдумы, ЦВПК, Земского и Городского союзов имели там большое влияние. После Февраля 1917 года Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию сохранили свое прежнее значение и состав. Реорганизации подверглось лишь совещание по продовольствию: Продовольственная комиссия ВКГД и Совета рабочих и солдатских депутатов приняли совместное решение о создании Общегосударственного продовольственного комитета с обновленным составом участников, который пополнился представителями революционной демократии и кооперативов. На новый комитет возлагалась разработка общего продовольственного плана и мер по его реализации⁴.

Однако Особые совещания, которые формировались еще при старом режиме, вызывали все большее недовольство социалистов, вошедших во Временное правительство. Под прицелом оказалось Особое совещание по топливу; штурм этой аппаратной вершины готовился загодя. В конце мая 1917 года прошла реорганизация на демократических началах районных совещаний по топливоснабжению; их руководство оказалось в руках просоветских элементов. 13 июня на заседании Особого совещания по топливу впервые присутствовали представители совета рабочих и солдатских депутатов. Они отказывались обсуждать важные вопросы в формате, не соответствующем новой обстановке. Их раздражало присутствие членов Государственной думы и Государственного совета, озабоченных обслуживанием интересов буржуазии, а не революции. Поэтому было выдвинуто предложение серьезно обновить персональный состав Особого совещания, включив в него как

¹ Выступление И.А. Ильина // Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8 – 10 августа 1917 года. М., 1917. С. 25, 27.

² Подготовка аграрной реформы // Русские ведомости. 1917. 5 октября.

³ Земельный законопроект // Русское слово. 1917. 18 октября.

⁴ РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2017. ЛЛ. 14 – 14 об.

можно больше демократических представителей. В результате проектируемых кадровых изменений из 53 членов совещания осталось лишь восемь промышленников и производителей топлива (угольщиков, нефтяников и др.)¹. Однако глава Особого совещания по обороне и по топливу П.И. Пальчинский признал подобную реорганизацию несвоевременной; причем с представителями демократических организаций он держался с подчеркнутым цинизмом². В этом нет ничего удивительного: горный инженер Пальчинский, ставший в после февральский период товарищем министра торговли и промышленности, был тесно связан с буржуазией юга России. Несмотря на активное участие в революции 1905 года, он пользовался доверием ее лидеров (именно они оплачивали ему многолетнее пребывание в Европе)³. Но незаурядные деловые качества Пальчинского были также по достоинству оценены и купеческой буржуазией, которая еще в годы Первой мировой войны привлекла его к работе Особого совещания по обороне и в ЦВПК. В этом смысле он был уникальной фигурой во Временном правительстве. И вот на этого персонажа натолкнулись рабочие и солдатские депутаты, стремящиеся упрочить свое влияние в управленческих структурах. Хорошо знакомый с горнопромышленным миром России, Пальчинский не мог ущемлять интересы тех, в чьих руках находились реальные производственные рычаги. Представители совета начали закидывать руководство Временного правительства требованиями о незамедлительном устранении Пальчинского⁴. Против него была развернута целая кампания: его выставляли защитником политики старого режима, саботажником нового экономического курса, противником назревшей демократизации органов снабжения и т.д.⁵ А Министерство торговли и промышленности, где он занимал высокий пост, именовали «разбойничьим гнездом», откуда делаются набеги на пролетариат⁶. Трудно сказать, чем закончились бы атаки на Особые совещания и на самого Пальчинского, если бы не охлаждение Керенского к советам, последовавшее за военным провалом на фронте и июльскими событиями.

Итак, надежды советских деятелей занять прочные позиции в Особых совещаниях не оправдались. И они сосредоточились на созыве своего совещания по обороне, полностью состоящего из представителей демократических

¹ Реорганизация «Осопопа» // Торгово-промышленная газета. 1917. 21 июня.

² Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1992. Т. 3. С. 29.

³ Гараевская И.А. Петр Пальчинский. М., 1996. С. 30 – 33.

⁴ Письмо Председателя Временного бюро Учредительного съезда представителей районных советов по топливу министру-председателю Временного правительства о поможках, чинимых П.И. Пальчинским делу реорганизации Особого совещания по топливу и неотложности создания авторитетного центрального органа по топливоснабжению. 19 июня 1917 г. // Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. М.; Л., 1957. Ч. 1. С. 270 – 271.

⁵ Заседание исполнительных комитетов // Русское слово. 1917. 20 июля.

⁶ Политическое прошлое П.И. Пальчинского // Биржевой курьер. 1917. 15 июля.

организаций. Этот орган, образованный непосредственно при ЦИК, задумывался в качестве альтернативы буржуазным организациям, созданным в годы Первой мировой войны (ЦВПК, Земский и Городской союзы): «Мы глубоко верим, что революционная демократия, а не буржуазия спасет страну», – сформулировал член ЦИКа Дан¹. Однако после корниловских событий Временное правительство принимает решение вообще упразднить систему Особых совещаний. Вместо них был учрежден Главный экономический комитет, куда на правах его учреждений входили Особые совещания с их аппаратами. А Особое совещание по обороне планировалось сделать военно-техническим подразделением Военного министерства². В четвертом и последнем составе Временного правительства Главный экономический комитет, превратившийся в своего рода суперминистерство, оказался в руках московского купечества. Как уже говорилось, его возглавил С.Н. Третьяков, заместителем которого стал старшина Московского биржевого комитета С.В. Лурье. В ведение комитета передавались все вопросы, не требующие законодательного оформления. Для размещения этого ведомства, становившегося ключевым, планировалось даже отвести Мариинский дворец, где ранее заседало Временное правительство (позже здание решили отдать под заседания Временного совета Республики)³. Заметим: Совет Съездов представителей промышленности и торговли выступил с резкой критикой этой аппаратной реорганизации, проведенной московским купечеством. В его записке Временному правительству подчеркивалось, что создание Главного экономического комитета с такими обширными административными полномочиями приведет к полному подчинению этим органом всех министерств, которые, по сути, превратятся в его департаменты⁴.

Интересно упомянуть о том, как вела себя российская буржуазия после Февраля 1917 года по отношению к государственным займам. Известно, что царское правительство не раз практиковало займы, причем их движущей силой выступали столичные банки – они были главными подписчиками, помещавшими свои средства в государственные бумаги. Москва не столь активно участвовала в подписных кампаниях, занимая выжидательную позицию и надеясь на предоставление скидок⁵. Весной 1916 года министр финансов П.Л. Барк даже пригласил представителей московской прессы: он призывал их популяризировать военные займы и сетовал на отсутствие живого энтузиазма в таком важном государственном деле. В пример москвичам Барк ставил

¹ Материалы совещания по обороне // Известия. 1917. 9 августа.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 121. Л. 97.

³ Торгово-промышленная газета. 1917. 28 сентября.

⁴ Доклад Совета Съездов представителей промышленности и торговли Временному правительству. 26 сентября 1917 г. // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 450. ЛЛ. 7 – 7 об.

⁵ Среди московских торгово-промышленных сфер // Коммерческий телеграф. 1916. 18 марта.

патриотический настрой петроградских банков¹. Но после февральско-мартовского переворота настроение московской буржуазии резко меняется: уже в начале марта 1917 г. Временное правительство объявляет о так называемом «займе свободы», разработанном на новых основаниях. Заем объявлялся долгосрочным (примерно на сорок-пятьдесят лет), объем его составлял 3 миллиарда рублей – эту сумму поровну принимали на себя Госбанк и коммерческие банки страны. Последние – ввиду особого значения займа и общего патриотического подъема – сочли возможным отказаться от обычной комиссии и предлагали публике облигации по тому же курсу, по которому приобретали сами². Тон подписной кампании теперь задавала Москва, где действовал объединенный комитет по пропаганде «займа свободы»; он регулярно устраивал концерты и митинги с призывами покупать облигации. Как, например, 16 апреля 1917 г., когда в торжественном заседании по содействию займу участвовали члены Временного правительства, посол США Фрэнсис, французский министр снабжения А. Тома, а также видные участники революционного движения В.И. Засулич и В.Л. Бурцев³. Купеческая буржуазия была полна патриотического энтузиазма. Например, министр финансов М.И. Терещенко вложил в облигации 5 млн руб. из собственных средств⁴. Московский биржевой комитет после визита министра торговли и промышленности А.И. Коновалова постановил, чтобы торгово-промышленные предприятия, представленные на бирже, обратили 25 % основных капиталов в «займ свободы»; прогнозировалось, что это даст от 500 млн руб. до 1 млрд руб.⁵

Подписка началась довольно бойко, почти в два раза превышая сборы по займам царского времени⁶. Даже бывший император Николай II пожелал приобрести облигации на 100 тыс. руб.⁷ Однако экономические трудности нарастали, усиливая негативный настрой предпринимательских кругов по отношению к правительственным инициативам. На глазах таяли и надежды на блестящие результаты подписной кампании. К 1 июня общее число подписчиков достигло 500 тыс. человек – и это при 180-миллионном населении страны!⁸ Не способствовала успеху займа и почти месячная заминка с его реализацией, что помешало использовать патриотический порыв первых недель после

¹ Новый заем // Утро России. 1916. 5 апреля.

² Журнал заседания совета представителей акционерных коммерческих банков. 9 марта 1917 г. // РГИА. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 14. Л. 58.

³ Письмо ЦВПК всем областным и местным военно-промышленным комитетам. 22 апреля 1917 г. // РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 108. Л. 80.

⁴ Михайловский Г.Н. Из истории внешнеполитического ведомства. М., 1993. Кн. 1. С. 365.

⁵ Подписка на заем свободы // Торгово-промышленная газета. 1917. 16 апреля.

⁶ Заем свободы // Русское слово. 1917. 27 мая.

⁷ РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1450. ЛЛ. 2 – 3.

⁸ Там же. 7 июня.

свержения царизма¹. Заметим, широкие народные массы изначально не проявляли интереса к займу. Хотя Петроградский совет принял решение о его поддержке, а в июне 1917 года даже подписался на 400 тыс. руб.², на местах преобладало полное равнодушие к пропагандистской кампании. На многих предприятиях, как, например, на Большой Ярославской мануфактуре, агитаторов в пользу займа предупреждали о возможных эксцессах со стороны рабочих³. Революционная демократия считала заем свободы исключительно буржуазным делом, и ее представители из 677 тыс. подписчиков составляли лишь около 3 %⁴. «Известия» указывали на странное обстоятельство: «С одной стороны, господа капиталисты готовы отказаться от всех доходов, а с другой – они не желают занять государству денег из 6 % годовых. И не служит ли это лучшим доказательством лицемерия всех заявлений капиталистов об их безвыходном и трагичном положении?»⁵ Со своей стороны, питерская буржуазия, первой заговорившая о провале «займа свободы», также предлагала прекратить всю эту комедию и расстаться с надеждами на патриотические чувства населения. Она начала открыто высмеивать эту инициативу властей. Много ли осталось чудачков в обширной пустыне, недавно именовавшейся Российской империей, любящих свободу, понимающих ее значение, готовых ради нее понести жертвы? – вопрошало столичное «Новое время». И предлагало переименовать «заем свободы» в «заем спасения себялюбцев»⁶. Путилов призывал для изъятия излишков бумажных денег делать ставку не на красивые лозунги, а на принудительные займы. По его расчетам, это без всяких уговоров позволило бы государству гарантированно собрать 5 – 6 млрд руб. наличными⁷. Московское купечество, признав, что «заем свободы» не оправдал ожиданий, тоже сетовало на наличие избыточной денежной массы на руках бесчисленных спекулянтов, менее всего помышлявших о «тихом пристанище» для своих средств⁸. В августе-октябре 1917 г. подписка на заем, объявленный постоянным, практически прекратилась. Окончательным его фиаско можно считать более чем успешное размещение займа частных железных дорог в первой половине октября. Подписка на эти бумаги в объеме 750 млн руб. прошла буквально в несколько дней, в три раза превысив номинал. Как кон-

¹ Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 33.

² Заем свободы и советы рабочих депутатов // Биржевой курьер. 1917. 2 августа.

³ Там же.

⁴ См.: Ган А. Государственный банк и Временное правительство // Русский экономист. 1923. Январь. № 7 – 8. С. 11.

⁵ Заем свободы и капиталисты // Известия. 1917. 19 мая.

⁶ Заем свободы // Новое время. 1917. 3 июня.

⁷ А.И. Путилов о принудительном займе // Финансовое обозрение. 1917. Май. № 16. С. 3 – 4.

⁸ Четвериков С.И. К борьбе с финансовым кризисом // Утро России. 1917. 6 июня.

статировала «Русская воля», «публике одинаково надоели и перманентная революция, и перманентный заем. Под такую свободу, которую устроили на нашей земле, денег много не соберешь»¹.

Николаев А.Б.

Домовладельцы перед Временным судом (Петроград, весна – лето 1917 г.)

Приказом № 2 министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта 1917 г. в Петрограде были созданы временные суды. В приказе указывалось, что они образуются для того, чтобы «быстро устранить печальные недоразумения, возникшие в городе между солдатами, населением и рабочими»². Иначе говоря, на скамье подсудимых в камерах временных судов мог оказаться представитель любой группы городского населения. Не являлись исключением и домовладельцы. Председатель Петроградского столичного съезда мировых судей В.В. Меншуткин в своей статье, открывшей изучение истории временных судов Петрограда, остановился на судебном преследовании домовладельцев: «На крупные суммы штрафовались домовладельцы, не соблюдавшие санитарных правил в содержании домов, в нескольких таких случаях штрафы назначались в предельной сумме 10 000 рублей³, хотя санитарные нарушения были и не велики, но тут принималось во внимание, как долго владелец вообще относился к принятым на себя по договору обязанностям, и ему ставились в вину действия безразличных с точки зрения уголовной наказуемости, как, например, неисправность печей, лифта и проч.»⁴. Пожалуй, этой статьей и этим суждением и ограничивается вся историография вопроса о преследовании домовладельцев Петроградским временным судом. Заметим, что каких-либо конкретных примеров, т.е. с указанием фамилий домовладельцев и адресов домовладений, а также градации наказаний с указанием нарушений, автор не приводит. Подчеркнем и то, что интерес к самой фигуре столичного домовладельца сохраняется, о чем свидетельствует появление все новых и новых работ, посвященных доходным домам Петербурга-Петрограда

¹ Богомолов М. Внушительная демонстрация // Русская воля. 1917. 15 октября.

² Вестник Временного правительства. 1917. 5 марта; Приказы министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2 – 3. С. 50 – 51.

³ В § 3 «Инструкции для временных судов» от 22 марта 1917 г. указывалось, что суд получил право налагать следующие наказания: выговор, замечание, внушение, штраф не свыше 10 000 руб., арест не свыше 3 месяцев, тюремное заключение не свыше 1 года и 6 месяцев (Инструкция для временных судов // Ведомости общественного градоначальства. 1917. 30 марта).

⁴ Меншуткин В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 188.

конца XIX – начала XX вв. и их владельцам¹. В связи с этим можно утверждать, что изучение истории преследования домовладельцев временными судами Петрограда весной – летом 1917 года позволит получить и новое знание о тех трудностях, с которыми они сталкивались в послефевральский период, и составить наиболее полный портрет петроградского домовладельца. Попутно в статье будут показаны условия, в которых были вынуждены существовать жильцы доходных домов, а также те шаги, которые они предпринимали для их улучшения.

В дореволюционный период на домовладельцев, нарушивших санитарные нормы, составлялись полицейские протоколы, которые в дальнейшем направлялись в Мировой суд. Преследование домовладельцев Мировым судом по санитарным делам производилось по статьям 29 (26) и 55 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями². Ст. 29 устанавливала, что «за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных и полицейских властей, [...] когда сим Уставом не определено за то иного наказания, виновные подвергаются: денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей»³. Ст. 26 обязывала исполнить упущенное. Иначе говоря, дополнительно к денежному взысканию виновный должен был восстановить нарушенный порядок. Ст. 55 подвергала виновных «в неисправном содержании помойных ям и отхожих мест, а равно в несоблюдении правил о чистоте и опрятности во дворах» денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей⁴. Более строгие наказания устанавливались для лиц, нарушивших обязательные постановления правительственных или полицейских властей. Так, 26 января 1916 г. главным начальником Петроградского военного округа кн. Н.Е. Тумановым было подписано, а 2 февраля опубликовано обязательное постановление о норме тепла в квартирах с отоплением от домовладельцев, за нарушение которого следовало наказание в административном

¹ См., напр.: Юхнёва Е.Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. 3-е изд., испр. и доп. М., 2012; Демидович Д.М. Взаимодействие домовладельцев петербургских доходных домов с полицейскими чинами // Научное мнение. 2014. № 9. Т. 3. С. 83 – 88.

² См., напр.: ЦГИА СПб. Ф. 520. Оп. 1. Д. 174.

³ 17 марта 1917 г. размеры наказания, следуемые по этой статье, увеличились: заключение в тюрьме на срок не свыше 6 месяцев или арест не свыше трех месяцев или денежное взыскание не свыше 300 рублей (О новом изложении ст. 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Постановление Временного правительства // СУ. 1917. 23 марта. № 66. Ст. 376. С. 570).

⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по официальному изданию 1914 года. С извлечениями из решений Правительствующего Сената, главных военного и военно-морского судов, Свода Законов, сводов военных и морских постановлений, с указанием подеудности, судопроизводственных правил и приложениями / Сост. В.В. Волков. Пг., 1916. С. 85, 90, 159.

порядке – штраф 3000 руб. или заключение в тюрьме, либо аресту до 3-х месяцев¹. 29 января было опубликовано в «Ведомостях Петроградского градоначальства», подписанное 27 января 1916 г. петроградским градоначальником кн. А.Н. Оболенским, обязательное постановление, которым домовладельцам предписывалось иметь санитарные тетради «существующего образца». За нарушение этого постановления домовладельцы подвергались в административном порядке «заключению в тюрьме или крепости на три месяца, или аресту на тот же срок, или денежному штрафу до 3000 рублей». Наиболее строгое наказание для домовладельцев было предусмотрено высочайше утвержденным положением Совета министров от 27 августа 1916 г. «О воспрещении повышать цены на жилые помещения». За нарушение этого узаконения виновные подвергались «заключению в тюрьме на время от четырех до восьми месяцев; или аресту на время от трех недель до трех месяцев; или же денежному взысканию не свыше трех тысяч рублей»². Петроградские домовладельцы привлекались к Мировому суду жильцами, квартиры которых были обворованы. Причем, иски жильцов удовлетворялись или мировыми участковыми судьями, или столичным съездом мировых судей, если участковый мировой судья иск отклонял³.

Естественно, что домовладельцы были не только ответчиками, но и истцами по делам, рассматриваемым в Мировом суде. В частности, жители доходных домов сталкивались с домовладельцами или их представителями в Мировом суде по делам о неуплате квартирной платы. Насколько можно понять по материалам периодической печати – опыт этого общения для жильцов был негативным, что, кстати, и явилось одной из причин разгрома камер мировых судей в Петрограде во время Февральской революции. Московский присяжный поверенный В.В. Быховский, бывший в дни Февраля 1917 года в Петрограде, «обратился к рабочим с вопросом о причинах разгрома камер». Рабочие ответили ему, что «мировые судьи за последнее время усиленно защищали интересы домовладельцев, беспощадно выселяя квартирантов», что и «послужило причиной озлобленности толпы»⁴.

¹ Домовладельцы обязаны были поддерживать в жилых помещениях следующую температуру: «а) при морозах более 20° по Реомюру – не менее 10° тепла по Реомюру; б) при меньших морозах – не менее 13° тепла по Реомюру» (Обязательное постановление о норме тепла в квартирах с отоплением от домовладельцев // Ведомости Петроградского градоначальства. 1916. 2 февраля).

² О воспрещении повышать цены на жилые помещения // СУ. 1916. 31 августа. № 232. Ст. 1863. С. 2313. Это постановление современники называли «новым квартирным законом».

³ Судебный отдел // Домовладение и городское хозяйство. 1915. 26 апреля. № 4. С. 10.

⁴ Петроград в дни революции (Беседа с В.В. Быховским) // Раннее утро. 1917. 5 марта.

Кстати, в послефевральский период, когда заработало ограниченное количество камер мировых судей для рассмотрения гражданских дел¹, домовладельцы вновь (заметим, весьма успешно!) использовали Мировой суд для выселения жильцов из своих домов². Домовладельцы защищали свои права и во Временном суде, правда, не по своей воле. Так, 8 мая 1917 г. комиссар II Малоохтенского подрайона составил протокол по заявлению владельца дома № 7 по Матросской слободе Виктора Титовича Лунина на Ивана Васильевича Васильева, проживавшего по Матросской слободе в д. № 4. В этот день состоялось принудительное выселение приставом из дома Лунина Евдокии Зиминовой. Пристав очистил квартиру от жильцов, а домовладелец закрыл ее на ключ. Но вслед за этим Васильев, по просьбе Зиминовой, «взломал замок, предоставил» ей квартиру «для пользования». Домовладелец, «усмотрев в поступке Васильева самоуправные действия, просил привлечь его к законной

¹ Открытие [камер] мировых судей // День. 1917. 21 марта.

² Так, 27 июня 1917 г. мировой судья 5-го участка Хименес рассмотрел дело по иску от 13 июня 1917 г., поданному поверенным домовладельца И.А. Баусова помощником присяжного поверенного Б.Б. Габером, о выселении Анны Лемешенок «с семейством и остальными лицами из кв[артитры] № 2 дома № 24 по Артурской ул. и взыскать с нее квартирную плату с 20-го мая по день выселения из расчета 35 руб. в месяц». Анна Лемешенок, явившаяся на суд, иск не признала и заявила: «<...> деньги (квартирную плату – А.Н.) Баусову перестала платить, т.к. он отказался произвести ремонт, вносит деньги домовому комитету» (ЦГА СПб. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. ЛЛ. 30 – 30 об.). Дело в том, что домовый комитет произвел ремонт квартир в доме № 24 по Артурской улице за счет домовладельца с удержанием квартирной платы, т.к. Баусов отказался проводить его. Заметим, что домовый комитет действовал на основании решения Совета рабочих и солдатских депутатов Нарвского района от 23 мая 1917 г., которым домовым комитетам было предоставлено право «удерживать квартирные платы с дома и производить необходимый ремонт по дому, а также очистку двора и улиц и другие санитарные и гигиенические улучшения жильцов, если домовый хозяин отказывается [их] производить». 28 мая 1917 г. Исполком домовых комитетов 4-го Нарвского подрайона довел до сведения домовых комитетов эту инструкцию (Там же. Л. 30). Поверенный истца заявил, что «в сущности никакого домового комитета нет, что он образован мужем ответчицы». По словам поверенного, этот «квазикомитет» «постановил, чтобы квартиронаниматели вносили ему деньги[,] и он производит ремонт дома, несмотря на то, что ремонт был произведен осенью 1916 года». Ответчица заявила, что «никаких законов она не признает, никуда не поедет и мириться не будет». Рассмотрев дело, мировой судья Хименес нашел «иск Баусова доказанным представленною к делу расчетной книжкой, возражения ответчицы не заслуживающими уважения, а поэтому и руководствуясь ст.ст. 61, 129 и 133 У[става] Г[ражданского] С[удопроизводства] определил[:]. Выселить Лемешенок с жильцами из квартиры № 2, дома № 24 по Артурской ул. в семидневный срок<...>. Взыскать с Лемешенок в пользу Баусова восемь рублей по 20-е мая и с 20-го мая по день выселения из расчета 35 рублей в месяц[,] судебных и за ведение дела издержек три рубля<...>» (Там же. ЛЛ. 30 об. – 31).

ответственности». Милицейский протокол был препровожден не в Мировой суд, а в VII временный суд¹. Чем закончилось это дело, неизвестно.

Не исключено, что негативный опыт (в первую очередь, конечно, дореволюционный) отстаивания своих прав в борьбе против домовладельцев, заставлял рабочих искать пути внесудебного решения конфликтов. В частности, жители доходных домов рабочих районов пытались использовать в своей борьбе против домовладельцев новые органы власти – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, районные советы и районные думы. Так, 26 мая 1917 г. в прессе была опубликована просьба группы петроградских квартиронанимателей в квартирный подотдел Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В ней внимание Петроградского Совета обращалось «на бедственное, доводящее до отчаяния, положение мелких квартиронанимателей, у которых в этом месяце кончатся контракты и которым домовладельцы, в случае возобновления контрактов, назначают неслыханные цены с повышением [платы] на квартиры, дрова и услуги». Авторы заявления были убеждены, что квартирный закон от 27 августа 1916 г. «дает право домовладельцам злоупотреблять нами и повышать колоссально цены». Поэтому они просили Петроградский Совет «разобрать поскорее квартирный вопрос и опубликовать, дабы не дать возможности миллионерам грабить бедное население»². 8 июня 1917 г. состоялось общее собрание жильцов дома № 15 по Нарвскому пр., в ходе которого обсуждался вопрос о заявлении домовладельца «о прекращении отпуска кипятка и вечерней топки плит». Жильцы постановили считать это решение домовладельца «незаконным, так как плату мы вносим за комнаты с кипятком и топкой плит». Общее собрание обратилось к Нарвской районной думе и Нарвскому Совету рабочих и солдатских депутатов, «с просьбой о защите нарушаемых прав, [а] в случае[,] если домовладелец немедленно прекратит отпуск кипятка и топку плит, поручаем домовому комитету сделать закупку дров за счет квартирной платы»³. О реакции Нарвской районной думы сведений нет. Установлено, что Совет рабочих и солдатских депутатов III Нарвского подрайона 26 июня 1917 г. постановил, что домовладелец «не имеет права лишать жильцов кипятка и, а также топки плит в вечернее время, согласно прежнего договору с жильцами означенного дома». Вместе с тем Совет не поддержал решение домового комитета о закупке дров за счет удержания квартирной платы. Он обязал домовый комитет передать домовладельца, если он «не подчинится постановлению Совета р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов]», Временному суду⁴.

Суточные рапорта милиции показывают, что домовладельцы довольно часто представляли перед Временным судом в качестве ответчиков по разным

¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 155. Л. 32.

² Вопль квартиронанимателей / Известия за день // Российская республика. 1917. 26 мая.

³ ЦГА СПб. Ф. 100. Оп. 1. Д. 2. Л. 20 об.

⁴ Там же. Л. 21 об.

делам, которые не касались взаимоотношений домовладельца с квартирант-нимателями. Так, 12 апреля в Комиссариат II Выборгского подрайона явился рядовой нестроевой роты 430-го пехотного Валского полка Евсей Богданов, проживающий по Новой ул., д. 17, кв. 4, и заявил, что владелец этого дома «оттрепал за уши» его восьмилетнего сына Илью, за то, что тот обозвал его «косым». При личной встрече с домовладельцем Евсей Богданов заявил ему, что «он не имеет право бить чужого ребенка» и подаст на него жалобу в милицию. На что домовладелец ответил: «иди[,] жалься, но очисти квартиру». По заявлению Богданова был составлен протокол на домовладельца и направлен в VI временный суд¹. 13 мая Евдокия Ивановна Алферова подала заявление во II Лесной подрайонный комиссариат на владельца дома № 12 по Яшумову пер. за избиение собаки². 9 июня Николай Виноградов заявил в Новодеревенский комиссариат о том, что владелец дома № 29 по Мигуновской ул. варит ханжу. Милиция произвела обыск, в результате которого обнаружила «вино и аппарат». Домовладелец был отправлен во Временный суд³. 17 июня дворничиха дома № 24 по Зубчанинову пер. подала заявление во II Лесной подрайонный комиссариат на владельца этого дома Кожевникова в том, что он не желает «уплатить причитающихся ей денег». 19 июня это заявление было отправлено во Временный суд⁴. 20 июля в Комиссариат III Нарвского подрайона был доставлен владелец дома № 56 по Рижскому пр. Александр Ермилович Кругляков «за агитацию против Совета рабоч[их] и солдатских депутатов. По словам заявителей, Кругляков называл Совет «хулиганской бандой и министра Чернова хулиганом». Протокол, составленный в Комиссариате по этому заявлению, в тот же день был направлен в XV временный суд⁵. Какие приговоры вынесли временные суды по этим пяти делам неизвестно.

Значительно чаще встречаются в милицейских рапортах сведения о составлении протоколов за несоблюдение домовладельцами санитарных норм. Протоколы составлялись по заявлениям жильцов. Так, 30 марта 1917 г. выборный от жильцов дома № 19 по Новой улице Осип Никодимович Оболевич обратился к владелице дома Александре Александровне Коноваловой с требованием произвести очистку «дома внутри, снаружи и во дворе», а также и «в общей уборной, так как в некоторых квартирах нет уборных и жильцам приходится пользоваться общей уборной, но не только войти в уборную[,] но и близко подойти [к ней] нет никакой возможности за клоакой». В ответ Коновалова заявила, что она не признает никаких выборных от жильцов дома, что «у нее есть дворник, который и производит уборку». После этих неудач-

¹ Там же. Ф. 131. Оп. 4. Д. 57. Л. 234.

² Там же. Оп. 1. Д. 99. Л. 20.

³ Там же. Д. 147. Л. 34.

⁴ Там же. Д. 99. ЛЛ. 60, 62 об.

⁵ Там же. Д. 139. Л. 56.

ных переговоров с владелицей дома, Оболевич явился в Комиссариат II Выборгского подрайона, где и рассказал об антисанитарии, царящей в домовладении Коноваловой. Комиссариат командировал для осмотра дома Ивана Работенкова. Кроме него, в осмотре участвовали Оболевич и дворник дома. Попытки привлечь к осмотру дома его управляющего Петра Петровича Коновалова, мужа владелицы дома, не увенчались успехом. 6 апреля по заявлению Работенкова и Оболевича в Комиссариате был составлен протокол, отправленный в тот же день в VI временный суд¹.

17 мая 1917 г. в Комиссариате II Московского подрайона был составлен протокол на Смирнову за «антисанитарное содержание двора» дома № 46 по Разъезжей улице, направленный затем в XII временный суд². 18 мая 1917 г. в Комиссариат II Нарвского подрайона поступило заявление дворника дома № 27 по Везенбергской ул. Филиппа Якубчика, в котором сообщалось об обрушении дров «на детей жильцов означенного дома». Спеша снять с себя обвинения, дворник подчеркнул, что «дрова принадлежат] домовладельцу. По заявлению дворника был составлен протокол, направленный во Временный суд³. В рапорте Комиссариата III Казанского подрайона за 23 мая 1917 г. содержатся результаты осмотра дома № 113 по Екатерининскому каналу (домовладелица Александра Евгеньевна фон Таль⁴) с точки зрения его санитарного состояния. Осмотр был проведен для выяснения вопроса о том, были ли выполнены управляющим домом требования санитарной комиссии и Временного суда. В ходе его установлено следующее: «вывозка отбросов производится не ежедневно, отбросы складываются на заднем дворе в открытом месте, а не в баки с плотно закрывающимися крышками, помойные ямы не устроены, мотор для накачивания воды не поставлен, почему вода накачивается не ежедневно, загрязнение фановых труб не устранено, меры против уничтожения крыс не приняты, крыши не отремонтированы, потолки протекают, ремонт печей и дымоходов не производится, в прачечной пол не исправен и залит жидкой грязью и протекание воды из прачечной в квартиру № 74 продолжается». Акт осмотра и милицейский протокол были в тот же день направлены в VIII временный суд⁵.

В начале июня 1917 года возникло дело об антисанитарном состоянии дома № 38 по Калашниковской наб. Милицейский протокол был направлен сначала санитарному врачу, который вскоре вернул его в Комиссариат II Рощинского подрайона. 8 июня 1917 г. протокол препровожден в XIX временный суд⁶. Артистка государственных театров Евгения Константиновна Обухова-Бершадская, проживавшая в доме № 113 по Екатерининскому кан. в

¹ Там же. Оп. 4. Д. 57. Л. 295.

² Там же. Оп. 1. Д. 119. Л. 23.

³ Там же. Д. 135. Л. 32 об.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 96. Д. 391.

⁵ Там же. Д. 78. Л. 51.

⁶ Там же. Д. 202. Л. 14.

кв. 35, заявила в III Казанский подрайонный комиссариат о том, что «в занимаемую ею квартиру никогда не подается вода, которая приносилась прислугой снизу». Живя на даче, Обухова-Бершадская «лишена возможности следить за чистотой в квартире, вследствие чего, за отсутствием воды, в уборной появились черви и распространилось зловоние». По заявлению артистки 8 июня 1917 г. был произведен осмотр, в котором участвовали милиционер, квартирохозяйка и дворник. При осмотре уборной, заявление артистки подтвердилось. По итогам проверки заявления в милиции составлен протокол, препровожденный в тот же день в VIII временный суд¹. 16 июня милицией II Рождественского подрайонного комиссариата составлен протокол с заключением санитарного врача об антисанитарном состоянии дома № 28 по 9-й Рождественской ул., принадлежавшего Баеву. В этот же день протокол отправлен в XIX временный суд². И вновь дом № 113 по Екатерининскому каналу, принадлежащий А.Е. фон Таль, оказался в милицейском рапорте, составленном в период с 12 ч. дня 24 июня и по 12 ч. дня 25 июня 1917 г. По приглашению домового комитета проведен осмотр дома, в результате которого установлено, что «дом не приведен в исправное состояние в санитарном отношении: через потолки протекает вода, обваливается штукатурка, окна и двери не закрываются и пр.». Милицейский протокол, составленный по итогам осмотра, направлен в VIII временный суд³. В 12 ч. дня 29 июня помощником комиссара I Коломенского подрайона Свентором составлен протокол «за крайне антисанитарное состояние двора дома № 7 по Алексеевской ул., принадлежащий Марии Михайловне Сагаловой». Протокол направлен в IX временный суд⁴. В тот же день был произведен осмотр двора дома № 56 по Предтеченской ул. (II Александро-Невский подрайон), в результате которого был составлен милицейский протокол на домовладелицу Сабаеву, в котором указывалось, что «всюду отбросы, кучи на земле, отвратительное зловоние». Протокол отправлен во Временный суд⁵.

3 июля 1917 г. в III Рождественском подрайоне комиссариате составлен протокол «об антисанитарном состоянии двора д. № 39/41» по Дегтярной ул. Как выяснилось, двор был запущен из-за отсутствия дворника. Комиссариат предложил владельцу дома Василию Алексеевичу Полонинову «в 2-х дневный срок привести в опрятный двор», угрожая, в случае неисполнения, направить протокол во Временный суд⁶. Петров, житель дома № 7 по Лермонтовскому пр., обеспокоился тем, что «окно подвала завалено дровами». В связи с этим он подал заявление в Комиссариат I-го Коломенского подрайона. К осмотру дома был привлечен санитарный врач, который составил протокол,

¹ Там же. Д. 78. Л. 69 об.

² Там же. Л. 19 об.

³ Там же. Д. 78. Л. 85 об.

⁴ Там же. Д. 82. Л. 40.

⁵ Там же. Д. 35. Л. 19.

⁶ Там же. Д. 202. Л. 36.

подтверждающий заявление Петрова. 7 июля 1917 г. протокол препровожден в IX временный суд¹. В 9 час. вечера 12 июля в I Коломенском подрайоне комиссариате был составлен протокол на управляющего домом № 43/45 по ул. Офицерской «за антисанитарное состояние улицы», который был направлен в IX временный суд². 18 июля 1917 г. милицией II Московского подрайонного комиссариата составлен протокол «по обвинению» владельца дома № 29 по Коломенской ул. «в антисанитарии». Протокол направлен в XII временный суд³. 20 июля по заявлению домового комитета в Комиссариат II Александро-Невского подрайона был «произведен осмотр коридоров и клозетов дома № 145 по Лиговской ул.». В результате осмотра «обнаружено антисанитарное состояние уборных [и] коридоров» Милицейский протокол, составленный по итогам осмотра, был направлен во Временный суд⁴. Исходя из приведенных данных суточных милицейских рапортов, временные суды должны были рассмотреть в марте – июле 1917 г. не менее 14 дел против домовладельцев. Приговоры временных судов по этим делам неизвестны.

Вместе с тем, материалы периодической печати и поднадзорных дел содержат сведения о приговорах по ряду дел о домовладельцах. 20 марта 1917 г. один из временных судов Васильевского острова рассмотрел жалобу квартиронанимателей дома Борхова «на в высшей степени антисанитарное состояние этого дома». Временный суд⁵ приговорил домовладельца «к уплате штрафа в 10 000 руб. или при не взносе штрафа к аресту в тюрьме на 1 г. и 6 мес.». Кроме этого, суд обязал Борхова «в семидневный срок привести принадлежащий ему дом в полный порядок». В приговоре суда, по словам «Биржевых ведомостей», также была указана мера, которую предполагалось применить против Борхова, если он не приведет «дом в полный порядок»: «предложить городскому самоуправлению вступить в управление домом <...> Борхова и за его счет произвести необходимый ремонт»⁶. 29 марта 1917 г. XX временный суд рассмотрел дело по обвинению Андреем Алексеевичем Мионовым, арендатора 129 комнат⁷ дома № 100/3 угол Екатерининского кан. и Мало-Подъяческой ул., владелиц дома Александры, Веры и Матрены Торкачевых за непринятие мер по санитарному содержанию дома. XX временный суд Торкачевых оправдал⁸.

В начале апреля 1917 г. по постановлению VIII временного суда владельца дома № 113 по Екатерининскому каналу» А.Е. фон Таль «за лишение

¹ Там же. Д. 82. Л. 55 об.

² Там же. Л. 65.

³ Там же. Д. 119. Л. 81

⁴ Там же. Д. 35. Л. 44.

⁵ Скорее всего, дело Борхова рассматривал IV временный суд (В.О., Большой пр., д. 70-б, камера мирового судьи 40-го участка).

⁶ Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (веч. вып.).

⁷ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1181. Л. 5 об.

⁸ Там же. Л. 12.

жильцов воды» подвергнута «штрафу в 10 000 р. или аресту при тюрьме на полтора года»¹. Напомним, что фон Таль, судя по милицеским протоколам от 23 мая, 8 и 24/25 июня 1917 г., должна была предстать перед VIII временным судом еще три раза.

В апреле 1917 г. жильцы дома № 5 по Коломенской улице, через созданный ими домовый комитет обвинили владельца дома – подполковника, гласного Петроградской городской думы Николая Ивановича Полешко в том, что «он содержит свой дом крайне неряшливо в пожарном и техническом отношении». Домовой комитет неоднократно обращался в местный комисариат с просьбой повлиять на Полешко. Можно утверждать, что по одной из жалоб жильцов дома был составлен милицеский протокол, переданный затем во Временный суд. 11 апреля Временный суд приговорил «за антисанитарию дома № 5 по Коломенской ул.» к штрафу в 6 000 руб. или, в случае несостоятельности, к аресту на 6 месяцев². Н.И. Полешко обжаловал приговор Временного суда «за антисанитарию дома № 5 по Коломенской ул.» в надзорном порядке и он был отменен министром юстиции³. В какой из временных судов дело Полешко было передано для нового рассмотрения, неизвестно.

26 апреля 1917 г. XX временный суд рассмотрел дело арендатора Миронова и владельцев дома № 100/3 угол Екатерининского кан. и Мало-Подъяческой ул. Торкачевых. Как заметил доверенный Торкачевых присяжный поверенный С.И. Натансон, они (Мионов и Торкачевы) были обвинены в тех же нарушениях, за которые Мионов ранее привлекал к суду Торкачевых⁴. Дело возникло следующим образом. Жильцы дома № 100/3 угол Екатерининского кан. и Мало-Подъяческой ул. добились того, что 10 апреля санитарным врачом А. Баньковским и техником А. Пель 10 апреля 1917 г. был произведен осмотр дома, по итогам которого составлен протокол и установлено следующее: «1) Некоторые выгреба переполнены калом и дождевые колодцы устроены неправильно. 2) На дворе имеются кучи снега и грязного льда [...] 3) Кухонные отбросы сваливаются на кучи льда и снега и в мусорную яму». Баковхранилищ для кухонных отбросов, установленных обязательным постановлением Петроградской городской управы «вовсе не имеется». «4. Печи во многих квартирах и очаги как в квартирах, так и в общих кухнях [...] неисправны. [...] Дымоходы также находятся в неисправности». «5) В 3-х верхних этажах – 5, 6 и 7» – «воды вовсе не имеется, вследствие чего уборные переполнены и издают зловоние». 6) В трех квартирах первого этажа, как утверждают их жильцы, «по временам из клозетных горшков выпирают нечистоты, что объ-

¹ Наказанный домовладелец / Разные известия // Новое время. 1917. 8 апреля.

² Заразные гласные, поберегитесь! // Живое слово. 1917. 12 апреля; «Антисанитария» г. Полешко. Штраф в 6 000 руб. за антисанитарное состояние дома // Петроградская газета. 1917. 12 апреля.

³ Асов. Странный корректив // Петроградская газета. 1917. 24 июня.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 1181. Л. 12.

ясняется отсутствием воды в верхних этажах». «7). Требуемых вторых выходов из верхних этажей не имеется». «8) Поручень на лестнице в части мест [...] забит не прочно». 9) Прачечная находится в неисправности и пользоваться ей нельзя. «10) Трубы центрального отопления во многих местах текут. 11) Во многих местах комнат [...] имеются на стенах имеются следы сырости и плесени». «12) Черные лестницы не освещаются». Лица, осматривавшие дом, пришли к заключению, что «дом содержится в крайне неудовлетворительном санитарном отношении, что вредно может отозваться на здоровье проживающих в этом доме. В пожарном отношении дом не безопасен»¹. На основании этого протокола комнатные жильцы 5, 6 и 7 этажей этого дома подали в XX временный суд жалобу на арендатора А.А. Миронова и домовладельцев Торкачевых «за нарушение и непринятие мер предосторожности в санитарном и пожарном отношении». Жильцы, в частности, просили суд снизить комнатную плату на 20 % и «заставить виновных немедленно произвести устранение всех недостатков, указанных экспертизой. Если же этого сделано не будет, то предоставить право «исполнить все домовым комитетом за их (Миронова и Торкачевых – А.Н.) счет с удержанных сумм по найму комнат и квартир»². XX Временный суд в составе мирового судьи М.А. Захарова и выборных судей А.И. Кузнецова и А.А. Андреева рассмотрел дело по обвинению владельцев дома сестер Торкачевых и арендатора части дома Миронова. Торкачевых суд оправдал, но обязал в месячный срок, начиная с 26 апреля 1917 г., «сделать выходы на лестницу» 5, 6 и 7 этажей, «исправить клозеты, дымоходы, водопроводные трубы и центральное отопление». Кроме этого, суд обязал Торкачевых приобрести огнетушители. Что касается арендатора Миронова, то он был оштрафован на 2 000 рублей, а при неуплате штрафа к аресту на 6 месяцев³. Приговор был обжалован Мироновым. 18 июня министр юстиции П.Н. Переверзев отменил приговор XX временного суда и передал дело Миронова для нового рассмотрения в XXI временный суд⁴. Между XXI временным судом и Министерством юстиции завязалась переписка по этому делу, которая не была завершена до прекращения действия временных судов⁵. Иначе говоря, XXI временный суд дело Миронова так и не рассмотрел.

8 мая XII временный суд рассмотрел дела домовладельцев С.В. Верховской (Поварской пер., д. 11) и Г.И. Валь (Троицкая ул., д. 22). Они обвинялись в антисанитарном состоянии принадлежащих им домов. Верховская была приговорена к штрафу в 100 рублей, а Г.И. Валь – 500 рублей⁶.

12 мая 1917 г. XVI временный суд рассмотрел дело Василия Алексеевича Рунова и присудил его за антисанитарное содержание дома к денежному

¹ Там же. ЛЛ. 5 – 5 об.

² Там же. Л. 4.

³ Там же. Л. 7.

⁴ Там же. Л. 10.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Наказанные домовладельцы / Хроника // Русская воля. 1917. 9 мая. (веч. вып.).

взысканию в размере 6000 рублей или к тюремному заключению на шесть месяцев¹. Приговор Руновым был обжалован. 10 июня 1917 г. Министерство юстиции приняло постановление об отмене приговора и передаче его для нового рассмотрения в XVII временный суд. Среди причин отмены приговора указывались следующие: «1) что в означенном приговоре не содержится указаний на такие действия Рунова, которые с точки зрения действующих законов могли бы признаваться преступными. 2) что признанные судом доказанными недочеты содержания дома находятся в резком противоречии с актами осмотра дома Рунова, составленными 4 мая экспертом архитектором Цейль и 27 мая милицией 3 подрайона Петроградской стороны»². 19 июля 1917 г. дело Рунова было получено в XVI временном суде³. Судья по имеющимся в поднадзорном деле документам, в XVII временный суд оно вплоть до прекращения деятельности временных судов так и не было передано.

«Биржевые ведомости» сообщали о деле василеостровского домовладельца «К.», «привлеченного к ответственности за антисанитарное состояние его дома». Временный суд приговорил его «к 3000 руб. штрафа, с заменой 3-месячным арестом». Домовладелец скрылся, и только 2 июня «был арестован и выразил согласие внести наложенный на него штраф». Но суд «отказался принять от него деньги». Газета писала, что воспользовавшись «переменой состава Временного суда, в состав которого вошел домовладелец Д.», домовладелец «Д.» – выпустил его на свободу. Можно утверждать, что «Биржевые ведомости» дали неточную информацию, т.к. временный судья не мог единолично принимать решения, выносить приговоры, в т. ч. и оправдательные. Скорее всего, домовладелец обжаловал приговор в установленном порядке. Министр юстиции отменил его и передал дело на рассмотрение в другой Временный суд, который и принял оправдательный приговор. Кстати, как писали «Биржевые ведомости», «квартиранты дома остались недовольны приговором суда и подают по этому поводу жалобу министру юстиции»⁴.

В конце мая – июне 1917 г. IX временный суд дважды рассматривал дело Евдокии Ионовны Фоминой, владелицы дома № 30 по Английскому пр. Фомина обвинялась в антисанитарном содержании дома. 13 апреля 1917 г. комиссия, в которую, в частности, входил санитарный врач 1-го участка Коломенской части В.Г. Бахтин, произвела осмотр квартир «в техническо-санитарном отношении». Выяснилось, что во многих квартирах следы сырости на стенах, в большинстве квартир не работают плиты, «в прачечной очень дымит», во дворах «наблюдается значительное количество мусора и сколотого

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1442. Л. 2.

² Там же. Л. 5.

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Недовольные квартиранты / По городу // Биржевые ведомости. 1917. 3 июля (веч. вып.).

льда» и т.д.¹ 1 мая 1917 г. городской участковый попечитель Коломенской части, принимавший участие в осмотре 13 апреля, вновь «осмотрел некоторые помещения в этом доме» и пришел к выводу, что «домовладелицей никаких мер для приведения дома в порядок не принимается». Именно это принудило попечителя обратиться в IX временный суд с просьбой наложить на Фомину «наказание за неисполнение требований санитарного надзора»². 29 мая 1917 г. IX временный суд в составе мирового судьи А.В. Болотина и выборных судей Н.И. Евсеночкина и В.А. Петрова, рассмотрев дело по обвинению Фоминой, постановил перенести заседание суда на 12 июня, на которое вызвать свидетелей. 12 июня суд допросил свидетелей и приговорил Е.И. Фомину к штрафу в размере 500 рублей или аресту на 2 месяца, а также обязал ее «произвести необходимый ремонт квартир по дому в месячный срок по указанию домового комитета»³. Фомина штраф оплатила 17 июня 1917 г.⁴, а приговор был обжалован. Присяжный поверенный М.Н. Бенедиктов, поверенный Фоминой, обратился с просьбой на имя министра юстиции отменить приговор IX временного суда от 12 июня 1917 г. В своем прошении Бенедиктов заявлял, что «сырость в квартирах не может быть поставлена в вину домовладельцу до тех пор, пока не установлено, что сырость эта происходит не от небрежности жильца, а присуща самой постройке и является ее техническим недостатком». Поверенный Бенедиктов привел и другие доводы, оправдывающие Фомину относительно неубранного сколотого льда и др., но не упомянул о неработающих печах в большинстве квартир⁵. 19 октября 1917 г. ходатайство Бенедиктова было отклонено⁶.

9 июня IX временный суд рассмотрел дело Веры Дмитриевны Серебряковой, владелицы дома № 164 по Екатерининскому каналу, по обвинению ее в неисполнении санитарных требований. Этот каменный дом Серебрякова получила по духовному завещанию ее мужа Степана Акимовича Серебрякова. 4 февраля 1917 г. она и купеческий сын Константин Сергеевич Землянов заключили запродажную запись, согласно которой Серебрякова запродавала Землянову указанный дом за 756 000 рублей⁷. В правах наследства Серебрякова была утверждена 18 апреля 1917 г., а 5 мая продала дом Землянову, «вступившему в управление домом и принявшему всю ответственность по его ведению перед всеми учреждениями с 1 [...] мая»⁸. Еще до вступления в наследство Серебряковой жильцы выступили с требованиями отремонтировать дом, ко-

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2076. Л. 11.

² Там же. ЛЛ. 9 – 9 об.

³ Там же. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 17.

⁵ Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Д. 2073. Л. 7.

⁸ Там же. Л. 1.

торые были поддержаны районным комиссаром и Петроградским общественным градоначальником. В связи с этим В.Д. Серебрякова обязалась совместно с управляющим домом А.Г. Фогельманом произвести ремонт различных объектов дома в разные сроки и окончить ремонт к 1 июля 1917 г. Так, к 13 апреля предполагалось «очистить двор, устроить на заднем дворе временный клозет, устроить крышу над мусорной ямой». К 27 апреля – «устроить постоянный клозет и прачечную». К 1 мая – «исправить трубы водопроводов и клозетов». К 7 мая – «исправить протекающую крышу как в доме, так и во флигеле». К 17 мая – «исправить потолки, канализационные трубы»¹. По словам выбранного от жильцов дома М.А. Бершадского, эти сроки были то ли утверждены резолюцией Петроградского общественного градоначальника, то ли им было принято постановление о сроках ремонта дома². 9 мая 1917 г. Бершадский обратился в Комиссариат Коломенского района с жалобой, на основе которой был составлен протокол. В нем, со слов заявителя, указывалось, что ни один из сроков ремонта выдержан не был. Бершадский также сообщил, что управляющий дома Фогельман заявил ему, что «градоначальство разрешило не приступать к некоторым ремонтам»³. Кстати, «Маленькая газета» писала, что «комиссия при общ[ественном] градоначальнике разрешила» В.Д. Серебряковой «закончить ремонт после срока, назначенного жильцами»⁴. Милицкий протокол был препровожден в IX временный суд. В ходе судебного заседания выступил поверенный обвиняемой, который заявил, что «ремонт был», но «отложен с согласия градоначальника, так как в марте и апреле не было рабочих». Кроме этого, он обратил внимание суда на то, что с 1 мая ответственным является новый домовладелец Землянов. Суд заслушал показания свидетелей Ивана Стаховского и Елены Александровой, проживавших в доме № 164 по Екатерининскому каналу, соответственно в кв. 12⁵ и кв. 20⁶. Стаховский показал, что «большая часть ремонта была не исполнена», а Александрова заявила, что «дом старый, ремонт нужен был большой». Выслушав поверенного Серебряковой и свидетелей, суд приговорил В.Д. Серебрякову к штрафу в 500 рублей или аресту на один месяц⁷. 14 июня штраф Серебряковой был внесен⁸. Поверенный Серебряковой кн. А.М. Орбелиани 8 июля 1917 г. подал поднадзорную жалобу на имя министра юстиции, в которой за-

¹ Там же. Л. 6.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. ЛЛ. 14–15.

⁴ Вихров А. Суд по Соломону // Маленькая газета. 1917. 16 июня.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2073. Л. 17.

⁶ Там же. Л. 20.

⁷ Там же. ЛЛ. 11 об., 23.

⁸ Там же. Л. 22.

явил, что приговор, вынесенный Серебряковой IX временным судом, «является судебной ошибкой» и просил сделать распоряжение о пересмотре дела¹. 19 октября 1917 г. ходатайство Орбелиани было оставлено без последствий².

Летом 1917 года вновь перед Временным судом предстал домовладелец Н.И. Полешко, но уже по делу, которое возбудили против него жильцы другого его домовладения – ул. Жуковского, д. 57. Жильцы добились того, что 5 июня 1917 г. был составлен врачебно-технический протокол, который предписывал «произвести ремонт в 2-х недельный срок» в некоторых квартирах. Но Полешко уклонился от исполнения протокола. Вскоре дело Полешко оказалось в X Временном суде. В свою очередь он 8 июля обратился к министру юстиции с прошением приостановить дело до окончания войны³. I департамент Министерства юстиции по просьбе товарища министра юстиции 14 июля 1917 г. за № 29657 препроводил в X временный суд прошение военного инженер-подполковника Николая Полешко «для приостановлении дальнейшего производства указанного в означенном прошении дела о нем впредь до окончания войны в виду нахождения Полешко в действ[ующей] армии»⁴. Заметим, что для просьбы Полешко были законные основания. Дело в том, что указ от 13 сентября 1914 г. устанавливал следующее: «1. Производство находящихся на рассмотрении судебных мест и судебно-административных установлений исковых дел, в коих одной из тяжущихся сторон, хотя бы совместно с другими лицами, являются состоящие в составе действующих армии или команд флота чины военного или морского ведомства [...] приостанавливаются впредь до истечения трех месяцев со дня приведения армии и флота на мирное положение [...]»⁵. 17 июля X временный суд, опираясь на имеющиеся в его распоряжении сведения о том, что Полешко «еженедельно – один, а то и два раза приезжает в Петроград и принимает непосредственное участие в управлении собственными домами», определил: дело по обвинению Николая Полешко по статьям 26 и 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, «заслушать в заседании 17 июля 1917 г.»⁶. Но, видимо, дело рассмотрено так и не было. Во всяком случае, 19 июля 1917 г. поверенный жильцов дома И.Л. Коган-Бернштейн просил министра юстиции отклонить ходатайство Н.И. Полешко «о приостановлении его дела, как бездоказательное и неправильное». Любопытно, что Коган-Бернштейн сообщал министру юстиции о нескольких делах, рассматриваемых X временным судом, ответчиком по которым выступал Полешко. Кроме этого, поверенный Коган-Бернштейн писал в своем прошении, что Полешко обвиняется не только по статьям 26 и 29

¹ Там же. ЛЛ. 1 – 1 об.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Д. 1891. ЛЛ. 6 – 6 об.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ О некоторых по гражданским и уголовным делам льготах чинам действующих армии и флота // СУ. 1914. 18 сентября. № 258. Ст. 2383.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 1891. Л. 9.

Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, но и по ст. 22 т.н. «нового квартирного закона»¹, указывая на незаконное повышение домовладельцем квартирной платы².

26 июня 1917 г. III временный суд в составе мирового судьи И.М. Озерова и выборных судей Я.А. Калинина (от рабочих) и А.Н. Топилина (от солдат) рассмотрел дело Михаила Панфиловича Кузнецова, владельца дома № 37/39 по Боровой ул., по обвинению в нарушении «нового квартирного закона» от 27 августа 1916 г. Как выяснилось, еще 1 марта 1917 г. М.П. Кузнецов «под угрозой выселения» принуждал жильцов к принятию ими новых условий оплаты, благодаря которым квартплата должна была увеличиться. Суд признал эти условия оплаты нарушением «квартирного закона»³ и приговорил его к штрафу в 1000 рублей или аресту на три месяца. Можно предположить, что мировой судья выступал против вынесения обвинительного приговора, что видно из приписки: «Озеров (при мнении)»⁴. Поверенный Кузнецова К.Р. Родин обжаловал приговор. 15 сентября 1917 г. товарищ министра юстиции признал приведенные поверенным Родиным процессуальные нарушения имевшими место и существенными. В связи с этим он приказал приговор III временного суда в отношении М.П. Кузнецова отменить и передать дело через председателя съезда мировых судей «подлежащему мировому судье»⁵.

Таким образом, можно утверждать, что за март – июль 1917 года временные суды Петрограда приняли к производству не менее 27 дел, по которым проходили домовладельцы, обвинявшиеся преимущественно в антисанитарном содержании своих домов. Так, одиннадцать из известных нам приговоров были вынесены за нарушение санитарных норм (антисанитарию) и лишь одно за нарушение т.н. «нового квартирного закона» от 27 августа 1916 г. (дело Кузнецова). По двум делам владелицы дома № 100/3 угол Екатерининского кан. и Подъяческой ул. Матрена, Вера и Александра Торкачевы были оправданы судом, но им было предписано в месячный срок привести дом в порядок. Все обвинительные приговоры за антисанитарию кроме денежных штрафов с заменой при несостоятельности арестом или тюремным заключением обременялись для владельцев (арендаторов) обязательством устранить антисанитарию.

¹ Ст. 22 вводила наказания тем, «кто при сдаче в наймы прежнему или новому нанимателю жилых квартирных помещений, комнат, коек и углов с принадлежностями (службами, отоплением, освещением, меблировкой и услугами) или без оных, а также при переуступке им означенных помещений, заведомо противозаконно увеличит плату за таковые, повышением наемных платежей или же другим каким-либо способом» (О воспрещении повышать цены на жилые помещения // СУ. 1916. 31 августа. № 232. Ст. 1863. С. 2313).

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 1891. ЛЛ. 6, 7.

³ Там же. Д. 2065. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 11.

Наименьшее наказание понесла домовладелица Верховская – штраф 100 руб., а к высшей мере – 10000 рублей или полтора года тюремного заключения – приговорены Борхов и фон Таль. Обратим внимание и на то, что двое домовладельцев – Полешко и Рунов – были приговорены к денежным штрафам в 6000 рублей. Т.е., по четырем приговорам (или более 30 % от общего числа известных приговоров) размеры денежных взысканий превышали максимальное наказание (3000 рублей), которое следовало за нарушение обязательных постановлений правительственных или полицейских властей. В связи с этим можно предположить, что по делам о домовладельцах временные суды были не в полной мере связаны с дореволюционными законами.

Обратим внимание на то, что обвинительные приговоры преобладали над оправдательными. Но утверждать, что Временный суд был несправедлив, вынося обвинительные приговоры, нельзя. Вместе с тем, он был несправедлив, присуждая домовладельцев к огромным штрафам. Эта несправедливость компенсировалась тем, что домовладельцы обжаловали приговоры, вынесенные Временным судом. Установлено, что приговоры по пяти делам – Полешко, Миронова, Рунова, «К» и Кузнецова – были отменены министром юстиции и переданы для рассмотрения в другие суды. Судя по имеющимся материалам, в большинстве случаев временные суды эти дела так и не успели решить. Это связано с тем, что рассмотрение поднадзорных жалоб шло слишком долго для короткой истории временных судов, которые прекратили свое существование 25 июля 1917 года.

Насколько эффективно действовал Временный суд по делам о домовладельцах? Всего по нашим подсчетам он должен был рассмотреть не менее 32 дел о домовладельцах, из которых 27 имели непосредственное отношение к исполнению домовладельцев своих обязанностей по содержанию дома, дворовой и прилегающей территории в исправном состоянии. Подчеркнем, что не было завершено производство всего лишь одного дела – Полешко по жалобе жильцов дома № 57 по ул. Жуковской.

Подчеркнем, что пресса крайне редко публиковала на своих страницах материалы, посвященные судебному преследованию владельцев домов, тем самым она снижала общественное значение приговоров временных судов, а точнее – укрепляла как уверенность жильцов в бесполезности судебных преследований домовладельцев, так и домовладельцев в своей безнаказанности. Этому же служили отмены министром юстиции приговоров временных судов по делам о домовладельцах за антисанитарию и нарушение «нового квартирного закона».

Лаврова Е.М.

Конфликты в революционной среде в 1917 году и попытки их разрешения

Среди факторов, оказывавших влияние на политические процессы в 1917 году, заметную роль играли взаимоотношения в среде лидеров и активистов

революционных партий. Как известно, руководящую роль в этих партиях играли в 1917 году люди, имевшие длительный опыт участия в революционном движении и обладавшие соответствующими психологическими, мировоззренческими и социокультурными особенностями. Поэтому, несмотря на все разногласия между революционерами разных партий и фракций, можно говорить о существовании в 1917 году революционного сообщества, как своеобразного единства людей, объединенных революционным прошлым и своеобразной субкультурой революционного мира¹. В революционной среде существовали специфические нормы и традиции поведения и взаимоотношений, своеобразное общественное мнение, механизмы правосудия и разрешения конфликтов.

В период между Февралем и Октябрем 1917 года на фоне острых конфликтов внутри революционного лагеря – идейных, тактических, организационных, связанных с партийной дисциплиной и т.д. – возникали и межличностные конфликты, обусловленные как объективными, так и субъективными причинами. Данная статья посвящена конфликтам, связанным с оскорблением, а также с оглашением сведений, порочащих честь и репутацию того или иного деятеля. Такие конфликты обычно начинались со столкновения отдельных людей (их началом служили оскорбительные высказывания в печати или в ходе публичных выступлений), хотя затем нередко превращались в межгрупповые. Целью статьи является анализ реакции представителей революционного сообщества на подобные инциденты и механизмов, которые использовались для урегулирования конфликтов. Стоит отметить, что во многих случаях реконструировать ход развития и разрешения конфликтов достаточно непросто: далеко не все они фиксировались в протоколах и других делопроизводственных материалах; важным источником служит также периодическая печать и источники личного происхождения.

Отдельные конфликты между революционерами, происходившие в 1917 году, естественно, уже привлекали внимание историков², но специального

¹ Термин «субкультура российского революционера» был предложен К.Н. Морозовым для обозначения комплекса специфических социально-психологических черт и поведенческих образцов революционеров, а также системы норм поведения, взаимодействия взаимоотношений, сформировавшейся в революционной среде (*Морозов К.Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства*. М., 2005; *Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Границы и трактовки предательства в партийном правосудии РСДРП и ПСР и субкультуре российского революционера в первой трети XX в. // Социальная история: Ежегодник. 2009. СПб., 2010. С. 95 – 112; Морозов К.Н. Феномен, тенденции развития и трансформации субкультуры российского революционера (вторая половина XIX – первая половина XX в.) // Социальная история: Ежегодник. 2012. СПб., 2013. С. 147 – 175).*

² См., напр.: *Ненароков А.П. Правый меньшевизм: прозрения российской социал-демократии*. М., 2012. С. 152; *Руднева С.Е. Демократическое совещание (сентябрь 1917 г.): История форума*. М., 2000. С. 208 – 211.

анализа проблемы возникновения и урегулирования конфликтов в 1917 году до сих пор не проводилось. Впрочем, исследователи уже отмечали исключительную конфликтность революционного сообщества³. Как пишет Е.А. Беседина, конфликт стал «нормальной повседневной практикой в революционном движении» и приобретал «не только теоретическое и институциональное значение, но и ритуальный оттенок», в отсутствие возможностей для действительной политической работы, служил своеобразной заменой для нее⁴; не случайно, особенной конфликтностью отличались сообщества революционеров в эмиграции. По мнению исследователей, конфликты могут выполнять определенные позитивные функции, в том числе усиливать внутреннюю сплоченность той или иной группы, способствовать осуществлению контроля за соблюдением принятых норм и приводить к разрешению тех или иных проблем. В то же время, как отмечает Л. Козер, «позитивную функцию выполняют не все конфликты, а лишь относящиеся к целям, ценностям и интересам, не затрагивающим основ, на которых строятся отношения»⁵.

Характеризуя нормы и традиции взаимоотношений в революционной среде, важно отметить, что многие из социалистов, видевшие в сообществе революционеров прообраз будущего общества «свободных и равных нравственных личностей», считали его ареной для применения «максимальных требований этики»⁶. Однако на практике эти принципы зачастую перечеркивались соображениями политической борьбы, и полемика между революционерами переходила в оскорбления и личные нападки. Наиболее откровенное высказывание на эту тему принадлежит В.И. Ленину: «То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т.п. к несогласным». Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию»⁷. В силу своеобразия внутренней ситуации в РСДРП, большую резкость и готовность выносить конфликты

³ По замечанию Л. Козера, более жесткое протекание конфликтов в принципе характерно для групп, предполагающих полную личностную вовлеченность членов, в том числе, для радикальных партий (*Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 92.*)

⁴ *Беседина Е.А. Российская социал-демократия в 1905 – 1907 гг.: историко-антропологический анализ повседневной революционной практики: Дисс. ... к. ист. н. СПб., 2008. С.120.*

⁵ *Козер Л. Функции социального конфликта. М., 2000. С. 104.*

⁶ *Чернов В. Этика и политика. (Очерки) // Заветы. 1912. № 7. С. 96 – 97. См. также: Лавров П.Л. Государственный элемент в будущем обществе // Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы в восьми томах. М., 1935. Т. 4. С. 360.*

⁷ *Ленин В.И. Доклад V съезду РСДРП по поводу петербургского раскола и связанного с ним учреждения партийного суда // Ленин В.И. ПСС. М., 1972. Т. 15. С. 297. Доклад был ответом Ленина на попытку привлечь его к партийному суду за ведение недостойной полемики против меньшевиков.*

в публичное пространство демонстрировали, по сравнению с эсерами, социал-демократы⁸. Расколы и фракционная вражда крайне затрудняли и функционирование партийного правосудия, а невозможность проведения партийного расследования становилась оправданием для публичных выступлений с самыми тяжелыми обвинениями⁹. В то же время, потребность в соблюдении норм товарищеского взаимодействия существовала, а критика недопустимых приемов борьбы раздавалась в том числе и в большевистской среде¹⁰. В 1917 году представления о нормах взаимоотношений нашли отражение в резолюции о форме полемики, допускаемой в «Известиях Петроградского Совета», которая была принята Исполнительным Комитетом Петроградского Совета 8 мая по предложению Ю.М. Стеклова. Эта резолюция признавала допустимой «лишь идейную и принципиальную» полемику, «без резких и личных выпадов по адресу отдельных фракций и лиц»¹¹. Нарушение норм полемики и товарищеского поведения могло в 1917 году подвергаться критике в левой печати, а также обсуждаться партийными организациями. Кроме того, в революционном сообществе существовали определенные традиции и механизмы разрешения межличностных конфликтов судами чести (их функцией была и защита чести и достоинства членов революционных организаций, и урегулирование конфликтов между ними). Форма организации суда чести могла быть различной: это мог быть партийный, товарищеский или третейский суд¹². В состав третейского суда входили один или несколько арбитров со стороны

⁸ Я.Г. Рокитянский отмечает также, что традиция жесткой и оскорбительной полемики с оппонентами восходит еще к основоположникам марксизма (*Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи: Академик Д.Б. Рязанов – социал-демократ, правозащитник, ученый. М., 2009. С. 246); многие из лидеров российской социал-демократии стали достойными продолжателями этой своеобразной традиции.

⁹ Очень яркая характеристика этой проблемы содержится, например, в письме социал-демократа А.И. Любимова к швейцарскому социал-демократу Клетти (Архив дома Плеханова РНБ. Ф. 1099. Оп.1. Д. 38. 22 л.)

¹⁰ Спор о политической культуре. Письма большевиков. 1914 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 213 – 215. Эти письма особенно интересны тем, что осуждают именно методы, используемые большевистской «Правдой». Гораздо чаще осуждению подвергалась политические противники, и нормы «товарищеского поведения» становились, таким образом, инструментом политической борьбы. Показательно, что в 1904 году не кто иной, как Ленин предлагал, протестуя против «недостойных» приемов внутрипартийной борьбы, внести в устав партии пункт об исключении из нее лиц, виновных в бесчестных поступках такого рода (*Ленин В.И.* Шаг вперед, два шага назад // *Ленин В.И.* ПСС. М., 1967. Т.8. С. 413-414).

¹¹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. М., 2002. Т. 3. С. 21.

¹² Традиция разрешения конфликтов была заимствована революционерами из арсенала российской интеллигенции (*Морозов К.Н.* Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922 – 1926): этика и тактика противоборства. М., 2005. С. 53).

каждого из спорящих, которые вырабатывали решение совместно¹³. Изначальная ориентация третейского правосудия «на поиск по возможности компромиссной формы разрешения спора»¹⁴ позволяет его считать одним из наиболее эффективных способов урегулирования конфликтов. В то же время, поскольку обращение к третейскому суду было добровольным решением сторон, которые заранее обязались подчиниться постановлению судей, проведение такого разбирательства было возможным только при наличии общей почвы и определенной взаимной лояльности. В 1917 г. товарищеские и третейские суды выступали как методы урегулирования конфликтов внутри партийных и советских организаций разного уровня¹⁵. Об их востребованности свидетельствует решение Междурайонного совещания советов, 8 сентября 1917 г. признавшего необходимым образовать «постоянный выборный орган – суд чести» для разрешения недоразумений между работниками районных Советов¹⁶.

Можно заметить, что в течение первого месяца революции социалисты в целом были достаточно сдержанны во взаимной полемике и избегали личных выпадов против политических противников. Свообразным прологом к изменению тона полемики стала публикация в «Правде» 1 апреля стихотворного «приветствия» Г.В. Плеханову, написанного Демьяном Бедным: ««Ты – наш великий пропагатор! // Ты – социал наш демократор! // Привет от преданных друзей» // Гамзей Гамзеевич Гамзей»¹⁷. «Гамзей Гамзеевич» – это известное наименование черносотенцев, поэтому «приветствие» имело резко оскорбительный характер и на фоне попыток примирения и объединения «революционной демократии» выглядело особенно вызывающе. Выходка «Правды» обсуждалась на Всероссийском Совещании Советов: Совещание вынесло «Правде» порицание, а выступивший со стороны большевиков Л.Б. Каменев

¹³ В некоторых случаях назначенные спорящими арбитрами могли совместно избирать суперарбитра, которому принадлежало решающее слово в случае разногласий между судьями (см., например, отчет о третейском суде между С.Д. Мстиславским и И.И. Яковлевым (Документы // Дело народа. 1917. 12 июля)).

¹⁴ *Бачинин В.А.* Конвенциональная этика третейского суда // *Бачинин В.А.* Этика. Энциклопедический словарь. СПб., 2005. С. 91.

¹⁵ См., напр.: ЦГАИПД СПб. Ф. 1817. Оп.1. Д. 2. Л. 28; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. СПб., 1995. Т. 2. С. 41; Протоколы Центрального комитета Партии социалистов-революционеров с комментариями В.М. Чернова // Вопросы истории. 2000. № 10. С. 24.

¹⁶ Районные советы Петрограда в 1917 г. М.; Л., 1966. Т. 3. С. 308. По-видимому, решение было принято на основании доклада меньшевика А.М. Горина «Об организации суда чести», поставленном в порядок дня заседания 25 августа (Там же. С. 290).

¹⁷ «Добро пожаловать» // Правда. 1917. 1 апреля. «Приветствие» пародировало статью, посвященную приезду Плеханова, которая появилась в буржуазном «Вечернем времени».

попытался объяснить публикацию «недосмотром»¹. И наконец, сам Демьян Бедный, как вспоминала Р.М. Плеханова, прислал в редакцию «Единства» письмо с попыткой объяснений, которое сочли «недостойным быть напечатанным» и оставили без внимания².

Открытая враждебность между «правыми» и «левыми» социалистами, установившаяся после приезда в Петроград Ленина, делала невозможной уже и самую попытку объяснений между ними. Это отчетливо показывает столкновение большевиков с Л.Г. Дейчем³. 27 мая Дейч опубликовал статью, в которой подчеркивал поддержку большевиков Департаментом полиции, называл Ленина «политическим интриганом и авантюристом» и заявлял, что в прошлом «Ленин с его помощниками – Каменевыми-Розенфельдами, Зиновьевыми-Радомысловскими совершали деяния явно уголовного характера»⁴. На следующий день «Правда» объявила, что выступление Дейча «заставит его дать ответ перед судом»⁵. Заявление о намерении обратиться к государственному суду, а не к правосудию революционной среды имело, в первую очередь, символическое значение: таким образом большевики показывали, что уже ни в каком отношении не рассматривают Дейча в качестве товарища по революции⁶. Дейч, в свою очередь, демонстративно подтвердил свою готовность участвовать в судебном разбирательстве⁷. Можно заметить, что многочисленленные личные обвинения, выдвигавшиеся в 1917 году против большевиков, усиливали своеобразный нигилизм последних по отношению к принятым в

¹ Плеханова Р. Год на родине // Диалог. 1991. № 9. С. 83; Бестактности // Земля и воля. 1917. 6 апреля. В протоколах Совещания Советов обсуждение не отразилось.

² Плеханова Р. Год на родине // Диалог. 1991. № 9. С. 83.

³ Наряду с другими членами группы «Единства», Дейч уже в апреле – мае 1917 года был склонен видеть в большевиках главную угрозу для революции и считал допустимыми любые средства в борьбе с этой угрозой (см., напр.: Руки прочь! // Единство. 1917. 16 апреля; Дейч Л. Беспорочные моралисты // Единство. 1917. 16 мая; Ник. И[орданский]. Слепые вожди слепых // Единство. 1917. 25 мая. См. также: Ник-хин Я. О митинге на Невском судостроительном заводе, состоявшемся 14-го мая с.г. // Солдатская правда. 1917. 20 мая).

⁴ Дейч Л. Теплая компания (Из истории ленинизма и департамента полиции) // Единство. 1917. 27 мая.

⁵ По поводу г. Дейча // Правда. 1917. 28 мая.

⁶ См. об отношении революционеров к обращениям к государственному правосудию: Морозов К.Н., Морозова А.Ю. Обращения социалистов-эмигрантов в правоохранительные органы как отражение кризиса «партийного правосудия» и специфики правосознания эмигрантской революционной среды в 1907 – 1914 гг. // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://socialist.memo.ru/firstpub/y04/partjust.htm>

⁷ Дейч Л. За дело! (Письмо в редакцию) // Единство. 1917. 8 июня. Реальных шагов для привлечения Дейча к суду большевики не предприняли, что он со злорадством отметил, когда М.Ю. Козловской, которому это было поручено, был арестован в связи с июльскими событиями (Дейч Л. Будем откровенны! // Единство. 1917. 9 июля).

революционном сообществе нормам: все чаще они видели в подобных обвинениях лишь клевету, обусловленную политическими соображениями¹. Впрочем, обвинения, которые правый меньшевик Д.О. Заславский предъявил в печати Я.С. Ганецкому, заставили большевиков начать партийное расследование деятельности Ганецкого². В то же время публично большевики ограничились тем, что объявили Заславского «низким, грязным, презренным клеветником»³, не ответив на предложение Заславского привлечь его к суду⁴.

События 3 – 5 июля и последовавшее обвинение большевиков в измене и шпионаже вывели конфликты внутри революционного сообщества на новый уровень. Понятно, что обвинения, опубликованные от имени Г.А. Алексинского и В.С. Панкратова, выходили далеко за рамки товарищеской полемики⁵. Не вызывает удивления, что большевики заявили о намерении привлечь «клеветников» к суду⁶, а М.Ю. Козловский, находясь в «Крестах», действительно обратился в Петроградский окружной суд с ходатайством о привлечении Алексинского и Панкратова к судебной ответственности⁷. Большинство социалистов (за исключением представителей крайне правого крыла) было также склонно видеть в «разоблачениях» Алексинского клевету и доноительство, и в социалистической печати появился целый ряд статей, клеймивших Алексинского, и ранее имевшего неблагоприятную репутацию в революционной среде⁸, как бесчестного клеветника⁹. Распространяемые Алексинским обвинения затрагивали и некоторых из умеренных социалистов, в том

¹ См.: *Амиантов Ю.Н., Ермолаева Р.А.* Дело Ганецкого и Козловского (из Протоколов заседаний ЦК РСДРП(б) в июне-ноябре 1917 г.) // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 72; Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3 – 5 июля 1917 г. в Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. М., 2012. Кн. 1. С. 392; То же. Т. 2. Кн. 1. С. 382; *Ленин В.И.* В Юридическую Комиссию // *Ленин В.И.* ПСС. Т.49. С. 441 – 442.

² См. подробно об этом деле: *Амиантов Ю.Н., Ермолаева Р.А.* Дело Ганецкого и Козловского (из Протоколов заседаний ЦК РСДРП(б) в июне – ноябре 1917 г.) // Кентавр. 1992. № 1 – 2. С. 175 – 76; То же. № 5 – 6. С. 97 – 102.

³ Клеветники // Правда. 1917. 11 июня. См. также: О клеветнике Заславском // Правда. 1917. 14 июня.

⁴ *Заславский Д.* Заметки // День. 1917. 26 мая. .

⁵ Впрочем, в 1918 году Алексинский, находясь в большевистской тюрьме, в своих показаниях пытался объяснить свое выступление в июле 1917 года тем что, как социалист, считал себя вправе «требовать у каждого частного лица, называющего себя социалистом, объяснений на страницах печати действий, возбуждающих полное недоумение» (Меньшевики в советской России. Сборник документов. Казань, 1998. С. 144).

⁶ [*Ленин Н.*] Где власть и где контрреволюция? // Листок правды. 1917. 6 июля.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 5. Д. 2. ЛЛ. 8 – 8 об, 10 – 13.

⁸ См.: Розенталь И.С. Звездный час Григория Алексинского // Россия XXI. 2002. № 4. С. 169 – 170.

⁹ Добровольцы сыска // Рабочая газета. 1917. 12 июля; Слово и дело государеву // Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. 1917. 13 июля; *Григорьев Раф.* «Без лишних слов». (Страничка из биографии г. Алексинского) // Новая

числе Ф.И. Дана, обвиненного в сокрытии связей с Германией меньшевика А.С. Мартынова¹. Дан ответил на это заявлением о намерении привлечь Алексинского к суду за клевету в печати². В свою очередь, ЦК организации «Единство» вынужден был реагировать на многочисленные обвинения, «позорящие [...] доброе имя» Алексинского и выразил пожелание, чтобы тот привлек свои обвинителей к третейскому суду. Алексинский заявил, что предпочел бы разбирательство в обыкновенном суде, но «из желания быть лояльным к ЦК Единства» согласен на третейское разбирательство, и вызвал на него ответственных редакторов «Новой жизни», «Рабочей газеты» и «Дела народа»³. Не получив отклика, Алексинский спустя некоторое время опубликовал повторный вызов⁴, который также был проигнорирован, что, с учетом отношения к Алексинскому в революционной среде, было вполне объяснимо. Несколько более сложной была реакция революционного сообщества на выступление В.Л. Бурцева, в открытом письме обвинившего лидеров большевиков и интернационалистов в том, что они являются, «вольно или невольно, агентами Вильгельма II»⁵. Как известно, Бурцев стоял вне социалистических партий, но пользовался огромным авторитетом как разоблачитель провокаторов и частично сохранил свой авторитет вплоть до 1917 года, несмотря на «патриотическую» позицию, занятую им после начала войны, и предпринятую попытку примириться с самодержавным режимом⁶. Выступление Бурцева вызывало

жизнь. 1917. 14 июля; *Эльский Н.* Без излишнего стыда // Дело народа. 1917. 15 июля; *Керженцев В.* Опять Алексинский // Новая жизнь. 1917. 27 июля; *Джемс.* Разновидность измены // Дело народа. 1917. 2 августа; Стошило // Новая жизнь. 1917. 11 августа. Показательно, что при этом социалисты не выдвигали аналогичных обвинений против В.С. Панкратова, старого «шлиссельбуржца» и революционера с безупречной репутацией.

¹ *Добронравов Л.* Темная история // Без лишних слов. 1917. № 1. С. 6; Ф. Дану, редактору «Известий» // Без лишних слов. 1917. № 2. С. 8.

² *Дан Ф. (Гурвич).* Клеветники // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 июля. См. также: К суду // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 9 августа; Процессы печати // День. 1917. 4 октября.

³ *Партийная жизнь // Единство.* 1917. 10 августа. Алексинский заявил, что не намерен привлекать к третейскому суду Ф.И. Дана, редактора «Известий Петроградского Совета», поскольку последний привлекает его к обыкновенному суду.

⁴ Письмо Г.А. Алексинского // Единство. 1917. 23 августа.

⁵ *Бурцев Вл.* Или мы, или немцы и те, кто с ними. (Письмо в редакцию) // Русская воля. 1917. 7 июля. (утр. вып.).

⁶ Практику обращения к Бурцеву при расследовании подозрений в провокации продолжали в 1917 году даже большевики.

категорическое осуждение даже умеренных социалистов, квалифицировавших его как «литературное хулиганство»¹. Однако социал-демократ Х.Г. Раковский, обвиненный Бурцевым в гермаофильстве и в сотрудничестве с Парвусом, выступил с открытым письмом, в котором выразил надежду, что у Бурцева «сохранились еще традиции старого революционера» и предложил ему либо отказаться от обвинений, либо принять третейский суд². По поручению Раковского, меньшевики А.Я. Гальперн и К.М. Ермолаев обратились к Бурцеву с предложением назвать своих представителей на суде³. На письмо Раковского Бурцев ответил лишь после публичного напоминания о вызове⁴: он заявил, что у него «нет и быть не может никакой почвы для третейского разбирательства» с теми, «кто вместе с ленинцами в такой роковой момент истории [...] родины работает над ее разложением»⁵. Позднее, отвечая на критику В.Г. Короленко за отказ от третейского суда⁶, Бурцев писал: «Для меня Раковский – не литературный противник, с которым у меня существуют теоретические разногласия, а политический враг [...]. При таком взгляде на Раковского я, конечно, никогда не позволю себе идти с ним на третейский суд, как равный с равным [...]»⁷. Отказ Бурцева участвовать в разбирательстве позволил оппонентам публично объявить его клеветником⁸. Третейский суд предложил Бурцеву также меньшевик А.Г. Зурабов⁹, предупредивший, что отказ будет расцениваться как «уклонение от ответственности» и признание собственной виновности, но и на этот вызов Бурцев ответил отказом¹⁰, хотя не мог не понимать, что тем самым наносит окончательный удар по своей репутации в революционной среде¹¹.

¹ Недостойная выходка // *День*. 1917. 8 июля. См. также: *Тугарин. [Иванов-Разумник Р.В.] Улица // Дело народа*. 1917. 8 июля; *Эльский Н. Слова и жизнь // Дело народа*. 1917. 8 июля.

² *Раковский К. Открытое письмо В. Бурцеву // Дело народа*. 1917. 8 июля. См. также: *Открытое письмо Раковского // Новая жизнь*. 1917. 9 июля; *Письмо тов. Х. Раковского // Рабочая газета*. 1917. 9 июля.

³ ГА РФ. Ф. Р-5802. Оп. 2. Д. 479. ЛЛ. 13 – 13 об.; *Бурцев уклоняется // Новая жизнь*. 1917. 29 июля.

⁴ *Осокин*. Запрос В. Бурцеву // *Новая жизнь*. 1917. 15 июля.

⁵ *Бурцев В. Ответ В.Л. Бурцева Х. Раковскому // Русская воля*. 1917. 18 июля. (утр. вып.)

⁶ *Короленко В. Открытое письмо В.Л. Бурцеву // Русские ведомости*. 1917. 12 августа.

⁷ *Бурцев Вл. Мой ответ В.Г. Короленко // Общее дело*. 1917. 5 октября.

⁸ *Бурцев уклоняется // Новая жизнь*. 1917. 29 июля. См. также: *Б.Н[иколаевский]. Клеветник // Рабочая газета*. 1917. 23 июля.

⁹ *Зурабов А. Бурцеву. (Письмо в редакцию) // Новая жизнь*. 1917. 30 июля.

¹⁰ *Бурцев В. Еще один вызов на третейский суд. (Письмо в редакцию) // Русская воля*. 1917. 1 августа. (утр. вып.)

¹¹ *Зурабов А. Бурцеву. (Письмо в редакцию) // Новая жизнь*. 1917. 2 августа; *Полонский Вяч. О клевете // Новая жизнь*. 1917. 9 сентября. В октябре 1917 года даже правозероверская «Воля народа» писала, что деятельность Бурцева за последнее время свела на нет

Политические разногласия внутри социалистических партий способствовали возникновению конфликтов в организациях разного уровня. Так, на собрании Бюро организаторов ПСР 23 августа представитель Новодеревенского района сообщил о напряженных отношениях в районной организации: «Несознательность членов ведет к столкновениям так что даже третейские суды устраивают», описав и один из поводов для разбирательства: один эсер назвал другого большевиком, а тот его – кадетом¹. В этом случае речь, очевидно, шла о столкновении «правого» и «левого» эсеров, причем возможность разрешить конфликт такой глубины посредством третейского суда представляется весьма призрачной. Впрочем, можно заметить, что эсеры проявляли в 1917 году определенную сдержанность и обвинения личного характера выплескивались в печать лишь в особенных ситуациях².

Куда более острым было положение внутри меньшевистской партии, что можно объяснить как специфическими традициями социал-демократической среды, так и индивидуальными особенностями некоторых меньшевиков. Участником целого ряда конфликтов стал Ю.О. Мартов. Уже в 60-е гг. Б.И. Николаевский в интервью американским исследователям вспоминал о резкости Мартова по отношению к товарищам по партии в 1917 году, упомянув, что И.А. Исува он обвинял в том, «что тот готов услужить начальству»³, а другого однопартийца – М.И. Либера назвал мерзавцем⁴. Последнее обвинение, очевидно, связано с инцидентом на закрытом заседании, посвященном несостоявшейся «демонстрации 10 июня»⁵, и основывается на недоразумении. Выразительное описание этого происшествия оставил Н.Н. Суханов: во время резкого антибольшевистского выступления Либера со скамьи Мартова послышался возглас «мерзавец!» – «Зал ахнул и потом застыл вместе с президентом и самим оратором. Атмосфера была до крайности раскалена [...]».

все его былые заслуги и называла его «кандидатом в «бывшие люди»» (*Вьюгов В. [Сорокин П.А.] Преступное легкомыслие // Воля народа. 1917. 22 октября*).

¹ РГАСПИ. Ф. 274. Оп.1. Д. 14. Л. 35.

² Так, публикация сведений о третейском суде, разбиравшем обвинение левого эсера С.Д. Мстиславского в сотрудничестве в «Правительственном вестнике», была явным образом связана с резким обострением взаимоотношений между руководством партии и левыми эсерами в начале июля 1917 г. (Документы // Дело народа. 1917. 12 июля). Достаточно интересна и история появления в печати сведений о подаче Б.Д. Камковым прошения о помиловании (см.: *Лаурова Е.М. Проблема этики революционера в политической борьбе 1917 года // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. № 1. Т. 4. С. 95*).

³ Подобную фразу по адресу Исува Мартов действительно бросил в одной из своих статей в июле 1917 г. (*Мартов Л. О рыцарской тактике // Новая жизнь. 1917. 22 июля*).

⁴ *Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Через века и страны. Б.И. Николаевский. М., 2012. С. 93 – 94.*

⁵ Заседание состоялось 11 июня; участие в нем приняли члены ИК Петроградского Совета, а также президиума Всероссийского съезда Советов и бюро фракций съезда.

Но все же такого рода «обмен мнений» у нас в революции доселе не практиковался...». «Потом, – пишет Суханов, – оказалось, что Мартов бросил Либери не «мерзавец», а «версалец». Это было не бранное слово, а характеристика»¹. Однако воспоминания Николаевского позволяют предположить, что разъяснение стало известно не всем и в революционной среде получили распространение соответствующие слухи об инциденте на закрытом заседании. Во время I съезда Советов произошел также конфликт между Мартовым и Л.М. Хинчуком, которому лидер меньшевиков-интернационалистов бросил обвинение в том, что он «скоро будет составлять охранные списки»². В материалах съезда инцидент не зафиксирован, но вероятнее всего, высказывание Мартова было связано с делом о высылке Роберта Гримма³. Хинчук обратился с жалобой в Организационный Комитет меньшевиков, и тот предложил Мартову представить письменное разъяснение, выражая уверенность в том, что Мартов не имел в виду «оскорбить товарища Хинчука» и был неправильно понят, а разъяснение позволит разрешить конфликт⁴. Вероятно, посредничество ОК, заинтересованного в сохранении единства партии, так или иначе смягчило ситуацию, однако разногласия и противоречия внутри партии приводили к возникновению новых конфликтов. Множество личных выпадов и обвинений прозвучало в ходе меньшевистского Объединительного съезда⁵. Наиболее громким стал конфликт Ю.О. Мартова с Д.О. Заславским. На заседании съезда 22 августа Мартов назвал Заславского «журналистом, откормившимся на хлебах у банкиров»⁶. Этот выпад был связан с язвительной статьей

¹ Суханов Н.Н. Записки о революции. М., 1991. Т. 2. С. 290.

² РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.

³ Решение Временного правительства о высылке Гримма, заподозренного в попытке содействовать заключению сепаратного мира между Россией и Германией, было санкционировано М.И. Скобелевым и И.Г. Церетели. Именно меньшевики-интернационалисты, и в первую очередь Ю.О. Мартов, выступали во время I съезда Советов с наиболее жесткой критикой этого шага (Первый Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографич. отчет. М.; Л., 1930. Т. 1. С. 6 – 11, 23 – 33 и др.).

⁴ РГАСПИ. Ф. 451. Оп. 2. Д. 23. Л. 1. См. также: *Меньшевики в 1917 г.* М., 1994. Т. 1. С. 553. Любопытно при этом, как сам Мартов оценивал свои взаимоотношения с политическими оппонентами. В письме к Н.С. Кристи от 17 июня он, между прочим, писал: «Порой нервы взвинчиваются до крайней степени, но в том смысле, в котором ты обычно меня увещеваешь, я не выхожу из тарелки: не бросаюсь на людей и ухитрился сохранить человеческие отношения и с министрами, и с ленинцами, хотя и тем другим говорю очень горькие истины» (1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 210).

⁵ См., напр.: *Меньшевики в 1917 году.* М., 1995. Т. 2. С. 460.

⁶ *Меньшевики в 1917 году.* Т. 2. С. 455, 483. Владельцами газеты «День» действительно были представители цензовых кругов (Лопова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде по французским и российским архивным источникам. М., 2010. С. 516). Само по себе это не считалось преступным с точки зрения социалистов (так интернационалистская «Новая жизнь» была создана на средства, полученные А.М. Горьким от банкира Э.К. Груббе). Однако

Заславского, в которой он отозвался о меньшевиках-интернационалистах как о «книжниках и фарисеях социализма», «надежно замаринованных царизмом в заграничном тылу революции»¹. Заславский заявил о намерении привлечь Мартова к суду чести, а также потребовал, чтобы президиум съезда принял меры по защите «достоинства трибуны съезда и чести каждого в отдельности члена партии»². Уже на следующем заседании председатель собрания сделал Мартову замечание и тот немедленно заявил, что это позволяет ему отказаться от третейского разбирательства; М.И. Либер, выступивший от имени Заславского, назвал Мартова трусом³. Позднее Мартов сообщил президиуму съезда, что берет свое заявление об отказе от третейского суда обратно⁴, однако сведений о проведении разбирательства обнаружить не удалось. Непрочность достигнутого на съезде партийного объединения в скором времени продемонстрировал конфликт между А.Н. Потресовым и «новожизненцем» Б.В. Авилковым. Полемика «Дня» и «Новой жизни» по политическим вопросам быстро дошла до личных выпадов⁵, а затем Потресов печатно обвинил Авилова в том, что он еще недавно ухитрялся «искусно сочетать свой «большевизм» с обслуживанием – в официальном органе – интересов горнопромышленников»⁶. Авилков ультимативно предложил Потресову отказаться от «ложного заявления», угрожая, что в ином случае прибегнет к третейскому суду, как ему «ни противно [...] заниматься этим, и особенно теперь»⁷. Однако заявление Потресова не было взято назад, более того, «День» повторил свой выпад⁸. Разбирательство, судя по всему, не состоялось, тем более, что «новожизненцы» вскоре фактически, а затем и формально вышли из объединенной партии.

На фоне нараставшей враждебности в межпартийных отношениях целый ряд межличностных конфликтов разыгрался на публичных заседаниях. Наиболее серьезным по своим политическим последствиям стал эпизод на заседании Демократического совещания 20 сентября, когда И.Г. Церетели, обвиненный большевиками в изменении смысла резолюции о власти в процессе

правая позиция «Дня», последовательная поддержка им коалиции с буржуазией и национальной обороны делали его уязвимым для обвинений в зависимости от «банков» и «капиталистов» и в обслуживании их интересов.

¹ Заславский Д. Пустосвяты // День. 1917. 22 августа.

² Большевики в 1917 году. Т. 2. С. 483.

³ Там же. С. 479.

⁴ Там же. С. 517.

⁵ Авилков Б. Испуганные обыватели // Новая жизнь. 1917. 9 сентября.

⁶ Потресов А. Лысецам пролетариата // День. 1917. 10 сентября. Сотрудничество социалистов в непартийной печати в принципе допускалось, но участие в «хозяйской» (антирабочей) прессе в революционном сообществе считалось недопустимым (См.: Розенталь И.С. Провокатор. Роман Малиновский: судьба и время. М., 1996. С. 154 – 155).

⁷ Авилков Б. Великолепный г. Потресов // Новая жизнь. 1917. 12 сентября.

⁸ Отборная публика // День. 1917. 14 сентября.

ее редактирования, обвинил большевиков во лжи, заявив, что отныне «говоря с большевиками, он будет брать нотариуса и двух писцов»¹. Конфликт привел к тому, что большевики покинули заседание, и стал одной из причин срыва попытки образовать однородное демократическое правительство². На следующий день «Новая жизнь», очевидным образом затеяя политические причины конфликта, укоряла большевиков за то, что они использовали столь неконструктивный способ протеста против «против обидного выражения, допущенного одним из ораторов по адресу некоторых членов партии», тогда как могли ограничиться протестом или привлечением Церетели к третейскому суду³. Понятно, что в данном случае возмущение «недопустимой выходкой против [...] партии в лице ее представителей»⁴ была лишь поводом для громкого протеста и ухода большевиков, а надежда на разрешение противоречий между большевиками и умеренными социалистами посредством третейского суда представляется достаточно наивной. В то же время, эпизод позволяет задуматься о роли субъективных факторов, в том числе, пресловутой склонности социалистов к конфликтам и к выпадам личного характера, в истории революции.

Межличностные конфликты, происходившие в Петроградском Совете в последние месяцы перед Октябрьским переворотом, имели меньшее политическое значение, но в то же время они служат яркой иллюстрацией кризиса внутри революционного сообщества. Неприятным инцидентом завершилось заседание Совета 18 августа: когда Н.С. Чхеидзе «обратился к членам собрания тихим уставшим голосом», один из рядовых большевистских депутатов, рабочий Павлов, крикнул: «Тов. Чхеидзе, говорите громче, вы еще не помираете». Чхеидзе потребовал, чтобы крикнувший назвал себя, и сделал ему выговор, встреченный аплодисментами участников собрания⁵. Интересно, что Исполнительная комиссия Петербургского комитета большевиков 21 августа сочла нужным обсудить этот инцидент и в довольно резком письме уведомила Павлова, что считает его выходку по адресу Чхеидзе недопустимой⁶. С другой стороны, ИК не потребовала, чтобы Павлов предпринял какие-либо шаги для того, чтобы загладить вину, а публичных извинений со стороны

¹ Позднее Церетели попытался смягчить свои слова, заявив, что имел в виду персонально Л.Б. Каменева и А.В. Луначарского, а не всю партию большевиков, «в которой, наверное, есть люди, с которыми можно разговаривать без нотариуса и писцов» (Демократическое совещание // Дело народа. 1917. 22 сентября).

²См. подробн.: *Ненароков А.* Упущенная возможность единения демократических сил при решении вопроса о власти // *Меньшевики в 1917 году.* М., 1996. Т. 3. Ч. 1. С. 51 – 55.

³ *П.Л.* Уход большевиков // *Новая жизнь.* 1917. 22 сентября.

⁴ Декларация фракции большевиков. (Оглашенная на вечернем заседании Демократ. Совещания) // *Рабочий путь.* 1917. 23 сентября.

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 157.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

большевистских организаций также не последовало. Начало другому конфликту положило выступление Л.Д. Троцкого с оценкой событий 3 – 5 июля на заседании Петроградского Совета 9 сентября. В нем Троцкий упомянул статью депутата Совета А. Соболева, еще 7 июля опубликованную в «Речи»¹, и объявил ее клеветой². Соболев потребовал слова для объяснения по личному вопросу, но ему было отказано. Через председателя собрания Соболев передал Троцкому письмо, в котором предлагал ему указать элементы клеветы в его статье или взять свои слова обратно. Не получив отклика, 14 сентября Соболев опубликовал письмо в «Известиях Петроградского Совета», предупреждая, что если его требования не будут исполнены, то он будет считать «дело ликвидированным, а Троцкого – признанным клеветником». Соболев заявлял о своей готовности к третейскому суду и называл имена своих представителей, уже давших ему свое согласие – одним из них был Г.В. Плеханов³, но реакции Троцкого на этот публичный вызов так и не последовало. Еще один и, пожалуй, наиболее скандальный эпизод произошел на заседании Петроградского Совета 9 октября: в ходе бурного обсуждения вопроса об обороне Петрограда меньшевик Я.Г. Богомазов назвал большевиков трусами. В ответ большевик М.М. Володарский объявил Богомазова «провокатором». Богомазов потребовал объяснений; в конце заседания Володарский взял слово по личному вопросу и заявил, что «не отказывается от своих слов и не согласен вернуть обратно слово «провокатор»». Богомазову же (согласно отчету «Известий» – по предложению Троцкого) в праве выступить по личному вопросу было отказано. Разгорелся грандиозный скандал, который едва не закончился дракой⁴. Интересно, что, хотя Богомазов принадлежал к партии меньшевиков, обсудить этот инцидент сочла нужным фракция эсеров, постановившая предложить большевикам отозвать Володарского из состава президиума Совета «и заменить другим, умеющим более корректно вести себя»⁵. Ответа на это требование со стороны большевиков не последовало, однако в по-

¹ Соболев А. К попытке переворота 3 июля. (Письмо в редакцию) // Речь. 1917. 5 июля. В этом письме Соболев высказывал убежденность, что вооруженное выступление воинских частей и рабочих 3 июля было заранее спланировано и подготовлено большевиками. По своим политическим взглядам Соболев, по-видимому, был близок к плехановской группе «Единство».

² Соболев А. Письмо в редакцию // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 сентября. (В газетных отчетах о заседании Совета 9 сентября выпад Троцкого зафиксирован не был).

³ Соболев А. Письмо в редакцию // Известия Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 14 сентября.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 477. Ранее, на заседании Совета 2 октября, также произошла словесная стычка между Богомазовым и большевиками, в том числе, и Володарским (Там же. С. 448 – 449).

⁵ Там же. С. 495.

следующие дни «Рабочий путь» опубликовал серию резолюций от имени рабочих-печатников¹, клеймивших Богомазова как «изменника общему рабочему делу», сделавшего «провокационный шаг для посеивания вражды» между солдатами и рабочими². Эти публикации можно расценивать как косвенный ответ на претензии к Володарскому: «единодушное мнение» представителей пролетариата служило своеобразным оправданием его поступку и снимало с него ответственность за нарушение норм товарищеского поведения. Хотя такой прием сложно назвать добросовестным, он был естественным следствием вражды, разделивший революционный лагерь в 1917 году.

Межличностные конфликты, связанные с оскорблением и посягательством на честь революционера, были и одним из признаков кризиса в межпартийных и внутрипартийных отношениях, и одновременно фактором, способствующим углублению этого кризиса. Публичный характер многих из этих конфликтов, вероятно, способствовал и общему нарастанию напряжения в обществе.

Попытки урегулировать такие конфликты с помощью традиционных механизмов правосудия революционной среды все чаще оказывались неудачными, а предложения провести разбирательство повисали в воздухе. Конфликтов, которые закончились публичными извинениями, вынесением примирительного решения третейским судом, мы фактически не видим. Пытаясь оценить характер и последствия этих конфликтов, можно отметить, что даже неудачные попытки разрешать конфликты определенным образом свидетельствовали о желании революционеров разных партий и фракций сохранить общий язык и продолжать диалог. Однако для революционного сообщества в целом эти конфликты носили скорее деструктивный характер: они, возвращаясь к тезису Л. Козера, затрагивали ту ценностную основу, на которой строились отношения внутри революционного сообщества (на это указывает и сам факт использования личных оскорблений и тяжких обвинений в полемике, и отказ конфликтующих сторон от участия в третейских судах, и случаи обращения к государственному правосудию) и свидетельствовали о разрушении норм товарищеского взаимодействия и начале распада сообщества революционеров.

Козлов Я.В.

Возвращение политэмигрантов через Германию в Россию весной 1917 г.

3 марта 1917 г. в печати была опубликована составленная 2 марта программная декларация Временного правительства, первый пункт которой гла-

¹ Я.Г. Богомазов также был печатником по профессии.

² Печатники о Богомазове // Рабочий путь. 1917. 20 октября; Еще о Богомазове // Рабочий путь. 1917. 21 и 22 октября.

сил: «Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям и т.д.»¹.

Политэмигранты в Швейцарии, узнав о том, что в России Временное правительство декларирует о проведении политической амнистии, начали обсуждать и искать пути для своего, как можно скорейшего возвращения на родину. Так, 6 (19) марта 1917 в г. Берне на собрании представителей российских и польских социалистических организаций вопрос о способах возвращения политэмигрантов в Россию был рассмотрен на специальном совещании с участием Ю.О. Мартова, М.А. Натансона, Г.Е. Зиновьева, В. Косовского. Ю.О. Мартовым был предложен проект пути возвращения политэмигрантов в Россию через Германию–Стокгольм при условии освобождения в России соответствующего числа интернированных там немцев или австрийцев. Участники совещания предложили швейцарскому социалисту Р. Гримму выяснить отношение к этому вопросу у швейцарского правительства². Предложенный Ю.О. Мартовым вариант возвращения эмигрантов из Швейцарии через Германию был приемлимым ввиду того, что являлся безопасным, наиболее коротким и не таким финансово затратным, в отличие от вариантов возвращения через другие страны. Так, Ю. Ларин в письме от 6 (19) марта предлагал П.Б. Аксельроду для возвращения политэмигрантов из Швейцарии в Россию воспользоваться маршрутом через Францию – Испанию – США – Норвегию – Швецию³. Существовал еще один вариант возвращения через Францию – Англию, но как мы узнаем ниже, используя данный маршрут политэмигрантам предстояло столкнуться с рядом проблем.

Озвученный ранее в програмной декларации пункт об амнистии уже официально был закреплён принятым Временным правительством 6 (19) марта указом об амнистии, согласно которому объявлялась общая политическая амнистия⁴.

В дипломатические представительства России за границей министром иностранных дел П.Н. Милюковым была отправлена телеграмма № 1031 от 9 (22) марта 1917 г., которая давала следующие разъяснения относительно выдачи политэмигрантам необходимых для возвращения в Россию документов: «В распоряжении заграничных учреждений Министерства иностранных дел могут находиться сообщенные им в разное время Министерством иностран-

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

² Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 124 – 125.

³ Большевики в 1917 году. В 3 т. / Под общ. ред. З. Галили, А. Ненарокова, Л. Хеймсона. М., 1994. Т. 1. С. 230

⁴ Указ вступил в силу после его опубликования в официальном печатном органе Временного правительства – «Собрание узаконений и распоряжений правительства издаваемое при Правительствующем сенате». 1917. 7 марта. № 55. С. 535 – 537.

ных дел и Департаментом полиции данные о воспрещении выдачи документов на возвращение в Россию и визы паспортов лицам, коим въезд в Россию был воспрещен по политическим соображениям. В виду последовавшего ныне акта о политической амнистии, все указанные запрещения отпадают. Посему благоволите впредь отказывать в визе паспортов и выдаче документов для возвращения в Россию лишь тем лицам, кои значатся в международных и наших военных контрольных списках, а также тем иностранцам, въезд коих в Россию был воспрещен, как осужденным по суду за общие преступления или безвозвратно высланным из России за порочное поведение»¹.

Упомянутые в телеграмме П.Н. Милюкова международные и военные контрольные списки² станут для политэмигрантов одним из серьезных препятствий для возвращения на родину. Но, пока политэмигранты не знали, какие преграды для возвращения в Россию подготовило своими распоряжениями Министерство иностранных дел³.

Пожелавшие вернуться на родину русские политэмигранты, проживающие в Швейцарии, решили объединиться в надпартийную организацию. Так, 10 (23) марта в Цюрихе по инициативе Центрального секретариата эмигрантских касс Швейцарии представители центральных правлений всех обществ и союзов помощи политическим заключенным и ссыльным в России и представители центральных учреждений всех, без различия течений и направлений российских революционных партий, создали единую организацию

¹ Министерство иностранных дел России в годы Первой мировой войны: сборник документов. Тула, 2014. С. 669.

² Международные контрольные списки лиц, которым не разрешался въезд в страны Антанты, были составлены военными представителями Англии, Франции и России в Междусоюзническом бюро в Париже в 1915 – 1916 гг. Наряду с лицами, подозреваемыми в шпионаже в пользу Германии, в них были включены и лица, выступавшие против войны и заподозренные в силу этого в пропаганде мира. Всего в эти списки было внесено до 6000 человек. Помимо международных контрольных списков, существовали еще и списки по отдельным странам: французские, английские, русские, в которые дополнительно были включены многие лица, не вошедшие в общие списки (Лукашев А.В. Возвращение В.И. Ленина из эмиграции в Россию в апреле 1917 г. // История СССР. 1963. № 5. С. 5).

³ Ссылаясь на телеграмму № 1031 от 9 (22) марта директор Второго департамента МИДа Нольде отправил 11 (24) марта для косулов дипломатических миссий телеграмму: «При желании наших политических эмигрантов возвратиться в Россию, благоволите незамедлительно снабжать их установленными консульскими паспортами для въезда в Россию..., если ... Лица эти не значатся в международных или наших контрольных списках...» (Переписка дипломатов Российской Империи из архива Российской Императорской миссии в Брюсселе [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.podvorje.com/diplomati.htm>).

«Швейцарский Центральный Комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию», объединившую 730 человек¹. Была создана Исполнительная комиссия «Швейцарского Центрального Комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию», в которую вошли К. Адлер, К.Э. Андроников, А.И. Балабанова, Н.Д. Болотин, П.И. Иоффе, Ф.Я. Кон, В.Е. Мандельберг, Н.М. Рейхесберг, Г.К. Ульянов, А.М. Устинов, И.С. Фраткин, председателем комиссии был С.Ю. Семковский, секретарем С.Ю. Багоцкий. Отметим, что позже, 2 (15) апреля организацию покинули 166 политэмигрантов. Это произошло в Берне, где 1 (14) – 2 (15) апреля 1917 г. состоялась конференция объединенной группы социалистов-эмигрантов, сторонников национальной обороны, которая приняла резолюцию с осуждением «поездки Ленина и его спутников через Германию без согласия и ведома Временного правительства и СР. и СД.», рассматривая ее как «политическую авантюру». Дальнейшее участие представителей социалистов-оборонцев в «Швейцарском Центральном Комитете для возвращения политических эмигрантов в Россию» стало невозможным. Была создана «Общешвейцарская организация социалистов-оборонцев» с центром в Берне, объединившая 166 политэмигрантов².

При выяснении Исполнительной комиссией возможных путей для скорейшего возвращения политэмигрантов начали поступать сведения о препятствиях при попытках вернуться в Россию через Францию и Англию. Случай с депутатом II Думы А.Г. Зурабовым ярко показал, какие трудности в возвращении на родину испытывали политэмигранты.

Относительно проезда из Копенгагена А.Г. Зурабова 13 (26) марта 1917 г. П.Н. Милюков получил секретную телеграмму № 103 от посланника К.К. Буксгевдена: «Ссылаюсь на Ваши № 1031 и 1047. Бывший член Думы Зурабов значится в списках Международного контрольного бюро. По предписаниям консул не имеет права визировать его паспорт. Просим инструкций»³. Следует заметить, что даже на заседании Временного правительства от 20 марта 1917 г. обсуждался вопрос о принятии мер к скорейшему и беспрепятственному возвращению в Россию А.Г. Зурабова. Участники заседания постановили: «Предоставить министру иностранных дел дать надлежащее указание российским дипломатическим представителям за границей об оказании содействия к беспрепятственному возвращению на родину наших

¹ Лукашев А.В. Указ. соч. С. 11; Багоцкий С. Возвращение в 1917 году политических эмигрантов из Швейцарии в Россию // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1925. № 1 (14). С. 25; Платен Ф. Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. М., 1925. С. 30.

² Попова С.С. Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и и российским архивным источникам). М., 2010. С. 370.

³ Копия телеграммы была представлена на выставке «Миф о любимом вожде», проходившей 26.03. 2014 – 16. 02.2015 в Государственном историческом музее.

эмигрантов»¹. Из Копенгена А.Г. Зурабов телеграфно оповестил Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в лице Н.С. Чхеидзе о наличии контрольных списков и по его настоянию русский посол в Копенгагене телеграфно уведомил П.Н. Милюкова, что русские эмигранты настаивают на неприменении к ним этих списков². Сам же П.Н. Милюков по поводу проезда А.Г. Зурабова заявлял, что «член 2-й Государственной думы Зурабов был, несмотря на мои распоряжения, задержан, так как он числился в контрольном списке не только по России, но и союзных с нами государств. Узнав об этом, я немедленно запросил английское правительство, в чем обвиняется Зурабов и просил его немедленно освободить»³.

После своего возвращения в Россию⁴ А.Г. Зурабов на заседании Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 апреля сделал доклад «К вопросу о положении Швейцарской эмиграции», в котором указал, что «ряд политических эмигрантов лишен возможности воспользоваться амнистией и вернуться на родину, а в особенности те из них, которых амнистия застала в Швейцарии и в союзных странах; помимо технических трудностей проезда препятствием служили еще так называемые «контрольные» списки – списки, составившиеся агентами старой власти с участием делегатов от английских и французских генеральных штабов, якобы для борьбы с военным шпионажем, а на самом деле включавших многих видных интернационалистов, стоящих на точки зрения Циммервальд-Кинталь⁵. В «Рабочей газете» было помещено следующее письмо А.Г. Зурабова П.Н. Милюкову: «Гражданин! 4 апреля вы на заявление, поданное мною Исполнительному комитету Совета рабочих и солдатских депутатов, ответили, что вы никогда не давали распоряжения консулам о том, чтобы не выдавать пропусков эмигрантам, отмеченным в международно-контрольных списках. беру на себя смелость заявить, что в телеграмме из министерства иностранных дел, прочитанной мною в копенгагенской миссии в присутствии 2 свидетелей, Я. Сурина и В. Спиро, буквально сказано следующее: “Соблаговолите поэтому не выдавать видов тем из эмигрантов, кто занесен в международно-контрольные и наши военно-контрольные списки”. После вашего заявления остается лишь предпо-

¹ Журналы заседаний Временного правительства: Март-октябрь 1917 года. В 4-х т. М., 2001. Т. 1. С. 147.

² Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро исполнительного комитета и фракций, 27 февраля – 25 октября 1917 года. В 5 т. СПб., 1995. Т. 2. С. 28.

³ По поводу возвращения русских эмигрантов // Вестник Временного правительства. 1917. 6 апреля.

⁴ 28 марта 1917 г. А. Зурабов прибыл на пропускной пункт в Торнео (Смолин А.В. 1917 год: Торнео – дорога в Россию // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 31).

⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 2. С. 28.

ложить, что телеграмма, показанная мне в копенгагенском посольстве, оказывается не вашей и что она послана кем-то другим. Так ли? В ожидании ответа. А. Зурабов»¹. По поводу помещенного в «Рабочей газете» письма А.Г. Зурабова Министерство иностранных дел сделало разъяснение, в котором указало, что данное П.Н. Милюковым «вслед за политической амнистией срочное распоряжение миссиям и консульствам отменило все ограничения по въезду в Россию политических эмигрантов. В этом распоряжении было вместе с тем указано, что право свободного въезда в Россию не могло распространяться на лиц, числящихся в так называемых международных контрольных списках. Эти списки, составленные по соглашению военных властей союзных государств, имеют целью предотвратить впуск в союзные страны лиц, заподозренных в сношениях с неприятелем. Так как имя г. А. Зурабова оказалось занесенным в один из контрольных списков, наша миссия в Копенгагене затруднилась выдать ему паспорт и донесла об этом министерству. Приняв меры к выяснению обстоятельств дела и установив, что имя А. Зурабова попало в списки ошибочно, министерство дало немедленно распоряжение миссии выдать паспорт г. А. Зурабову»².

Эпизод с возвращением на родину А.Г. Зарубова наглядно продемонстрировал, что наличие политэмигрантов в международных контрольных и военно-контрольных списках приводило к тому, что путь в Россию им несмотря на политическую амнистию был закрыт. Следует заметить, что по поводу контрольных списков П.Н. Милюков еще 17 марта в письме начальнику Генерального штаба П.И. Аверьянову указал «о необходимости исключения из контрольных списков политических эмигрантов, которые были занесены туда не по соображениям борьбы с неприятельской разведкой, а по политическим убеждениям»³. В результате пересмотра из списков было исключено только 7 человек⁴. Говоря о контрольных списках П.Н. Милюков отмечал: «Дело в том, что, по соглашению союзных держав, в свое время были составлены так называемые контрольные списки, в которые были включены имена тех эмигрантов, возвращение которых в свою страну признавалось нежелательным, — либо какой-нибудь одной из воюющих держав, либо всеми союзными правительствами. Конечно, я без всяких затруднений мог уничтожить те препятствия, которые ставило возвращению русских эмигрантов старое правительство России. Но оказалось, что этого не всегда достаточно... Вообще, для полного уничтожения всех препятствий к возвращению в Россию эмигрантов, за-

¹ Открытое письмо гражданину Милюкову // Рабочая газета. 1917. 7 апреля.

² От Министерства иностранных дел // Вестник Временного правительства. 1917. 13 апреля.

³ Ткачев А.В. Эмигрантские комитеты и МИД России (март – апрель 1917) // Герценовские чтения 1999. Актуальные проблемы социальных наук. Сб. научн. ст. СПб., 1999. С. 84.

⁴ Лукашев А.В. Указ. соч. С. 6.

несенных в общий контрольный список не только старым русским правительством, но и правительствами Англии и Франции, необходимо соглашение со всеми союзниками...»¹.

Другой проблемой, возникавшей при попытке возвращения на родину через Англию, являлось то, что английское правительство отказывало в визировании паспортов русским политическим эмигрантам, от имени которых русское посольство, или русские консульства просили о разрешении вернуться им в Россию. «По телеграфному распоряжению английского Военного министерства, – сообщал 17 (30) марта в Петроград российский поверенный в делах в Швейцарии Ону, – английскими властями в Швейцарии... прекращена виза паспортов на проезд в Россию и скандинавские страны. Исключения делаются только для официальных лиц союзных стран»². По поводу визирования паспортов посол Великобритании в Петрограде указывал, что «отказ визировать паспорта русских эмигрантов обусловлен отнюдь не политическими взглядами каких бы то ни было эмигрантов, а разве только затруднительностью доставить им возможность проехать на родину. Два парохода, поддерживающих сообщение между Англией и Норвегией, – потоплены германскими подводными лодками. Таким образом, в том, что эти эмигранты пока не имели возможности вернуться на родину, виновны отнюдь не мы, а незаконные методы ведения настоящей войны Германией»³. Политэмигранты придерживались того мнения, что отказ в визировании паспортов обусловлен именно политическими причинами, а именно их отношением к войне. Подтверждение того, что негласно во Франции и Англии такое отношение к политэмигрантам существовало, служит секретная телеграмма от 5 (18) апреля 1917 г. посланная дипломатическим представителям П.Н. Милюковым, в которой указывалось: «Настоятельно просим, по соображениям внутренней политики, не проводить различия между политическими эмигрантами пацифистами и не-пацифистами. Благоволите сообщить о сем великобританскому (французскому) правительству»⁴.

Существенной проблемой для политэмигрантов являлось то, что морское сообщение между Англией и Норвегией было ограничено из-за объявленной Германией подводной войны. Как сообщало английское посольство: «Является возможным оказать действительную защиту лишь весьма ограниченному числу пароходов в месяц и естественно, что преимущество должно быть предоставлено в деле пользования этими пароходами подданным союзных держав, отправляющихся с официальными поручениями. Частным лицам бри-

¹ По поводу возвращения русских эмигрантов // Вестник Временного правительства. 1917. 6 апреля.

² Лукашев А.В. Указ. соч. С. 7.

³ О русских эмигрантах в Англии // День. 1917. 13 апреля.

⁴ Попов А.Л. Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией // КА. 1827. Т. 1 (20). С. 9.

танской национальности также отказывают в визе, когда испытывается недостаток транспортных средств. Желая, однако, сделать все возможное, чтобы пойти навстречу пожеланию русского правительства и доказать симпатию британского правительства к свободной России и жертвам старого политического режима, английское правительство сделало специальное распоряжение об отправке 50 русских политических эмигрантов в Берген на специальных судах. Британское адмиралтейство, со своей стороны, приняло меры к тому, чтобы в дальнейшем через определенные промежутки времени препровождались через Берген в Россию 50 русских эмигрантов на специальном пароходе, для защиты которого от нападения со стороны германских подводных лодок приняты все необходимые меры»¹. Подтверждение того факта, что не более 50 русских политэмигрантов могли следовать на судне, является полученный 18 апреля (1 мая) Форин офис ответ от Адмиралтейства на посланный 1 (14) апреля запрос, в котором сообщалось, что за один рейс судно «Vulture» («Коршун») могло бы перевезти примерно 50 русских эмигрантов². Кроме того, существовал запрет английских властей следовать на судах женщинам и детям. Английское правительство свой отказ в выдаче разрешений на выезд из Англии женщинам и детям мотивировало нежеланием подвергать их опасности со стороны немецких подводных лодок³.

Осознавая все сложности проезда через Англию, Исполнительный Комитет предпринимал попытки в выяснении возможности проезда через Германию. Для этих целей по постановлению Исполнительной комиссии «Швейцарского Центрального Комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию» ведение переговоров с Р. Гриммом было поручено Г.Е. Зиновьеву, М.А. Натансону и С.Ю. Багоцкому⁴. В Берне 15 (28) марта произошла встреча Р. Гримма с Г.Е. Зиновьевым и С.Ю. Багоцким (М.А. Натансон ввиду болезни не смог приехать в Берн)⁵. Р. Гримм сообщил, что вел переговоры с начальником швейцарского Политического департамента А. Гофманом. Предложение выяснить возможность обмена русских эмигрантов Швейцарии на интернированных в России, было отклонено. А. Гофман ответил, что швейцарскому правительству неудобно взять на себя официальное посредничество в этом вопросе, так как это могло бы быть рассматриваемо союзниками, как

¹ Русские политические эмигранты (От английского посольства) // День. 1917. 25 апреля.

² Майер Л. Возвращение через Германию // 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова / Под ред. Г.А. Бордюгова и Е.А. Котеленец., сост. Н.С. Антонова и Л.А. Роговая. М., 2005. С. 35.

³ День. 1917. 11 апреля; Эмигрантский вопрос // Вестник Временного правительства. 1917. 12 апреля.

⁴ Багоцкий С. Указ. соч. С. 23.

⁵ Senn A.E. New documents on Lenin's Departure from Switzerland, 1917 // International Review of Social History (Amsterdam). 1974. Vol. XIX. Issue 2. P. 256.

нарушение нейтралитета¹. Кроме этого, Р. Гримм сообщил, что он в частном порядке по данному вопросу обратился к немецким властям, которые согласны на проект обмена и даже согласны пропустить русских эмигрантов в кредит до получения ответа из России, но с тем условием, чтобы они ожидали в Голландии согласия русского правительства. С.Ю. Багоцкий и Г.Е. Зиновьев сочли вариант с Голландией неудобным и предложили А. Гофману обратиться на это внимание немецкого правительства². В Цюрихе 16 (29) марта состоялось совещание представителей партийных центров, на котором С.Ю. Багоцкий дал отчет о переговорах с Р. Гриммом³. С.Ю. Багоцкий пишет об атмосфере, которая царил на данном совещании: «На совещании завязалась оживленная дискуссия, в которой т. Ленин стал на ту точку зрения, что единственно возможный путь в Россию только через Германию, что нечего себе создавать иллюзию, что Англия пропустит интернационалистов в Россию и будет способствовать их отъезду. Мартов, в общем, с выводами о невозможности проезда через Англию согласился, настаивал только на необходимости получить официальное доказательство этой невозможности или подождать согласия Времен[ного] правительства или Сов[ета] раб[обчих] депутат[атов] на обмен военнопленных, дабы избежать неблагоприятных с политической точки зрения толков по поводу проезда через Германию. Ленин заявил, что мог бы ждать, если бы это продолжалось короткое время, а откладывать из-за этого поездку на более продолжительное время он согласен»⁴. В свою очередь Ю.О. Мартов в письме Н.С. Кристи от 17 (30) марта сообщал о совещании следующее: «Вчера у меня с Лениным и другими состоялось совещание. Ленин категорически заявил: надо сейчас же принять и ехать, а если завертится Петербургом канитель об обмене, Милуков сорвет все предприятие. Мы ответили самым решительным образом, что это невозможно: приехать в Россию в качестве подарка подброшенного Германией русской революции, значит ходить перед народом с «парвусовским ореолом». Мы должны все возможное сделать, чтобы русское правительство было вынуждено согласиться на обмен и тогда поедем совершенно спокойно. Пока наш натиск, кажется, подействовал: хоть и с неудовольствием Ленин согласился ждать переговоров после того как мы определили, что на наши ожидания через Керенского и т.д. с этим предложением не получится ответа или будут оттяжки, то мы сможем опубликовать заявление, что ввиду явного противодействия и ввиду помех со стороны англичан мы просто пользуемся возможностью проезда через Германию»⁵.

¹ Багоцкий С. Указ. соч. С. 23.

² Сенин А.Е. *Op. cit.* P. 256; Ленинский сборник II. М.; Л., 1924. С. 388.

³ Багоцкий С. Указ. соч. С. 24; Сенин А.Е. *Op. cit.* P. 258.

⁴ Багоцкий С. Указ. соч. С. 24.

⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 1. С. 242 – 243.

Не дожидаясь решения Временного правительства, В.И. Ленин с группой эмигрантов решили возвращаться в Россию через Германию. 27 марта (9 апреля)¹ они выехали из Цюриха и 3 (16) апреля² благополучно прибыли в Петроград.

23 марта (5 апреля) Исполнительная комиссия обратилась в Российскую миссию в Швейцарии с письмом, в котором интересовалась «... какие шаги Миссия, со своей стороны, предполагает принять, во исполнении амнистии и, в частности: 1) намерена Миссия приступить к незамедлительной легализации амнистированных эмигрантов путем выдачи паспортов на основании удостоверений общеэмигрантской организации о принадлежности данного лица к политической эмиграции и 2) существует ли в настоящее время путь для проезда из Швейцарии в Россию и может ли Миссия официально принять на себя гарантию за бесприпятственный проезд по этому пути всех политических эмигрантов, желающих на основании амнистии немедленно вернуться на родину»³.

На это письмо Исполнительной комиссией был получен от Российской миссии следующий ответ: «В ответ на запрос Исполнительной Комиссии от 5 апреля сего года Миссия имеет честь уведомить, что, хотя ею еще не получено соответственных указаний от Временного правительства, она тем не менее, идя на встречу потребностям русских политических эмигрантов, намерена приступить к выдаче им легальных удостоверений и будет при этом сообразоваться с удостоверениями обще-эмигрантской организации о принадлежности того или другого лица к русской политической эмиграции. Вместе с тем, Миссия имеет честь довести до сведения Центрального Комитета, что в настоящее время пути проезда в Россию нет и гарантий бесприпятственного следования в Россию она предоставить не может. Миссии, однако, известно, что путь закрыт лишь временно, и как только она осведомится о возобновлении безопасных морских сообщений, то не преминет безотлагательно сообщить об этом Центральному Комитету»⁴.

Исполнительная комиссия «Швейцарского Центрального Комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию» 23 марта (5 апреля) 1917 г. в телеграмме, отправленной в Петроград Совету рабочих и солдатских депутатов, министру юстиции А.Ф. Керенскому и комитету Веры Фигнер обратила внимание на факт того, «что до сих пор масса политических эмигрантов из Франции и Англии не проехала в Россию, из Швейцарии же не мог проехать ни один эмигрант. Все указывает с несомненностью, что на пути к возвращению политической эмиграции в целом через Англию и Францию стоят

¹ *Платен Ф.* Ленин из эмиграции в Россию. Март 1917. М., 1925. С. 31.

² Слет борцов за свободу // Петроградский листок. 1917. 4 апреля; Прибытие Н. Ленина // День. 1917. 5 апреля; Приезд Н. Ленина // Новая Петроградская газета. 1917. 5 апреля.

³ *Багоцкий С.* Указ. соч. С. 25 – 26.

⁴ Там же. С. 26.

непреодолимые препятствия. Проходят недели, пройдут месяцы, а политическая амнистия останется для нас фикцией. При таких условиях, по нашему убеждению, единственный реальный путь – соглашение России с Германией, по примеру практиковавшегося уже во время войны обмена гражданских пленников, о пропуске эмигрантов взамен освобождения интернированных в России гражданско-пленных»¹. Того же числа подписанная Р.А. Абрамовичем, П.Б. Аксельродом, И.С. Астровым, А.В. Луначарским, Ю.О. Мартовым, А.С. Мартыновым, М.А. Натансоном, Д.Б. Рязановым, С.Ю. Семковским, А.М. Устиновым была послана в Петроград 1) Совету Рабочих и Солдатских депутатов через Н.С. Чхеидзе, 2) М. Горькому, 3) В.Г. Короленко и 4) А.Ф. Керенскому следующая телеграмма: «Констатируем абсолютную невозможность возвращения в Россию через Англию. При таких условиях политическая амнистия окажется фиктивной, если не будут приняты экстраординарные меры. Поддерживаем план, выдвинутый Центральным Эмигрантским Комитетом в телеграмме Чхеидзе, Керенскому и Фигнер»². Телеграммы были получены в Петрограде 28 марта (10 апреля) и переданы П.Н. Милюкову³. 8 (21) апреля⁴ «Швейцарский Центральный Комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию» получил следующую телеграмму за подписью П.Н. Милюкова: «Ссылаясь на вашу телеграмму, адресованную Чхеидзе, Керенскому и Вере Фигнер, в которой говорилось о возвращении эмигрантов через Германию, считаем проезд эмигрантов через Германию в обмен на гражданских интернированных немцев невозможным. Мы телеграфировали в Лондон и Париж, прося пропустить всех эмигрантов без различия их политических взглядов, а также прося оказать им содействие, дабы облегчить и ускорить их возвращение»⁵. 11 (24) апреля «Швейцарский Центральный Комитет для возвращения политических эмигрантов в Россию» отправил в Совет рабочих и солдатских депутатов следующее письмо: «В ответ на посланную нами 5 апреля (нов[ого] стиля) Чхеидзе, Керенскому, Фигнер телеграмму получили сегодня официальный отказ Милюкова принять наше предложение об обмене политических эмигрантов на гражданско-интернированных немцев. Отказ этот не мотивируется, да, очевидно, ничем и не может быть мотивирован, ибо обмены с Германией за время войны производились не раз. Проезд в ближайшее время через Францию и Англию является для сколько-нибудь значительной массы эмигрантов из Швейцарии абсолютно невозможным. Сам же Милюков в официальном сообщении Петр. Тел. Агентства признал, что «переправа через Норвегию чрезвычайно затруднительна и вынуждает эми-

¹ Там же. С. 22 – 23.

² Там же. С. 23.

³ Лукашев А.В. Указ. соч. С. 20.

⁴ Копия телеграммы была представлена на выставке «Миф о любимом вожде» проходившей 26.03. 2014 – 16. 02.2015 в Государственном историческом музее.

⁵ Багоцкий С. Указ. соч. С. 28 – 29.

грантов выжидать в Англии более или менее продолжительное время благоприятного случая для продолжения путешествия». При ограниченности морских транспортных возможностей и при наличии громадной уже очереди русских политических эмигрантов и военнообязанных из Франции и Англии, швейцарские эмигранты в массе смогли бы попасть этим путем в Россию лишь через ряд месяцев. Кроме того, Милюков официально признал существование «черных списков», широко применяемых к русским политическим эмигрантам, неудобным империалистским правительствам Франции и Англии. Обещаниям Милюкова ходатайствовать перед этими правительствами о пересмотре черных списков эмиграция не придает никакого значения, ибо на основании горького опыта не может доверять отношению «союзных» правительств к русским эмигрантам. Эмиграция имеет все основания опасаться, что французские и английские власти, пропустив для вида несколько эмигрантов-интернационалистов, задержат под прикрытием формально-технических затруднений массу политических эмигрантов, среди которых преобладают, как известно, противники мировой бойни. Что эти опасения основательны, показал случай Зурабова, а в последние дни снятие англичанами в Галифаксе с норвежских пароходов известных русских эмигрантов Троцкого, Чудновского, Мельничанского, Днепровского, Мухина и других, возвращавшихся из Америки в Россию. При таких условиях ответ Милюкова является прямым издевательством над политической эмиграцией. Пред лицом революционного народа с негодованием протестуем против явного затягивания осуществления завоеванной революцией амнистии и выражаем твердую решимость добиться возможности занять свое место в рядах революционных борцов и тем исполнить наш долг перед народом и революцией»¹.

11 (24 апреля) в печати была опубликована телеграмма Ю.О. Мартова с протестом против неравенства в применении указа об амнистии: «Сообщаю о нашем невыносимом положении из-за абсолютной невозможности проехать через Англию раньше нескольких месяцев, тогда как Плеханова, Кашэна и других сторонников империализма, укрепляющих либералов против социалистов, нашли способы переправить. Мы протестуем против этих вещей, мы твердо решили не допускать этого неравенства в применении амнистии ко всем. Уже две недели, как этот вопрос поставлен перед вашим т. председателем Керенским. Если он не хочет или не может заставить принять наш проект обмена на интернированных немцев, – а этот проект только и может решить этот вопрос, – то мы считаем себя вправе искать других путей для того, чтобы прибыть в Россию...»²

Учитывая то, что полиэмигранты не видели возможности большой группой в скором времени вернуться на родину через Англию, была начата переписка о получении разрешения на проезд через Германию.

¹ Там же. С. 29 – 30.

² Правда. 1917. 11 апреля; Большевики в 1917 году. Т. 1. С. 237.

Верховный судья Швейцарии К. Цграген отправил 13 (26) апреля в посольство в Берне письмо на имя посланника барона фон Ромберга, в котором писал: «... Комитет по возвращении на родину русских эмигрантов в Цюрихе (Секретариат Организационного комитета и сторонники этого комитета) уполномочил меня, Ваше превосходительство, просить кайзеровское правительство Германии оказать эмигрантам содействие в получении разрешения на проезд в Швецию... Моим доверителям хотелось бы отъехать как можно быстрее, и они были бы очень рады, если бы по их прошению состоялось наискорейшее решение»¹. 14 (27) апреля из Берна посланник барон фон Ромберг отправил в Министерства иностранных дел Германии телеграмму, в которой указывал, что «Секретариат Организационного комитета русских революционных эмигрантов в Цюрихе обратился ко мне через посредничество швейцарского социал-демократа, внушающего доверие, с просьбой о том, чтобы 5 его членам – Мартову, Мартынову, Аксельроду, Семковскому, Астрову и членам их семей было оказано содействие в выдаче им немедленного разрешения на проезд в Швецию...»². По вопросу проезда политэмигрантов 15 (28) апреля барон фон Ромберг отправил в Министерство иностранных дел телеграмму, где сообщал о том, что «Русский эмигрантский комитет просил меня узнать, не могла ли бы примерно через 8 дней выехать через Германию группа от 200 до 250 эмигрантов... я ответил, что кайзеровское правительство принципиально согласно с проездом и других эмигрантов, оставляя за собой право на уточнение деталей о сроках и условиях»³. Статс-секретарь Министерства иностранных дел А. Циммерман сообщил о согласии Германии на проезд политэмигрантов в телеграмме отправленной барону фон Ромбергу 16 (29) апреля: «Ваше превосходительство может известить эмигрантов, что германское правительство готово в любой момент предоставить им право на проезд через Германию. Проезд будет осуществлен без остановок, в особом поезде, в сопровождении военной охраны; исключаются ведение какой-либо революционной пропаганды и любой контакт с другими лицами»⁴.

Исполнительная комиссия «Швейцарского Центрального Комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию» для содействия в организации проезда обратилась за помощью в Швейцарскую социал-демократическую партию, которая поручила Г. Фогелю⁵ взять на себя переговоры с германскими властями в Швейцарии⁶.

¹ Хальвег В. Возвращение Ленина в Россию в 1917 году: Пер. с нем. М., 1990. С. 123.

² Там же. С. 124.

³ Там же. С. 125 – 126.

⁴ Там же. С. 126 – 127.

⁵ Фогель Ганс (1883 – 1950) – редактор бернской газеты «Tagwacht», кассир социал-демократической партии Швейцарии (левое крыло), сотрудник ежедневной газеты «Volksrecht» (Хальвег В. Указ. соч. С. 182).

⁶ Багоцкий С. Указ. соч. С. 31.

Результаты переговоров и условия проезда были выражены в следующем проекте договора от 17 (30) апреля 1917 г, предложенном Г. Фогелем германским властям и принятом ими без изменений: «1) Я, Ганс Фогель, гражданин нейтрального государства, провожу через Германию за полной моей ответственностью и личной гарантией во всякое время вагоны с политическими эмигрантами и легальными, желающими ехать в Россию. Разрешение на проезд дается на основе обмена едущих на германских и австрийских гражданских пленных и интернированных в России. Едущие обязуются апеллировать к общественному мнению в России и в особенности к рабочему классу, чтобы постулат этот был осуществлен. 2) С германскими властями сносится исключительно Фогель, без разрешения которого ни одно лицо не имеет права входить в вагоны, которые все время будут закрыты. 3) В вагоны будут допущены лица независимо от их политических взглядов или их отношения к вопросам войны и мира; германские власти никакого контроля не производят. 4) Фогель покупает для едущих билеты по нормальному тарифу. 5) Никто не может быть высажен из вагона и никто не имеет права покинуть его по собственной инициативе. Без технической необходимости поездка не должна быть прерываема. 6) Время отъезда от швейцарской границы до шведской и технические детали будут немедленно установлены...»¹

В телеграмме от 19 апреля (2 мая) барон фон Ромберг проинформировал Министерство иностранных дел о просьбах полиэмигрантов: «Двести пятьдесят русских эмигрантов просят, чтобы в поезде, в котором они поедут вместе с малыми детьми, имелась возможность вскипятить молоко и чай. Они просят также, если можно, предоставить скидку на проездные билеты или, может быть, твердо установленную умеренную общую сумму оплаты за спецпоезд. Наконец, они просят установить, сколько каждый из едущих может провезти с собой багажа. Настоятельно рекомендую пойти навстречу. Прошу скорейшего установления срока поездки, так как эмигранты готовятся к возможно быстрому отъезду»². Немедленно помощник статс-секретаря Министерства иностранных дел В. Штумм дал следующий ответ: «Особый поезд для двухсот пятидесяти русских эмигрантов предположительно будет предоставлен между 9-м и 12-м числами этого месяца. Точное установление срока может последовать лишь через несколько дней. Едущие должны быть в готовности. Тариф для этого особого общественного поезда — 1 3/4 пфеннига вместо нормального тарифа в 3 пфеннига за километр. Пожалуйста, установите, сколь велика будет часть расходов, которые возьмет на себя Министерство иностранных дел. Пищу можно будет готовить в багажном вагоне. Каждая персона может сдать 35 кг багажа, кроме того, иметь вполне достаточное

¹ Там же.

² Там же. С. 133 – 134.

количество ручного багажа»¹. В. Штумм 27 апреля (10 мая) сообщил фон Ромбергу, что «Поезд особого назначения будет вечером 12 мая уже стоять в Готмадингене, при этом один вагон – второго класса. Руководитель транспорта – ротмистр фон Планиц. Отъезд 13 мая в 7.50 до обеда. Условия те же, что и у предыдущего транспорта. Питание будет обеспечено, но рекомендуется захватить миски, чашки и столовые приборы, так как необходимо избегать длительных остановок в пути. Для приготовления пищи – багажный вагон»². 28 апреля (11 мая) пришло сообщение от В. Штумма о том, что в Готмадингене нет свободного для стоянки пути, и поэтому поезду предстоит простоять на швейцарской территории в Шаффхаузене с вечера 29 апреля (12 мая) до его отправки в 7 утра 30 апреля (13 мая), при этом прибытие в Готтмадингген ожидалось в 7 час. 22 мин³. В состав поезда входило семь вагонов, шесть из которых занимали политэмигранты, а в седьмом были сосредоточены запасы продовольствия⁴. Утром 30 апреля (13 мая) поезд в 7 часов 50 мин. выехал из Готтмадингена⁵. Проезд поезда по германской территории составил 36 часов⁶.

Политэмигранты везли с собой большие запасы продуктов. Только в Оффенбурге и Заснице ими был заказан суп, а в Гейдельберге кофе⁷. А.В. Луначарский в письме также указывал, что «Два раза немцы нам давали питательный суп, за который мы, впрочем, щедро заплатили. Суп этот, как и кофе (1 раз) давал нам немецкий Красный Крест»⁸. Следует еще упомянуть, что на станциях, где предоставлялось питание, obsлуга всегда получала богатые чаевые или же делался взнос в Красный Крест, как, например, в Гейдельберге⁹. О сумме взноса для Красного Креста указал в своих воспоминаниях Эли Магарам, один из участников проезда: «Мы собрали среди своих пассажиров три тысячи швейцарских франков и пожертвовали их немецкому Красному Кресту, чтобы никто не посмел упрекнуть русских политэмигрантов, что они пользовались милостью врага»¹⁰.

¹ Хальвег В. Указ. соч. С. 134.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 142; А.В. Луначарский в письме А.А. Луначарской от 29 апреля писал: «... оказывается, что в Шаффгаузене нам придется ждать немецкого поезда 13 часов! – до 5 утра!» («Письма мои к тебе, конечно, исторические». А.В. Луначарский – жене. (Март – декабрь 1917 г.) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 11. С. 29).

⁴ Шейнис И. Амнистия в эмиграции Швейцарии [Воспоминания] // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. 1927. № 4 (33). С. 149.

⁵ Хальвег В. Указ. соч. С. 144.

⁶ Шейнис И. Указ. соч. С. 149; Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооруженном выступлении 3 – 5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль-октябрь 1917 г. Сборник документов. В 2 кн. / Под ред. О.К. Иванцовой. М., 2012. Кн. 2. Ч. 2. С. 546.

⁷ Хальвег В. Указ. соч. С. 145.

⁸ «Письма мои к тебе, конечно, исторические». С. 30.

⁹ Хальвег В. Указ. соч. С. 147.

¹⁰ Магарам Э. Далекие встречи // Урал. 1964. № 4. С. 128.

Денежные средства на проезд политэмигрантов были получены из Петрограда от комитета Веры Фигнер¹. В автобиографии, написанной В.Н. Фигнер в 1926 г., указано: «В Швейцарию мною было выслано 105 т. р. для выезда эмигрантов»² И.С. Балаховский, внук академика А.Н. Баха, в своих воспоминаниях писал: «После прихода к власти Временного правительства на имя Алексея Николаевича в Женеву пришел перевод на сто тысяч рублей для финансирования репатриации политэмигрантов»³. В денежном отчете «Швейцарского Центрального Комитета для возвращения политических эмигрантов в Россию» с 10 (23) марта по 23 апреля (6 мая) 1917 г. в строке прихода указано, что от Баха получено 85 000 франков⁴, что в переводе на рубли по тогдашнему курсу⁵ составляло 52 275 рублей. В петроградской печати публиковали сообщения, что средства в сумме 150 000 франков предоставлены в распоряжение эмигрантов комитетом Веры Фигнер⁶. Агент в Берне сообщал фон Ромбергу о том, что «Комитет Веры Фигнер прислал по 200 рублей для каждого репатрианта»⁷. Также известно, что сопровождавший политэмигрантов Г. Фогель, при отъезде их Швейцарии получил ссуду в размере 2000 франков, необходимую для проезда через Германию сумму он обменял на немецкие марки и ими оплачивал все расходы⁸.

В полдень 1 (14) мая поезд прибыл в Засниц⁹, где состоялась посадка на паром, который доставил политэмигрантов в тот же день в Треллеборг¹⁰. Из Треллеборга поезд с политэмигрантами выехал в Мальме, откуда после кратковременного пребывания они отправились в Хесслехольм, где остались ночевать¹¹. О пути следования поезда с политэмигрантов по Швеции А.В. Луначарский в письме сообщал следующее: «В Швеции нас ожидал чрезвычайно неприятный сюрприз. Здесь страшный угольный кризис: ходят по одному по-

¹ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 546.

² Фигнер Вера Николаевна: [Автобиография] / Автобиографии революционных деятелей русского социалистического движения 70 — 80-х гг. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Изд. 7-е. М., 1926. Т. 40. Вып. 4 — 8. Стб. 478.

³ Балаховский И.С. Воспоминания об академике А.Н. Бахе [Электронный ресурс] — Электронные текстовые данные. — Режим доступа: www.inbi.ras.ru/history/bach/vnuk-obache.pdf

⁴ Копия денежного отчета была представлена на выставке «Миф о любимом вожде» проходившей 26.03. 2014 — 16. 02.2015 в Государственном историческом музее.

⁵ В марте 1917 г. 100 швейцарских франков = 61 ½ рубль (Вестник Временного правительства. 1917. 10, 17 и 29 марта).

⁶ Правда. 1917. 3 мая; Дело народа. 1917. 3 мая.

⁷ Хальвег В. Указ. соч. С. 149.

⁸ Там же. С. 145.

⁹ Там же. С. 144.

¹⁰ Русские эмигранты в Мальмэ // Дело народа. 1917. 3 мая.

¹¹ Там же.

езду в день, а наш экстренный поезд Шведское правительство решило прицеплять к товарным поездам, так что доедем мы в Стокгольм только завтра, т.е. в среду утром»¹. 36 эмигрантов почувствовали себя в Мальме настолько плохо, что принуждены были остаться там на ночь². 3 (16) мая группа эмигрантов в количестве 250 человек прибыла в Стокгольм³. В тот же день в Петрограде проходила общегородская конференция петроградской организации РСДРП меньшевиков, на которой было принято решение о посылке приветственной телеграммы П.Б. Аксельроду, Ю.О. Мартову и др. о прибытии которых в Стокгольм сообщали газеты. Телеграмма гласила: «Конференция приветствует старых борцов, т.т. Аксельрода, Мартова и др., которые исполнили свой гражданский и революционный долг, проехав единственно оставшимся путем через Германию. Конференция заявляет, что путь выбранный т.т. Аксельродом и др., был вынужденным недостаточным содействием революционной демократии к возвращению их другим путем и считает своим долгом бороться против всяких возможностей клеветнических наветов на этих товарищей за выбранный путь»⁴.

В одном из своих писем А.В. Луначарский описал следующие условия прибывания группы политэмигрантов в Стокгольме: «... отвели в ночлежный дом, до того загаженный, заплеванной, затхлый, что [даже] Соколов заявил, что на таких подушках нельзя спать без риска получить глазную болезнь, а в женском отделении с одной сделалась рвота едва она вошла в номер. Начался бунт. Большинство “лидеров” (прежде всего, именно меньшевики) разъехались на автомобилях по отелям. Мы с Коном уняли бунт, а с другой стороны оказали давление на бессовестный русско-шведский комитет: заставили 27 больных или матерей с маленькими детьми развезти по отелям, остальным дать кровать и чистое постельное белье... Шведы хотят нас отправить в 5 вагонах, тогда как мы не можем ехать и в 7, может быть отправят нас товарным

¹ «Письма мои к тебе, конечно, исторические». С. 30.

² Русские эмигранты в Мальме // Дело народа. 1917. 3 мая. «Больным и детям оказалось возможным поехать с обыкновенным поездом, т.е. проспать ночь спокойно и к вечеру другого дня быть уже в Стокгольме... Нашлось 33 лица, которые пожелали воспользоваться этой привилегией и к ним, уж не знаю на каком основании, присоединился М[ихаил] Петр[ович]» («Письма мои к тебе, конечно, исторические». С. 30. Михаил Петрович – это М.П. Кристи).

³ Попова С.С. Указ. соч. С. 58; «Стокгольм, 2 мая. Завтра рано утром в Стокгольме ожидается прибытие экстренного поезда с 257 русскими эмигрантами из Швейцарии. Эмигранты будут размещены в предместье Стокгольма Лилиенгольм. Среди эмигрантов находятся приверженцы циммервальского направления: Мартов, Бобров, Лапинский, и Балабанов, а также известные социал-демократы: Астров, Мартынов, Беззаботный, Луначарский и Абрамов» (Русские эмигранты в Стокгольме // Дело народа. 1917. 4 мая).

⁴ Новая жизнь. 1917. 4 мая.

поездом, только до Гапаронди мы будем ехать 4 дня! (вместо двух)»¹. В Стокгольме вышли затруднения формального характера в русском посольстве, из-за которых группе полиэмигрантов пришлось задержаться на несколько дней², а именно с 3 (16) по 6 (19) мая³. Для отъезда из Стокгольма политэмигрантам предоставили 6 вагонов 2-го класса. 7 (20) мая группа из 250⁴ политических эмигрантов прибыла в Торнео⁵. В Петрограде ожидали, что эмигранты придут на Финляндский вокзал 8 (21) мая, но ввиду опоздания поезда, прибытие его состоялось только 9 (22) мая⁶.

В заключении хотелось бы обратить внимание на эпизод о том, что, якобы, прибывших политэмигрантов приветствовали красным знаменем с надписью: «Да здравствует Германия». Так, некоторые органы печати («Русская воля», «Вечернее время», «Единство» и др.) написали о том, что при встрече приехавших из Швейцарии эмигрантов фигурировало красное знамя с надписью: «Да здравствует Германия». По одному варианту, знамя это эмигранты везли с собой, по-другому – оно принадлежало одной из делегаций, встречавших эмигрантов⁷. О том, какое же на самом деле было развернуто знамя, рассказывает в своих воспоминаниях Т.Ф. Людвинская: «Уселись на линейку, запряженную парой лошадей. Сидя боком к лошадям, мы бережно держали широко развернутое красное знамя. Это было знамя Парижской секции большевиков, очень простое, очень скромное. В Париже на нем были вышиты только буквы РСДРП. А по пути на родину, в Стокгольме, где нам пришлось прожить несколько дней, мы вышили на этом знамени еще два лозунга: “Да здравствует социалистическая революция!” и “Да здравствует III Интернационал!”»⁸.

Таким образом, можно утверждать, что, во-первых, наиболее приемлемый маршрут для возвращения политэмигрантов в Россию проходил через Германию; во-вторых, распространенное мнение об оплате Германией проезда политэмигрантов, не соответствует действительности.

¹ 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 179 – 180.

² Шейнис И. Указ. соч. С. 149.

³ 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. С. 44.

⁴ В списке, который поступил 21 сентября в ГУГШ, числятся 159 политэмигрантов разных партий, а с детьми и женами 242 человека, вернувшихся в Россию 9 мая (Попова С.С. Указ. соч. С. 375).

⁵ Смолн А.В. Указ. соч. С. 26.

⁶ Новая жизнь. 1917. 9 мая; Прибытие эмигрантов // Новая жизнь. 1917. 10 мая.

⁷ Дело народа. 1917. 12 мая.

⁸ Людвинская Т.Ф. В годы эмиграции (1914 – 1917) // Исторический архив. 1962. № 4. С. 161 – 162.

Иванов А.А.

*«На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых
Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года*

О поведении и судьбе председателя Главного совета Союза русского народа (СРН) и лидера думской фракции правых Николая Евгеньевича Маркова (1866 – 1945) в первые дни и месяцы Февральской революции уже рассказывалось в одном из предшествующих сборников «Революция 1917 года: новые подходы и взгляды»¹, поэтому данная публикация является в некотором роде продолжением предыдущей статьи, охватывая малоизвестные страницы биографии правого политика за период лета – зимы 1917 г.

После того как Н.Е. Марков был допрошен Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в качестве свидетеля «преступлений старого режима», не нашедшей в его действиях состава преступления и удовлетворенной полученными от правого депутата сведениями, он был освобожден из-под стражи. Дав прокурору Петроградской судебной палаты подписку в том, что по первому вызову судебных властей он обещает явиться без промедления, равно как и сообщать о перемене места жительства, Марков поселился на одной из заброшенных дач, в районе станций Куоккала (ныне – Репино) и Канерва (ныне не существует) Финляндской железной дороги².

Оказавшись на свободе, Марков сразу же принялся за создание подпольной монархической организации. Поскольку все легально существовавшие до 1917 г. монархические партии и союзы были запрещены новой «демократической» властью, бывшему вождю СРН приходилось начинать все с начала. Как отмечал Марков, в первые месяцы после Февральской революции, «даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны. Эти месяцы ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на уяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора “на костях” ужасного разгрома»³. Но уже к лету 1917 г. им была создана в Петрограде подпольная монархическая организация, имевшая целью спасение царской семьи. Кроме Маркова в нее входили такие его единомышленники как В.П. Соколов, Н.Д. Тальберг, некоторые правые депутаты Государственной думы (Г.Г. Замысловский, Г.М. Дерюгин, Н.Н. Лавриновский, А.П. Горсткин), гвардейские офицеры. Кроме того, Марков также принимал участие в руководстве конспиративной «Объединенной офицерской организацией», непосредственным руководителем которой был генерал

¹ *Иванов А.А.* «Отреченные дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. научн. ст. СПб., 2013. С. 15 – 24.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 1. Д. 295. Л. 3; *Марков С.* Покинутая царская семья. Царское село – Тобольск – Екатеринбург. 1917 – 1918. Вена, 1928. С. 160 – 161.

³ *Марков Н.Е.* Попытки спасения Царской Семьи // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. 1921 – 1937 / Сост. и вступ. ст. М. Б. Смолин. М., 2002. С. 396.

Е.К. Арсеньев¹. Проживая на территории Финляндии, где, как отмечалось выше он скрывался на одной из дач, Марков «довольно часто бывал по организационным делам в Петербурге, явно рискуя собой»². Как позже вспоминал сам правый политик, в эти дни он перебегал с одной квартиры на другую, «меняя фамилии и наружность, по временам уезжая в Москву»³. Однако, по словам его дальнего родственника С.В. Маркова, «к счастью, он ни разу узнал не был, даже своими знакомыми, с которыми он сталкивался на улице»⁴ – умело измененные внешность и манера поведения превратили столь хорошо узнаваемого лидера правых в совершенно другого человека⁵. И это при том, что центр тайной монархической организации Маркова располагался в самом центре революционной столицы – на Невском проспекте! Как вспоминал, бывавший там корнет С.В. Марков, организация «помещалась в одной из коммерческих контор, неподалеку от сельскохозяйственного клуба, на Невском, где под видом купли и продажи и заключения сделок, собирались нужные лица и где Марков 2-ой принимал по делам организации»⁶.

Марковская организация тайно занималась мобилизацией «всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге людей», а также формировала военный отдел, вербовавший офицеров. По свидетельству С.В. Маркова, сотрудничавшего в это время с Николаем Евгеньевичем, организация была построена «на самых конспиративных началах» по принципу «троек, где каждый член знает только трех человек, а те, в свою очередь, знают тоже только трех членов организации и т. д.»⁷. Вся работа марковской организации была в это время нацелена на то, чтобы создать мощный аппарат, способный при благоприятных обстоятельствах совершить переворот в Петрограде, освободить царскую семью и восстановить императора Николая II на престоле, а в случае его отказа – передать престол царевичу Алексею⁸.

При этом, как утверждал С.В. Марков, к выступлению большевиков в Петрограде 3 – 5 июля 1917 г., как, впрочем, и к большевистскому движению в целом, Н.Е. Марков в то время относился «сочувственно», руководствуясь

¹ Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России (1918 – 1920 гг.). СПб., 1999. С. 11.

² Марков С. Покинутая царская семья. С. 160 – 161.

³ Марков Н.Е. Ловцы правды // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. С. 405.

⁴ Марков С. Покинутая царская семья. С. 161.

⁵ Напомним, что сразу же после революции Н.Е. Марков заметно изменил свой облик – состриг свои знаменитые кудри и отпустил начавшую сесть бороду, которая его заметно состарила. По свидетельству племянника, дядя его, покуда росла борода выдавал себя сначала за мастерового, а затем, отрастив окладистую бороду – за монастырского служку (Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы биографии Н.Е. Маркова: по материалам Бахметьевского архива // Научный диалог. 2013. № 11 (23): История. Социология. Философия. С. 37).

⁶ Марков С. Покинутая царская семья. С. 176.

⁷ Там же. С. 161.

⁸ Там же.

принципом: «Чем хуже – тем лучше». Естественно, ни о каком искреннем сочувствии большевикам со стороны бывшего лидера черной сотни говорить не приходится, правый политик лишь надеялся «использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[еменное] Правительство, а потом придушить их самих»¹. «Во всяком случае, – утверждал С.В. Марков, – среди большевиков М[арков] 2-й имеет большое количество своих приверженцев, умышленно пошедших на службу к ним, и стремиться к тому, чтобы во всех учреждениях и во всех партийных и внепартийных организациях иметь побольше своих надежных людей, дабы быть все время в курсе общего положения дел из первых источников»². Утверждение насчет большого количества приверженцев Маркова в большевистских структурах, вызывает, конечно, сомнения. Но то, что такая агентура в принципе была, подтверждают показания соратника Н.Е. Маркова В.П. Соколова (в прошлом – товарищ председателя Главного совета СРН³), сообщавшего в 1921 г., что фотографические снимки некоторых нужных для тайной монархической организации документов ее руководство получало «через своих людей, служивших от нас в большевистских учреждениях»⁴.

При этом, по словам того же С.В. Маркова, к августовскому выступлению будущего лидера белого движения генерала Л.Г. Корнилова Н.Е. Марков отнесся не сочувственно. «...Наш разговор с Марковым 2-ым перешел на все возрастающую популярность генерала Корнилова, – вспоминал корнет. – Я вполне разделял его отрицательные взгляды на эту личность. “Революционные генералы нам не нужны, и республики в России мы не хотим. Республикой России не спасешь, и со стороны монархистов Корнилов поддержки не встретит!”, – говорил Марков 2-ой. В случае выступления Корнилова, Марков 2-ой предсказывал ему неудачу. Если же паче чаяния, Корнилову и удалось бы захватить власть в свои руки, то в очень непродолжительный срок он ее потеряет, так как не сумеет, вернее, не захочет, отмести от себя все демагогически-революционные элементы, в корне своем явно не государственные и не жизненные»⁵. «Предположения Маркова 2-ого оправдались: – Карта Корнилова была бита», – заключал С.В. Марков⁶.

Впрочем, относительно довольно подробных и красочных воспоминаний С.В. Маркова, необходимо иметь в виду замечание, сделанное Н.Е. Марковым по прочтении этой книги в 1929 г.: «корнет Марков членом нашей монархической организации никогда не был, знал я его весьма мало, и если одно,

¹ Там же.

² Там же.

³ См. о нем: *Степанов А.Д.* Соколов Виктор Павлович // *Черная сотня. Историческая энциклопедия. 1900 – 1917. М., 2008. С. 496 – 498.*

⁴ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг. / Сост. Л. А. Лыкова. М., 1998. Т. 8. С. 302.

⁵ *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 170.

⁶ Там же. С. 178.

весьма непродолжительное, время я не скрывал от него некоторой части наших планов, то только потому, что он неотлучно находился при фрейлине Ее Императорского Величества Ю.А. Ден и пользовался ее доверием. Фрейлина Ден была для нас необходимым звеном для связи с Царским селом. «Маленький» Марков был также, через своего отчима генерала [И.А.] Думбадзе, известен Царской Семье. По мере того, как я ближе узнавал этого шустрого молодого человека, я все более убеждался в его непригодности для сколько-нибудь ответственного дела и постепенно отодвигал его подальше от организации»¹. «С корнетом Марковым как с человеком легкомысленным, – утверждал далее Н.Е. Марков, – я вообще избегал говорить о серьезных предметах, и потому, почти все, что он в своей книге мне приписывает, он слышал, если действительно слышал, от третьих лиц»². Однако в другой статье Н.Е. Марков признавал, что «рекомендованный лицами, близкими Царской Семье, корнет Марков первое время пользовался у нас некоторым доверием, и я не скрывал от него наших планов спасти Государя и Царскую Семью...»³.

Знакомство двух Марковых состоялось следующим образом. Корнет Крымского конного полка, шефом которого была Александра Федоровна, С.В. Марков вспоминал как в десятых числах июня 1917 г. Н.Е. Марков впервые вышел на связь с подругой и фрейлиной императрицы Ю.А. Ден. «Это было вечером, – свидетельствует С.В. Марков, – мы (с Ю.А. Ден. – А.И.) сидели, как обычно, около моря (Финского залива. – А.И.), как вдруг увидели незнакомого господина в соломенной шляпе с большими полями, идущего к нам и опирающегося на толстую сучковатую палку. Фигура незнакомца внушала мало доверия. [...] Я всматривался в незнакомца, и мне казалось, что уже где-то видел его, но не мог вспомнить. [...] Я поклонился и назвал свою фамилию. Господин с лукавой усмешкой посмотрел на меня и, протягивая руку, ответил: “Я тоже Марков”. Тогда только я понял, кто предо мною и, действительно, Н.Е. без грима изменил себя до неузнаваемости. <...> Поговорив немного, Марков ушел. Так произошло знакомство Ю.А. [Ден] и мое с главою организации, поставившей в основу охранение и спасение Императорской Семьи, находящейся в заточении»⁴. Передавая содержание этой первой беседы, С.В. Марков писал: «...Нас, полных надежд, успокаивает хриплым баском высокий, сутуловатый человек, небрежно одетый, с вклоченными седоватыми длинными волосами, нервным движением пощипывающий свою давно нестриженную бороду и смотрящий на нас исподлобья своими пронизательными умными карими глазами: “Ю.А., это мой долг помочь Их Величествам!

¹ *Марков Н.Е.* Покинутая Царская Семья // *Марков Н.Е.* Войны темных сил. Статьи. С. 447.

² Там же. С. 449.

³ *Марков Н.Е.* Ловцы правды. С. 401.

⁴ *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 158 – 159.

Поверьте мне, что мы работаем, не покладая рук... Мы сейчас только оправляемся от постигшего нас разгрома, но мы все же сильны и вам беспокоиться нечего. Мы только просим, чтобы Их Величества благословили начатое нами дело и молим Бога, чтобы Он, Всемогущий, не оставил нас без своих милостей!" – Так говорил Николай Евгеньевич Марков...»¹. «Боже, сколько надежд и упований возлагали мы на это знакомство! – вспоминал С.В. Марков. – Нам казалось, что уже одно знакомство с таким человеком приблизило, по крайней мере на половину не только столь желанное нами освобождение Их Величеств, но и восстановления Монархии в России... [...] Ю.А. верила этому человеку, верила в его могущество и действенность, я же возвел его в идеал»².

Вскоре после этой встречи, к концу июня 1917 г., благодаря установленному контакту с Ю.А. Ден, Н.Е. Маркову удалось, по его собственным словам «найти ход сообщения с пленным Государем Императором» и передать Николаю II коробку папирос, в одной из которых была спрятана записка, с просьбой благословить «начинать дело восстановления Империи»³. «В период царскосельского заключения Августейшей Семьи я пытался вступить в общение с Государем Императором, – рассказывал он в 1921 г. следователю Н.А. Соколову, занимавшемуся расследованием убийства Николая II и его семьи большевиками. – Я хотел что-нибудь делать в целях благополучия Царской Семьи, и в записке, которую я послал при посредстве жены морского офицера Юлии Александровны Ден, очень преданной Государыне Императрице, и одного из дворцовых служителей <...> я извещал Государя о желании послужить Царской Семье, сделать все возможное для облегчения Ее участи, прося Государя дать мне знать через Ден, одобряет ли Он мои намерения, условно: посылкой иконы. Государь одобрил мое желание: Он прислал мне через Ден образ Николая Угодника»⁴.

Однако, признавался далее Марков, «в силу общих событий, переживавшихся Россией, обрушивавшихся особенно тягостно на монархические группы и, в частности, на организацию "Союза Русского Народа"», у него не было ни малейшей возможности вести монархическую работу и установить прочную связь с императором, находившимся в Царском селе»⁵.

Да и вопрос о вызволении Николая II и его семьи из «царскосельского плена» тогда не ставился, поскольку, как утверждал Н.Е. Марков, ему было дано понять, что царь считает свою жизнь в безопасности и на такой риск не пойдет⁶. «В то время наша работа состояла в собирании осколков дотла разгромленного Союза русского народа и в посильном создании новой организации монархистов. Пока Императорская Семья находилась в Царском Селе,

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Марков Н.Е. Попытки спасения Царской Семьи. С. 397.

⁴ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг. С. 298.

⁵ Там же.

⁶ Марков Н.Е. Попытки спасения Царской Семьи. С. 397.

никаких планов насильственного их освобождения мы не составляли, не составляли уже потому, что по этому вопросу имели определенное и несомненное сведение, что Государь Император на такие действия своего соизволения не дает. [...] ...Вопрос о насильственном освобождении Государя и Его Семьи до сентября 1917 года серьезно у нас не поднимался. И всякий здравомыслящий человек понимает, что в тогдашней обстановке войны и революции подобное освобождение, если бы оно даже удалось в Царском Селе, неизбежно привело бы к новому и опаснейшему пленению, ибо вывезти их из России без прямого содействия Англии было явно невозможно»¹. С.В. Марков, вспоминая одну из встреч с лидером правых на его финляндской даче, в ходе которой он безрезультатно пытался убедить Маркова 2-го в целесообразности своего дерзкого плана, предполагавшего налет группы офицеров на Царское село, чтобы затем выкрасть членов царской семьи, корнет так писал о реакции на это предложение своего собеседника: «Марков внимательно выслушал меня. “Это, дорогой мой, невозможно, мы не имеем права подвергать Их Величества такому риску, и потом этот план фантастичен... [...] Этот вопрос нужно решать иначе и, поверьте мне, что я много думаю о нем...” [...] В конце разговора М[арков] неоднократно подчеркивал, что единственной целью его жизни была и будет служба и помощь Государю и Его Наследнику»². Об этом же свидетельствует и В.П. Соколов: «Положение Царской Семьи, заключенной в Царском, озабочивало нас, но мы не могли ничего предпринять в первые месяцы после отречения Государя, в силу общих событий: более, чем кто-либо, гонениям подвергались именно мы, правые монархисты. К осени 1917 года нам все же удалось кое-что сделать в смысле собирания наших сил. Было решено озаботиться о судьбе Царской Семьи и попытаться выяснить Ее положение, установить известное общение с Ней, дабы, в случае опасности, прийти на помощь к Ней»³.

Таким образом, марковская организация активизировала свои действия лишь осенью 1917 г., уже после отправки царской семьи в Тобольск, когда, по словам ее лидера, «задача спасения из плена была поставлена во всей ее широте»⁴. «Проживая на конспиративных началах то в Финляндии, то в Петрограде, я собирал наши силы, – пояснял Марков. – К осени кое-что удалось сделать, и мы решили послать в Тобольск своего человека для установления связи с Царской Семьей, выяснения обстановки и, буде того потребуют обстоятельства, увоза Ее, если Ей будет угрожать что-либо»⁵. Выбор Маркова пал на офицера Крымского конного полка, шефом которого была импера-

¹ Марков Н.Е. Покинутая Царская Семья. С. 447 – 448.

² Марков С. Покинутая царская семья. С. 164.

³ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг. С. 300 – 301.

⁴ Марков Н.Е. Попытки спасения Царской Семьи. С. 397.

⁵ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919 – 1922 гг. С. 297.

трица Александра Федоровна, штабс-капитана Н. Я. Седова (в будущем принявшего монашество и ставшего архимандритом Серафимом). По словам Маркова, выбор этот был обусловлен тем, что Седов был глубоко предан царской семье, хорошо ее знал (в 1916 г. Александра Федоровна и великая княжна Татьяна ухаживали за ним, когда он находился на излечении в Царскосельском лазарете) и при этом не обладал «громким именем». Однако с возложенной на него миссией Седов не справился. Наладив связь с членами монархической организации в Сибири, посланец Маркова по неизвестной причине ничего не предпринял для установления связей с царской семьей. Тем временем, семью бывшего императора переправили из Тобольска в Екатеринбург, и монархистам пришлось разрабатывать новые планы, чтобы вызволить царственных пленников из неволи. Н. Е. Марков отправил в Екатеринбург группу надежных офицеров под началом генерала Д.И. Аничкова, но и «она никаких результатов не достигла»¹.

«Когда мы приступали к этому подвигу, у нас были надежды на проснувшуюся совесть русских богачей и русских верхов. Людей, готовых жертвовать своей жизнью ради спасения Царя и восстановления монархии, было немало, – позже писал Марков об этом периоде своей деятельности. – Но все попытки – не только мои, но и всех моих единомышленников – получить на дело необходимые средства потерпели неудачу². Требовались миллионы, а мы с трудом находили десятки тысяч. Постыдное равнодушие, окаменелая черствость и неизжитое недоброжелательство к монархии и к монархистам отталкивали наши обращения за помощью. <...> С малыми, случайно добываемыми средствами мы вынуждены были вести работу в сокращенных размерах, действовать с перебоями и промедлениями, располагали недостаточными силами, там, где требовались сотни людей, мы имели десятки. Но все же до последнего дня мы добивались и делали все, что было в наших силах для освобождения Государя и Его Семьи. Но все же большая подготовительная работа была произведена и спасение Их из Тобольска становилось реально исполнимым. Перевоз в Екатеринбург нанес страшный удар всем нашим планам. Но будь у нас в апреле 1918 хотя бы один миллион рублей, думается, мы успели бы сосредоточить к Екатеринбургу отряд в 300 смелых людей и сделать решительную попытку для соединения Царской Семьи с чехословаками. Миллиона вовремя у нас не оказалось и Государя мы не спасли. В этом мы, монархисты, конечно, виноваты, и в первую голову, виноват в этом я, Марков 2-й. Мы виноваты в том, что хотели, пытались, но не сумели

¹ Там же. С. 300.

² В статье 1924 г. Н.Е. Марков писал: «...Верных людей у нас было не мало, но отсутствие денег лишало нас надлежащей и своевременной действенности [...] Пополнять кассу ограблением большевистских касс я не решился, хотя охотники на такие предприятия находились; быть может, это была ошибка, но в то время лозунг “все позволено” считался специально большевистским» (Марков Н.Е. Ловцы правды. С. 405).

спасти нашего Царя и Его Семью. Но в одном мы не виноваты, – не виноваты в безучастии к судьбе нашего Государя. В этом виноваты не мы, а другие...»¹.

Впрочем, трагические для царской семьи события лета 1918 года и провалившиеся в итоге планы монархистов спасти ее, выходят за хронологические рамки данной статьи. Отметим лишь, что в дальнейшем при оценке деятельности Н.Е. Маркова и его тайной организации, мнения правой эмиграции разделились. С.В. Марков, ранее очарованный правым политиком, в своих воспоминаниях всю вину на печальный итог планов по спасению царской семьи возлагал на Н.Е. Маркова, критикуя его за то, что тот не смог «в стране со 150-ти миллионным населением» найти средства на спасение монарха, но при этом в 1921 г. собрал деньги на проведение монархического съезда в Рейхенгалле². «Позволю себе спросить, – риторически вопрошал корнет Марков на страницах своих воспоминаний, – что же было достигнуто за это время Марковым 2-ым и его могучей организацией? К сожалению, ничего, кроме многообещающих фраз и добрых намерений!.. <...> Остается изумляться, что Н.Е. Марков, видя полный неуспех своих попыток, тотчас же не сложил с себя обязанностей главы организации, считавшей себя “обязанной спасти Их Величества” и не передал своих полномочий другому лицу»³. Эмигрантский автор-монархист И.П. Якобий также считал свидетельства Н.Е. Маркова неубедительными, отмечая, что правый политик в своих статьях порой излагал отличающиеся друг от друга версии своих планов по освобождению бывшего императора, вплоть до сочинения легенд, призванных оправдать «бездействии тех, кто взялся за спасение Царской Семьи»⁴. Оставшиеся верными своему лидеру соратники Н.Е. Маркова, напротив восхваляли его, как человека «со времени революции ни на минуту не прекращавшего монархическую работу»⁵. Сам же Н.Е. Марков не без иронии замечал, что книга его однофамильца преимущественно посвящена тому, как «другие помешали ему спасти Царственных Пленников» и «неприятно поражает постоянным стремлением

¹ *Марков Н.Е.* Покинутая Царская Семья. С. 453.

² *Марков С.* Покинутая царская семья. С. 383. На это обвинение Н.Е. Марков в 1929 г. отвечал: «В 1918 году нам нужны были миллионы. А Рейхенгалльский съезд 1921 года обошелся что-то около 20 тысяч рублей, полученных специально на эту цель от лица живущего за границей» (*Марков Н.Е.* Покинутая Царская Семья. С. 454).

³ Там же. С. 384, 386. Отвечая на этот выпад, Н.Е. Марков писал: «“Передавать свои полномочия” другому лицу я никак не мог, ибо ни от кого полномочий не получал, а действовал по своему почину. Сложить с себя обязанности главы организации и удалиться в Финляндию или еще куда, я, конечно, мог, но это явилось бы недостойным дезертирством и спасением своей шкуры, а организация без меня, конечно, развалилась бы, ибо создана была на личном доверии к своему основателю и вдохновителю» (*Марков Н.Е.* Покинутая Царская Семья. С. 452 – 453).

⁴ *Якобий И.П.* Император Николай II и революция // *Фомин С.В.* «Боролись за власть генералы... и лишь император молился». М.; СПб., 2005. С. 290 – 293.

⁵ *Гершельман А.С.* Эмиграция // *Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. и ред. А.А. Иванов. М., 2008. С. 500 – 501.*

ее автора поэффектнее выставить свою юркую фигуру “маленького Маркова” и противопоставить себя другому, – не “маленькому” Маркову 2-му»¹.

Трудно сказать, на чьей стороне правда, т. к. на данный момент источников, позволяющих детально восстановить картину периода подпольной деятельности Н.Е. Маркова в 1917 – 1918 г., явно недостаточно. Спасти царя и его семью не получилось ни у одной из монархических групп, и Марков со своей организацией не был исключением. Было ли возможно спасение царской семьи или изначально любые усилия разрозненных подпольных монархических организаций были обречены на провал – вопрос, на который едва ли возможно дать ответ. Однако справедливости ради нельзя не отметить, что, несмотря на риск и угрозу собственной безопасности, Н.Е. Марков в отличие от многих других дореволюционных монархистов, не только остался верен отрешенному монарху, но и по мере сил продолжал борьбу за свой государственно-политический идеал.

Стогов Д.И.

Отражение революционных событий 1917 г. в дневнике

С.Д. Шереметева

Граф Сергей Дмитриевич Шереметев (1844 – 1919) – один из видных представителей русской научной интеллигенции конца XIX – начала XX века, известный государственный и общественный деятель, благотворитель. Он происходил из древнего боярского, с начала XVIII в. – графского рода и был потомком сподвижника Петра I фельдмаршала Б.П. Шереметева (1652 – 1729), являлся крестником Александра II. Воспитывался дома, выдержал экзамен в Пажеском корпусе на офицера гвардии; в 1863 г. поступил на службу в кавалергардский его величества государыни императрицы Марии Федоровны полк в звании корнета. В мае 1866 г. был назначен полковым адъютантом. Спустя два года в чине ротмистра Шереметев был назначен адъютантом к наследнику цесаревичу великому князю Александру Александровичу, в какой должности состоял с 1868 по 1883 гг., став личным другом будущего императора Александра III. С 1874 г. – полковник.

Участник русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг., находился в Рушукском отряде, которым командовал великий князь Александр Александрович, будущий император Александр III. 24 марта 1877 г. Шереметев был послан парламентарем к турецкому главнокомандующему Али-паше и награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами. 23 мая 1916 г. император Николай II наградил С.Д. Шереметева орденом святого Владимира первой степени².

С 1879 г. С.Д. Шереметев – почетный гражданин г. Иваново-Вознесенска (род Шереметевых владел селом Иваново более 120 лет). В 1881 г. он был

¹ *Марков Н.Е.* Покинутая Царская Семья. С. 446.

² Личное дело А.Н. Куломзина // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 269. Л. 162.

назначен флигель-адъютантом. С 1884 г. Шереметев был произведен в действительные статские советники, в 1885 – 1890 гг. – предводитель дворянства Московской губернии, с 1892 г. – егермейстер, с 1904 г. – обер-егермейстер Высочайшего двора. В 1896 г. Шереметев был избран московским дворянством ассистентом при предводителе дворянства в церемонии принесения поздравлений Николаю II и его супруге «по случаю Священного Коронования» (во время коронации состоял при особе вдовствующей императрицы Марии Федоровны). В 1897 г. по высочайшему повелению был назначен членом Особого совещания по делам дворянского сословия. С 1900 г. – член Государственного совета (с момента его реформирования (1906 г.) вплоть до 1917 г.¹ – член правой группы). По свидетельству государственного секретаря С.Е. Крыжановского, И.Г. Щегловитов, назначенный 1 января 1917 г. председателем Государственного совета, сообщил Крыжановскому, что были «предположены к удалению Штюмер, Горемыкин, гр. С.Д. Шереметев», причем последние два – «как старики неходячие»². Однако никаких отставок в итоге не последовало, так как император признал «неудобным» их «удаление»³.

С.Д. Шереметев был не только видным государственным и военным деятелем – он плодотворно работал и в области культуры. Граф явился инициатором создания и стал первым председателем (1888 г.) Общества любителей древней письменности; основателем Общества возрождения древнерусской одежды; почетным членом Академии наук (1890 г.); председателем Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, председателем Императорской русской археографической комиссии (с 1900 г.); председателем Комиссии попечительства о русской иконописи (1900 г.), членом-учредителем и вице-председателем Русского генеалогического общества, членом Русского исторического общества; действительным членом Академии художеств и ряда других российских и иностранных научных обществ⁴. С.Д. Шереметев проводил огромную работу по систематизации исторических источников, относящихся, в первую очередь, к XIX веку. Он собирал письма, воспоминания современников. Среди корреспондентов С.Д. Шереметева был, в частности, видный государственный деятель А.Н. Куломзин, который прислал графу свои лицейские воспоминания⁵. Также граф

¹ Там же. Ф. 472. Оп. 58. 14 доп. Д. 4. Л. 4.

² ПЦР. М.; Л., 1926. Т. V. С. 437.

³ Там же. С. 438.

⁴ Мемуары графа С.Д. Шереметева / Сост. Л.И. Шохина. М., 2001. С. 6; ОР РНБ. Ф. 855. Д. 30. Л. 32; ПЦР. М.; Л., 1927. Т. VII (комментарии); *Иванов А.[А.], Стогов Д.[И.]* Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 599 – 600.

⁵ Письмо С.Д. Шереметева, члена Государственного совета, Куломзину Анатолию Николаевичу. 11 декабря 1914 г. // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 485. ЛЛ. 1 – 1 об.

был хорошо знаком с известным педагогом и лидером трезвеннического движения С.А. Рачинским, посещал его имение Татеево, о чем оставил воспоминания¹.

Кроме того, С.Д. Шереметев состоял членом ряда благотворительных организаций, в том числе был попечителем странноприимного дома графа Шереметева (храм, больница, богадельня) в Москве (1871 – 1917 гг.). Говоря о благотворительной деятельности графа С.Д. Шереметева, важно отметить, что десятки людей из самых разных социальных групп обращались к нему со всех концов страны с просьбой о помощи, о выделении пособия, с просьбами о содействии в устройстве на службу и с благодарностями за высокие награды. Часть их писем к графу сохранилась в его фонде, хранящемся в РГИА. К примеру, вдова бывшего инспектора народных училищ Полтавской губернии, статского советника Владимирского Александра Владимирская просила у графа С.Д. Шереметева ежегодное пособие за службу умершего мужа². Бывший певец Чудовского хора Корнилий Григорьевич Синемник в 1904 г. просил у Шереметева также выделывать ему пособие³. Студент из Одессы Никита Александрович Лазарев-Станищев также просил у Шереметева вспоможения, но по неизвестным причинам получил от него отказ⁴. Этот студент собирался учиться в Томском университете, но у него не было денег даже на проезд до Томска. Некто В. Ивановский просил графа С.Д. Шереметева, чтобы его брату, судье на Ижевских заводах Вятской губернии, выдали пособие⁵. Протоиерей Александр Благовещенский просил Шереметева, чтобы ему повысили жалование из конторы графа Шереметева вследствие «обнищания»⁶. Документ точно не датирован, но, судя по контексту, речь идет о периоде начала Первой мировой войны, скорее всего, о 1914 году. В резолюции графа С.Д. Шереметева, сохранившейся в архиве, говорится о том, что граф Шереметев готов прибавить священнику в год 200 рублей «в виду исключительного времени» на время войны, начиная с декабря⁷.

Важную роль в годы Первой мировой войны играл странноприимный дом графа. Лазарет странноприимного дома был оборудован в находящихся в саду при странноприимном доме двух деревянных бараках, сооруженных на пожертвования Шереметева. Из сорока коек две предназначались для раненых

¹ Шереметев С.Д. Татеево (с. Молодой Туд, 26 июля 1898 г.) / Материалы впервые опубликованы на сайте Прихода Никольской церкви в селе Ромашково [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.romashkovo.org/vifesda/materials/2008/14.html>

² А. Владимирская – С.Д. Шереметеву. 1902 г. // РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 113. Л. 129.

³ К.Г. Синемник – С.Д. Шереметеву. 1904 г. // Там же. ЛЛ. 130 б – 130 б об.

⁴ Н.А. Лазарев-Станищев – С.Д. Шереметеву. Декабрь 1903 – январь 1904 гг. // Там же. ЛЛ. 130 г – 130 г об.

⁵ В. Ивановский – С.Д. Шереметеву. 22 марта 1904 г. // Там же. ЛЛ. 130 ж – 130 з.

⁶ А. Благовещенский – С.Д. Шереметеву // Там же. ЛЛ. 146 – 146 об.

⁷ Там же. Л. 146.

офицеров, а 38 – для нижних чинов. Заведование медицинской частью лазарета было поручено старшему доктору Шереметевской больницы профессору С.Е. Березовскому. Кроме того, оставаясь попечителем странноприимного дома, граф Шереметев открыл тогда же в своем имении Михайловском Московской губернии военный лазарет имени своего покойного сына графа Петра Сергеевича Шереметева «для поселения выздоравливающих и нуждающихся в отдыхе четырех офицеров и 12 нижних чинов, эвакуированных из лазарета странноприимного дома»¹.

С.Д. Шереметев был непосредственно связан с черносотенным движением, активно участвовал в работе старейшей черносотенной организацией – Русского собрания. В фонде графа, хранящемся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ, содержатся: 1). Пригласительный билет Харьковского отдела Русского собрания (1903 г.); 2). Объявление Комитета старшин Русского собрания в Варшаве о докладе профессора Д. В. Цветаева (1904 г.); 3). Речь профессора Д.В. Цветаева на открытии Всероссийского съезда Русского собрания в Санкт-Петербурге (8 января 1906 г.); 4). Обращение Совета к членам об усилении взносов на издание «Вестника Русского собрания» (1904, 1906, 1909 гг.)².

Граф С.Д. Шереметев был крупным землевладельцем (владел более 240 тысячами десятин земли в 11 губерниях империи), домовладельцем (имел три дома в Петербурге и два в Москве), владельцем трех винокуренных заводов и склада вин, миллионером (его состояние оценивалось более чем в 10 млн руб.), коллекционером антиквариата. Жил Шереметев попеременно в Санкт-Петербурге (в знаменитом «Фонтанном доме», являвшимся культурным и интеллектуальным центром столицы, Фонтанка, д. 34) и в Москве (Воздвиженка, д. 8).

С.Д. Шереметев – автор более 250 публикаций по истории, генеалогии и культуре России (которые, как правило, подписывал не полным именем, а тремя буквами: «Г.С.Ш.» – граф Сергей Шереметев). Он был публикатором уникальных документов из семейного архива, основал и редактировал исторический сборник «Старина и новизна» (1895 – 1917 гг.). На личные средства граф подготавливал и издавал русские летописи, грамоты, писцовые книги, исторические акты, в том числе рукописи из семейного архива. Вместе с женой Екатериной Павловной (урожденной княжной Вяземской), внучкой поэта П.А. Вяземского (1849 – 1929), Шереметев восстановил родовую усадьбу Вяземских Остафьево и в 100-летний юбилей А.С. Пушкина открыл там общедоступный музей.

Отметим, что граф С.Д. Шереметев, который в большей степени был склонен к научно-историческим занятиям, при этом сохранял дружеские и теплые

¹ Лазарет странноприимного дома гр. Шереметева // Утро России. 1914. 15 августа.

² НИОР РГБ. Ф. 341. Оп. 1. Папка 7. Д. 35/1 – 5. ЛЛ. 1 – 6.

отношения с императором Александром III, посвятил ему часть своих воспоминаний, в которых, в частности, писал: «Не так ли у нас на Руси сменяющиеся облики Самодержцев, не равной величины и значения, завершились могучим воплощением Русского Царя в лице Александра III-го. Великий молчаливый и мудрец не дожидаясь до рубежа столетия, но дух его умереть не может, и в судьбах грядущих России отразится навек его величавый, лучезарный, возвышающий душу образ»¹. Также Шереметев был твердо убежден, что при Александре III революция в России была бы невозможна.

Из воспоминаний современников мы знаем, что графы Шереметевы часто проводили у себя костюмированные балы. В частности, такой бал состоялся в 1903 году². Цвет русской интеллигенции, выдающиеся литераторы и композиторы были хорошо знакомы с графом Шереметевым. В частности, сохранились письма графа к поэту А.Н. Майкову³.

Консервативность своих взглядов Шереметев выказал еще в 1897 году в записке, поданной императору, в которой отмечалось: «Россия развилась и создалась самостоятельно, а потому все существенное в ней является самобытным; и Церковь, при всем вселенском ее значении, самобытна, и монархия ее самобытна; самобытно и ее дворянство...»⁴.

Правомонархические воззрения графа С.Д. Шереметева также наглядно характеризует следующее свидетельство, относящееся к осени 1905 года. Сразу после выхода Манифеста 17 октября 1905 года граф написал в.к. Владимиру Александровичу в Царское село: «Еще никогда во всю жизнь не испытывалось такого гнетущего, невыносимого и оскорбительного чувства, которое наступило теперь, при наступившей, можно сказать, поистине «анархии» и какой-то роковой правительственной беспомощности. Национальное чувство никогда не было так глубоко унижено и оскорблено всячески. Видим странные, случайные, непоследовательные, то медлительные, то поспешные действия, никого не успокаивающие, а только усиливающие хаос. Наш исконный стяг зловеще застилается туманом, и государственная мысль не воплощается в деяния твердые, определенные, ясные. Отрезанный ото всего, страдая физически и нравственно, решаюсь, побуждаемый мыслью и сердцем, подать голос Вам, Ваше Императорское Высочество, страдающему не менее всех нас! Да услышит Господь наши молитвы в годину горя и испытаний великих и да усмирит нашу жизнь!»⁵

¹ Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 617.

² Вырубова А.А. Страницы моей жизни. М., 2000. С. 27.

³ РО ИРЛИ РАН. Ф. 168. Ед. хр. 16.978/С VIII б 5.

⁴ Цит. по: Иванов А.[А.], Стогов Д.[И.] Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600.

⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5050. Л. 116 об.; Мемуары графа С. Д. Шереметева. М., 2001. С. 6.

Другой пример. В 1904 г., во время работы Сельскохозяйственного совещания, Шереметев, слывший реакционером, подал заявление о желании присоединиться «к мнению меньшинства», так как, по его мнению, данное учреждение «вело политику с уклоном в сторону либерализма»¹.

Стоит отметить, что еще в 1909 г. вынашивалась идея объединения старейшей черносотенной организации – Русского собрания, одним из активных членов которого также был С.Д. Шереметев, с Обществом ревнителей русского исторического просвещения. С этой инициативой обратился к С.Д. Шереметеву председатель Совета Русского собрания кн. Михаил Львович Шаховской². Он отмечал, что «в среде членов Русского собрания возникла мысль об объединении деятельности «Общества ревнителей русского исторического просвещения в память Императора Александра III» как близко стоящих друг к другу по своим задачам и целям», причем эта мысль «встретила сочувствие» со стороны Общества ревнителей русского исторического просвещения. В ходе переговоров, осуществлявшихся Шаховским с Шереметевым, выяснилось, что для осуществления этой задачи «полезно бы было избрать от каждой организации по одному уполномоченному для выработки главных оснований объединения деятельности, проект этот обсудить в подлежащих управлениях, входящих в соглашение обществ, и затем подвергнуть рассмотрению и утверждению в подлежащих собраниях». Уполномоченным для означенной цели от Совета Русского собрания был избран его председатель кн. М.Л. Шаховской³. Вместе с тем, как известно, объединение этих двух право-консервативных организаций так и не состоялось. Видимо, главной причиной такого поворота событий была болезнь ведущего инициатора этого объединения М.Л. Шаховского, который 9 мая 1909 г. покинул Петербург, уехал в Харьков, а затем в Крым. В октябре того же года Шаховской был вынужден сложить с себя полномочия председателя Совета Русского собрания, а вместо него 25 октября 1909 г. был избран член Государственного совета кн. А.Н. Лобанов-Ростовский, который до 1912 г. и руководил Русским собранием⁴.

На протяжении многих лет своей жизни граф С.Д. Шереметев вел дневник, который в настоящее время хранится в фондах РГАДА в виде отдельных тетрадей. Судя по сохранившимся до наших дней дневниковым записям графа, он вел дневник систематически, регулярно. Сохранился дневник Шереметева за 1877 г.⁵, однако дневниковые записи за 1878 – 1893 гг. полностью

¹ Клячко (Львов) Л. Звездная палата // Минувшие дни. Иллюстрированный исторический альманах / Под ред. М.А. Сергеева и П.И. Чагина. Л., 1928. № 3. С. 27.

² М.Л. Шаховской – С.Д. Шереметеву. 9 января 1909 г. // РГИА. Ф. 1088. Оп. 2. Д. 105. ЛЛ. 1 – 1 об.

³ Там же. Л. 1.

⁴ Степанов А.[Д.] Русское собрание // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 473.

⁵ РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5040.

отсутствуют. Затем, с 1894 по 1917 гг., дневники графа сохранились практически полностью¹, за исключением 1901 г.

До настоящего времени в историографии господствовал тезис о том, что С.Д. Шереметев крайне отрицательно воспринял февральские события 1917 года. Об отречении царя от престола граф говорил, как о «самоубийстве русской государственности»². Архивные изыскания позволяют несколько скорректировать этот уже устоявшийся за последние годы в науке тезис. В дневнике С.Д. Шереметева за 1917 г., в записи от 28 февраля 1917 г., сделанной автором дневника в Петрограде, читаем буквально следующее: «Утром появился новый революционный листок, извещающий о совершающемся «перевороте»! Вот и дожили до праздника! Упорство бессильной и ненормальной власти женщины привело к тому, что многие предвидели. Правительство исчезло. Из Думы исходит новая власть, новое правительство во главе с Родзянкой. [...] Газет нет, почта задержана, нельзя ни говорить по телефону, ни писать. Арестованы все Распутинцы, вся сволочь. Гов[орят], будто в.к. Михаил Александрович на днях был в Думе, которая превратилась в Учредительное собрание. Это большая победа Вильгельму. Никто не интересуется взятием Бомбея... Все жаждут порядка и мятежники разыгрывают роль водителей этого порядка. Родзянко лицо подставное. Он груб – и не прочен. За ним, по-моему, лукавый Гучков и ему подобные»³.

Итак, судя по тому, что императрица Александра Федоровна («упорство бессильной и ненормальной власти женщины») и Г.Е. Распутин упомянуты автором дневника в крайне негативном ключе, гр. С.Д. Шереметев разделял тезис многих правых, считавших, что крах монархического строя в России был неизбежен, и что в этом крахе виноваты сами представители правящей династии. К примеру, весть о падении самодержавия была воспринята идеологом «монархической государственности» Л.А. Тихомировым, по сути дела, с радостью: «...Можно надеяться, что Временное правительство поддержит порядок и защиту страны, – писал он в своем дневнике 2 марта 1917 года. – Если это будет так, то нужно признать, что переворот произведен замечательно ловко и стройно [...] Династия, видимо, сгнила до корня...»⁴.

Впрочем, вскоре после Февраля 1917 г. под влиянием последующих событий С.Д. Шереметев и близкие к нему люди в некоторой степени скорректировали свою точку зрения на все происходящее. Уже 2 марта в письме из Петрограда к В.Н. Коковцову граф дает такую оценку текущим политическим событиям: «Какой же исход? До чего мы дойдем без поддержки лучших сил

¹ Там же. Д. 5041 – 5062.

² Цит. по: Иванов А.[А.], Стогов Д.[И.] Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600.

³ Дневник С.Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. ЛЛ. 33–34.

⁴ Цит. по: Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. М., 2006. С. 308 – 309.

страны? То, что приходит в голову, – не хочется выговорить. Готов приветствовать все касающееся блага «обновления» страны, но возрождения «пугачевщины» и [...] грубых вожделий приветствовать не могу»¹. При этом Шереметев замечает, что сильно обескуражен всем происходящим, и пишет Кокцову, дабы «отвести душу», чувствуя «потребность высказаться»².

Озабоченность в связи с «пугачевщиной» выражали друзья, знакомые, соратники графа. Так, архиепископ Анастасий (Грибановский) в письме С.Д. Шереметеву 13 июня 1917 г., в частности, писал: «Напрасны для нас уроки прошлого: мы все забыли и ничему не научились. Меня глубоко огорчает стремление некоторых богословов оправдать все крайности настоящего движения с точки зрения Евангелия, которое стоит неизмеримо выше идей нашего времени и проповедует свою «свободу», а не свободу века сего. Впрочем, слава Богу, что здравый смысл русского народа проясняется. Из недр самой русской земли исходит естественная реакция против крайних разрушительных течений наших дней. Там и здесь слышатся отдельные и часто еще робкие голоса благоразумия и государственного разума, которым остается собраться вместе, чтобы быть услышанными»³.

После Февраля 1917 г. С.Д. Шереметев пытался поддерживать отношения с представителями свергнутой династии. Так, 1 апреля 1917 г. он написал письмо в.к. Михаилу Александровичу, дабы поприветствовать его. «Примите горячие пожелания возможного земного счастья многострадальному отечеству нашему и всем его любящим превыше всего. Дерзаю напомнить об обещании портрета, которым Вы меня глубоко утешили»⁴, – говорится в черновике письма.

Однако граф так и не послал это письмо. Произошло это, со слов самого Шереметева, «по многим причинам, побуждающим к вящей осторожности ради адресата»⁵. При этом граф сослался на следующие слова из Священного Писания: «Блюдите, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри, искупующе время, яко дние лукави суть» (Еф. 5; 15–16)⁶.

В апреле 1917 г. вся семья Шереметевых была вынуждена покинуть Петроград и переселиться в Москву (произошло это 11 апреля), которую С.Д. Шереметев называл не иначе как «преступным городом»⁷.

¹ Дневник С.Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 38.

² Там же.

³ Письма архиепископа Анастасия (Грибановского) графу С.Д. Шереметеву // «И даны будут жене два крыла». Сборник к 50-летию Сергея Фомина. М., 2002. С. 628; См. также подлинник письма: РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 6413. ЛЛ. 5 – 8 об.

⁴ Дневник С.Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 57 об.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Иванов А.[А.], Стогов Д.[И.] Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600; Дневник С.Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 64.

Крайне отрицательно воспринял С.Д. Шереметев Октябрьскую революцию 1917 г. Проживая в Москве, на Воздвиженке, буквально в двух шагах от Кремля, он стал очевидцем кровавых событий конца октября – начала ноября 1917 г.

27 октября, в пятницу, в своем дневнике граф отмечал, ссылаясь на сообщения из газет, что «создавшееся положение при двойной революции очень удручительно»¹. При этом он передает распространенный слух, согласно которому крейсер «Аврора» якобы обстреливал Зимний дворец².

28 октября, в субботу, Шереметев был разбужен в четвертом часу ночи орудийным выстрелом со стороны Кремля³. «Слухи противоречивы: ни понятно, на чьей стороне успех... Газет нет», – замечает он в дневнике⁴. 29 октября, в воскресенье, выстрелы продолжились из ружей, орудий и пулеметов⁵. 1 ноября, в среду, в районе Кремля слышался постоянный гул орудий⁶. По-прежнему раздавались выстрелы и 2 ноября⁷.

Оценивая происходящие революционные события, 13 ноября, в понедельник, гр. С.Д. Шереметев записал в дневнике: «Когда пришло вечернее время, состояние удрученности продолжается – и приближение Лениновщины сжимает сердце, с правительством никто не желает иметь дело отыскивать хорошо спрятанного Керенского, имя которого стало всем ненавистно. Но каждый лишний день этого господства большевиков грозит бедствием. Вот и дошли до предела. К чему вся эта мерзость – [...] великая тайна Божия»⁸.

В написанном чуть позже (20 ноября) письме к некоему великому князю (его имя в черновике письма не указано; возможно, это в.к. Михаил Александрович), С.Д. Шереметев писал: «Ваше Императорское Высочество. Соболаговолите передать Его Величеству мою беспредельную благодарность за добрые строки, меня глубоко умилившие. Буди десница Господня над Вами. Мы пережили в Москве вторую революцию. Но, слава Богу, избегли расстрела и опасности. Доблестные юнкера исполнили свой долг. Теперь в Кремль еще не пускают. Чинятся и количество повреждений преувеличено. Избрание Патриарха меня утешает. Все совершилось во время бомбардировки. Современное положение не может держаться»⁹.

Отметим, что особую надежду на изменение сложившейся ситуации граф возлагал на только что избранного Поместным собором Святейшего Патриарха Тихона. 1 декабря 1917 г. Шереметев написал ему письмо, в котором

¹ Дневник С.Д. Шереметева за 1917 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5062. Л. 136.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 187.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 139.

⁷ Там же.

⁸ Там же. Л. 145.

⁹ Там же. Л. 148.

выразил радость и удовлетворение в связи с избранием предстоятеля Церкви: «В этой кажущейся новизне старина наша слышится и мы счастливы, что дожили до этого дня. Как коренной москвич, я был бы счастлив принять благословение Вашего Святейшества и лицезреть завершение чаяния веков с возвратом церковной самостоятельности, которой не к добру были лишены. Да поможет Вам Господь повести нашу исстрадавшуюся Церковь ко спасению Православной Руси!»¹

Как и многие другие современники, С.Д. Шереметев не верил в прочность новой советской власти. Так, 1 января 1918 г., в пятницу, граф записал в дневнике: «Теперь явочным порядком и [...] незаконно объявлена «Республика», не дождавшись голоса всей страны. Долго ли продержится сия мертворожденная. А пока очень тяжело»².

Анализируя дневниковые записи С.Д. Шереметева за 1917 – начало 1918 гг., можно прийти к выводу, что, как представитель титулованного дворянства, один из крупнейших помещиков России, монархист, черносотенец по убеждению, он не принял ни Февральскую, ни Октябрьскую революции. Вместе с тем дневниковые записи свидетельствуют о его весьма скептическом отношении к представителям правившей династии (прежде всего, это относится к императрице Александре Федоровне). Февральскую революцию он определял как неизбежность, обусловленную полным разложением и крахом правящей верхушки. Октябрьская же революция 1917 г. в его глазах выглядит как неизбежное продолжение Февральской. Как верующий православный христианин, он определяет все происходящее действием промысла Божьего. Тем не менее, Шереметев верил в скорое падение большевиков, а надежду на дальнейшее возрождение России возлагал на избранного Поместным собором Патриарха Тихона.

Следует отметить, что восприятие большевизма как заслуженной Божией кары было характерно не только для С.Д. Шереметева, но и для некоторых других черносотенцев. Например, член Главного совета Союза русского народа, приват-доцент римского права Б.В. Никольский писал Б.А. Садовскому 8 (21) апреля 1918 г.: «...Остается ответить на Ваш вопрос об испанском подданстве. Не Вы первый хватаетесь за такую мысль, и не Вам первому я отвечаю: бросьте, будьте мужчиной, а не истерическою женщиною, мечущую в трудную минуту от одной беспочвенной фантазии к другой. Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов, Штюрмеров и Протопоповых? Ничем. Россиею правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах...»³.

Принимая слова Священного Писания «нести власти, аще не от Бога» (Римл. 13, 1), Никольский, как и С.Д. Шереметев, относился к революции как

¹ Там же. Л. 157.

² Там же. Л. 173.

³ РГИА. Ф. 1006. Оп. 1. Д. 2 (по старой нумерации 4 а). Л. 186 а.

к Божьей каре за предшествовавшее ей отступление народа от веры, за творимые им беззакония.

В заключение остается сказать несколько слов о последующей судьбе гр. С.Д. Шереметева. После октября 1917 г. он, по-прежнему, проживал в московском доме на Воздвиженке. С приходом к власти большевиков все имущество Шереметевых было национализировано. В ноябре 1918 г. во время обыска у графа были конфискованы вся переписка, дневники, ценные вещи на 10 млн рублей золотом. Судя по всему, чекисты намеревались арестовать и самого Шереметева, однако, увидев, что он лежит в постели с гангреной ног, трогать его не стали. 13 ноября 1918 г. С.Д. Шереметев писал князю Н.С. Щербатову: «Дорогой Князь, Вы знаете, ныне арестованы после обыска четыре сына и оба зятя, [...] мне нездоровится, да и трудно поправиться...»¹. Буквально через месяц, на 75-м году жизни, граф скончался в Москве. С.Д. Шереметев был похоронен за оградой московского Новоспасского монастыря (так называемое Новое кладбище), т.к. захоронения внутри обители новыми властями были к тому времени уже запрещены.

Тарасов К.А.

***Общеполковые собрания как институт прямой демократии в 1917 г.
(на материалах Петроградского гарнизона)***

Исходя из тезиса о преобладании политически незрелого, неграмотного крестьянства в армии, характеристики преобладания в его сознании традиционалистских установок, поведение военнослужащих в 1917 г. интерпретируется как «солдатская вольница», «солдатский бунт». Эти оценки, наряду с констатацией определяющего значения солдат в революции, утвердились в историографии после распада Советского Союза².

¹ Иванов А.[А.], Стогов Д.[И.] Шереметев, гр[аф] Сергей Дмитриевич // Черная сотня. Историческая энциклопедия. С. 600.

² Старцев В.И. Человек с ружьем в Октябре // Октябрь 1917 года: событие века или величайшая катастрофа? М., 1991. С. 151 – 156; Булдаков В.П. Истоки и последствия солдатского бунта: психология «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция. От новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208 – 217; Люкшин Д.И. Солдаты тыловых гарнизонов: от колебания к бунту // 1917 год в исторических судьбах России. М., 1993; Ильюхов А.А. Роль солдат в революции 1917 г., или кто «делал» революцию в Смоленской губернии // Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998; Диунов М.Ю. Беспорядки в Ярославском гарнизоне (осень – зима 1917 г.) // «От мудрости и святости былого...» VII Тихомировские краеведческие чтения. Ярославль, 1999; Плешаков Н.И. Тыловые гарнизоны Первой мировой войны (на примере Саратовской губернии) // Доклады Академии военных наук. Военная история. 2006. № 5 (23); Сапон В.П. Восстание солдат Нижегородского гарнизона в июле 1917 г. По материалам местной периодической печати и воспоминаниям участников событий // Военно-исторический журнал. 2010. № 10. С. 3 – 8.

Однако стоит внимательнее присмотреться к политической истории солдатского движения, чтобы усомниться в такой прямолинейной трактовке. Представляется, что некоторые политические действия солдат означали попытку применения прямой демократии как наиболее понятной им формы народовластия, при которой источником власти понимается народ, решения принимаются непосредственно гражданами.

Началом, так называемой, демократизации армии послужил Приказ № 1 Совета рабочих и солдатских депутатов. Он поколебал традиционную систему единоначалия в армии. Беспрекословное выполнение приказов офицерства во многих воинских частях сошло на «нет». Благодаря Приказу № 1 значительную роль в жизни запасных батальонов стали играть выборные комитеты.

Еще в Приказе № 1 значилось, что «во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам»¹. Формально подчинение Совету являлось актом свободной воли членов комитетов². Но, в итоге, на практике комитеты стали проводником влияния Совета рабочих и солдатских депутатов и полностью подчинились ему. Эта тенденция отразилась в резолюции общего заседания всех ротных, полковых и батальонных комитетов в Таврическом дворце 21 марта. Согласно ей, Совет провозглашался высшим руководством солдатских организаций. Кроме того, ротные, полковые и прочие комитеты объявлялись «органами» Совета на местах. Задним числом представители рот в Совете были включены в комитеты³. Как резюмирует ситуацию историк А. Уайлдман, «комитеты стали ответвлением “демократической власти” в Петрограде, вместо того чтобы быть представительным органом и голосом “революционных масс” на местах»⁴. Однако утверждению новой системы военного самоуправления предшествовал период, когда комитетам приходилось ограничивать инициативу «снизу».

Так, на заседании комитета запасного батальона Егерского полка 11 апреля выяснилось желание 4-й роты «путем манифестации к Государственной думе выразить требование егерей отправления на фронт б[ывших] полицейских чинов». Подобное желание объяснялось уже привычными шествиями солдат с плакатами к Таврическому дворцу. Однако большинством голосов комитет отклонил предложение о манифестации. Вместо этого постановили избрать делегацию от комитета и рот в Совет рабочих и солдатских депутатов для выяснения вопроса о полицейских⁵. Аналогичная ситуация, когда солдаты

¹ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 189.

² См.: «Проект положения о ротных и полковых комитетах» (Известия. 1917. 22 марта).

³ Дело народа. 1917. 22 марта.

⁴ Уайлдман А.К. Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 23. См. также: Wildman A.K. The End of the Russian Imperial Army: The Old Army and the Soldiers' Revolt (March – April, 1917). Princeton, 1980.

⁵ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 1. Л. 37.

стремились действовать без посредничества комитетов, отмечалась в апреле в запасном батальоне Гренадерского полка и во 2-м запасном пулеметном полку¹.

Подобным способом подавлялась «чрезмерная» с точки зрения комитетов политическая активность рядовых солдат, вступавших в конфликт со сложившимися в ходе революции представительными структурами. Собственное мнение солдаты должны были выражать через своих представителей. Но часть солдат пыталась включиться в процесс принятия общеобязательных решений, хотела напрямую влиять на высшие государственные органы.

Под влиянием этой идеи стали создаваться фактически параллельные комитетам органы управления полком – полковые собрания. Появление и распространение общеполковых собраний относится еще к первым месяцам революции. Обращение к мнению большинства военнослужащих войсковой части для решения важных вопросов было характерной чертой политической жизни Петроградского гарнизона. Первые общеполковые собрания выбирали членов батальонных комитетов и принимали решения об удалении неугодных офицеров. Но и далее многие вопросы выносились на общее обсуждение полка, а в некоторых случаях его решение было более авторитетным.

По свидетельству прапорщика 3-го пехотного полка Л.Д. Андреева, постановления полкового комитета и общеполкового митинга могли полностью расходиться, но обязательным для всех солдат считалось второе². Прапорщик С.П. Ананьин в своих показаниях Особой следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления 3 – 5 июля 1917 г. упомянул, что митинг в 1-м пехотном запасном полку организовывали «для санкционирования постановления по тому же вопросу полкового комитета», «так как таковой считали действительным выражением мнения полка»³. По выражению прапорщика 1-го пулеметного полка Л. Карадга-Карбута, после начала революции «все дела, все распоряжения и приказания стали ими [солдатами полка – К.Т.] обсуждаться сообща»⁴. Прапорщик этого же полка О.Н. Дюшен передавал слова солдат своей роты: «Мы сами не можем решить, а будем делать то, что весь полк решит»⁵.

Попытки проведения непопулярных мер (отправка маршевых рот, отмена отпусков, выбор плаката для демонстрации) в ряде запасных воинских частей

¹ ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 175; Большевизация Петроградского гарнизона. Л., 1932. С. 68 – 69.

² ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 2. Л. 13 об.

³ Следственное дело большевиков: Материалы Предварительного следствия о вооружённом выступлении 3 – 5 июля 1917 г. в г. Петрограде против государственной власти. Июль – октябрь 1917 г. М., 2012. Кн. 1. С. 280.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л. 38.

⁵ Там же. Л. 80 об.

приводили к сложению полномочий членов комитета, когда их мнение расходилось с мнением общего собрания¹. Они интерпретировали решения собраний как выражение недоверия. Комментируя случаи самороспуска комитетов, историк В.И. Миллер пришел к выводу, что комитеты признавали преимущество общих собраний и считали правомерным свое существование в данном составе лишь до той поры, пока они выражали точку зрения своих избирателей².

Перевыборы полковых комитетов были настолько распространенным явлением, что член ЦК трудовой народно-социалистической партии подпоручик В.Б. Станкевич посвятил этому вопросу статью в одном из майских номеров «Голоса солдата». В ней он описывал ситуацию следующим образом: «В последнее время с разных сторон стали поступать сведения, что решения и постановления солдатских комитетов не проводятся в жизнь потому, что солдатская масса отказывается им подчиняться. Не подчиняющиеся при этом рассуждают таким образом: комитеты выбраны нами и должны исполнять нашу волю; раз мы с их решением не согласны, значит, они постановили неправильно; значит – мы можем им не подчиняться»³. Далее В.Б. Станкевич писал, что к перевыборам комитетов солдаты должны прибегать в самых крайних случаях, когда «солдаты видят, что иным способом нельзя достигнуть правильной деятельности комитета»⁴.

Наиболее ярким примером того, о чем писал В.Б. Станкевич, было повластное и популярное собрание запасного батальона Московского полка. Постепенно под влиянием различной партийной агитации, решение вопросов внутривойсковой жизни перестало быть компетенцией солдатского комитета, и перешло к собранию всего полка. С начала апреля по июль 1917 г. комитет переизбирался четыре раза, каждый раз, когда вставал вопрос об отправке пополнений на фронт⁵.

Согласно выводам Особой следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления этого полка 3 – 5 июля, «руководителем жизни и

¹ РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 345; Голос солдата. 1917. 4 июля.

² Миллер В.И. Революция в России. 1917 – 1918. Проблемы изучения // Миллер В.И. Осторожно: история! М., 1997. С. 48.

³ Станкевич В. Солдатское самоуправление // Голос солдата. 1917. 9 мая. См. о Петроградском батальоне: РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.; о 1-ом пулеметном полку: Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. СПб., 2003. С. 345; о Гренадерском батальоне: Голос солдата. 1917. 4 июля; о Московском батальоне: ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. ЛЛ. 80 – 85; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 4. Л. 67.

⁴ Станкевич В. Солдатское самоуправление // Голос солдата. 1917. 9 мая.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 1. Л. 17об.

выразителем настроений солдат» являлись полковые митинги, которые проводились ежедневно¹. Поскольку подобным образом комитет ставился в зависимость от решений солдат, его роль в управлении снижалась. По заключению Особой следственной комиссии, комитет запасного батальона Московского полка, складывающий полномочия после каждого выражения недоверия к нему, перестал пользоваться уважением среди солдат².

Общеполковые собрания стали важным инструментом большевиков для распространения своего влияния в Петроградском гарнизоне. Вопрос о прямой демократии в солдатском самоуправлении стал важной частью их агитации. В 180-м пехотном запасном полку большевик С.А. Ракчеев призвал солдат: «С властью мы считаться не должны, вся власть это мы»³. В 1-м пулеметном полку местные большевики вели агитацию за то, чтобы солдаты подчинялись только людям «из народа»⁴. Аналогично в запасном бронедивизионе офицер-большевик А.Е. Калашников требовал от комитета подчинения желанием «массы» и говорил: «Если масса выступает, то мы должны ей подчиниться»⁵. Прапорщик 1-го пулеметного полка О.Н. Дюшен писал о прапорщике А.Я. Семашко, пользовавшегося большим авторитетом в полку: «Так, он говорил, что всякие вопросы должны решаться ни командиром или высшим начальством, ни полковым комитетом, а только лишь властью общего собрания полка»⁶.

Общеполковыми собраниями большевики пользовались в случаях несогласия с комитетом. Подпоручик 1-го пехотного запасного полка М.М. Устиновский свидетельствовал, что большевик прапорщик В.В. Сахаров в комитете часто способствовал проведению своих идей, угрожая обратиться к полковому собранию, где, по-видимому, рассчитывал на легкий успех⁷.

В 180-м пехотном запасном полку, где заместителями председателя комитета были большевики прапорщик И.В. Куделько и рядовой С.В. Кузнецов, проводилась та же практика. Если же общее собрание членов ротных и батальонного комитетов и офицеров, руководителем которого был еще в мае избран сторонник большевиков прапорщик Д.И. Долматов, не удавалось склонить в нужную сторону, вопрос окончательно разрешался на полковом митинге⁸.

Благодаря общеполковым собраниям, большевикам удалось повысить свой авторитет среди солдат. В 3-м пехотном запасном полку, как писал прапорщик Н.В. Никольский, харизматичный оратор «межрайонец» ефрейтор

¹ Там же.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 12а. Л. 33 об.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. ЛЛ. 173 об. – 174.

⁵ ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 17. Л. 39.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. ЛЛ. 80 – 80 об.

⁷ ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 8. Л. 126.

⁸ Там же. Д. 12а. Л. 3; Там же. Д. 12б. Л. 123; РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 490. Л. 19.

М.П. Толкачев и его союзники из большевистской ячейки «были кумирами полка». Солдаты воспринимали большевиков как «ярких поборников их интересов», считали их «выразителями своих идеалов и стремлений»¹. В 1-м пулеметном полку не менее известный оратор большевик прапорщик А.Я. Семашко пользовался такой популярностью, что общим собранием был выбран командиром полка. Прапорщик Т.Ф. Данилов передавал, что не раз слышал, как солдаты кричали Семашко после выступлений: «Наконец-то нашелся человек, который идет за нас!»². В ряде случаев апелляция к общим собраниям позволила членам партии большевиков занять места в переизбранных комитетах³.

В то время как партии советского большинства опирались на комитеты, агитаторы партии большевиков и их союзников обращались непосредственно к «массе». Общеполковые собрания стали тем институтом, с помощью которого большевикам и их союзникам удалось создать альтернативный центр власти в запасных воинских частях. Чем более популярным было собрание, тем слабее были позиции умеренных сил в полку. Для некоторых запасных воинских частей (Московский батальон, 1-й и 180-й пехотные, 1-й пулеметный запасные полки) полковые митинги стали единственной правомочной властью. К ним чаще обращались, поскольку решение санкционировалось общим мнением солдат всего полка.

То, что полковые собрания в некоторых запасных воинских частях стали авторитетной властью, доказывает развитие Июньского и Июльского кризисов. Историк Г.Л. Соболев подробно рассмотрел события в Петроградском гарнизоне, связанные с отменой большевистской демонстрации 10 июня. Он привел данные о том, что сложнее всего делегатам Совета пришлось в запасных батальонах Московского, Гренадерского и Павловского полков, а также в 3-м пехотном и 1-м пулеметном полках. Здесь, чтобы отговорить солдат от выступления, ораторам пришлось вступить в полемику на общих собраниях, проходивших в этот момент⁴. В тех же полках, где за все решения отвечал комитет (запасные батальоны Волынского, Литовского и Преображенского полков), солдат просто ставили перед фактом отмены каких бы то ни было выступлений⁵.

Авторитет решений общих митингов определил развитие и Июльских событий. Прежде всего, «застрельщик» выступления – 1-й пулеметный полк – вынес решение об антиправительственной демонстрации на общем собрании. Позже, по показаниям многих очевидцев, пулеметчики, посланные в другие

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 1. Л. 108 об.

² Там же. Д.10. Л. 24 об.

³ Жизнь 50 дивизии. 1917. 8 июня; РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 78; Д. 12а, Л. 45; ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 9. Д. 221. Л. 187; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 25. Л. 30.

⁴ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 270 – 271.

⁵ Известия. 1917. 11 июня.

полки, признавались, что сами они были настроены против демонстрации, но вынуждены подчиниться мнению большинства¹. Во многих запасных воинских частях, присоединившихся к 1-му пулеметному полку, положительное решение было вынесено также после общеполкового обсуждения: 1-й, 3-й и 180-й пехотные полки, батальоны Павловского и Московского полков. На гарнизонном митинге в Петропавловской крепости было решено впустить кронштадтских матросов и приготовиться к обороне против правительственных войск 4 – 5 июля².

В тех полках, где сторонникам умеренного курса удалось взять верх, общеполковое собрание выносило решение не присоединяться к демонстрации. Так произошло, например, в запасном батальоне Вольнского полка. Большевик прапорщик Л.В. Горбатенко пытался провести решение о выступлении 3 июля через митинг, но он не смог склонить собрание в свою сторону³. Митинг во 2-м Балтийском флотском экипаже благодаря участию ораторов Исполнительного комитета большинством голосов вынес решение не выходить на улицы⁴.

Общеполковые собрания стали важным демократическим институтом периода революции, определяющим ее развитие. Они открыли для большего числа солдат возможность напрямую участвовать в политической жизни. Поскольку большая часть «солдатской интеллигенции» (унтер-офицеры, вольноопределяющиеся, писари) вошла в комитеты, произошел в определенной степени социальный раскол внутри многих запасных воинских частей. Комитеты в основном следовали умеренному курсу партий советского большинства.

Большевикам удалось использовать популярный способ осуществления народовластия в своих целях. Опираясь на него, они оказали противодействие партиям советского большинства и получили массовую поддержку солдат. Недовольство некоторыми мерами правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов, которое солдаты смогли выражать на общих собраниях, позволило создать мощное оппозиционное движение, завершившееся в конечном итоге приходом к власти левых партий в октябре 1917 г.

Кулегин А.М.

1-й Петроградский женский батальон: из истории формирования и действий (июль – ноябрь 1917 г.)

В 2014 году не только исполняется очередная, 97-я годовщина Октябрьской революции, но и широко отмечается 100-летие начала Первой мировой

¹ ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 11. Л. 230; ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 17. Л. 39 об.; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Д. 25. Л. 56 об.; ЦГИА СПб. Ф. 1695. Д. 20. Л. 93.

² ЦГИА СПб. Ф. 1695. Д. 43. Л. 2.

³ ГА РФ. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 349. Оп. 1. Д. 18. Л. 2.

войны. В этой связи хотелось бы вспомнить о необычной воинской части, которая была сформирована в Петрограде летом 1917 г. – 1-м Петроградском женском батальоне. Эта воинская часть оказалась, хотя во многом и невольно, вовлеченной в важнейшие события политической истории России октября 1917 г., а ее собственная история по-прежнему окружена многочисленными мифами.

В фондах Государственного музея политической истории России (ГМПРИР) сохранился редкий документ – датированное 26 октября 1917 г. постановление Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о немедленном освобождении 130 женщин Женского ударного батальона, находящихся в казармах Гренадерского полка¹. В памяти соотечественников о них остались лишь презрительные строчки В.В. Маяковского о «бочкаревских дурах»², бестолково пытавшихся защищать Зимний дворец в ночь Октябрьского переворота, но к создательнице первого женского воинского подразделения в рядах российской армии М.Л. Бочкаревой эти «воины» имели достаточно условное отношение.

Участница Первой мировой войны, храбрый унтер-офицер Мария Леонтьевна Бочкарева (1889 – 1920), в мае 1917 г., оказавшись в революционном Петрограде, пыталась воплотить в жизнь смелую идею – создать специальные воинские части из женщин-добровольцев и вместе с ними продолжать защищать Родину. Подобных частей до этого не было ни в одной из стран, участвовавших в мировой войне. Инициатива Бочкаревой получила одобрение военного министра Временного правительства А.Ф. Керенского и верховного главнокомандующего генерала А.А. Брусилова³. По их мнению, «женский фактор» мог оказать положительное моральное воздействие на разлагающуюся армию. Забегая несколько вперед отметим, что нужного результата не получилось. Сформированные женские подразделения вызывали у солдат, что фронтовиков, что тыловых гарнизонов лишь раздражение и злобу.

Но тогда идею поддержали и патриотические женские общественные организации. На призыв Бочкаревой и Женского Союза помощи Родине откликнулось свыше двух тысяч женщин. По распоряжению Керенского женщинам-солдатам выделили отдельное помещение на Торговой улице, отрядили десять опытных инструкторов для обучения их военному строю и обращению с оружием⁴.

23 июня 1917 г. «Женская команда смерти Марии Бочкаревой» отправилась на фронт. В ожесточенных боях с немцами под Сморгонью в начале июля 1917 г. отряд понес большие потери. 9 июля сама Бочкарева была контужена

¹ ГМПРИР. Ф. П-10095.

² Маяковский В.В. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 394.

³ Бочкарева М.Л. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001. С. 211 – 215.

⁴ Кулегин А.М. Звезда женского батальона. СПб., 2007. С. 4.

и отправлена в петроградский госпиталь. После выздоровления она получила приказ нового Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова сделать смотр женским батальонам, которые стали появляться в различных районах страны – Москве, Одессе и даже далеко Баку. Однако смотр московского батальона показал его полную небоеспособность¹. Расстроенная Мария возвратилась в свою часть, твердо решив для себя «больше женщин на фронт не брать, потому что в женщинах я разочаровалась»².

Возможно, в своих оценках боевой офицер М.Л. Бочкарева (за храбрость ей было присвоено звание подпоручика, а затем поручика) исходила из слишком завышенных критериев. В обстановке революционной смуты создать в сжатые сроки по-настоящему боеспособную часть было просто нереально.

Об этом свидетельствовал и опыт организации в Петрограде нового женского батальона. Его формирование происходило, начиная с конца июня 1917 г.³ в Инженерном замке⁴.

Ударница 1-го Петроградского батальона М. Бочарникова в своих мемуарах писала: «Первое впечатление – казалось, что я попала на луг, усеянный яркими цветами. Яркие сарафаны крестьянок, косынки сестер милосердия, разноцветные ситцевые платья заводских работниц, элегантные платья барышень из общества, скромные наряды городских служащих, горничных, нянек... Кого здесь только не было! ...Здоровенная бабища лет тридцати усиленно выпячивает и без того страшных размеров грудь, и за ее фигурой совсем не видно тоненькой соседки. Нос поднят кверху. Руки с ожесточением выкидывает вперед. А там, дальше, ухмыляясь, поминутно нагибая голову, чтобы взглянуть на свои ноги, которыми она усиленно отбивает шаг, плывет, по-видимому, мещанка. Некоторые маршируют, как заправские солдаты. Почти не касаясь земли, точно танцуя, движется хорошенькая блондинка. Не балерина ли?»⁵. Первоначально предполагалось, что в состав батальона войдет примерно 250 человек, т.е. примерно столько же, сколько входило в отряд Марии Бочкаревой⁶. В прессе его первоначально именовали по-разному: Женский батальон Женского военного союза, Женский батальон национальной обороны. Однако затем его численность, и подчиненность претерпели существенные изменения.

Согласно утвержденному положению батальон стал именоваться 1-м Петроградским женским батальоном, пользоваться правами отдельной воинской

¹ Бочкарева М.Л. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. С. 286.

² Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 8.

³ Астрахан Х.М. О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец // История СССР. 1965. № 5. С. 93.

⁴ Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 9.

⁵ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917 – 1918) // Добровольцы. М.: Русский путь, 2001. С. 174 – 175.

⁶ П. Ш-н. Новый женский «Батальон смерти» в Петрограде // Огонек. 1917. № 27. 16 июля. С. 426.

части, приравнялся к полку, и подчинялся непосредственно штабу Петроградского военного округа. По штату он состоял из четырех рот по 160 штыков, одной нестроевой роты (хозяйственной части), пулеметной команды с 8 пулеметами. Кроме того, в состав батальона входили команды пеших и конных разведчиков (70 человек), а также команда связи и саперная – 60 человек. Офицерский состав состоял исключительно из мужчин, в основном имевших фронтной опыт. По воспоминаниям штабс-капитана П.В. Шагала¹, командовавшего 3-й ротой Женского батальона, всего часть насчитывала 1000 женщин-солдат (их называли «доброволицами»), 12 офицеров и 3 унтер-офицеров. Командиром батальона был штабс-капитан гвардейского Кексгольмского полка А.В. Лосков². К началу октября 1917 г. в 1-м Петроградском женском батальоне числилось 1168 женщин-солдат и 17 офицеров³.

После первоначального обучения 7 августа 1917 г. батальон был перебазируется в район станции Левашово, где были более подходящие условия для организации боевой подготовки, и разместился в имении княгини Вяземской. Как вспоминал тот же П.В. Шагал, обучение было организовано вполне серьезно и принесло ощутимые плоды. Нестройная толпа, отправлявшаяся в начале августа с Финляндского вокзала в Левашово, стала постепенно превращаться в более-менее организованное подразделение. У женщин-солдат появилась даже некая гордость «своей части». «...никакой политической окраски у батальона не было, – категорически (возможно, даже слишком категорически) утверждал офицер, – не было также никаких разговоров о будущем политическом устройстве России. Это было объединением лучших честных русских девушек и женщин, которые хотели служить, даже неизмеримо

¹ Шагал Павел Васильевич (1896 – 1978), офицер русской армии. Родился в Санкт-Петербурге, в 1915 г. окончил Павловское военное училище и участвовал в Первой мировой войне в рядах 129-го пехотного Бессарабского полка. После Февральской революции, отказавшись присягать Временному правительству, был в апреле 1917 г. откомандирован в Петроград и в августе – октябре служил командиром роты 1-го Петроградского женского батальона. Пробравшись на Дон после Октябрьского переворота, поступил в Гвардейскую роту Добровольческой армии, в рядах Офицерского полка участвовал в Первом кубанском («Ледяном») походе, далее в основном служил в тыловых и комендантских частях. Эвакуировавшись из Крыма в октябре 1920 г., жил в Болгарии, с 1926 г. – во Франции. Оставил воспоминания о своей молодости [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://www.bfz.ru/?id=1594&mod=news>

² Шагал П.В. Из воспоминаний. Женский батальон // Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские). Опыт историко-генеалогического исследования. СПб., 2005. С. 234 – 235.

³ Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 3. С. 331.

больше, принести себя в жертву Родине»¹. В отличие от отряда М.Л. Бочкаревой, где преобладали выходцы из интеллигентных семей, в новый женский батальон стали активно записываться многие фабричные и заводские работницы. Популярный иллюстрированный журнал «Огонек» публиковал на своих страницах очерки и многочисленные фотографии, отражавшие будни женского батальона². Особенно любопытно и забавно сегодня смотрятся снимки, запечатлевшие обучение добровольцев ружейным приемам и их занятия по борьбе, которая «неизбежна при встрече с врагом»³. Предполагалось, что в конце октября батальон отправится на Румынский фронт. Однако судьба распорядилась иначе.

В ночь на 24 октября 1917 г. начальник штаба Петроградского военного округа генерал-майор Я.Г. Багратуни неожиданно вызвал батальон в Петроград для участия в параде⁴. На деле и командование штаба ПВО, и Временное правительство в тот момент куда больше было озабочено попытками организовать отпор начавшемуся выступлению большевиков.

Батальон прибыл к Зимнему дворцу 24 октября в 12 часов дня. Редкие негативы из фондов Государственного музея политической истории России запечатлели его бойцов на Дворцовой площади⁵. Штабс-капитану А.В. Лоскову было предложено оставить батальон для защиты Временного правительства. Однако командир батальона отказался, заявив, что «он не считает себя в праве дать свой батальон на защиту дворца, так как они организация не партийная, и существуют не для внутренних войн, а для защиты от внешнего врага»⁶.

Однако после парада на Дворцовой площади 2-я рота Женского батальона в составе 137 человек все-таки оказалась в составе гарнизона Зимнего дворца, который куда больше напоминал «сборную солянку», чем реальную боевую силу: казаки, юнкера пехотных, инженерных и Михайловского артиллерийского училищ. Для этого пришлось прибегнуть к откровенному обману. Роту оставили в Петрограде якобы для охраны бензиновых складов Нобеля, где в это время происходила забастовка, чтобы обеспечить беспрепятственную

¹ Шагал П.В. Из воспоминаний. Женский батальон // Коротенко В.В., Стеблин-Каменский И.М., Шумков А.А. Стеблин-Каменские (Стеблинские, Стеблин-Каминские) Опыт историко-генеалогического исследования. С. 239.

² П.Ш.-н. Новый женский «Батальон смерти» в Петрограде // Огонек. 1917. № 27. 16 июля. С. 426 – 427; П.Ш. Женский батальон национальной обороны // Огонек. 1917. № 30. 6 августа. С. 468 – 470; 1-й Петроградский батальон Женского военного союза // Огонек. 1917. № 33. 27 августа. С. 519.

³ П.Ш. Женский батальон национальной обороны // Огонек. 1917. № 30. 6 августа. С. 470.

⁴ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Документы и материалы. М., 1957. С. 281.

⁵ ГМПИР. Ф. IX- В12532, В30004.

⁶ Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. // ОР РНБ. Ф. 1000. Пост. 1957. Д. 25. Т. I. Л. 652.

транспортировку горячего. В начале ноября 1917 г. Петроградская городская дума заслушала на своем заседании гласную думы, члена ЦК кадетской партии А.В. Тыркову-Вильямс, которой было поручено выяснить судьбу женщин, принимавших участие в защите Зимнего. По ее мнению, большинство ударниц было абсолютно не в курсе развернувшегося в Петрограде политического противостояния и совсем не настроено защищать каких-то неведомых министров. Подобные действия военного командования Тыркова, явно вспомнив эпоху Смутного времени, назвала «тушинской авантюрой»¹. Когда днем 25 октября А.И. Коновалов, заменивший уехавшего из Петрограда Керенского, стал на заседании Временного правительства упрекать Я.Г. Баградуни за то, что тот не удержал весь женский батальон, начальник штаба ответил: «Мне было доложено, что на фронт они охотно идут, но вмешиваться в политическую борьбу не желают»².

Ударниц временно разместили в пустовавших комнатах Дворцового ведомства³. В фондах ГМПИР хранится негатив фотографии, на которой изображены солдаты женского батальона в одном из помещений Зимнего дворца⁴. Роте поручили оборонять юго-восточное крыло Зимнего со стороны Дворцовой площади. В течение дня они приняли участие в нескольких бескровных стычках. В частности, вместе с юнкерами бойцы женского батальона отеснили красногвардейцев и на некоторое время установили контроль над Николаевским мостом⁵.

К вечеру 25 октября Зимний дворец был окружен войсками Петроградского Военно-революционного комитета. После начала интенсивной перестрелки ряды его защитников стали стремительно таять. Ушла батарея Михайловского училища, затем казаки. Вот что вспоминает о тех событиях М. Бочарникова: «25 октября 1917 года около 9 часов вечера получаем приказ выйти на баррикады, построенные юнкерами перед Зимним дворцом. У ворот высоко над землей горит фонарь. «Юнкера, разбейте фонарь!». Полетели камни, со звоном разлетелось стекло. Удачно брошенный камень потушил лампу. Полная темнота. С трудом различаешь соседа. Мы рассыпаемся вправо за баррикадой, смешавшись с юнкерами. ... В девятом часу большевики предъявили ультиматум о сдаче, который был отвергнут. В 9 часов вдруг впереди загремело «ура!». Большевики пошли в атаку. В одну минуту все кругом захлопотало. Ружейная стрельба сливалась с пулеметными очередями. С «Авроры» забухало орудие. Мы с юнкерами, стоя за баррикадой, отвечали частым огнем. Я взглянула вправо и влево. Сплошная полоса вспыхивающих огоньков, точно порхали сотни светлячков. Иногда вырисовывался силуэт

¹ Там же.

² Последние часы Временного правительства: (Дневник министра [А.В. Ливеровского]) // Исторический архив. 1960. № 6. С. 44.

³ Старцев В.И. Штурм Зимнего. Документальный очерк. Л., 1987. С. 51.

⁴ ГМПИР. Ф. IX - В12532, В30004.

⁵ Старцев В.И. Штурм Зимнего. С. 53.

чьей-нибудь головы. Атака захлебнулась. Неприятель залег. Стрельба то затихала, то разгоралась с новой силой»¹.

Ударницы продержались до десяти часов вечера, а затем также выслали своих парламентаров с просьбой выпустить их из дворца. Комиссар ВРК В.А. Антонов-Овсеенко потребовал их полного разоружения, так как они уже приняли участие в боевых действиях². Вереница бойцов женского батальона потянулась из Комендантского подъезда в сторону Миллионной улицы. Солдаты Павловского полка привели ударниц в расположенные неподалеку от Зимнего дворца свои казармы и здесь разоружили. Было отобрано 137 винтовок у ударниц, наган и шашка у их командира поручика Подременева³. Затем под конвоем красногвардейцев ударниц переправили в казарму Гренадерского полка на Петроградскую сторону. 26 октября 1917 г. комиссар Гренадерского полка А.Ф. Ильин-Женевский доносил Военно-революционному комитету: «В полку в настоящее время находится под арестом 137 солдат-женщин ударного батальона, арестованных в Зимнем дворце»⁴.

Как свидетельствует уже упоминавшаяся нами А.В. Тыркова-Вильямс, во время пребывания под арестом добровольцы подверглись многочисленным оскорблениям и издевательствам: их избивали прикладами солдаты, обливали нечистотами, срывали георгиевские кресты. Когда женщин перевели в казармы Гренадерского полка, обстановка еще более ухудшилась: толпа солдат сразу встретила их угрозами «расправиться по-своему», оскорбительными словами и гнусными предложениями⁵. Отсиживавшиеся в тылу революционные «солдаты-граждане», казалось, хотели выместить на женщинах, которые собирались отправиться на фронт, чтобы защищать Родину, свою собственную неполноценность.

Ситуация резко изменилась лишь после вмешательства британского военного атташе генерала Альфреда Нокса, который отправился в Смольный и потребовал немедленно освободить всех женщин-солдат. Нокс заявил секретарю ВРК, что, «если женщин не освободят сейчас же, я сумею настроить общественное мнение в цивилизованных странах против большевиков и всего того, что они совершили»⁶. Вероятно, именно после этого и появилось соответствующее решение Петросовета. А. Нокс записал в дневнике, что когда после своего визита в Смольный, а затем в Гренадерский полк, он вернулся в

¹ Бочарникова М. В женском батальоне смерти (1917 – 1918). С. 198 – 199.

² Старцев В.И. Штурм Зимнего. С. 99.

³ Астрахан Х.М. О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец // История СССР. 1965. № 5. С. 95.

⁴ Донесения комиссаров Петроградского Военно-революционного комитета. М., 1957. С. 88.

⁵ Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. Л. 654.

⁶ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914 – 1917. М., 2014. С. 641.

посольство и позвонил снова в Совет, то ему сообщили, что приказ об освобождении женщин уже отправлен специальным курьером¹.

Освобожденных женщин-солдат отправили к месту своей дислокации в Левашово. К тому времени отношение к ним со стороны солдат и, особенно, рабочих-красногвардейцев также стало меняться. Этому, в частности, способствовали эпизоды, когда бойцы женского батальона, видя, как неумело обращаются с оружием красногвардейцы, стали показывать им, как надо правильно заряжать и разряжать винтовки².

Утверждение о том, что «в плену» многие женщины были изнасилованы, очевидно, сильно преувеличено, хотя отдельные случаи сексуального насилия могли иметь место. В докладе председателя больничной комиссии Городской думы меньшевика В.Е. Мандельберга, участвовавшего в расследовании ситуации с женским батальоном, утверждается: «есть свидетельские показания», что «над тремя добровольцами в то время, как они находились в Павловском полку, было совершено насилие»³.

Но по свидетельству А.В. Тырковой, выступавшей на заседании Городской думы, существенную роль в окончательной деморализации батальона сыграл сам его командир капитан А.В. Лосков. Он собрал подчиненных и сказал им примерно следующее: «Вы можете идти, куда хотите, больше вы не существуете как батальон». Этим самым он произвел среди женщин панику, Тыркова называет это «душевной паникой». Они до того момента себя чувствовали солдатами, они ждали отправки на фронт, они верили, что им придется защищать отечество, но оказалось, что вместо защиты отечества им говорят – идите на все четыре стороны. «И вот с этого момента началось, собственно, в батальоне то очень тяжелое положение, которое кончилось одним самоубийством, двумя случаями помешательства... застрелилась Баженова, сошли с ума двое, фамилии которых я не помню», – свидетельствует А.В. Тыркова⁴.

Учитывая «возбуждение взаимное», представители Думы дали следующие рекомендации созданному организационному комитету женского батальона: «... мы полагаем самым правильным и самым обеспечивающим жизнь этих добровольцев, будет если они сейчас ... переоденутся в женское платье и разъедутся по домам». При этом предполагалось перевести всех оставшихся в Левашове женщин в Политехнический институт, «где им согласно общему решению обеспечена совершенная безопасность и питание», а затем отправлять их по домам⁵.

¹ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе 1914 – 1917. С. 642.

² Стенографические отчеты заседаний Петроградской городской думы созыва 20 августа 1917 г. Л. 655.

³ Там же. Л. 611.

⁴ Там же. Л. 651.

⁵ Там же. Л. 615.

В середине ноября 1917 г. командир женского батальона штабс-капитан А.В. Лосков принял решение о его роспуске. С помощью антибольшевистских организаций удалось раздобыть женскую одежду и документы сестер милосердия, с которыми добровольцы могли вернуться по домам¹.

Советская историография предлагала по этому поводу свою версию. Вот что пишет Х.М. Астрахан: «Расформирование батальона тормозилось одним обстоятельством – недостатком женского платья. А в военной форме бывшие ударницы, опасаясь насмешек, не решались выезжать домой. На помощь им пришли красногвардейцы. По их инициативе из подвалов Смольного было извлечено платье, оставшееся от слушательниц Института благородных девиц, и доставлено в Левашово. Кроме того, бывшим ударницам была выделена некоторая сумма денег из ликвидированного ВРК в начале ноября 1917 г. «Комитета женского военного союза»². К концу ноября 1917 г. батальон фактически уже был расформирован³. Окончательно он прекратил свое существование 10 января 1918 г., когда штабс-капитан А.В. Лосков предоставил рапорт о роспуске батальона и сдаче имущества в интендантство и штаб Красной гвардии⁴.

Как видно из вышесказанного, к действиям этой части М.Л. Бочкарева, находившаяся в данный момент на фронте, вообще не имела никакого отношения. Однако устойчивый миф продолжал связывать ее имя с оборонной Зимнею⁵. И даже в знаменитом фильме С. Эйзенштейна «Октябрь» среди бойцов женского батальона можно видеть типаж, внешне сильно напоминающий М.Л. Бочкареву.

Златина М.А.

*Причины и процесс ликвидации Консультации для оказания
юридической помощи неимущему еврейскому населению в 1917 году
(по архивным материалам)*

Учреждение, официально называвшееся Консультацией присяжных поверенных по оказанию юридической помощи неимущим евреям г. Санкт-Петербурга, было основано в 1908 году. На протяжении всего периода работы Консультации в ее состав входили известнейшие еврейские присяжные поверенные России (например, О.О. Грузенберг, Г.Б. Слиозберг, Я.И. Гимпельсон,

¹ Шагал П.В. Из воспоминаний. Женский батальон. С. 242.

² Астрахан Х.М. О женском батальоне, защищавшем Зимний дворец. С. 97.

³ Там же.

⁴ Васильев М.В. 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 года [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://histrf.ru/ru/biblioteka/pamyatniki-geroyam-pervoy-mirovoy/100-let/1-i-petrohradskii-zhienskii-batal-on-v-sobytiakh-1917-ghoda>

⁵ Кулегин А.М. Звезда женского батальона. С. 18 – 19.

М.И. Мыш, М.М. Винавер и т.д.)¹. С сентября 1915 г., после совместного заседания Бюро Консультации и представителей Центрального еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО), было решено приступить к созданию филиалов Консультации на местах, формируя сеть отделений по оказанию юридической помощи в крупных городах на территории всей Российской империи². В итоге, с рядом определенных проблем и недоделок, данная задача была реализована. И к началу 1917 года Консультация представляла собой, по крайней мере, официально, довольно мощную, уважаемую организацию, заведующую делом оказания помощи всему еврейскому населению империи по целому спектру юридических вопросов. От проблем с правом жительства и имущественных споров, до уголовных дел.

Но при столь немаловажном, казалось бы, месте, которое занимала Юридическая консультация, фундаментальных научных работ по истории ее состава и деятельности практически нет. Более того, например, в путеводителе по фондам РГИА, в описание фонда, хранящего материалы данной организации, вкралась ошибка, поскольку там сообщается, что Юридическая консультация была упразднена указом Временного правительства от 20 марта 1917 года³. На самом деле все было не так, то есть не указом Временного правительства и не 20 марта 1917 г. она была закрыта.

Для того, чтобы разобраться в том, когда, кем и почему была ликвидирована Консультация для оказания юридической помощи еврейскому населению, необходимо обратиться к сохранившимся протоколам заседаний Бюро и Общего собрания Консультации за последние месяцы ее работы в 1917 году.

¹ См.: Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Петроградской юридической консультации 1910 – 1914 // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 39; Протоколы заседаний Бюро Петроградской юридической консультации 1914 – 1915 // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 41; Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Консультации о деятельности за 1916 – 1917. Ликвидация консультации // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 60.

² См.: Отчет о деятельности юридической консультации за 1915г. Проект указа Временного правительства об отзыве вероисповедных и национальных ограничений // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 71. Л. 4.

³ См.: РГИА [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. Режим доступа: <http://www.fguria.ru/customsearch?objectType=stocks&customSearch%5B0%5D.name=%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5%D1%80+%D1%84%D0%BE%D0%BD%D0%B4%D0%B0&customSearch%5B0%5D.attr=10549&customSearch%5B0%5D.cond=23&customSearch%5B0%5D.dict=&customSearch%5B0%5D.text=1547&customSearch%5B1%5D.name=%D0%9D%D0%B0%D0%B8%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5&customSearch%5B1%5D.attr=10554&customSearch%5B1%5D.cond=12&customSearch%5B1%5D.dict=&customSearch%5B1%5D.text=&lc=ru#!page:1/o:27605855/p:1>

Первые заседания Бюро Консультации, состоявшиеся 16 и 30 января¹, прошли, можно сказать, в штатном режиме. Обсуждались текущие дела: степень успешности организации юридической помощи на местах (например, в Витебске, Пензе и Уфе). Планирование создания новой Комиссии при Консультации, на этот раз по уголовным делам. Рассматривалась смета доходов и расходов организации, то есть набор тем, который в большей или меньшей степени поднимался и в предыдущие годы деятельности Консультации.

Затем наступил февраль 1917 года. Согласно повестке дня, озвученной в приглашении на заседание Бюро, соответствующие письма были разосланы 17 февраля, предполагаемые вопросы для обсуждения также касались текущих дел². Но протокола самого заседания Бюро, которое должно было пройти 20 февраля, обнаружить не удалось. Поэтому невозможно точно сказать, какие проблемы рассматривались на заседании, и вообще состоялось ли это заседание. Больше за февраль данных о работе Консультации нет.

Следующие материалы относятся уже к марту 1917 г. и с ними тоже не все так просто. В приглашении, разосланном 8 марта, датой следующего заседания Бюро Консультации значилось 13 марта. И был заявлен единственный предмет обсуждения: «вопрос о дальнейшей деятельности Консультации»³. Казалось бы, все логично, при кардинально изменившейся ситуации в стране надо было решать, как дальше действовать в сложившихся обстоятельствах. Если бы не одно **но**, заседание Бюро переносится с 13 марта (в тот день оно не состоялось) на 20 марта, о чем разослано приглашение 16 марта⁴. И вновь тот же самый единственный вопрос для обсуждения, но уже с припиской-примечанием «в виду важности поставленного на повестке вопроса, просьба присутствовать на заседании»⁵. Заседание Бюро 20 марта состоялось. Но, более того, именно 20 марта было утверждено «Постановление Временного правительства об отмене вероисповедных и национальных ограничений»⁶. Случайное ли это совпадение, и перенос заседания Бюро Консультации с 13 марта на 20 марта был связан с банальной не явкой членов Бюро в первый из назначенных дней, или же об утверждении постановления в Бюро знали и ожидали его принятия раньше по времени, а поскольку этого не случилось, дату заседания Бюро перенесли, однозначно ответить, к сожалению, нельзя, т.к. нет подтверждающих источников. Также доподлинно неизвестно, связан ли заявленный пункт повестки дня о дальнейшей деятельности Консультации

¹ См.: Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Консультации о деятельности за 1916 – 1917. Ликвидация консультации // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 60. ЛЛ. 23, 41 – 42.

² Там же. Л. 25.

³ Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Консультации о деятельности за 1916 – 1917. Ликвидация консультации // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 60. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же.

⁶ Сборник указов и постановлений Временного Правительства. Пг. 1917. Вып. 1. С. 46 – 49.

с революционными событиями в стране в целом, или конкретно с планируемым принятием постановления об отмене вероисповедных и национальных ограничений.

Между тем, среди материалов фонда Юридической консультации есть и текст проекта указа об отмене вероисповедных и национальных ограничений, а также текст корректировок, которые предполагалось внести в этот проект¹. Но вряд ли наличие данных документов может однозначно свидетельствовать в пользу гипотезы о преднамеренном переносе дня заседания Бюро.

С другой стороны, интересен и по форме, и по содержанию текст протокола заседания Бюро от 20 марта 1917 г., сохранившийся в фондах РГИА. На заседании присутствовали: С.А. Беляцкий, Я.И. Гимпельсон, Г.А. Гольдберг, А.М. Гольденберг, Х.Л. Гуревич. Был ли секретарь Бюро М.Ю. Раков неизвестно, скорее всего, нет, его подписи не сохранилось. Текст кардинально отличался от обычного ведения протоколов заседания Бюро: написан карандашом (а не напечатан на машинке или, хотя бы, чернилами), явно впопыхах, с большим количеством сокращений и недописанных слов². Так что, вполне возможно, информация о постановлении Временного правительства застала членов Бюро врасплох, они не были подготовлены к сложившейся ситуации и действовали по наитию в новых неожиданных обстоятельствах. Главной обсуждаемой темой стал вопрос о том, следует ли ликвидировать Консультацию в связи с отменой вероисповедных и национальных ограничений, то есть с отменой законов, которые были предметом рассмотрения и основой для работы Консультации. Я.И. Гимпельсон высказывается за ликвидацию. Х.Л. Гуревич считает, что еще рано прибегать к столь радикальным мерам. В итоге Бюро решило после официального издания постановления об отмене вероисповедных и национальных ограничений созвать Общее собрание всех членов Консультации, посвященное данному указу и судьбе самой Консультации³. Кроме того, в местные отделения по оказанию юридической помощи были разосланы письма, в которых просили филиалы сообщить их мнения о том, следует ли немедленно ликвидировать Консультацию. И если нет, то в чем должна заключаться дальнейшая деятельность данного учреждения. В этих же письмах объяснялась и причина возможного уничтожения организации: «с падением еврейского бесправия отпадает та цель, ради которой была создана и существовала Консультация»⁴. Дело же юридической помощи беженцам

¹ См.: Отчет о деятельности юридической консультации за 1915 г. Проект указа Временного правительства об отзыве вероисповедных и национальных ограничений // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 71. ЛЛ. 13 – 17.

² Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Консультации о деятельности за 1916 – 1917. Ликвидация консультации // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 60. ЛЛ. 35 – 35 об.

³ Там же. Л. 35.

⁴ Там же. ЛЛ. 33 – 34.

предполагалось передать в руки ЕКОПО, которое и ранее, отчасти, этим занималось, во всяком случае, юридический отдел при ЕКОПО имелся в наличии.

Таким образом, 20 марта 1917 года Консультация не была ликвидирована, и судьба ее еще не была окончательно решена, лишь намечена.

26 марта 1917 года состоялось Общее собрание членов Юридической консультации. На нем было принято решение о сохранении учреждения¹. Следующее заседание, посвященное судьбе Консультации, прошло через месяц – 25 апреля 1917 г.² Вновь совещались члены Бюро о дальнейшей деятельности организации. Секретарь доложил о том, что число письменных и словесных обращений резко сократилось, а те запросы, что были заданы, носят несложный справочный характер. Я.И. Гимпельсон снова предлагал ликвидировать Консультацию, поскольку ее ненужность в новых условиях подтвердилась. Но четверо других членов Бюро (Г.А. Гольдберг, С.А. Беляцкий, А.М. Гольденберг и зачитанное мнение Д.А. Хиенкина) посчитали, что следует повременить с данным решением, поскольку текущая жизнь может поставить новые задачи перед Консультацией. И, в любом случае, последнее слово в данном вопросе может быть только за Общим собранием.

Общее собрание было созвано 8 мая 1917 г. Опять завязалась дискуссия о том, настало ли время закрыть Консультацию, или надо с этим повременить. Но именно на этом Собрании большинством голосов 9 против 3 было постановлено поручить «Бюро произвести ликвидацию дел Консультации. Передать все имеющиеся материалы в Юридический отдел ЕКОПО. Также было высказано пожелание, чтобы он привлек в свой состав всех членов Бюро, не состоявших на тот момент членами ЕКОПО»³.

Казалось бы, можно взять 8 мая 1917 г. за дату ликвидации Консультации. Но 23 мая 1917 г. прошло последнее заседание Бюро Консультации⁴, на нем присутствовало только 3 человека: Г.А. Гольдберг, Я.И. Гимпельсон и секретарь – М.Ю. Раков. Именно на этом заседании был запущен процесс ликвидации учреждения: решено, куда и кому какое имущество и бумаги Консультации будут переданы. Почти все, в том числе и помещение с телефоном, и контакты с местными отделениями, предполагалось отдать в ведение Юридического отдела ЕКОПО. Указывалось, что к 1 июня 1917 года ликвидация дел Консультации должна быть завершена.

Таким образом, процесс ликвидации Консультации для оказания юридической помощи еврейскому населению растянулся на несколько месяцев, прежней масштабной работы уже не велось. Но, в любом случае, 20 марта 1917 г. было лишь высказано, как один из вариантов дальнейшей судьбы

¹ Протоколы заседаний Бюро и Общего собрания Консультации о деятельности за 1916 – 1917 гг. Ликвидация консультации // РГИА. Ф. 1547. Оп. 1. Д. 60. Л. 21.

² Там же. ЛЛ. 24 – 24 об.

³ Там же. ЛЛ. 21 об. – 22.

⁴ Там же. Л. 26.

учреждения, предложение о ликвидации организации за ненадобностью. В конце марта и в апреле чаша весов мнения членов Консультации склонялось к тому, чтобы учреждение сохранить. И лишь 23 мая 1917 г. Консультация была ликвидирована по решению ее членов, причем таким образом, что большинство ее дел, материалов и работников перешло под крыло аналогичного Юридического отдела, но уже при ЕКОПО.

Козлова Е.А.

*Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 года
(по материалам русскоязычных газет)*

События революции часто становятся сюжетом для изучения. И не случайно. Ни один период истории так не насыщен событиями и изменениями во всех сферах жизни государства и отдельно человека.

Несомненно, главным центром развития революционных событий был Петроград, именно ему были посвящено большинство работ по истории революции. Не остались без внимания и очаги бурных «всплесков» Кронштадт и Гельсингфорс. В то же время на их фоне ситуация в Ревеле – еще одной крупной базе Балтийского флота, являющейся одновременно центром строящейся крепости Императора Великого, изучена слабо.

В основу исследования легли материалы русскоязычных газет, являющиеся наиболее полным источником по данной теме. Исследователи уже прибегали к этому типу источника для изучения схожих проблем. Главным и наиболее ярким примером является работа Е.Ю. Дубровской по истории Гельсингфорского совета¹.

Надо сказать, что Ревель, судя по газетам, довольно спокойно встретил революцию. О каких бы то ни было беспорядках мы можем судить только по косвенным признакам: по призывам, приказам и воззваниям сохранять порядок. Примером может служить воззвание Ревельского комитета Российской социал-демократической рабочей партии, опубликованное 3 марта: «Товарищи рабочие, Ревельская армия и флот! Призываем вас охранять порядок и спокойствие на улицах. Не допускать насилий над мирными жителями, не устраивать без цели стрельбы на улицах, а беречь патроны на борьбу с гидрой реакции»².

За этот период мы имеем только одно описание беспорядков, и связано оно с ранением коменданта крепости Императора Петра Великого вице-адмирала А.М. Герасимова. Газета «Ревельское слово» сообщила: «некоторые матросы прибили своего командира, когда он приехал удержать их от беспорядка

¹Дубровская Е.Ю. Гельсингфорский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март – октябрь 1917 г.). Петрозаводск, 1992.

²Воззвание Ревельского комитета Российской социал-демократической рабочей партии // Ревельское слово. 1917. 3 марта.

около тюрьмы»¹. Больше никаких сведений об убийствах, грабежах и иных преступлениях в газетах не печаталось. Стоит заметить, что газеты не в полной мере отразили первые дни революции. По другим источникам мы можем судить, что воодушевившись событиями в Петрограде, 1 марта забастовали рабочие Ревельского судостроительного завода². Уже с утра 2 марта матросы с рабочими, исполняя революционные песни, ходили по городу³, в этот день началась всеобщая забастовка на предприятиях. В городе проводились собрания митинги, демонстрации в которых участвовали рабочие, солдаты и матросы⁴. Офицеры старались удержать в повиновении команды, во многом это удалось: посторонние на суда допущены не были, арестованные остались под караулом. Однако, часть команды сошла на берег, с разрешения начальства, на корабли вернулись не все. С.В. Волков приводит сведения о 5 офицеров убитыми в эти дни в Ревеле⁵. Н.А. Типольт в своем дневнике от 2 марта отметил, что авторитет офицеров «пострадал в сильной мере»⁶. А.И. Непенин в телеграмме в Морской штаб верховного главнокомандующего о положении во флоте доносил, что с трудом удерживает в повиновение флот, «в Ревеле положение критическое»⁷.

2 марта в Городской думе состоялось экстренное заседание, в рамках которого и начинается создание новой революционной власти в городе. В итоге был образован Обывательский Комитет из 12 чел.⁸ На следующий день, 3 марта, на общем собрании представителей рабочих, армии и флота был сформирован Совет рабочих и воинских депутатов города Ревеля. Собрание состоялось в театре «Гранд-Марина». На нем присутствовали прибывшие из Петрограда члены Государственной думы И.Н. Маньков и И.Т. Евсеев. Результатом заседания стала организация Исполнительного комитета, состоявшего из 45 чел. Исполком тут же «выбрал президиум и выпустил призыв к населению о поддержании общественного порядка и приказ к чинам полиции, жандармерии о выдаче к 12 часам дня 5 марта всего оружия»⁹. Все те, кто не принял участия в выборе депутатов, приглашались собранием сделать это 4 марта 15 ч. в Городской думе. Там должно было пройти общее собрание Совета рабочих и воинских депутатов.

¹ Анянчиков Н. Матросы! // Там же.

² Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин, 1958. С. 20.

³ Балтийские военные моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции / Под ред. Р.Н. Мордвинова. М.; Л., 1957. С. 25.

⁴ Петраш В.В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. С. 51.

⁵ Волков С.В. Трагедия русского офицества. М., 2002. С. 16.

⁶ Балтийские военные моряки. С. 27.

⁷ Там же.

⁸ Местная жизнь // Ревельское слово. 1917. 3 марта.

⁹ Собрание представителей рабочих, армии и флота // Ревельское слово. 1917. 4 марта.

В рамках этого же заседания был образован Комитет народной милиции «для охраны спокойствия и имущества граждан», «для оказания помощи населению и моральному воздействию на малосознательные элементы»¹. Председателем Комитета стал полковник Г.Я. Седов. Изначально в милицию записывали даже «учащихся последних классов гимназий и высших учебных заведений»². Однако уже вечером того же дня на собрании представителей рабочих, армии и флота было решено принимать в милиционеры «только выбранных от рабочих, отдельных частей армии и флота и существующих в Ревеле обществ»³. При этом оговаривалось, что «частные лица, не имеющие рекомендации, приниматься в ряды милиции не будут»⁴. Это объяснялось необходимостью создания такой милиции, на которую можно будет положиться и которой можно будет доверить охрану порядка.

Второе заседание Ревельского Совета состоялось, как и планировалось, на следующий день, 4 марта. Это заседание еще не было организованным, на нем обсуждались вопросы, касающиеся всех на тот момент важных вопросов жизни: продовольствия, снабжения, установление 8-ми часового рабочего дня. Было решено «предложить рабочим приступить 6-го марта к работам. Гарнизону и морским командам начать повседневные занятия»⁵.

На нем же была принята следующая резолюция: «По вопросу о том, присоединяются ли командные составы воинских частей к приказу № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, установлено, что между всеми чинами флота от адмирала до матроса существует полное взаимное понимание, самая тесная связь и взаимное доверие. Представители офицеров подтвердили сою полную солидарность с солдатами, а также взаимное доверие всех чинов армии»⁶.

В дальнейшем Совет заседал каждый день. Он решал общие вопросы, вносил корректировки в приказы командующих, контролировал деятельность Исполкома – одного из важных органов революционной власти. В силу того, что на Исполком были сразу же возложены большие обязанности, возникла необходимость разбить его состав на отдельные секции.

На втором заседании Исполком выделил в своем составе такие секции, как: милиционная, военная, судебно-административная, продовольственная,

¹ Там же.

² Объявление // Ревельское слово. 1917. 3 марта.

³ Собрание представителей рабочих, армии и флота // Ревельское слово. 1917. 4 марта.

⁴ Там же.

⁵ Протокол второго собрания представителей рабочих, армии, флота и общественных организаций города Ревеля 4-го марта 1917 года в театре «Гранд-Марина» // Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов (далее – Известия). 1917. № 1. 10 марта.

⁶ Там же.

газетная, трудовая и финансовая. В перерыве заседания сразу произошла запись членов в секции. В дальнейшем работа Исполкома проходила по секциям, что способствовало его более продуктивной работе¹.

Каждая секция занималась определенным кругом вопросов, брала на себя ответственность в своей сфере деятельности. Так, например, милиционная секция должна была выработать программу организации постоянной милиции. Военная секция взяла на себя все дела, связанные с обороной страны. Продовольственная секция отвечала за снабжение г. Ревеля продовольствием. Газетной секции поручалось создать свой орган печати. Финансовой секции ставилось в обязанность изыскать способы добыть средства на удовлетворение всевозможных нужд Совета².

К 18 марта было создано положение о Совете рабочих, воинских и обывательских депутатов, которое уже четко разграничило обязанности, условия выборов, сферу деятельности революционной власти в городе³. Теперь Совет перед собой поставил четкие задачи, о которых раньше говорилось довольно расплывчато.

К основным задачам можно отнести: проведение в массы населения начала «народоправительства», этому должно было способствовать «внедрение в жизнь в интересах демократии перемен в местном управлении и самоуправлении», а также организация выборов в местное самоуправление на основании всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Совет обещал принимать участие в выяснении и защите правовых, экономических и профессиональных нужд рабочих, крестьян, обывателей и воинских чинов. Также особое внимание уделялось организации местного порядка в городах и населенных пунктах Эстляндской губернии⁴.

Наравне с революционной городской властью создается и флотская, представленная Местным флотским комитетом (МФК). В газетах создание МФК никак не отмечалось. Однако мы можем утверждать, что к 4 марта МФК уже существовал, о чем свидетельствует дневниковая запись Н.А. Типольта, командира миноносца «Пограничник», датированная этим числом. Николай Аполлонович отметил, что «заседает чисто морской комитет по определению распорядка для внутренней жизни на флоте. Его постановления считаются обязательными для всех судов и морских команд, находящихся в Ревеле»⁵. Однако стоит заметить, что официальный приказ старших морских начальников контр-адмиралов В.К. Пилкина и Д.Н. Вердеревского об организации

¹ Протокол второго заседания Исполнительного комитета 5 марта 1917 года // Известия. 1917. 15 марта.

² Там же.

³ Положение о Совете рабочих, воинских и обывательских депутатов // Известия. 1917. 21 марта.

⁴ Там же.

⁵ Балтийские военные моряки. С. 36.

Местного флотского комитета датируется 9 марта¹. Правда, из этого же приказа видно, что деятельность МФК уже шла полным ходом: обсуждались вопросы о создании ротных комитетов, об увольнении на берег, определен состав Комитета – председателем его стал мичман с учебного судна «Петр Великий» А.А. Коптелов².

Местный флотский комитет не был активен в информировании местной прессы о своей деятельности. Мы располагаем лишь немногими сведениями. Первое заявление о себе в прессе он сделал 27 апреля: МФК решительно протестовал против слов морского министра А.И. Гучкова о дезорганизации Балтийского флота, и утверждал, что «флот в полной готовности для защиты Родины и сумеет отстоять в решительную минуту свою свободу и свою честь»³. Основным направлением деятельности МФК, судя по материалам периодической печати, стал сбор пожертвований для военнопленных⁴, средств на содержание Совета и Комитета съезда крестьянских депутатов⁵.

Таким образом, можно утверждать, что меньше чем за месяц в городе сформировалась разветвленная и довольно функциональная сеть учреждений, которая и взяла в свои руки власть в городе. Столь оперативное реагирование на ситуацию, создание в ночь на 3 марта милиции, органа контроля над общественным порядком; 3 марта Совета и Исполнительного комитета, которые взяли на себя функции управления всеми сферами жизни Ревеля, начиная с издания газеты, кончая поддержанием обороноспособности страны. Именно это, позволило сохранить порядок в городе и не допустить кровавых расправ, грабежей и других противозаконных поступков. Новая власть была принята с ликованием, с неподдельной радостью. Она воспринималась как освобождение, как возможность начать новую жизнь. Это сказалось на положении старых органов контроля: полиции, жандармерии и охранного отделения, представителей этих служб разоружали, не давали каким либо образом участвовать в жизни города. При этом стоит отметить, что представители царского правительства не только не мешали возникновению революционной власти, а наоборот некоторые поддерживали, так например, дворянское собрание выделило деньги для обеспечения милиции⁶.

Стоит отметить, что, несмотря на большой численный вес военных моряков в городе, активного участия в проводимых изменениях они не принимали. МФК не стал действующей силой и центром сплочения моряков, что привело

¹ Великая Октябрьская. С. 39.

² Там же. С. 39 – 40.

³ К заявлению Гучкова о боеспособности Балтийского флота / Местная хроника // Известия. 1917. 27 апреля.

⁴ Ходов. [Б/н] / Письма в редакцию // Известия. 1917. 28 апреля.

⁵ Воззвание // Свободное слово солдата и матроса (далее – Свободное слово). 1917. 14 июня.

⁶ Постановление Дворянского комитета от 9 марта с. г. // Известия. 1917. 10 марта.

к необходимости личного состава флота искать другие возможности консолидации. Кроме того, судя по материалам газет, в последующем самоуправлении городом, в деятельности комитетов они играли второстепенную роль. Конечно, военные моряки и матросы посылали своих представителей на заседания собраний, но происходило это наравне с рабочими, солдатами и горожанами. Флот выбирал своими представителями по 1 офицеру и по 2 нижних чина с каждого из судов¹. После, когда работа секций и заседания Исполкома и Совета наладилась, численный состав перестал указываться. На смену ему прошло поименное перечисление присутствующих, среди которых из постоянных членов заседаний активных представителей от военных моряков выявить не удалось.

Значительную роль в строительстве революционной власти в г. Ревель сыграл Обывательский комитет, что отразилось в названии Ревельского совета согласно положению 18 марта. Обывательский комитет был создан еще 2 марта и контролировал милицию, а в итоге и слился с ней в созданном в собрании 3 марта Комитете народной милиции. Но чем именно он занимался, играл ли позднее какую-то существенную роль, сказать нельзя, что и является вопросом для дальнейшего изучения.

Бажанов Д.А.

«Дело» офицеров линейного корабля «Гангут» весной 1917 г. как отражение стереотипов во взаимоотношениях личного состава

Февральская революция быстро и значительно изменила взаимоотношения между различными группами экипажей. В дни падения монархии в основу поведения тех, кто совсем недавно именовался «нижними чинами» (т.е. матросов и унтер-офицеров), по отношению к представителям командного состава легло два основных фактора. С одной стороны, это была готовность к сопротивлению последних. Именно так развивались события на крейсере «Аврора» 28 февраля 1917 г., в результате чего погибли командир, капитан I ранга М.И. Никольский и получил тяжелое ранение старший офицер старший лейтенант П.П. Огранович. В Гельсингфорсе не допустить мятежа в первые его минуты 3 марта пытались на линейном корабле «Император Павел I» старший офицер старший лейтенант В.А. Яновский, вахтенный офицер лейтенант А.Г. Булич. Отказался открыть карцер караульный офицер лейтенант Н.Н. Савинский. Пытались организовать самооборону в кают-компаниях офицеры линкора «Андрей Первозванный» во главе с командиром. Еще два случая связаны с попытками помешать зажечь красный огонь: на «Андрее» так действовал вахтенный начальник лейтенант А.Г. Бубнов, на миноносце «Ретивый» –

¹ Балтийские военные моряки. С. 35.

командир, лейтенант А.Н. Репнинский¹. Во всех случаях сопротивление быстро и беспощадно подавлялось, а представители командного состава погибали на месте. Исключением служит пример относительно массовой перестрелки на «Андрее Первозванном», но и там был тяжело ранен мичман Т.Т. Воробьев, погиб вестовой З.Х. Хусаинов, а офицерам пришлось пойти на переговоры. С другой стороны, важную роль играли те взаимоотношения, которые формировались в предыдущий период. Причем, в основу отношений могли ложиться события как давние, так и недавние. Так, например, мотивом убийства лейтенанта В.К. Ланге на линейном корабле «Император Павел I», служили, согласно многочисленным свидетельствам, подозрения экипажа в сборе сведений для «охранки»². С другой стороны, арест старшего офицера крейсера «Диана» капитана II ранга Б.Н. Рыбкина был вызван именно недавними происшествиями на корабле, связанными со смотром командующим флотом 22 февраля 1917 г.³

Таким образом, положение офицерского состава в первые мартовские дни оказалось сложным. Безусловное доминирующее положение, характерное для прежней поры, закрепленное юридически, оказалось подорвано. А настроенное отношение команд, связанное со стереотипом восприятия офицеров как сторонников «старого строя», провоцировало на выражение недоверия.

Обстановка на линейном корабле «Гангут» на протяжении первого революционного месяца выглядела спокойной. Кровавых эксцессов, наподобие тех, что разыгрались на линейных кораблях «Император Павел I» и «Андрей Первозванный» в ночь с 3 на 4 марта, на нем не было. Большую роль сыграла линия поведения, избранная его командиром, капитаном I ранга П.П. Палецким. Он не только объявил о падении монархии, но и предложил нижним чинам избрать свой представительный орган самоуправления. В конечном счете, это привело к сохранению дисциплины и порядка на корабле и отсутствию арестов. Обострение отношений между командным и рядовым составом относится к середине апреля. Полагаем, что определенное влияние сыграла воинская амнистия Временного правительства, провозглашенная 14 марта 1917 г. В результате на свои корабли получили возможность возвратиться те моряки, которые были осуждены за преступления по политическим мотивам. В результате, согласно приказу командующего Балтийским флотом №52 от 20 марта 1917 г., на «Гангут» получили возможность возвратиться

¹ РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 3 об., 18 об.; *Ховрин Н.[А.]* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 59; *Граф Г.К.* На «Норвике». СПб, 1996. С. 279 – 280.

² См., напр.: *Ховрин Н.* В 1917 г. во флоте (воспоминания матроса) // Красная летопись. 1926. № 5 (20). С. 58; РГАВМФ. Ф. 431. Оп. 1. Д. 771. Л. 19 об.

³ *Дудоров Б.П.* Адмирал Непенин. СПб, 1993. С. 201; *Солодков Н.П.* Митяй // *Солодков Н.П.* Морские рассказы. Прага, 1968. С. 55 – 59.

унтер-офицеры Г. Ваганов и Ф. Яцкевич (Янцевич), а также матросы И. Андрианов, В. Госников, И. Привалов, А. Черномызов и Т. Попов. Первые шестеро были осуждены за беспорядки на корабле 19 октября 1915 г., а Т. Попов – по делу Главного судового коллектива РСДРП¹. Общее собрание команды потребовало провести расследование в отношении 6 офицеров, принимавших, по мнению экипажа, активное участие в подавлении выступления в октябре 1915 г. 24 апреля депутаты комитета постановили списать старшего лейтенанта А.И. Королева, лейтенантов Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, А.А. Сурандера, В.Е. Бурачка и мичмана И.В. Дитерихса.

Для анализа сложившейся ситуации необходимо более подробно обратиться к выступлению команды «Гангута». В понедельник, 19 октября 1915 г. на корабле, как и на других линкорах бригады, проходила угольная погрузка. Она не была необычным событием, т.е. дредноуты за 3 дня до этого вернулись из Ревеля, где пробыли 2 дня. За октябрь данный поход был уже вторым². Погрузка, по данным вахтенного журнала, началась в 7 ч. 40 мин. Длилась она почти 5 часов, до 12 ч. 30 мин. За это время было принято 850 т, что свидетельствует об участии всего экипажа³. С 13 ч. 10 мин. до 19 ч. 30 мин. некоторая часть команды занималась приемкой нефти. Остальные в это время обедали и до 14 ч. отдыхали. Затем в течение 2,5 часов производили уборку⁴. С 17 ч. началось перекачивание пресной воды с водолея⁵. По этой причине, или из-за забитого стока, в баню была прекращена подача горячей воды. Поэтому, по воспоминаниям Д.И. Иванова, служившего гальванером, «матросы обливались холодной и, недовольные, расходились по кубрикам»⁶.

Ключевым в этой цепочке негативных для рядового состава факторов (погрузка после учебного похода, а также) стало изменение меню. Согласно ежедневному меню, принятому на 1-й бригаде линейных кораблей в 1915 г., по понедельникам на ужин личному составу должен был выдаваться макаронный суп⁷. Однако на корабле макарон не оказалось. Поэтому на ужин была приготовлена ячменная, по мнению Д.И. Иванова, или гречневая, о чем упомянули в своих рассказах электрик П. Козьмин и матрос I статьи Д. Лагуткин⁸. Мы полагаем, что речь шла о гречневой, т.к. в упоминавшемся рационе ячменная отсутствовала вообще. Таким образом, налицо просчет, допущенный

¹ РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 233. Л. 79.

² Там же. Ф. 870. Оп. 1. Д. 57068. ЛЛ. 5, 7, 58, 65, 67, 86, 87, 93, 94.

³ Там же. Д. 57069. Л. 29.

⁴ Там же. ЛЛ. 30, 31.

⁵ Там же. Л. 31.

⁶ *Иванов Д.И.* Я – матрос «Гангута»! М., 1987. С. 46.

⁷ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 130. Л. 13. Распорядок питания на неделю.

⁸ *Иванов Д.И.* Я – матрос «Гангута»! С. 47; РГАВМФ. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 194. Л. 25. Воспоминания о выступлении Козьмина; Л. 37. *Лагуткин Д.* Мои воспоминания о днях военно-морской службы и каторги.

как командиром, капитаном I ранга М.А. Кедровым, так и лицами, ответственными за организацию снабжения экипажа. Должность ревизора «Гангута» занимал в это время лейтенант В.Е. Бурачок (Бурачек). Именно ему и дежурному по камбузу офицеру, инженер-механику мичману П.Я. Шуляковскому, 26 ноября 1915 г. М.А. Кедров вынес своим приказом выговор за «плохое исполнение обязанностей по наблюдению за пищей команды»¹. После окончания рассмотрения дела специальной комиссией во главе с контр-адмиралом А.К. Небольсиным командующий флотом вице-адмирал В.А. Канин 28 ноября своим приказом вынес строгий выговор командиру, старшему офицеру, а также и В.Е. Бурачку. Спустя месяц, 27 декабря, последний был отстранен от исполнения своей должности².

После того, как матросы узнали о произвольном изменении ужина, на «Гангуте» и произошел взрыв эмоций. Один из бачковых, матрос I статьи В. Лютов, бросил под ноги дежурившему по камбузу унтер-офицеру В.К. Солодянкину бачок с кашей и заявил, что кашу есть никто не будет. Солодянкин доложил о происшествии вахтенному начальнику, а тот – старшему офицеру, старшему лейтенанту барону О.Б. Фитингофу. Далее электрик П. Козьмин вспоминал: «Заменявший командира старший офицер не мог разрешить этого вопроса самостоятельно, он уговаривал взять ужин и успокоиться...»³. О.Б. Фитингоф доложил о происшествии капитану I ранга М.А. Кедрову. Командир линкора, согласно заключению прокурора Кронштадтского военно-морского от 27 ноября 1915 г., «не придавая этому обстоятельству особого значения... приказал взамен команде ничего не давать, а сам в 7 ч. вечера съехал на берег»⁴.

Тем не менее, корабельный распорядок до сих пор не нарушался. В 20 ч. команду созвали на молитву. После корабельной молитвы старший офицер отдал приказ разойтись по кубрикам. Матросы не подчинились. Д.И. Иванов описывал это так: «Фитингоф пригрозил команде карцером, гангутцы начали скандировать: “Бей скорпионов! Долой немцев с корабля! Да здравствует Россия!” По трапам люди устремлялись наверх»⁵. Командирам рот О.Б. Фитингоф приказал не выпускать матросов на верхнюю палубу, собрать по кубрикам и заставить разобрать койки. Многие офицеры, по-видимому, смогли это сделать с трудом. Военно-морской прокурор отмечал, что многим угрожали. Особо отмечено поведение четырех офицеров, в том числе и Н.Ф. Прохорову, являвшемуся помощником командира 3 роты «Гангута». Тем не менее, к 22 ч. большая часть команды была в жилых помещениях, на верхнюю палубу сумели прорваться около 50 чел. На их призывы откликнулись матросы 7 и 8

¹ РГАВМФ. Ф. 751. Оп. 1. Д. 68. Л. 125 об.

² Там же. ЛЛ. 133, 158.

³ РГАВМФ. Ф.р-402. Оп. 2. Д. 194. Л. 25.

⁴ Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7181. Л. 1 об.

⁵ *Иванов Д.И.* Я – матрос «Гангута»! С. 50.

рот, которые состояли из кочегаров. В результате количество моряков на верхней палубе увеличилось до 300 – 500 чел. Отдельные офицеры, пытаясь убрать трапы, были оттеснены командой. Некоторые получили травмы. В частности, по версии Д. Лагуткина, именно тогда матросы запустили поленом в А.Г. Хрептовича¹. Заключение прокурора Кронштадтского суда указывает, что пострадал лейтенант Б.Г. Кнюпфер². Нижние чины двинулись в корму, где в помещении рядом с кают-компанией хранилось оружие. На верхней палубе было выключено штатное освещение. Несколько раз его пытался зажечь лейтенант А.И. Королев, являвшийся вахтенным офицером. Вероятно, в этот момент в него и запустили куском угля, о чем сообщается в «Заключении»³.

Организоваться нижние чины не смогли. Не сумели даже выставить и предъявить какие-либо конкретные требования. У кают-компаний старший офицер предложил, по словам П. Козьмина, выбрать представителей от команды для переговоров, однако последовал отказ⁴. Вероятно, что конкретные требования просто отсутствовали. Поэтому переговоры между офицерами и матросами начались спонтанно, прямо возле кают-компаний. После этого в настроениях, видимо, наступил перелом. Д.И. Иванов отметил: «Разговор между офицерами и матросами отчасти погасил напряжение. Вскоре послышался смех – это первый признак того, что злоба остыла, уступив место расслабленности, усталости»⁵.

В 23 ч. на корабль срочно возвратился капитан I ранга М.А. Кедров. Он приказал играть большой сбор, произнес речь, посвященную инциденту, а затем распустил экипаж. На ужин матросам выдали чай, мясные консервы и хлеб. После ужина последовал приказ разобрать койки и расходиться по кубрикам. «Когда приехал командир, был выдан ужин – на том все было покончено», – отметил Д. Лагуткин⁶.

Утром 20 октября на «Гангут» прибыл начальник эскадры линейных кораблей вице-адмирал Л.Б. Кербер, произнесший речь перед личным составом. В этот и следующий день, по свидетельствам очевидцев, традиционный распорядок был нарушен: не производились судовые работы, вахты несли унтер-офицеры⁷. 21 – 22 октября на корабле работала специально созданная следственная комиссия под руководством контр-адмирала А.К. Небольсина. 22-го в 14 ч. 45 мин. «начали свозить с корабля команду», т.е. арестованных по результатам дознания⁸. Таких оказалось 95 чел. 25 октября они, согласно ра-

¹ РГАВМФ. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 194. ЛЛ. 38, 39.

² Там же. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7181. Л. 2.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 26.

⁵ *Иванов Д.И.* Это было на Балтике. Львов, 1965. С. 197.

⁶ РГАВМФ. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 194. Л. 40.

⁷ Там же. Л. 41; *Иванов Д.И.* Это было на Балтике. С. 204.

⁸ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 1. Д. 57069. Л. 39.

порту начальника военно-исправительной тюрьмы, на эсминцах «Стерегущий», «Казанец», «Донской казак» и «Страшный» прибыли в Кронштадт. 29 чел., считавшихся зачинщиками, поместили в отдельные камеры военно-морской следственной тюрьмы, остальных – на транспорт «Азия», под охраной вооруженного караула¹. 17 – 22 декабря прошел суд. В отличие от выводов комиссии контр-адмирала А.К. Небольсина, моряки обвинялись в организованном выступлении². На этом основании приговоры были вынесены более суровые. Из 29 привлеченных к суду 8 были оправданы, 19 – приговорены к различным срокам каторги, двое – Г. Ваганов и Ф. Яцкевич – к смертной казни через расстрел. Впрочем, смертная казнь была заменена впоследствии на каторжные работы. Но все же участие в деле оставило пятно «неблагонадежности» на всех участниках. Те, кто был оправдан, 14 января 1916 г. отправились в Архангельский дисциплинарный полуэкипаж³.

Таким образом, в ходе выступления экипажа «Гангута» определенную роль сыграли три офицера из тех, кому команда предъявила обвинения: А.И. Королев, Н.Ф. Прохоров и А.Г. Хрептович. Что касается В.Е. Бурачка, то он оказался косвенным «соучастником» из-за позиции командования, возложившего на него ответственность как на ревизора из-за нехватки на корабле продовольствия. 19 октября 1915 г. он вообще отсутствовал на корабле, т.к. находился в отпуске.

Однако имена А.А. Сурандера и И.В. Дитерихса не упоминались ни в одном источнике в связи с беспорядками. И.В. Дитерихс, как и В.Е. Бурачок, покинул корабль, уехав в отпуск⁴. Таким образом, обращает на себя внимание несоответствие предъявляемых обвинений действительности.

Определенный свет пролили дальнейшие события. Не согласившись с решением комитета, командир «Гангута» капитан I ранга П.П. Палецкий, отправил рапорт в штаб бригады, оттуда – в штаб флота. Затем ходатайство о пересмотре дела было передано в Исполком Гельсингфорского совета, где его 24 апреля отклонили, мотивируя «могущими произойти эксцессами между командой и названными офицерами»⁵. В то же время 3 мая следственная комиссия юридического отдела Гельсингфорского совета, отправляя материалы для ознакомления в Петроградский совет, отметила, что «полагает, что никаких данных для предания суду лиц, указанных в заявлении судового комитета

¹ Там же. Ф. 417. Оп. 4. Д. 6254. Л. 504с; *Цветков И.Ф.* Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983. С. 149.

² РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 8141. ЛЛ. 90 – 90а; Ф. 716. Оп. 2. Д. 107. ЛЛ. 54 – 56; *Найда С.Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1825 – 1917. М.; Л., 1948. С. 550; *Цветков И.Ф.* Линкор «Октябрьская революция». С. 152 – 153.

³ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 6254. Л. 606.

⁴ См. подробн.: Выписка из заключения помощника военно-морского прокурора Кронштадтского суда подполковника Ф.Ф. Шпаковского // РГАВМФ. Ф. 407. Оп. 1. Д. 7181. Л. 4 об.

⁵ РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 12.

депутатов “Гангут” не имеется...»¹. Однако 5 мая дело Совет передал в Центральный комитет Балтийского флота, который поручил подготовить анкеты. Матросам рот, куда входили эти офицеры, предлагалось оценить их по следующим параметрам: «1. Что из себя представляет как офицер: а. Знание; б. Опытность; в. Отношение к службе; г. отношение к подчиненным [так в тексте – Д.Б.]. 2. Как человек вне службы. 3. Как отнесся к перевороту. 4. Не обвиняет ли команда в союзнничестве в охранке. 5. Не будет ли команда протестовать против назначения на передовые позиции? 6. Не найдет ли возможным судовой комитет передать [офицера – Д.Б.] в ведение Центрального Комитета? 7. Если комитет согласится, то не найдет ли возможным судовой комитет дать соответствующую бумагу?»².

Подобные формулировки показывают, что события 19 октября 1915 г. являлись не только причиной, но и удобным поводом для списания. Причиной же выступали личностные отношения с данными офицерами. А это, в свою очередь, вписывалось в обозначенный выше стереотип восприятия, при котором конфликт в служебной сфере до революции превращал офицера во врага в период революции. Так, при в целом высокой оценке А.А. Сурандера как офицера, т.е. по п. 1, в ответе на п. 4 содержится приписка «есть сомнения». При этом комитет, собиравший сведения, ссылаясь на показания моториста Блохина, задержанного 15 января 1917 г. тем же А.А. Сурандером при попытке самовольного съезда на берег³.

Что касается И.В. Дитерихса, то решающее значение, по нашему мнению, сыграл тот же аспект. Только, в отличие от А.А. Сурандера, проявился он в п. 1, в вопросе об отношении к подчиненным. Комитет аттестовал поведение И.В. Дитерихса как «несправедливое, дисциплинарное»⁴. Для более ясного понимания сущности приведенной характеристики необходимо остановиться на значении понятия «дисциплина», сложившееся после падения монархии. Нужно отметить, что уже в первые революционные месяцы обнаружено несколько свидетельств, характеризующих отношение нижних чинов к самому понятию «дисциплина». Хронологически они датируются апрелем, т.е. не самыми первыми днями. Так, в статье унтер-офицера линкора «Император Павел I» Г. Корнева, опубликованной в апреле 1917 г., дисциплина обозначалась как «никаевская», т.е. связанная исключительно с дореволюционной порой⁵. Показательно, что в том же номере в статье матрос с миноносца «Достойный» П.И. Шишко использовал практически аналогичное сочетание «никаевская палочная дисциплина»⁶. Таким образом, одной из использованных

¹ Там же. Л. 17.

² РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 15.

³ Там же. Л. 16.; Ф. р-224. Оп. 1. Д. 91. Л. 8.

⁴ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

⁵ Корнев Г. Опомнитесь! // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих. 1917. 22 апреля/5 мая.

⁶ Шишко П.[И.] Новые консерваторы и обломовцы // Там же.

характеристик дисциплины до революции является ее жестокость по отношению к нижним чинам. Наконец, С.П. Лукашевич, радиотелеграфный унтер-офицер с миноносца «Всадник», бывший в 1917 г. членом судового комитета, а затем и Центрального исполнительного комитета военного флота, выступая на вечере воспоминаний старых моряков 29 марта 1934 г., вспомнил подробности заседания комиссии по созданию нового Свода военно-морских положений под председательством главного военно-морского прокурора генерал-майора В.А. Юрковского. Он рассказал, что, «когда выступал Юрковский и когда сказал, к слову, “дисциплинарный”, то делегаты зашумели, засвистели. Одно слово “дисциплина” для матросов того времени было неприемлемо»¹. Таким образом, представляется, что дисциплина в глазах многих моряков выглядела категорией дореволюционной, основанной на принуждении, неравенстве. А, значит, противоречила новому «свободному» человеку, т.е. обладающему всей полнотой прав, понимаемых как возможности. Понятие же «свободы» в те первые революционные дни было, без сомнения, самым популярным. Схожее отношение можно уловить и в ответе судового комитета «Гангута», посвященному старшему лейтенанту А.И. Королеву. В отношении Королева было также указано, что и вне службы он вел себя «гордо и дисциплинарно»². Тем самым, дисциплина выступила синонимом несправедливости и гордости, причем характерной в поведении офицера по отношению к нижнему чину.

Знаковый статус понятия «дисциплина» подтверждается и полным пренебрежением к положительным моментам отзывов об офицерах. Так, в характеристике В.Е. Бурачка было указано, что в февральско-мартовские дни «на корабле не был, в Петрограде содействовал устройству питательного пункта для матросов на Финляндском вокзале», а в отношении А.А. Сурандера отмечалось, что к «перевороту» он «отнесся сочувственно»³. Более того, узнав об обвинениях в его адрес, судовой комитет миноносца «Сторожевой» отправил на «Гангут» и затем в Центробалт ходатайства. В них, в частности, содержалась просьба перевести А.А. Сурандера на миноносец, где он служил мичманом в 1912 – 1914 гг. При этом комитет «Сторожевого» в духе революционной фразеологии особенно подчеркивал, что офицер «очень стоял за команду и даже много спасал от грозящей тюрьмы»⁴.

Решение следственной комиссии Центробалта от 6 мая оказалось предсказуемым. Н.Ф. Прохорова, А.Г. Хрептовича, В.Е. Бурачка и И.В. Дитерихса отправить на фронт, А.И. Королева – так же, но «при условии контроля там

¹ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 108. Л. 89 об.; РГАВМФ. Ф. р-402. Оп. 2. Д. 94. Л. 416.

² РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

³ Там же.

⁴ Там же. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 83. Л. 1 об.

за ним и обязательства явиться к следствию». А А.А. Сурандера, по подозрению его сотрудничества с «охранкой», задержать в Петрограде¹.

Реакция командования в сложившихся условиях также выглядела стереотипной. Еще 24 апреля офицеров, если верить «Списку офицерского состава» «Гангута» перевели в распоряжение Главного морского штаба². По-видимому, в резерв чинов, так же, как это делалось в схожих ситуациях. Первый подобный случай был отмечен еще 5 марта на линейном корабле «Цесаревич», стоявшем в Моонзунде. Именно тогда команда заявила «о недоверии к командиру, старшему офицеру и старшему врачу». Капитану I ранга К.А. Чоглокову ничего не оставалось, как отправить радиogramму в штаб флота: «Создалось положение, при котором командовать не могу и прошу срочной смены как меня, так и старшего лейтенанта Гутана [старший офицер линкора – Д.Б.]»³. В результате оба поступили в распоряжение ГМШ. На линейном корабле «Полтава» команда через представителя судового комитета требовала списания тех офицеров, что в кровавую ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. Командир «Полтавы» капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта»⁴.

В то же время для строевых офицеров это вовсе не было концом службы. Их, «выведа из-под удара», старались использовать на других должностях или соединениях. Так, А.А. Сурандер в июне был командирован в США в распоряжение военно-морского агента, В.Е. Бурачок – в штаб дивизии сторожевых судов, а И.В. Дитерихс – в Воздушную дивизию Балтийского флота. Назначения трех остальных неизвестны, но в действующую армию они не направлялись. Таким образом, решение Центробалта фактически не было выполнено. Однако, ни эта организация, ни экипаж линейного корабля «Гангут» не пытался узнавать о дальнейшей судьбе отчисленных. По-видимому, главными задачами было продемонстрировать свою власть, а также и революционную принципиальность. Командование, в свою очередь, пыталось противодействовать доступными ему методами, демонстрируя свою заботу о подчиненных офицерах.

¹ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245. Л. 16.

² Там же. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 – 3.

³ Там же. Ф. 556. Оп. 1. Д. 148. Л. 5; Д. 149. Л. 1 об.

⁴ Там же. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018. Л. 174.

Дубровская Е.Ю.

Многомерная радикализация: российские военные и национальные и социальные движения финляндцев весной 1917 года

Современная историографическая ситуация дает возможность под новым углом зрения обратиться к изучению истории пребывания российских военнослужащих на территории автономного Великого княжества Финляндского как в начальный период Первой мировой войны, так и на ее заключительном этапе, охватывающем российскую революцию 1917 года, обретение финляндской независимости и события гражданской войны 1918 г. в Финляндии¹.

Источниками для нашей работы послужили документы из коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии (Kansallisarkisto) и фондов РГАВМФ, публикации читательских писем в русских газетах различных направлений, материалы военной цензуры, а также многочисленные протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей.

Выявленные материалы и опубликованные источники позволяют проследить, как весной 1917-го в обстановке продолжавшейся войны разграничение понятий «свой – чужой» начинало терять прежнюю определенность и показывать, насколько сложным и запутанным оказалось отношение русских военнослужащих к новому российскому правительству, к финской политике и к местному населению. Наконец, они проливают свет на то, в какой мере российские военные в Финляндии стали соучастниками финской национальной революции и, в свою очередь, испытали радикализирующее влияние финляндских социал-демократов, которые стремились воздействовать на русских социалистов в Финляндии, и, прежде всего, на активистов военных организаций.

Тема использования вооруженных сил в качестве гарантии сохранения общественного порядка и обеспечения лояльности населения княжества мало освещалась отечественными и зарубежными исследователями². Финский историк П. Лунтинен, автор наиболее обстоятельного исследования о судьбах российской армии и флота в Финляндии отметил, что весной – летом 1917 г., как и в предшествующие периоды, военные были довольно изолированы от местного общества, несмотря на «коммерческие» отношения между гарнизонами и жителями финской глубинки. Объяснив это не столько спецификой

¹Новикова И.Н. Великое княжество Финляндское в годы Первой мировой войны: от автономии к независимости // Война и общество в XX веке. В 3-х кн. М., 2008. Кн. 1. С. 186 – 231.

² См. подробн.: Дубровская Е.Ю. Российские военнослужащие в Финляндии и финляндские национальные и социальные движения в 1917 году: история изучения и перспективы исследования // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 155 – 164.

военной деятельности, сколько конфессиональной принадлежностью, различиями в языке и культуре, он пришел к заключению, что присутствие российских войск в Финляндии не стало причиной заметной «русификации»¹. Поставив под сомнение высокую степень большевизации моряков Балтийского флота, Пертти Лунтинен усматривает причины противодействия матросов приказам Временного правительства не в идеологических установках, а в усталости от войны².

В статьях и монографии его соотечественницы Оути Каремаа «Враги, гонители, паразиты: русофобия в Финляндии в 1917 – 1923 гг.» рассмотрен феномен неприязненного отношения финляндцев к русским, прежде всего, к российским военным, в период революции и в первые годы независимости³. По наблюдениям исследовательницы, заказ на русофобию возник лишь в ноябре 1917 г., когда финская буржуазия попыталась таким способом снять угрозу присоединения российских военных к всеобщей забастовке финляндцев.

Эйно Кетола, автор монографии, посвященной проблемам финляндской независимости, социал-демократического движения и российской революции, считает протестные действия матросов и солдат в Финляндии, уже в сентябре 1917 г. отказавшихся выполнять распоряжения Временного правительства, восстанием, которое стало стратегической предпосылкой Октябрьской революции. Контакты русских военных с местными жителями были минимальными, поскольку части, находившиеся в Финляндии, действовали в финноязычном окружении и среди чужой культуры, – утверждает финский историк⁴.

Тимо Вихавайнен, крупнейший в Финляндии специалист в области изучения отношения финляндцев к России и русским накануне и в период гражданской войны 1918 г., отмечает, что движение за независимость было довольно серьезным фактором в годы Первой мировой войны. Однако, с его точки зрения, решающим условием для полной независимости стала большевистская революция, а в дальнейшем российские большевики сыграли роль необходимого ускорителя в развертывавшейся гражданской войне финляндцев. Левый радикализм, который приобрел здесь «сугубо русские формы», автор называет проявлением «всемирной моды» и подвергает критике утвер-

¹ *Luntinen P.* The Imperial Russian Army and Fleet in Finland 1808 – 1918. Helsinki, 1997.

² *Лунтинен П.* Разлука без печали: как на карте Европы появилось независимое Финляндское государство // Родина. 1995. № 12. С. 27 – 31.

³ *Karemaa O.* Vihollisia, vainooja, syöpäläisiä: venäläisviha 1917 – 1923. Helsinki, 1998; *Karemaa O.* Moraalisesta närkästyksestä kansalliseksi ohjelmaksi // Venäjän kahdet kasvot: Venäjä kuva suomalaisen identiteetin rakennuskivenä. Helsinki, 2004. S. 226 – 254.

⁴ *Ketola E.* 1) Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987; 2) Suomen sotilaskapina – Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // Historiallinen Arkisto: 91. Helsinki, 1987. S. 45.

дившиеся в финляндском обществе в 1920-е – 1940-е гг. мифы об исключительно «русском» истолковании войны 1918 года¹.

Современные работы российских ученых во многом основываются на исследованиях петербургского историка В.Ю. Черняева. Многие годы советские авторы сосредотачивали внимание на дружбе финляндского пролетариата с российскими матросами и солдатами. В.Ю. Черняев одним из первых проанализировал действие такого фактора, как антирусские настроения, ставшие причиной разобщенности российских и финских революционеров. Он отметил противоречивость позиции органов русской революционной демократии, которые заявляли, что независимость Финляндии должна быть гарантирована, но не могли вывести российские войска из обретшей независимость страны до окончания мировой войны².

Ученые рассмотрели взаимоотношения российских военных и населения Финляндии, проблемы армейской и флотской повседневности, особенности власти и политической культуры в период революции 1917 года³. Однако неизученным остается вопрос о процессе, который можно назвать «двойной радикализацией». Наряду с отмеченной нараставшей разобщенностью российских военных и гражданского населения Финляндии происходило и их взаимное радикализирующее воздействие, которое усиливало напряжение внутри клубка политических и нравственных проблем и становилось причиной крайне непростой ситуации весны – осени 1917 г.

¹ *Вихавайнен Т.* Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание. Петрозаводск, 2009. С. 11 – 12, 23.

² *Черняев В.Ю.* Революция 1917 г. и обретение Финляндией независимости // Отечественная история. 1993. № 6. С. 27 – 45.

³ *Бажанов Д.А.* Снабжение экипажей кораблей Гельсингфорсской военно-морской базы в марте – мае 1917 г.: повседневность и политика // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2014. С. 146 – 155; *Бобович И.М., Китанина Т.М.*, Финляндия: создание основ экономической независимости // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 232 – 238; *Булдаков В.П.* Красная смута: природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 119 – 139, 145; *Колоницкий Б.И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001. С. 26 – 33; *Старцев В.И.* Временное правительство и Финляндия в 1917 году // Россия и Финляндия в XX веке. СПб., 1997. С. 6 – 32; *Черняев В.Ю.* Петроград и обретение Финляндией государственной независимости // Санкт-Петербург – Хельсинки. Хельсинки – Санкт-Петербург. 1809 – 2004. СПб., 2005. С. 89 – 95; *Чистиков А.Н.* Финляндия: независимость, гражданская война, отношения с Советской Россией // Интервенция на Северо-западе России: 1917 – 1920. СПб., 1995. С. 159 – 174; *Норри Т.* Joki ja sen väki II. Kokemäen historia 1870 – 2010 Tallinn, 2011. С. 135 – 148; *Manninen O.* Kapina, kansalaissota, vapaussota // Itsenäistymisen vuodet: 1917 – 1920. 2 osa. Helsinki, 1993; *Tanskanen A.* Venäläiset Suomen sisällissodassa vuonna 1918. Tampere, 1978; *Venäläissurmat Suomessa 1914 – 22*, ed. L. Westrlund. Helsinki, 2004. Osa 1, 2.

С начала XX столетия задачи защиты территории Великого княжества выполняли исключительно российские армия и флот, а под финляндскими войсками стали пониматься дислоцированные здесь армейские соединения и военно-морские силы, базировавшиеся на побережье Финского и Ботнического заливов Балтийского моря. К началу мировой войны присутствие российской армии на территории автономии воспринималось финляндским общественным мнением как часть политики «русификации» в Великом княжестве¹.

Тем не менее, в годы войны, и особенно с началом революции 1917 года, российские войска в Финляндии не всегда являлись послушным орудием центральной власти. Из-за особого положения княжества, сохранявшего известную свободу от общерусских административных органов, в гарнизонах в Финляндии было велико влияние социалистических партий. Их члены в меньшей степени подвергались преследованиям, чем на других участках фронта и прифронтовой полосы. Это влияние еще более усилилось с началом революции, газеты социалистических партий легко проникали в гарнизоны из соседнего Петрограда. Часто левые социалисты выступали за расширение финляндской автономии и против попыток использовать войска для проведения репрессивной политики².

В начале 1917 г. вместе с различными воздушными, автомобильными, велосипедными, этапными и радио подразделениями численность дислоцированного в Финляндии 42-го армейского корпуса достигала 40 тыс. чел.³ К марту 1917 г. только в финляндской столице Гельсингфорсе и крепости Свеаборг численность сухопутных войск выросла до 20 698 чел.⁴ Они занимали как военные казармы, так и здания финских народных школ⁵. Позже, в конце августа – сентябре 1917 г., численность российских войск в Финляндии достигла своего максимума, когда из-за угрозы германского десанта дополнительные силы были введены в Свеаборг и Гельсингфорс⁶. Общее количество сухопутных войск, размещенных в Финляндии, прежде всего, вдоль западного побережья и у железнодорожных магистралей, составило около 100 тыс.

¹ Суни Л.В. Очерк общественно-политического развития Финляндии. 50 – 70-е годы XIX в. Л., 1979. С. 96 – 99; Suomen historian pikkujattilainen. Porvoo; Helsinki; Juva, 1987. S. 545 – 583.

² К солдатам войск, расположенных в Финляндии. Гельсингфорс, 1917. С. 1 – 4.

³ РГВИА. Ф. 8260. 92-я бригада государственного ополчения. *Rauanheimo* S. Op. cit. S. 157, 160; Соломеч И.М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны. (1914 – февр. 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. С. 20.

⁴ Eerola Ja. «Siunattu olkoon turvamme tuoja...»: Upseereihin kohdistunut väkivalta Helsingin venäläisessä varuskunnassa helmikuun vallankumouksen 1917 aikana. Helsingin yliopisto: Humanistinen tiedekunta, Historian laitos. Pro-gradu, 1995.

⁵ Звонарев Г. Наши пехотные части в Гельсингфорсе (Из личных впечатлений унтер-офицера Свеаборгского пехотного полка, выделенного из 428-го Лодейнопольского) Гельсингфорс, 1917. С. 23; Eerola Ja. Op. cit. Liite 7.

⁶ Hoppi T. Op. cit. S. 135 – 148; Luntinen P. The Imperial Russian Army. P. 274 – 275.

чел. Вместе с личным составом баз Балтийского флота в Великом княжестве находилось до 125 тыс. российских солдат и матросов¹.

Уже с начала войны российские гарнизоны в Финляндии служили причиной обострения противоречий между армией воюющей империи и финляндским обществом. Эти противоречия проявились не только на уровне конфликтов между военными и гражданской администрацией Великого княжества, но и на уровне символических противостояний, и даже в опыте обычных жителей².

Постоянным источником неприязни к финнам со стороны русских военных и их родственников стало то, что с 1905 г. финляндские подданные были полностью освобождены от воинской повинности. Во время войны финнов обвиняли в том, что они, не участвуя в военных действиях, намерены уцелеть за чужой счет. Усилению подозрительности содействовали и распространившаяся шпиономания, и опасения предательского удара со стороны «сепаратистов»³. Командование Северного фронта, которому подчинялись российские войска в Финляндии, запретило выезд из княжества за границу мужчин в возрасте от 19 до 35 лет с целью пресечь попытки финляндской молодежи покинуть страну⁴. Формирование на территории Германии в 1915 г. из финляндских сепаратистов 27-го Королевского Прусского егерского батальона не составляло тайны для русских военных властей в Финляндии⁵.

Таким образом, характер взаимоотношений военных с населением Великого княжества и складывавшиеся представления друг о друге предопределялись развитием конфликта между финляндским обществом и армией, неизбежного в условиях военной централизации государственного управления. С одной стороны, усиливалось недовольство жителей княжества как масштабным присутствием русских войск в городах и сельской местности, так и собственным вынужденным участием в оборонительных работах и даже в финансировании строительства укреплений в защиту империи, наступавшей на автономные права Финляндии.

¹ *Nahri M.* Venalaiset juokot Suomessa autonomian aikana // *Venalaiset Suomessa: 1809 – 1917* // *Historiallinen Arkisto* 83. Helsinki, 1984. S. 161 – 180; *Turpeinen O.* Venajankielisten maara Suomessa vuonna 1900 // *Venalaiset Suomessa 1809 – 1917*. Helsinki, 1984. S. 21 – 28; *Ketola E.* Suomen solitaskapina – Lokakuun vallankumouksen strateginen edellytys // *Historiallinen Arkisto, Historiallinen Arkisto* 44. Helsinki, 1987; *Башмакофф Н., Лейнонен М.* Из истории и быта русских в Финляндии. 1917 – 1939. Helsinki, 1990. С. 100.

² *Дубровская Е.Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). Петрозаводск, 2008.

³ *Булдаков В.П.* Война империй и кризис имперства: к социокультурному переосмыслению // *Россия и Первая мировая война*. СПб., 1999. С. 406 – 418.

⁴ *Соломец И.М.* Финляндская политика. С. 34 – 35.

⁵ *Новикова И.Н.* «Финская карта» в немецком пасьянсе: Германия и проблема независимости Финляндии в годы Первой мировой войны. СПб., 2002. С. 124 – 134; *Lackman M.* Jääkarimuistelmia. Helsinki, 1994.

С другой стороны, российские военные часто были недовольны тем, что финны «уклоняются» от военной службы и даже симпатизируют врагу. И все же, несмотря на обострившиеся противоречия между гарнизонами и местным населением, революция 1917 г. не привела к взрыву насилия в отношениях между военными и гражданским населением. Напротив, как будет показано ниже, эти взаимоотношения были очень сложными и отнюдь не сводились к конфронтации.

Февральская революция 1917 года в финляндских гарнизонах.

Революция 1917 г., породившая надежды на решительную демократизацию общества, вызвала прилив симпатий финляндцев к России. Население княжества надеялось на восстановление автономных прав Финляндии и ее основных законов, ослабление тягот военного времени¹. Однако отличительной чертой первого периода революции стали кровопролитные стычки на базах Балтийского флота, прежде всего, в Гельсингфорсе².

Желая удержать флот вне политики и сохранить боеспособность соединений, командующий Балтийским флотом вице-адмирал А.И. Непенин и командир 42-го армейского корпуса генерал А.А. Гулевич попытались скрыть от рядовых военнослужащих известия о революционных событиях в Петрограде. 27 февраля генерал-губернатор Финляндии Ф.А. Зейн приказал военным и гражданским властям «всеми имеющимися в их распоряжении средствами не допускать, чтобы беспорядки перекинулись в пределы края, а в случае возникновения таковых, пресекать их в самом начале, безотлагательно задерживать агитаторов и зачинщиков и вообще действовать энергично и решительно, при недостаточности же полицейских средств обращаться в точном соответствии с законом к содействию войск». Командование отдало распоряжение изолировать солдат, запретив им общаться с посторонними лицами и фактически заперев их в казармах³. Тогда же был отдан приказ командующего флотом о приведении кораблей в боевую готовность, прекращении

¹ *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 6 – 32; *Черняев В.Ю.* Российское двоевластие и процесс самоопределения Финляндии // *Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть.* СПб., 1994. С. 308 – 323.

² *Бажанов Д.А.* Щит Петрограда: служебные будни российских дредноутов в 1914 – 1917 гг. СПб., 2007. С. 223; *Kalleinen K.* Helsingin upseerisurmat maaliskuussa 1917 // *Venäläisurmat Suomessa 1914 – 1922. Osa 1. Sotatapahtumat 1914 – 22*, ed. Lars Westerlund. Helsinki, 2004. S. 149 – 183; *Longley D.* Officers and Men: A study of the development of political attitudes among the sailors of the Baltic Fleet in 1917 // *Soviet studies.* 1973. XXV. P. 28 – 50; *Saul N.* Sailors in Revolt. The Russian Baltic Fleet in 1917. Lawrence, Kansas, 1978.

³ РГВИА. Ф. 3049. Оп. 1. Д. 17. ЛЛ. 156 об. – 157; *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 121.

увольнений офицеров на берег, а также о запрещении увольнять на берег более одной трети матросов команды и позднее 19 час.¹ Железнодорожная и телеграфная связь с Петроградом были прерваны.

Первые сведения о событиях в столице империи просачивались в виде слухов и порождали страх и неуверенность. Поиск «врага» переносился во внутрь сообщества военных, и врагом мог оказаться каждый. Еще в полдень 3 марта матросы береговой роты минной обороны, не получавшие официальных сведений о происходившем в Петрограде, собрались во дворе казарм, чтобы выйти в город на демонстрацию. Именно матросы, а не финляндские граждане, в первые мартовские дни 1917 г. воспринимались офицерами как главная угроза порядку и спокойствию.

Вице-адмирал А.И. Непенин запретил любые манифестации, мотивируя это распоряжение тем, что в Финляндии «население нерусское», и демонстрации военных могут «послужить соблазном для населения»². Жители Финляндии особенно резко были настроены против генерал-губернатора Ф.А. Зейна, которого считали преемником курса, проводившегося в начале века его предшественником Н.И. Бобриковым, и против вице-председателя хозяйственного департамента сената М.М. Боровитинова. Под угрозой забастовки железнодорожников Временный комитет Государственной думы принял решение арестовать Зейна и Боровитинова. По поручению комитета это сделал командующий флотом А.И. Непенин, который 2 марта доложил Морскому Генеральному штабу о том, что «в Гельсингфорсе и во всей Финляндии все спокойно»³. Арестованные генерал-губернатор и вице-председатель сената были препровождены в Петроград, причем охрана обходилась с ними весьма грубо⁴.

Оценив степень серьезности переживаемого момента, командующий присоединил свой голос к апелляциям, исходившим от кругов, которые рассчитывали склонить Николая II к отречению от престола. 3 марта А.И. Непенин приказом по флоту объявил о своей поддержке Временного правительства, не сделав, однако, разъяснений о характере новой власти.

Командующий разделял мнение офицеров своего штаба, уверенных, что чем скорее будут разрешены политические вопросы, тем более надежной останется обстановка. Подчиняя все предпринимаемые шаги выполнению этой главной для себя задачи, командующий поступал вполне логично. Когда его стремления изолировать флот от революции потерпели неудачу, Непенин

¹ Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. Сборник документов. М.; Л., 1957. С. 17.

² Балтийские моряки. С. 29.

³ Бурджалов Э.Н. Указ. соч. С. 122.

⁴ Юссилла О. Великое княжество Финляндское 1809 – 1917. Хельсинки, 2009. С. 740 – 741.

переменил тактику, стараясь сдержать начавшийся процесс в тех пределах, которые он считал допустимыми¹.

Однако восстание на линкоре «Андрей Первозванный» в ночь на 4 марта опередило эти намерения. Стихийное выступление команд 2-й бригады линкоров сопровождалось страшными расправами над офицерами, и командующему флотом суждено было разделить участь десятков его подчиненных, офицеров Балтийского флота, убитых в Гельсингфорсе в первые мартовские дни 1917 года².

Акт об отречении Николая II пришел в Гельсингфорс утром 3 марта, вечером началось его чтение на кораблях, но город и флот достаточно подробно были осведомлены уже в первой половине дня о революции в Петрограде и последовавших кровавых событиях в Кронштадте. Вспоминая о восстании 2-й бригады линейных кораблей, унтер-офицер 428-го Лодейнопольского полка Г. Звонарев подчеркнул, что «жители еще спали сладким утренним сном, ни о чем не думая и ничего не подозревая. Лишь солдаты да матросы в эту ночь не сомкнули глаз»³.

В действительности же настроения финского населения города были весьма далеки от нарисованной им картины. Особенно это касалось жителей района Катаянокка, оказавшихся в непосредственной близости от центра событий. Их восприятие происходившего 3 – 4 марта нашло отражение в дневниковых записях Теклы Хултин, депутата финляндского парламента. Около полуночи 3 марта она узнала из телефонного разговора, что на примыкавших к порту улицах видели толпы возбужденных матросов, которые направлялись к морским казармам, слышали крики и выстрелы с кораблей. Засидевшиеся у нее гости заторопились по домам, и из Катаянокка они сумели выбраться благополучно, но дальше «какие-то матросы остановили трамвайный вагон и несколько раз выстрелили, почему – никто не знает».

«Странно выглядели ночью корабли, на всех мачтах и на носу которых горели красные огни... С утра вместо огней были подняты красные флаги, – записывала на следующий день Т. Хултин, – По словам жителей домов, расположенных по дороге к морским казармам, у них до поздней ночи никто не мог заснуть из-за проезжавших мимо военных автомобилей, проходивших толп буйствующих военных и выстрелов»⁴. Автор дневника свидетельствует, что в течение трех дней ее не покидало тяжелое чувство при виде управляемых солдатами автомобилей с безоружными офицерами: «Неотвязной становилась мысль: куда и навстречу какой судьбе?». Все же многие из офицеров в последний момент спасались, и часто благодаря помощи финнов.

¹ Longley D. Op. cit. P. 35.

² Смолин А.В. Восстание в Гельсингфорсе 3 – 4 марта 1917 г. и убийство вице-адмирала А.И. Непенина // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Материалы Восьмой ежегод. междунар. науч. конф. СПб., 2007. С. 22 – 33.

³ Звонарев Г. Указ. соч. С. 5 – 7.

⁴ Hultin T. Paivakirjani kertoo: 1914 – 1918. II osa. Helsinki, 1938. S. 177 – 178.

Революция создавала для финнов не вполне понятную, неясную и неудобную ситуацию. Жители Великого княжества имели смутные представления о политических силах, которые участвовали в Февральской революции (сначала она воспринималась в Финляндии как чисто «русская военная революция»¹). Однако здесь уже возникло предчувствие того, что крушение самодержавия должно повлечь за собой последствия, важные и для Финляндии.

Общественно-политические организации: предпочтения российских военных

С началом революции в войсках, дислоцированных в Финляндии, как и по всей стране, возникли комитеты, ставшие зачатком новой «революционной» власти в армии. За ними сразу утвердилось название «комитет», хотя встречались и «Советы». В первые мартовские дни 1917 г. командование пыталось бороться против создания комитетов. Однако рост числа «самочинных» солдатских комитетов в войсках и их авторитет наводил военное руководство на мысли об использовании популярных организаций в интересах сохранения дисциплины и для пропаганды идеи продолжения войны.

Мероприятия Временного правительства были нацелены на улучшение отношений между Россией и Финляндией с тем, чтобы изменить в пользу России прежнюю финляндскую ориентацию на Германию и Швецию. 7 (20) марта Временное правительство приняло проект «Манифеста о восстановлении конституции Великого княжества Финляндского и применении ее в полном объеме». Манифестом отменялись прежние постановления, ограничивавшие автономные права Финляндии².

На другой день после принятия этого манифеста вице-адмирал А.С. Максимов, только что избранный на должность командующего Балтийским флотом, во время встречи с финляндскими студентами просил их поддержать военные усилия новой России и содействовать возвращению в Финляндию егерского батальона³. Финляндские власти не находились в сфере непосредственного подчинения русским военным организациям, однако, на начальном этапе разделение обязанностей между ними не было вполне отчетливым⁴.

Так, армейские и флотские советы, возникшие в Финляндии, стали заниматься проблемами русского населения, и в то же время с помощью подчиненных им военных частей отвечали за сохранение порядка в среде финнов. 4 марта в Гельсингфорсе был создан Совет депутатов армии, флота и рабочих

¹ Смирнов В.М. Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг. Л., 1933. С. 77.

² Журналы заседаний Временного правительства. Март – октябрь 1917 года. В 4-х т. М., 2001. Т. 1. С. 49.

³ Батальон к тому времени был выведен с восточного фронта, где успел в течение двух месяцев принять участие в военных действиях на стороне Германии.

⁴ Ketola E. Kansalliseen kansanvaltaan: Suomen itsenäisyys, ssiaali-demokratit ja Venäjän vallankumous 1917. Helsinki, 1987. S. 66.

Свеаборгского порта, который взял на себя руководство всей политической жизнью военнослужащих в Финляндии и стал именоваться Гельсингфорским советом депутатов армии, флота и рабочих. Ведущий среди русских советов в Финляндии, он объединял свыше 500 депутатов от моряков, армейцев и рабочих гельсингфорских оборонных предприятий.

7 марта по соглашению секции охраны народной свободы Гельсингфорского совета с начальником штаба Свеаборгской крепости морские команды вышли в караулы по охране казенных и общественных учреждений, заводов, банков и повсеместно порядок был восстановлен. В ведении секции находилась охрана железнодорожного полотна и мостов от Гельсингфорса до Выборга, порученная 32-ой пешей Смоленской дружине¹. На следующий день депутаты исполкома Совета единодушно одобрили предложение финляндских социал-демократов осуществлять охрану Гельсингфорса совместными усилиями. Для руководства деятельностью новой городской милиции, ядром которой стали организованные финские рабочие, предполагалось создать комитет по поддержанию порядка².

Вместе с финнами – представителями от Гельсингфорского сейма рабочих организаций и городского муниципалитета – в комитет могли войти по два депутата от русских революционных организаций и от исполкома Гельсингфорского совета³. На том же заседании исполком передал на разрешение финляндской социал-демократической партии вопрос о мерах, препятствующих продаже оружия по всей Финляндии. Во время ответного визита делегации исполкома, приветствовавшей СДПФ, депутат от офицеров штаба командующего флотом И.И. Ренгартен, товарищ председателя Исполнительного комитета, обратился к ЦК партии с просьбой помочь Совету в охране финляндской границы⁴. Тем не менее, только что возникшая рабочая милиция Гельсингфорса, которую возглавил петербургский рабочий социал-демократ Густав Ровио, отказалась сотрудничать с органами контрразведки 42-го корпуса и с секцией охраны народной свободы, созданной Советом. Задача привлечения милиции под контроль Временного правительства и превращения в

¹ Балтийские моряки. С. 42; Известия Гельсингфорского совета. 1917. 21 марта.

² РГАВМФ. Ф. Р-2063. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 об.

³ Сюккяйнен И.И. Гельсингфорский сейм рабочих организаций в 1917 – 1918 гг // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Т. V. С. 58.

⁴ В планы представителей «второй» русской власти входило намерение создать некую народную армию против угрозы со стороны Германии. Возражавший против этого предложения секретарь СДПФ М. Туркия заявил, что формирование милиции — это дело финляндского Сейма (КА. Д. 3240. Протокол экстренного заседания Исполкома Гельсингфорского совета 21 (8) апреля 1917). Что касается свободной продажи оружия в Финляндии, то, к примеру, в майской Ведомости состояния денежных сумм управления Сердобольского воинского начальника специальная статья расходов была отведена на приобретение оружия от населения (Национальный архив Республики Карелия. Ф. 763. Оп. 1. Д. 8. Л. 2).

своего рода вспомогательное средство стала особенно важным делом для русских властей и прежде всего – для нового генерал-губернатора Финляндии октябриста М.А. Стаховича.

Совет депутатов армии, флота и рабочих Або-Оландской укрепленной позиции, начавший работу 8 марта, сразу же делегировал троих представителей в Гельсингфорсский совет. Им, как и делегату от СДПФ Г. Ровио, были предложены места в Исполкоме. Ведущий русский Совет в Финляндии расценивал контакты с военнослужащими Або, второй по величине военно-морской базы, как самые важные наряду с теми, что устанавливались с руководством финляндской социал-демократии¹.

В дни революции в Або восставшие захватили почту, телеграф и при поддержке финских рабочих освободили из тюрьмы политических заключенных². Однако, по воспоминаниям участника событий В. Сидоренко, входившего в Исполком Або-Оландского совета, хотя финские рабочие пытались присоединиться к манифестантам, им пришлось от этого отказаться «по просьбе товарищей матросов». Прислушавшись к доводам моряков, что тем самым финны «нарушают их действия», рабочие не пожелали «противодействовать» и «старались по возможности отойти, зная, что совершается великий подвиг и что подвиг приведет к хорошему делу»³.

Во всех армейских частях, на всех кораблях и соединениях Балтийского флота возникли выборные комитеты. Гарнизонные комитеты были созданы в 19 городах Финляндии⁴. Не позже 5 марта начал работу гарнизонный Исполнительный комитет г. Николайстаде (Вааса). Сохранились выписки из протоколов его первых заседаний, объявленные комендантом в приказе по гарнизону. «Во избежание каких-либо кровавых враждебных нам столкновений», которые могли основываться на слухах о том, «что местное население, финны, желают враждебно отнестись к притеснителям шведам», комитет направил депутацию к представителям финских народных союзов. Те опровергли слухи как провокационные, однако «из-за опасения контрреволюции» депутаты решили выслать в город патруль и конные разъезды.

Финской полиции было предложено сдать оружие и патроны под охрану комитета, после чего в патронный склад полка поступили 220 винтовок с 42 тыс. патронов. Распоряжаться ими мог лишь гарнизонный комитет, депутаты несли ответственность за оружие и боеприпасы в своих ротах и командах. О каждом случае расходования боеприпасов следовало немедленно ставить в известность председателя комитета. Доверенное воинским чинам оружие предписывалось «хранить с достоинством гражданина и не выдавать никому,

¹ РГАВМФ. Ф. Р.-92. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.

² Киуру М.Х. Боевой резерв революционного Петрограда в 1917 г.: из истории русских большевистских организаций в Финляндии. Петрозаводск, 1965. С. 9.

³ Сидоренко В. Воспоминания дней Великой Русской революции в Або // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 1 апреля; Киуру М.Х. Указ. соч. С. 9.

⁴ РГАВМФ. Ф. Р.-2063. Оп. 1. Д.16. Л.164; РГВИА. Ф. 2031. Оп. 1. Д. 135. Л. 109.

даже если это потребует офицер»¹.

Временный исполнительный комитет Николайстадского гарнизона предостерегал рядовых от нарушения «неприкосновенности личности своих сограждан-финляндцев и их собственности», нападений «с грубыми словами или действиями», запрещал требовать спиртное «под угрозой оружия», забирать без денег товары и продовольствие в лавках и магазинах, а также напоминал о необходимости «взаимовежливых отношений с офицерами»². Примечательно, что в апреле Гельсингфорсский совет также запретил военным «вмешиваться в личные дела финляндского народа», «уничтожать памятники, принадлежащие Финляндии», «ходить по базару с оружием в руках, требуя уменьшения цен на продукты, и совершать прочие недостойные своего народа поступки»³.

Обращает внимание работа гарнизонного комитета Николайстада. Только с его ведома разрешались отпуска военнослужащих, комитет осуществлял надзор как за приезжавшими, так и за лицами, отбывавшими из города. Для этого у полицмейстера города был затребован наряд местной полиции. Аресты могли производиться лишь по постановлению комитета, за исключением случаев нарушения порядка, не терпящих отлагательства: «Пьяных и других нарушителей... удалять или забирать, а поступки представлять на разбор комитета». Соблюдение «общего порядка» было возложено «на взаимную поруку воинских чинов». Комитет взял под охрану городскую электростанцию, поручив начальнику гарнизона совместно со специалистами и городскими инженерами выработать инструкцию по ее охране, в кратчайший срок представив на утверждение комитета. В знак признательности за организацию охраны города Товарищество табачных предприятий в Николайстаде передало в дар гарнизонному комитету 148 тыс. коробок папирос.

7 марта Исполнительный комитет Тавастгусского гарнизона постановил собраться в Старофинских казармах, чтобы оттуда при участии местного населения с оркестром проследовать на площадь и построиться возле ратуши. Демонстрантам предписывалось «во всех частях иметь только красные знамена»⁴.

16 марта на общем собрании Гельсингфорсского совета – «второй» власти, руководившей российскими военными в Финляндии, выступил министр юстиции в первом составе Временного правительства А.Ф. Керенский. Он

¹ КА. Русские военные бумаги. 465. Приказ № 18 по гарнизону г. Николайстада 9 марта 1917 г.

² Известия Гельсингфорсского Совета. 1917. 22 марта.

³ Известия Гельсингфорсского совета. 1917. 8 апреля.

⁴ КА. Русские военные бумаги. Д. 11973. Протокол исполкома Тавастгусского гарнизона 7 марта 1917.

объявил «о полной амнистии финским гражданам, которых царизм преследовал за политические преступления»¹. Последовательный сторонник восстановления финляндской конституции, он заверил участников митинга, что «союз России и Финляндии будет вечным»². Однако, хотя Временное правительство подтвердило, что Финляндия восстановила автономию, оно выступило против ее полной самостоятельности. Финны же требовали, по крайней мере, международных гарантий своей автономии³.

Разрушение целостности восприятия военными привычного мироустройства, неизбежно возникавшее в связи с провозглашением самоопределения народов, заставляло создавать вместо прежней имперской системы ценностей новую, «федеративную». Этому подчинялось и стремление к совместному освоению пространства города российскими военными и финскими рабочими во время матросских и солдатских митингов на Сенатской площади в центре финляндской столицы.

5 апреля 1917 г. 20-тысячный митинг военных собрался в поддержку манифестации финских рабочих-металлистов, обратившихся к солдатам и матросам через газету гельсингфорских большевиков «Волна». Профсоюз металлистов предъявил ультиматум союзу предпринимателей: или немедленное повсеместное введение в Финляндии 8-часового рабочего дня, или всеобщая забастовка рабочих Финляндии. По свидетельству одного из руководителей гельсингфорских большевиков В.Н. Залежского, среди участников митинга преобладали матросы, «настроение было сильно повышенное», звучали «речи финских рабочих к матросам, речи наших ораторов», началось «братание русских с финнами»⁴. Делегация от рабочих, избранная на митинге, добилась от предпринимателей согласия на удовлетворение требований металлистов⁵.

6 апреля общее собрание Гельсингфорского совета приветствовала делегация Центральной организации профессиональных союзов Финляндии (ЦОПФ) во главе с Ээро Хаапалайненом. Он благодарил русских солдат, матросов и рабочих за оказанную ими «великую услугу», закончив выступление приветствием «да здравствует великая российская революция»⁶. Однако социал-демократическое руководство ЦОПФ вынесло законопроект о 8-часовом рабочем дне на утверждение сейма, хотя на многих предприятиях он уже был установлен явочным порядком. Финны настаивали, чтобы до разрешения вопроса парламентским путем русские матросы и солдаты «спокойно дожидались результатов этих мероприятий» и не вмешивались в конфликты между

¹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 19 и 21 марта.

² Новикова И.Н. «Финская карта». С. 140.

³ Лунтинен П. Указ. соч. С. 27 – 31.

⁴ Залежский В.Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. // Пролетарская революция. 1923. № 5. С. 126 – 127.

⁵ Polvinen T. Venäjän vallankumous ja Suomi 1917 – 1920. 1 osa: Helmikuu 1917 – Toukokuu 1918. Helsinki, 1967. S. 47 – 48.

⁶ Волна. 1917. 8 апреля.

рабочими и работодателями без согласия ЦОПФ и исполкома Гельсингфорского совета¹.

Вскоре после митинга в поддержку металлистов представитель СДПФ выступил на заседании совета с протестом против действий гельсингфорского комитета, «нарушившего конституцию страны». Несмотря на преобладающее влияние эсеровской партии на депутатов совета, присутствующие встретили это заявление «шумом и даже свистом»². Газета социал-демократов «Tuomies» писала в эти дни о решительной поддержке, которую финским трудящимся оказали матросы и солдаты, потребовавшие немедленного установления 8-часового рабочего дня во всех, а не только в каких-то отдельных областях труда³.

Одновременно с попытками участников митингов и демонстраций обособиться по этническому признаку или по партийной принадлежности весной 1917 г. наблюдалось и явное стремление военных к «снятию» оппозиции. Вслед за «братанием» с финнами или с украинцами, служившими в российских войсках, эту же цель преследовало и проведение совместного шествия по Гельсингфорсу в день пролетарского праздника 1 мая (18 апреля ст. ст.)⁴.

Хотя отношения русских с финнами не везде складывались благополучно, все же «в межнациональной стене с обеих сторон пробивалась брешь»: военные вмешивались в отношения финских работодателей и рабочих, помогли ввести 8-часовой рабочий день, тайно обучали финских рабочих стрельбе и вооружали их через комитеты социал-демократической партии, закладывая основу будущей финской Красной гвардии. СДПФ пожертвовала по 5 тыс. марок большевикам и меньшевикам Гельсингфорса и Петрограда⁵. Все глубже втягиваясь в общероссийский революционный процесс, финляндцы, в свою очередь, «революционизировали» российских военнослужащих, многие из которых прежде были далеки от политики.

Так, по воспоминаниям одного из финских красногвардейцев, предыстория вооруженного отряда в г. Куопио началась с того, что весной они просили оружие у пехотинцев полка, стоявшего в городе. Просьба осталась не удовлетворена: «командование полка было эсеровски настроено и после Февральской революции исповедовало идею великодержавия, поэтому не желало вооружать население»⁶.

¹ Известия Гельсингфорского совета. 1917. 7 апреля.

² Залежский В.Н. Указ. соч. С. 129.

³ Soikkanen H. Kansalaissota dokumentteina: valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917 – 1918. 1 osa. Helsinki, 1967. S. 19.

⁴ Дубровская Е.Ю. Русский Гельсингфорс весной – летом 1917 года (политическая топография города) // Культуры городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков. СПб., 2009. С. 245 – 258.

⁵ Черняев В.Ю. Российское двоевластие. С. 312.

⁶ Punakaarti rintamalla (luokkasodan muistoja). Leningrad, 1929. S. 264.

С утратой задачи защиты троны и суверенитета империи утратила смысл и обязанность военных напоминать населению об обязательном уважении к центральной власти, гарантировать политический и общественный порядок. Показателен факт участия русских матросов и солдат в захвате главного лютеранского храма Гельсингфорса – Николаевского собора – французским анархистом Жаном Болдтом¹.

17 июня перед четырьмя сотнями своих сторонников Болдт с амвона собора произнес «зажигательные речи» на шведском, французском и русском языках и потребовал, чтобы финский сейм немедленно выработал закон о коммунальном самоуправлении. Выступления прерывались бурными аплодисментами его сторонников и пением «Марсельезы», «Интернационала», «рабочего марша и анархистских песен». Как отмечала пресса, среди слушателей Болдта были немногие матросы и армейцы, но в случае, если бы «солдаты вмешались в это дело», могла возникнуть опасность «кровопролития». Когда Финский комитет общественного порядка попытался очистить церковь, один из матросов пригрозил, что «на помощь придет военная сила в 5 тыс. человек»².

К утру Болдт и несколько участников захвата собора были арестованы и препровождены в полицейское управление. Когда толпа на Сенатской площади узнала об аресте, многие бросились в гавань звать на помощь матросов. Собравшиеся на площади, в том числе и российские военные, вступили в стычки с милиционерами, ранив троих, однако не смогли освободить арестованных. На следующий день Ж. Болдт был вынужден уехать из города.

Примерно в это время один из депутатов офицерского комитета 3-го Прибалтийского конного полка писал в абоских «Известиях»: «Став на путь попрания финских законов, мы сослужим себе плохую службу в будущем... нарушения нами финских законов дает повод к тому, что финны могут всегда сослаться на наши по отношению к ним беззакония. Финны веруют в закон больше, чем в Бога. Вековые беззакония в России научили нас смотреть на закон легко. Пройдут года – мы изменим свои взгляды, но пока будем уважать закон и обычаи других народов»³.

Последствия мартовской дезорганизации в гельсингфорских частях давали о себе знать вплоть до лета 1917 года⁴. В середине мая – начале июня

¹ *Soikkanen H.* Kansalaissota dokumentteina. Valkoista ja punaista sanankäyttöä v.1917 – 1918. Osa 1. Helsinki, 1967. S. 88 – 92.

² Грандиозный скандал в Николаевской церкви. К сведению финляндского православного духовенства. Гельсингфорс, 1917. С. 19.

³ *Любимов В.* Финны и закон // Известия Совета депутатов АОУП. 1917. 2 мая.

⁴ Так, в середине апреля командиру 509-го пехотного Гжатского полка поступали запросы Управления начальника артиллерии о том, возвращены ли из 428-го пехотного Лодейнопольского полка шесть десятков винтовок, «взятых во время революции». В

рядовые тыловых гарнизонов, как и солдаты в действующей армии, устраивали митинги протеста против наступления на фронте, готовившегося Временным правительством, и впервые стали прислушиваться к большевикам¹. В условиях развала государственных институтов, прежде скреплявших империю, и ухудшения военного и политического положения России национальные элиты Финляндии, первоначально умеренные, все больше стали склоняться к идее отделения от России².

Итак, положение русских войск в Финляндии весной 1917 г. оставалось противоречивым. Имели место как конфликты между российскими военными и населением Финляндии, так взаимодействие между ними. Весной 1917 г. одновременно с нараставшим движением финляндцев за все большее расширение автономных прав бывшего княжества происходило левение солдат и матросов, чему способствовала общая ситуация в Финляндии. В свою очередь, и военнослужащие, преследовавшие собственные цели в революции, влияли на радикализацию социальных движений и национальных устремлений финляндцев, участвуя в их политических акциях и обещая поддержать силой выдвинутые ими требования. Содействуя революционной радикализации, русские гарнизоны часто непреднамеренно способствовали росту национального движения в Финляндии и этим ускорили достижение независимости страны в декабре 1917 г. В обстановке, когда одних вдохновляла поддержка российских военных, а другими руководил страх перед угрозой насилия с их стороны и ростом преступности в рядах «демократизировавшихся» армии и флота, неизбежно становилась более радикальной и тактика финляндцев, которые добивались независимости.

Надсадный Д.В.

*Городские благотворительные учреждения Петрограда
в марте – октябре 1917 г.*

Данная статья продолжает исследование тенденций развития муниципальной благотворительности Петрограда в революционный период 1917 года, которое было начато двумя статьями, опубликованными в предыдущих

середине июля тем же вопросом интересовался штаб 128-й пехотной дивизии, выяснявший, «сколько винтовок пропало во время переворота и сколько нашлось чужих винтовок» (РГВИА Ф. 3048. Оп. 1. Д. 5. ЛЛ. 14 об., 37 об.).

¹ *Базанов С.Н.* Разложение русской армии в 1917 году (к вопросу об эволюции понимания легитимности Временного правительства в сознании солдат // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 283; *Фролов Ю.П.* Февраль – октябрь 1917 г. на Балтийском флоте и в Финляндии (Воспоминания морского врача) // Скандинавский сборник. Таллин, 1962. Вып.V. С. 163 – 173.

² *Новикова И. Н.* «Финская карта». С. 157.

сборниках¹. Тема представляет несомненный интерес, тем более что деятельность благотворительных институтов в это бурное время пока изучена недостаточно. В статье продолжается введение в научный оборот ранее не использованных документов из фонда Городской исполнительной комиссии по благотворительности, хранящегося в ЦГИА СПб.

Накануне Февральской революции Петроградское городское самоуправление располагало достаточно обширной сетью муниципальных благотворительных учреждений разного характера: детские приюты, ночлежные дома, убежища для престарелых и больных, бюро трудовой помощи и мастерские, дешевые и бесплатные столовые, продовольственные лавки и др. Часть из них находилась в непосредственном заведовании Городской комиссии по благотворительности или Особого присутствия по разбору и признанию, часть – в ведении городских попечительств о бедных или других исполнительных органов Петроградской городской думы.

Например, в ведении 1-го городского попечительства о бедных на январь 1917 г. находились: детская, взрослая бесплатная и общественная столовые, учреждение помощи матерям «Капля молока», две продовольственные лавки, два убежища (для мальчиков и престарелых женщин), детский приют-лечебница имени великой княжны Ольги Николаевны для заразных кожных болезней, три мастерские (швейная, сапожная и вязальная), две квартиры для беженцев. Всего – 14 учреждений².

К началу февральских событий муниципальные благотворительные учреждения испытывали определенные трудности, связанные, прежде всего, с недостаточным городским финансированием сферы общественного призрения, усугублявшиеся обстоятельствами военного времени: увеличением контингента призреваемых (солдатские семьи, беженцы, военные сироты, инвалиды), ростом цен, общим снижением уровня жизни. Все это чувствительным образом отражалось не только на «клиентах» городской благотворительности, но и на служащих городских благотворительных учреждений.

Свершившаяся революция первоначально виделась как благо – возможность кардинально реформировать благотворительные институты и на их основе создать новую систему широкой социальной помощи, лишенную прежних недостатков. Так, в статье В. Ландсберга, опубликованной в мартовском номере журнала «Призрение и благотворительность в России», утверждалось следующее: «Призрение должно рассматриваться как обязанность общества

¹ См.: *Надсадный Д.В.* 1) Городская исполнительная комиссия по благотворительности (Петроград. 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые походы и взгляды. Сб. науч. статей / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2013. С. 58 – 67; 2) Городские попечительства о бедных в Петрограде и солдатские жены в 1917 г. // Революция 1917 года в России: Новые походы и взгляды. Сб. науч. статей / Ред. колл.: А.Б. Николаев, Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб., 2014. С. 76 – 89.

² ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 79. ЛЛ. 1 – 2.

по отношению к известным категориям лиц, и потому система личного патронажа, выродившаяся в почти полицейский надзор за просящими о пособии, должна быть оздоровлена, очищена от поддержания пауперизма и освежена постановкой дела на почву живой общественной связи призреваемых с заботящейся о них организацией. Это изменение духа попечительств будет служить лучшим средством к тому, чтобы и состав попечительств естественно мог обновиться и чтобы в его ряды были втянуты представители рабочих и других демократических кругов населения»¹.

Одной из первоочередных мер, способной привести муниципальные благотворительные учреждения в соответствие «с условиями изменившегося государственного строя» и повысить их эффективность, считалась «демократизация» городских благотворительных учреждений путем привлечения к участию в управлении не только представителей от персонала, но и от «клиентов» (в первую очередь солдатских жен) – «ибо только при участии самих демократических элементов в деле призрения оно будет достигать своей цели»². На одном из первых послереволюционных заседаний Комиссии по благотворительности 16 марта 1917 г., на котором рассматривались события, «связанные с переживаемыми событиями», было решено «пригласить для участия в заседаниях комиссии по одному представителю от общественных районных комитетов с правом решающего голоса». Также было признано желательным «участие представителя воспитательного персонала [...] при обсуждении вопросов, касающихся детских домов с правом решающего голоса»³.

На основании постановления Городской думы от 12 марта о том, что «что все дела в исполнительных комиссиях городского общественного управления обсуждаются при участии представителей соответственных категорий городских служащих с правом решающего голоса», в апреле 1917 г. членом комиссии от ее служащих была избрана Ольга Романовна Тепфер – долголетний делопроизводитель Комиссии по благотворительности⁴.

В мае – июле 1917 г. рассматривался вопрос о новой форме управления городскими детскими домами с участием представителей служащих детских домов. С июля начали образовываться комитеты городских детских домов и других благотворительных учреждений. Первыми были образованы комитеты при 11-м городском детском доме, сиротском доме им. Г.Г. Белоград-

¹ Ландсберг В. Городские попечительства и грядущие районные думы // Летопись Петроградских городских и пригородных попечительств. № 2 – 3. Февраль – март 1917 г. С. 51 – 58.

² Там же. С. 58.

³ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 96. Л. 48.

⁴ Там же. Л. 70 об.

ского, профессиональной школе им. Е.Г. Богдановой и 1-м городском убежище для бывших городских стипендиатов¹. В проекте преобразования Комиссии по благотворительности, рассматривавшемся комиссией в июне рекомендовалось ввести в состав членов комиссии, помимо председателей комитетов городских благотворительных учреждений, по одному представителю от воспитательниц детских учреждений, врачей, канцелярских служащих комиссии и низших служащих². В проекте Положения об общественном призрении г. Петрограда, рассматривавшемся Городской управой в начале октября 1917 г., также предусматривалось обязательное участие выборных представителей служащих в работе соответствующих городских и районных органов управления призрением³.

Но, на практике подобная демократизация зачастую приводила не к снижению недоверия и конфликтов, а к усилению розни между различными категориями служащих городских благотворительных учреждений и «клиентами» муниципальной благотворительности, взаимным склокам и доносам. В качестве примера можно привести ситуацию в 3-м городском сиротском доме для малолетних детей. В мае его решено было перевести на свежий воздух, за город – в Лесное, в здание бывшего приюта Общества призрения немощных детей. Это казалось тем более необходимым, «что находящееся во дворе последнее помещение Убежища от наводнения занято заразным лазаретом 150-го запасного полка»⁴. Однако такая перспектива не устраивала некоторых членов персонала. От имени представителей всех городских детских домов была написана коллективная петиция в местный исполнительный комитет Союза городских служащих с жалобами на неправильные и незаконные действия Комиссии по благотворительности – в недоплате причитающегося жалования, недостаточном пищевом довольствии, незаконных увольнениях и т.п.⁵

Жалоба почему то поступила в Центральный комитет служащих и рабочих городских железных дорог. В июле от этого комитета в качестве проверяющего в детский дом был делегирован член комитета, рабочий-трамвайщик (большевик) Константин Николаевич Блохин. Опираясь на заявления некоей М. Буткус, Блохин нашел, что условия жизни «малюток» в приюте «чрезвычайно скверные, как в смысле питания, так и ухода, не говоря уже о помещении, <...> что уход за детьми очень скверный, им часто дают чай из некипяченой воды, <...> в наказание оставляют утром без сахара к чаю и без хлеба, и становятся на колени на несколько часов; я же лично видел как двое детей мыли

¹ Там же. Л. 86 об.

² Там же. ЛЛ. 118 об. – 119.

³ Там же. Д. 80. Л. 233.

⁴ Там же. Д. 96. Л. 78.

⁵ Там же. Д. 98. ЛЛ. 57 – 58.

грязную уборную». Здание приюта требует ремонта и не приспособлено к содержанию детей не только зимой, но даже и летом. Блохин требовал назначения санитарно-технической комиссии для осмотра дома и кроме того особой следственной комиссии для обследования положения дел во всех городских детских домах. Главный информатор К.Н. Блохина – та самая М. Буткус – оказалась бывшей прачкой детского дома, уволенной по причине сокращения штатов в связи с переездом дома с Васильевского острова в Лесное. По мнению Блохина ее уволили незаконно¹. В результате, была назначена комиссия, которая подтвердила пригодность после некоторого ремонта дома для размещения в нем детей². Со своей стороны, отвечая на выдвинутые претензии, Комиссия по благотворительности заявила, что «суждение трамвайного рабочего Блохина об условиях питания и помещения питомцев сиротского дома не может считаться авторитетным», а заявление бывшей прачки Буткус «объясняется ее неудовольствием на то, что ее уволили со службы за постоянные неуместные вмешательства в дело содержания и воспитания детей», а также «ввиду ее крайне грубого и дерзкого нрава». Причем вопрос ее увольнения уже разбирался в Василеостровском совете рабочих и солдатских депутатов и был решен не в ее пользу³. В конце августа товарищ городского головы А.А. Никитский (меньшевик-интернационалист) предложил комиссии пересмотреть свое решение и доложить Городской управе о возможности обратного перевода 3-го городского детского дома в Гавань согласно желанию служащих⁴.

В июле «взбунтовались» подопечные Особого присутствия по разбору и призрению нищих. Часть из них были заняты на разных подсобных работах и под угрозой забастовки предъявили городу требование об уравнивании их служебного положения и получаемого вознаграждения с городскими служащими. Городская дума заявила, что признает подобный шантаж со стороны призреваемых «совершенно недопустимым по отношению к демократически избранному органу городского самоуправления» и предложила им «спокойно выполнять свои обязанности, пока Городская дума, ознакомившись с существом их требований не вынесет своего постановления по этому вопросу»⁵. Одновременно была избрана специальная комиссия «для выяснения положения призреваемых в Особом присутствии по разбору и призрению нищих и вообще в городских благотворительных учреждениях в составе члена Городской управы П.Н. Ге, Е.Д. Максимова, Л.Б. Щегло-Хейсины и О.Г. Флеккель»⁶.

В начале октября имел место конфликт между начальственными лицами и воспитательницами 4-го городского детского дома. На сей раз в качестве

¹ Там же. ЛЛ. 59 – 60.

² Там же. Л. 51.

³ Там же. ЛЛ. 48 – 49.

⁴ Там же. Д. 96. Л. 156.

⁵ Там же. Ф. 555. Оп. 2. Д. 15. Л. 95.

⁶ Там же. Л. 120 об.

третейских арбитров в разбирательство были вовлечены представители Союза педагогов Петрограда. Комиссия по благотворительности, «не находя достаточных оснований для увольнения начальницы и помощницы», приняла соломоново решение «перевести при первой возможности лиц, подписавших жалобу на соответствующие должности в другие приюты, согласно изъявляемому ими желанию»¹.

Постоянное возникновение подобных конфликтов вызвали обращение начальниц городских детских домов в Комиссию по благотворительности с просьбой «о точном определении их обязанностей, а равным образом и прав в урегулировании их отношений со служащими и в предупреждение возникающих конфликтов». В ответ комиссией был предложен все тот же «демократический» рецепт выхода из создавшейся ситуации: руководству детских домов предлагалось «пригласить в свой состав представителей районных и иных общественных деятелей». А членам комиссии Ю.И. Коротковой, Б.М. Якунчикову и Г.П. Сазонову предлагалось совместно разработать проект краткой инструкции по управлению городскими детскими домами². Проект был представлен и утвержден в начале ноября, уже после Октябрьского переворота, когда старая система городского управления доживала последние дни³.

Еще одной тенденцией стала наметившаяся частичная муниципализация благотворительных учреждений и постепенная концентрация их в ведении одного исполнительного органа Городской думы. Сразу после революции Городская дума «положила глаз» на учреждения императорских благотворительных ведомств – Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского человеколюбивого общества, добиваясь их передачи городу (т.е. фактической их национализации и муниципализации). На заседании Городской думы 8 марта 1917 г. гласный В.С. Кривенко предложил передать в ведение городского общественного управления все расположенные в Петрограде благотворительные и больничные учреждения Ведомства учреждений императрицы Марии. Городская дума восприняла это с энтузиазмом и единогласно постановила: «просить городского голову принять все меры к тому, чтобы все учреждения больничного и благотворительного характера Ведомства учреждений императрицы Марии и Императорского человеколюбивого общества со всеми капиталами и источниками доходов были переданы в городское общественное самоуправление»⁴.

¹ Там же. Ф. 761. Оп. 1. Д. 96. Л. 188 об.

² Там же. Л. 192 об.

³ Там же. ЛЛ. 195 об. – 196.

⁴ Сборник журналов Петроградской городской думы за первую половину 1917 г. Пг., 1917. С. 151.

Уже 13 марта временный городской голова Ю.Н. Глебов докладывал, что он вошел в переговоры с членом Государственной думы Ковалевским по данному поводу. При этом Ковалевский сообщил, «что вопрос о передаче этих учреждений будет решаться в особой комиссии, в которую будут привлечены представители городского общественного управления, причем вопрос будет решаться отдельно в отношении каждого рода заведений: лечебных, благотворительных и учебных; не исключена возможность сохранения всех этих заведений в особом ведомстве». Что же касается заведений Императорского человеколюбивого общества, то поручение Городской думы будет исполнено «по выяснении вопроса с кем надо вести переговоры»¹. Однако учреждения благотворительных ведомств, в конечном счете, городу не достались. В мае 1917 г. было создано Министерство государственного призрения, которое и собрало под свое крыло оказавшиеся временно «бесхозными» учреждения. Новое министерство в лице его первого главы, князя Д.И. Шаховского, декларировало принцип широкой децентрализации призрения, т.е. передачи благотворительных заведений в непосредственное ведение органам местного самоуправления или общественным организациям. За собой министерство оставляло методическое руководство и общий надзор². Отчасти это диктовалось тем, что, по признанию самого министра, у ведомства просто не было средств на реализацию каких либо социальных инициатив³.

Несколько лучше обстояли дела с переходом в ведение города более мелких заведений частного призрения. В апреле 1917 г. председательница совета Общества призрения неимущих детей С.Ф. Вонлярская от обратилась в Комиссию по благотворительности с просьбой принять в ведение города приют Общества со всем имуществом. Причиной передачи указывалось то, что «во время войны средства Общества сильно уменьшились, как вследствие сокращения пожертвований, так и в виду общего возрастания дороговизны жизни»⁴. Общество ставило целью «профессиональное ремесленное образование девочек-сирот 6 – 17-летнего возраста» и получало городскую субсидию в размере 3600 р. в год⁵. Комиссия приняла решение немедленно принять его в свое ведение со всем имуществом, не дожидаясь решения Городской думы. Особенно привлекало наличие у приюта собственного деревянного двухэтажного дома по Английскому пр. в Лесном, под № 34, с участком земли. «Дом приюта весьма недавней постройки, удобен и поместителен и требует лишь некоторого внутреннего ремонта»⁶.

¹ Там же. С. 166 – 167.

² Деятельность Министерства государственного призрения // Трудовая помощь. 1917. Сентябрь. № 7. С. 268 – 269.

³ Борьба с детской беспризорностью // Там же. С. 272 – 273.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 114. Л. 18.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 2.

В то же время Попечительство о бедных Рождественской части предложило передать в ведение города приют Св. Антонины в Лесном, по Большой Объездной ул., д.18, и помещения дешевых квартир по Калашниковской набережной, д.39 «с капиталом в 34 000 руб. и недвижимым имуществом, застрахованным на 15 000 руб.». Попечительница приюта имени вел. кн. Екатерины Михайловны «для детей, призреваемых во время нахождения родителей в больнице», также желала передать свое заведение городу. Приют располагал трехэтажным каменным домом с участком земли в 1600 кв. сажень по Песочной набережной, д.14. Некий священник Ястребов от имени домовладелицы К.Ф. Ивановой предложил городу несколько жилых корпусов под приют для детей убиенных воинов по правому берегу р. Невы, д. 77. Постройки находились на арендованной у Александро-Невской лавры земле. Общая площадь участка составляла 5 десятин, в т.ч. более 3 десятин под лугами¹. В июне комиссия решила принять в ведение города Александровский приют на Крестовском острове. Приют располагал собственным домом с участком земли в 596 кв. сажений и капиталом в 53 000 р. В приюте содержалось 25 детей, но комплект мог быть увеличен до 50-ти².

Но одновременно с процессом подобного «расширения» нарастающие экономические затруднения, проблемы с продовольственным обеспечением, политическая нестабильность и угроза наступления немцев на Петроград ставили муниципальные благотворительные учреждения во все более тяжелое положение. Уже в июне обсуждалось заявление начальниц городских детских домов о необходимости повышения расходов на продовольствие в связи с ростом цен. Расходы превысили ассигнования на 150%³. Благотворительные организации, в которых имелись городские стипендиаты, ходатайствовали о повышении платы за содержание. В августе Общество призрения калек несовершеннолетнего возраста и идиотов просило об увеличении размера платы за городских стипендиатов с 300 до 600 руб. в год, а за сверхштатных до 900 руб.⁴ А в сентябре Ивановское девичье училище ходатайствовало об увеличении платы за трех городских стипендиатов в интернате училища с 300 до 600 руб. в год, «в виду крайней дороговизны»⁵.

Особенно в тяжелом положении оказались благотворительные заведения, подведомственные городским попечительствам о бедных. Дело в том, что с июля началась передача попечительств со всеми их учреждениями в ведение районных дум и они оказались в подвешенном состоянии: потеряв право требовать денежных ассигнований или продовольствия в качестве попечитель-

¹ Там же. Д. 96. ЛЛ. 71 – 71 об.

² Там же. Л. 95.

³ Там же. Л. 104.

⁴ Там же. Л. 163.

⁵ Там же. Л. 170.

ских учреждений, поскольку уже считались подведомственными своим думам, эти благотворительные учреждения не имели возможности обратиться и туда, так как процесс фактической передачи занимал не один месяц. В этом отношении характерен своеобразный «крик души» 20-го городского попечительства о бедных в Комиссию по благотворительности: «Крайне обострившийся в последнее время продовольственный кризис, ставит Попечительство в очень тяжелое, безвыходное положение, так как доставать продукты для учреждений Попечительства становится чрезвычайно затруднительным, тем более, что цены с каждым днем все возрастают». Попечительство ходатайствовало об увеличении ассигнований на содержание приюта, яслей и детской столовой. Однако резолюция на документе не оставляла даже призрачной надежды на положительный исход ходатайства: «Испрашивать у Гор. Думы деньги для П-в теперь невозможно в виду предположения Гор. Думы совершенно упразднить П-ва»¹.

К этому добавлялись напасти, связанные с ростом криминальных проявлений вокруг учреждений городской благотворительности. Так в августе 1917 г. после внутренней ревизии был привлечен к следствию и суду казначей продовольственного магазина 19-го попечительства П.П. Шапов, уличенный в растрате 5000 р. В сообщении председателя попечительства также указывалось, что еще 25 февраля из канцелярии попечительства было похищено 1000 р., а в мастерской попечительства раскрыта кража одной из работниц солдатского белья на сумму в 500 р.² Примерно в то же время начальница 9-го городского сиротского дома сообщила о мошеннической проделке неизвестного лица, которое представившись приказчиком магазина Чистякова, продало детскому дому под видом кадки с маслом бочонок набитый камнями. Оставшийся неизвестным жулик «нагрел» детский дом почти на 500 р. Комиссия по благотворительности великодушно не стала требовать возмещения убытка с начальницы, а списала эту сумму с кредита на продовольствие³.

Решение проблем с нехваткой продовольствия виделось в «разгрузке» Петрограда. Постановлением Временного правительства от 8 августа 1917 г. «О некоторых мероприятиях по Петрограду» министру внутренних дел по соглашению с другими заинтересованными министрами», «в виду ослабления продовольственных затруднений», предоставлялось право принимать меры «к эвакуации из г. Петрограда в другие местности России отдельных лечебных, богоугодных и учебных заведений»⁴. 25 августа последовало новое постановление Временного правительства «О разгрузке Петрограда и его района». Объединение всех мероприятий по разгрузке Петрограда и Петроград-

¹ Там же. Ф. 761. Оп. 1 Д. 80. Л. 133.

² Там же. Д. 80. ЛЛ. 143 – 145.

³ Там же. Д. 96. ЛЛ. 157 об. – 158.

⁴ СУ. 1917. 25 августа. № 204. Ст. 1288.

ского военного округа возлагалось на «особоуполномоченное лицо» из состава Временного правительства. Права особоуполномоченного распространялись также и на Москву. Под его председательством образовывалась особая комиссия по разгрузке Петрограда и его окрестностей. Для покрытия расходов по эвакуации из средств государственного казначейства отпускался аванс в 1 млн. руб.¹ В свою очередь и Министерство государственного призрения «в ряду мер, которые могли бы облегчить переживаемый кризис, вызванные недостатком и дороговизной продуктов», сообщало о разработке вопроса о выводе некоторых подведомственных ему учреждений «в места более благополучные по продовольствию». В первую очередь это касалось приютов бывшего Ведомства императрицы Марии. Но к эвакуации поспешили примкнуть и аналогичные городские учреждения².

В сентябре 1917 г. началась подготовка к эвакуации из Петрограда питомцев городских детских домов. Было решено в первую очередь эвакуировать детей дошкольного возраста³. Всего подлежали эвакуации около 2500 детей и 500 взрослых⁴. Большинство детских учреждений выражали желание выехать на юг страны – в Крым, на Дон, Кубань, Северный Кавказ, т.е. в казавшиеся на тот момент более и спокойные «хлебные» места. Однако 24–25 октября произошел Октябрьский переворот, 17 ноября последовал роспуск столичной думы, «контрреволюционные мятежи», борьба с саботажем и все то, что именовалось «установлением Советской власти в Петрограде». Это не позволило эвакуировать детские заведения до конца 1917 г. и они остались на зиму 1917–1918 гг. в Петрограде, что поставило их в катастрофическое положение.

Таким образом, Февральская революция сыграла в истории муниципальных благотворительных учреждений роковую роль: послереволюционная эйфория и некоторое оживление деятельности, особенно в области проектов переустройства городской благотворительности, быстро сменились тяжелейшим системным кризисом и крахом муниципальных благотворительных институтов, как и всей российской благотворительности в целом.

Смирнова А.А.

*К вопросу об эвакуации Павловского женского института
(август – октябрь 1917 г.)*

Крайне сложное экономическое положение в городе вынудило Министерство государственно призрения (МГП) издать циркуляр 21 августа за №

¹ Там же. 1917. 1 сентября. № 210. Ст. 1348.

² Трудовая помощь. 1917. Сентябрь. № 7. С. 273.

³ ЦГИА СПб. Ф. 761. Оп. 1. Д. 94. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 37.

61 об эвакуации воспитанниц и служащих. По нему интернаты в учебных заведениях предполагалось закрывать. Теперь Павловский институт принимал только приходящих воспитанниц¹. Помимо этого, циркуляром Министерство обязалось предоставлять возвратившимся служащим пособия в размере 3 руб. в сутки. Дамскому служебному персоналу предоставлялись служебные помещения². Администрация Павловского института принимала непосредственное участие в распределении своих воспитанниц по другим учебным заведениям. География, как тогда казалось, временных пристанищ «павлушек» поражает своим размахом. Институтки и служащие разместились в учебных заведениях Казани, Иркутска, Тамбова, Саратова, Самары, Орла, Владимира, Оренбурга, Одессы, Нижнего Новгорода, Полтавы, Киева, Харькова, Стерлитамака, Моршанска, Керчи, Пскова и др.³ Расходы на переезд, плата за воспитание и содержание казеннокоштных воспитанниц, денежное пособие для эвакуирующихся семейств служащих выписывались по кассовой книге Павловского института. Вещи, согласно рекомендации главноуправляющего МГП от 7 октября, отправляли из института в губернские учебные заведения «по числу поступивших девиц»⁴. Больше всего воспитанниц петроградских учебных заведений разместились в Москве. В частности, в Московский Александровский институт, где предполагалось открыть особое отделение для выпускных воспитанниц из столицы, разместились 24 «павлушки»⁵. В более тяжелой ситуации оказались учебные заведения Министерства народного просвещения, принимавшие беженцев.

Нормальная организация учебного процесса была нарушена материальными трудностями: не хватало учебников, пособий, принадлежностей. Как московские, так и провинциальные учебные учреждения были переполнены: Московский Марининский институт ожидал из Петрограда 100 воспитанниц, его администрация ответила отказом в принятии воспитанниц; обращение в другие институты ждала та же участь⁶. Порой письма от родителей с просьбой о принятии их дочерей доходили до места назначения поздно в связи со сбоями в почтовом сообщении, в таком случае начальнице Е.А. Булыгиной приходилось самой обращаться в различные заведения. Встречается и обращение от одной из воспитанниц к Е.А. Булыгиной с просьбой о помощи в определении в институт по месту жительства в связи с ухудшением здоровья отца⁷.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1818. Л. 80.

² Там же. Д. 1822. Л. 88; Д. 1817. Л. 13.

³ Там же. Д. 1817. ЛЛ. 1, 9, 10, 23, 27, 29 – 31, 35 – 37, 44, 46, 48, 49, 58, 61, 65, 73, 74, 77, 79, 83, 84, 90, 93, 111, 113, 134, 140, 142, 146, 247.

⁴ Там же. Д. 1822. Л. 101.

⁵ Там же. Д. 1817. ЛЛ. 54, 119.

⁶ Там же. ЛЛ. 73 – 74, 227, 248; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Кон. XIX – нач. XX вв. / Под ред. Э.Д. Днепров, С.Ф. Егорова, Ф.Г. Панагина, Б.К. Тебиева. М., 1991. С. 85.

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1815. ЛЛ. 59 – 60.

Находясь вдали от Петрограда, одна из институток поддерживала связь с классной дамой. Оценивая положение на новом месте, в Тамбове, она писала: «Я живу хорошо, только учиться лучше в институте, чем в гимназии. У нас в институте лучше преподают»¹. Устроившись на новых местах, воспитанницы продолжили свое обучение.

Период полномасштабной эвакуации воспитанниц ПЖИ относится к августу – сентябрю 1917 г. (если сравнивать с другими столичными заведениями, то, пожалуй, самое известное из всех, Смольный институт, а точнее его пансион выехал из города только в начале октября в Новочеркасск)². Значительную роль в эвакуации играло руководство Павловского института. Часто помимо помощи в устройстве на новом месте, начальству приходилось выполнять другие просьбы родителей, например, освобождение от платы за обучение. Так, полковник Антонов, у которого одна дочь была казеннокоштной, а две воспитывались на платной основе, просил освободить их семью от пансионерской платы. Прошение было направлено через администрацию института в Главное управление Ведомства императрицы Марии. 21 октября Е.А. Булыгина получила благодарность от матери девочек, которая сообщала, что учиться начали уже 1 сентября. Говоря о ситуации на месте, обратила внимание на то, что «в Стерлитамаке тоже цены возросли, учебники трудно достать. Но все продукты есть хоть и дорогие, за исключением сахара»³. Девочек отправляли не только на свою малую родину, но также и в совсем новые места. Приходили просьбы от родителей, в которых они изъявляли желание «определить в провинциальный институт, так как в тылу нет учебных заведений»⁴. В сентябре супруга полковника Л.И. Абрагимович сообщала, что младшую дочь оставит при себе с тем, «чтобы по окончании года она могла держать экзамен в институте в VI класс». Также она просила «за дочерью оставить вакансии»⁵.

Порой родители сами пристраивали своих детей в новое учебное заведение. Известен случай, когда администрация Павловского института направила на обучение одну ученицу в Харьков в августе 1917 г. Позже пришло сообщение, датированное 13 октябрем, от родителей с благодарностью и извинениями, в котором говорилось о том, что девочка принята в Казанский Родионовский институт⁶. Происходило и обратное. Родители могли и не знать о судьбе своих детей. Так, например, в сентябре полковник А.П. Мешерский просил оповестить его «куда и когда определили» его дочь⁷.

¹ Там же. Д.1851. ЛЛ. 38 – 39.

² Выезд Смольного института // Отечество. 1917. 6 октября.

³ ЦГИА СПб. Ф. 7. Оп. 2. Д. 1815. ЛЛ. 4 – 6.

⁴ Там же. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Там же. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 21.

Предпринималась попытка получить полные сведения о том, кто и куда был принят. Собирались количественные данные, просили сообщить о нуждах «павлушек», которые находились в интернате. Узнавали, кто устроен приходящими. 24 октября 1917 г. в 18 учебных заведений от имени исполняющей обязанности начальницы О.В. Коморской были отправлены отношения¹. Выяснилось, что в Полтавский институт поступило 10 человек, из которых 4 стипендиатки разных благотворительных обществ, 4 — казенные, 1 — пансионерка Морского министерства и 1 своекоштная, освобожденная от платы за обучение². Более из Полтавы не было сведений. Полученные известия из других заведений выглядят неполно и не совсем достоверно. В октябре — ноябре 1917 г. приходили ответы из институтов и гимназий, в которых указывалось считанные единицы поступивших³. Судя по всему, здесь речь идет только о принятых воспитанницах, выпускающихся в 1917 — 1918 гг. Такое положение можно обосновать тем, что еще до отправления руководством Павловского института запроса о судьбе воспитанниц. Так, например, 16 октября пришло известие из Казанского Родионовского института, в котором обозначалось, что в это заведение «эвакуировано до 60 воспитанниц», на которых полагалось 10 % от количества первых мужской прислуги и 20 % женской соответственно⁴. А после отправления отношения из столицы отдельным письмом пришло сообщение о том, что в Казанском институте обучаются 6 «павлушек»⁵. Только из Казани были получены наиболее полные сведения. Кроме списка воспитанниц по классам имелось указание о характере их проживания, т.е. были они приходящими или пансионерками. Также сообщалось, что ожидали прибытие еще одной воспитанницы⁶. Подробно была расписана ведомость о расходах на прислугу. На двух девушек при дортуарах полагалось по 30 руб. в месяц, а исходя из расчета за 5 месяцев (с 1 августа по 1 января) — 300 руб.; одна надзирательница при дортуарах получала больше — по 40 руб. в месяц, а за период с 1 октября по 1 января выходило 120 руб. Также руководство Казанского института просило выделить начальство Павловского института 500 руб. «для наградных» и 100 руб. «для выдачи канцелярским служащим в виду увеличения делопроизводства»⁷. Ни отказа выплаты, ни сообщения об отправке денег в деле не встречается.

К октябрю ряд важнейших вопросов связанных с эвакуацией не был решен. 16 октября Совет Павловского института вслед за постановлением Временного правительства от 6 октября о разгрузке Петрограда и эвакуации правительственных учреждений, служащих и их семейств, просил Главное

¹ Там же. ЛЛ. 82 — 83.

² Там же. ЛЛ. 86 — 88.

³ Там же. ЛЛ. 90 — 110.

⁴ Там же. Л. 111.

⁵ Там же. Л. 98.

⁶ Там же. Л. 111.

⁷ Там же. ЛЛ. 113 — 114.

управление Ведомства учреждений императрицы Марии дать подробные указания. Совет интересовала эвакуация имущества, наблюдение за пустующим зданием. Отдельно поднимались вопросы, связанные с денежным содержанием для эвакуирующихся семейств служащих¹. Однако ответы так и не были получены.

Тогда дело эвакуации руководству Павловского института пришлось взять в свои руки. Администрация учебного заведения при непосредственном участии начальницы была своего рода связующим звеном между родителями и другими учебными заведениями, родителями и их детьми. После эвакуации, как указывалось выше, в стенах учебного заведения осталось всего 29 воспитанниц приходящими и 71 человек служащих².

Политическая нестабильность и вызванный ею продовольственный кризис поставили Павловский женский институт на грань существования. Реалии 1917 г. вынудили власть пойти на крайние меры и издать постановление об эвакуации всех правительственных учреждений. В результате этого долгого и сложного мероприятия десятки «павлушек» и служащих оказались разбросанными по всей территории России. На новых местах они были устроены в другие учебные заведения и продолжили свое образование, а служащие получили работу. Надежда на возвращение в Петроград на прежнее место не угасала даже с приходом большевистской власти³. Но в связи с ликвидацией старых учебных заведений и созданием на месте старых трудовых школ этим мечтам не суждено было осуществиться⁴.

Фруменкова Т.Г.

Октябрь 1917 г. и Петроградский воспитательный дом

После Октябрьских событий в Петрограде служащие Министерства государственного призрения отказались подчиниться новой власти и приняли участие в забастовке чиновников. Об этом свидетельствуют заголовки архивных документов. В 46-й описи фонда 759 РГИА 26 пухлых, объемных дел содержат разного рода «бумаги, найденные в столах бывших чиновников после забастовки в ноябре 1917 г.». Другой информации об этих событиях найти пока не удалось.

В «деловой переписке по воспитательному дому», обнаруженной в ЦГИА СПб, сохранилось циркулярное письмо № 1. В письме сообщалось: «Народный комиссариат по Министерству государственного призрения объявляет, что с сего 10-го ноября 1917 г. вступает в исполнение своих обязанностей. Одновременно назначено на 13-е ноября собрание выборных представителей

¹ Там же. Д. 1818. Л. 104.

² Там же. Д. 1822. Л. 98.

³ Там же. Д. 1815. Д. 1659. Л. 18.

⁴ Там же. Д. 1685. Л. 9.

служебного персонала (последние два слова в тексте подчеркнуты простым карандашом – Т.Ф.) для обсуждения стоящих перед Министерством задач реорганизации государственного призрения на началах самостоятельности в интересах многомиллионных трудящихся масс и для укрепления государственной власти за демократией России¹. Письмо подписала народный комиссар А.М. Коллонтай.

«Собрание в два часа», – так было написано синим карандашом на листке с текстом циркуляра новой власти. «Журнал заседания общего собрания служащих в Петроградском воспитательном доме» от 11 ноября 1917 г. сообщает: «Слушали: циркулярное приглашение, подписанное именующей себя комиссаром над Министерством государственного призрения А. Коллонтай... по вопросу о присылке представителя от служащих дома в заседание 13 ноября. Постановили: просить г. исполняющего обязанности директора воспитательного дома осведомить А. Коллонтай, что, соглашаясь признавать впредь до созыва Учредительного собрания законной властью лишь такую власть, которая находится в преемственной связи с государственным переворотом 28 февраля сего года, собрание служащих дома не считает возможным делегировать своего представителя на собрание... 13 ноября... Служащие воспитательного дома заявляют, что все они продолжают оставаться на своих постах и уступят только силе или власти, установленной Учредительным собранием»².

Председателем собрания был, видимо, заведующий учебной частью воспитательного дома А.Л. Протасов (подписи участников собрания не имеют расшифровки). Всего под журналом стоит 77 подписей и, если судить по тем, которые удалось разобрать, в работе собрания участвовали представители всех групп служащих, присутствовали, конечно, и самые активные из них, те, кто возглавлял союзы различных групп сотрудников и обслуживающего персонала.

Постановление собрания тогда же было отправлено в редакцию эсеровской газеты «Дело народа». Письмо в газету в деле предшествует отпуску ответа А.М. Коллонтай. Сохранилось два варианта этого документа. Он тщательно редактировался. Изысканно вежливая форма («Ознакомившись с вашим циркуляром... постановили осведомить Вас через мое посредство») сменилась более сухой и сдержанной: «Ознакомившись с циркуляром..., постановили»). Текст завершала фраза постановления, которая также не раз редактировали, все более и более усиливая сдержанное несогласие: «Сообщить чрез мое посредство по принадлежности»³. Ответ подписал исполнявший обязанности директора воспитательного дома С.И. Созонов.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934 А. Л. 1.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. ЛЛ. 6 – 9 об.

18 ноября в доме был получен новый циркуляр (в воспитательном доме этот документ назвали отношением) народного комиссара по МГП: «Прошу кого-либо из администрации воспитательного дома пожаловать ко мне в здание Министерства... для переговоров касательно общей постановки дела воспитательных домов». 20 ноября в адрес А.М. Коллонтай С.И. Созонов и правитель дел Недовесков препроводили «копию журнала правления воспитательного дома от 20 ноября 1917 г. за № 25», однако прежде администрация дома отправила копию этого журнала вместе с копией постановления предыдущего собрания в редакции правоэсеровской «Воли народа» и газеты «Трудовое слово» (орган трудовой народно-социалистической партии, редактор – А.В. Пешехонов). Руководители дома, скорее всего, не знали, что еще 17 ноября вышло предписание Военно-революционного комитета штабу Красной гвардии с требованием «немедленно конфисковать газету «Трудовое слово», печатающуюся в типографии по Гончарной улице, № 24»¹. Они просили редакцию каждой из газет «не отказывать напечатать постановление служащих воспитательного дома в одном из ближайших номеров»².

Авторы постановления заявляли: «Принимая во внимание, что затронутый в нем (отношении – Т.Ф.) вопрос 1) касается воспитательного дома во всем целом, включая и учреждения, находящиеся в округах, расположенных в пределах Петроградской, Псковской и Новгородской губерний; 2) касается принципиальной стороны деятельности воспитательного дома; 3) что решение подобных вопросов выходит за пределы компетенции правления, а принадлежит собранию делегатов, которое является представителем всех групп служащих, от младших до старших, правление дома признает необходимым, что решение вопроса о командировании кого-либо в Министерство государственного призрения с вышеуказанной целью, а равно и инструктирование командируемого лица должно принадлежать исключительно собранию делегатов, каковое собрание по соображению с современными условиями почтово-телеграфный сношений и транспорта, назначить на 3 декабря в 2 часа дня в Петрограде в здании грудных отделений дома. Поручить канцелярии дома оповестить всех делегатов в срочном порядке с указанием существа дела и с предложением перед выездом в Петроград иметь обмен мнениями с доверителями»³. Письмо подписали все 6 членов правления, в том числе, главный врач дома И.А. Климов, заведующий учебной частью А.Л. Протасов, заведующий округами граф Армфельдт и др.

В ответ на это письмо последовало новое распоряжение А.М. Коллонтай. Оказывается, 13 и 19 ноября все-таки состоялись общие собрания делегатов

¹ [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://doc20vek.ru/node/1217>

² ЦГИА СПб. Ф. 8. Оп. 1. Д. 934 А. ЛЛ. 12 – 12 об.

³ Там же. ЛЛ. 13 – 13 об.

от учреждений МГП, а значит, ряд учебно-воспитательных и медицинских заведений ведомства выполнили два предыдущих предписания наркома. Вероятно, на их основании 20 ноября и было принято постановление совета при народном комиссаре. Ссылаясь на решение этих органов, комиссар приказала: «1) Приступить к избранию всеобщим, прямым и тайным голосованием ЕДИНОГО (здесь и далее – выделение в тексте циркуляра и проекта – Т.Ф.) органа самоуправления в соотношении: один представитель от администрации, один – от призываемых (где это возможно) и два от остального служебного персонала. 2) Все административные лица должны быть переизбраны. 3) Для контроля и правильного расходования денежных сумм... выделить от выборных органов самоуправления в том же пропорциональном соотношении ответственные перед министерством комиссии. 4) Выбранные лица могут быть в любое время по постановлению избирателей переизбраны. 5) Руководящей линией избранных органов должна быть ПОЛНАЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ УЧРЕЖДЕНИЯ. 6. Настоящим циркуляром упраздняются все ранее созданные организации в учреждениях, кроме совещательных коллегиальных, а равно и все должности директоров, их помощников, попечителей и т. д., и т. п. Все распоряжения должны исходить от выборного органа. 7. Приказываю настоящий циркуляр принять к неукоснительному исполнению Волею народа комиссар по государственному призрению А. Коллонтай»¹. К циркуляру прилагался «Проект устава комитетов для больниц, учебных и других учреждений ведомства Министерства государственного призрения». По этому проекту возглавлять управление каждым учреждением должен был избранный на общем собрании всех служащих административно-хозяйственный комитет. С введением комитета «всякие советы, правления и прочие органы по учреждениям, а равно и должности директоров и их помощников, попечителей, опекунов и пр.»² упразднялись, так как все распоряжения должны были исходить от этих комитетов. На место выбывшего члена комитета общее собрание служащих избирало нового. Члены комитета из своей среды избирали председателя, его товарища и секретаря. Председатель должен был созывать заседания комитета не реже раза в неделю для решения текущих вопросов, он председательствовал на заседании, докладывал о поступивших делах, руководил прениями, составлял резолюции и проводил голосование. Все протоколы заседаний комитета следовало вывешивать на видном месте «для информации служащих». Прием и увольнение всех служащих следовало производить на общем собрании служащих. Если в ведомстве имелись лица, принадлежавшие к военному министерству, то им предлагалось «вступить в совместную работу». Комитет должен был определить штаты служащих учреждения, которые утверждались СОВЕТОМ при НАРОДНОМ КОМИССАРЕ (так в под-

¹ Там же. Л. 15.

² Там же. Л. 16.

линнике – Т.Ф.). Комитету также предоставлялось право осуществлять контроль над распоряжением денежными суммами в размере годовой сметы. Сверхсметные суммы полагалось «испрашивать у министерства». Комитет контролировал деятельность всех служащих, осуществлял контроль над столом, жилищем и «гигиенического санитарного состояния учреждения». От комитета, как говорилось в проекте, зависят все хозяйственные распоряжения, причем «исполнительной властью являются или лица по назначению комитета, или лица, несущие обязанности по частям: хозяйственной – смотритель, счетной – бухгалтер, денежной – казначей, медицинской – старший врач, воспитательной – старшая воспитательница, учебной – старший преподаватель и рабочей – делегат»¹. В состав всех комиссий – медицинской, учебной и других – полагалось включить по одному представителю от комитета. Все вопросы, не разрешенные комитетом или общим собранием, должны были передаваться на решение СОВЕТА при НАРОДНОМ КОМИССАРЕ. Он же проводил и ревизию сумм².

Однако воспитательный дом продолжал тихое, но упорное сопротивление, и 23 ноября А.М. Коллонтай в ответ на полученную копию журнала от 20 ноября вторично предписала представителю дом «немедленно явиться ко мне в здание Министерства в присутственные часы» и поставила руководителем дома «на вид неисполнение распоряжения моего от 18 ноября»³.

Документы воспитательного дома не сообщают, отправился ли к народному комиссару полномочный представитель дома, скорее всего, нет. Примерно в те же дни, очевидно, состоялось еще одно общее собрание служащих всех отделов дома, участники которого повторили утверждение правления о том, что они не считают себя вправе решать вопрос о «реконструкции органа управления домом... без участия своих сотоварищей, состоящих на службе в 32 округах дома», расположенных в трех губерниях. Они приняли решение сначала обсудить предложения наркома «в отдельных корпорациях служащих», а пока остаться «при существующих коллегиальных и демократических органах управления» (назначенного правления и выборного хозяйственного комитета). Далее в деле находится отчетная справка о заседаниях делегатов дома, проходивших 3 и 5 декабря. Участники заседания высказали «пожелание об увеличении состава правления дома путем привлечения к работам правления на выборных началах представителей 1) от групп служащих, еще не представленных в правлении; 2) от питомцев дома и 3) от общественных организаций, с которыми дом соприкасается в своей деятельности». Правление согласилось с предложением делегатов. Особенно важным членам правления представлялось расширение его состава за счет категорий не представ-

¹ Там же. Л. 16 об.

² Там же.

³ Там же. Л. 17.

ленных «еще в составе правления некоторых младших служащих, как, например, неквалифицированных работников, служительниц грудных отделений и и кормилиц». При этом правление находило, что «окончательное определение числа таких выборных членов в виду серьезности вопроса должно принадлежать собранию делегатов. Оконструированное на указанных началах правление при 6 членах по должности и не менее 18 – 20 по выборам наиболее может обеспечить правильность хода дел воспитательного дома и демократичность его состава». Очередное собрание делегатов в виду «неотложности вопроса» предполагалось назначить на первую половину января 1918 г.¹ Таким образом, требования проекта устава предполагалось выполнить лишь частично и в отдаленном по меркам революции будущем. Упоминания об Учредительном собрании из решений собраний исчезли.

Несколькими днями ранее, 29 ноября, был подготовлен отпуск письма в Союз союзов служащих в государственных учреждениях. Союз служащих Петроградского воспитательного дома просил принять его в число членов Союза союзов. 8 декабря 1917 г. было подписано удостоверение, свидетельствующее, что О.Е. Михайловская, помощник правителя дел дома, является представителем союза служащих дома².

19 декабря 1917 г. народный комиссар МГП А.М. Коллонтай подписала приказ «всем учреждениям государственного призрения», полученный в воспитательном доме. В приказе говорилось: «Принимая во внимание настоящее тяжелое финансовое положение Республики и в частности МГП, которое вынуждено нести чрезмерные расходы для лиц, находящихся в призрении, и число коих благодаря войне увеличивается, Совет при комиссаре постановил: выдать к празднику Рождества Христова наградные деньги всем служащим в учреждении Министерства, независимо от их служебного положения и получаемого содержания, для лиц, служащих полгода и более – 100 руб., а для лиц, служащих менее полугодом – 50 руб.»³. Возможно, выдача наградных вместе с напором и уверенностью новой власти в своей правоте способствовали постепенному изменению позиции участников общего собрания, прежде всего, рабочих и младших служащих.

В тот же день, 19 декабря, в воспитательный дом поступило и еще одно распоряжение, адресованное «всем учреждениям Министерства призрения». Совет при народном комиссаре постановил: «Подтвердить § 9 проекта устава... о выработке штатов и окладов рабочих физического и интеллигентного труда, приравнивая таковые к профессиональным организациям, после чего не позднее 10 января 1918 г. представить свои труды по данному вопросу в сметный отдел Министерства, а 12 января 1918 г. к 5 часам вечера командировать от комитетов делегата для участия в совещании по выработке общих

¹ Там же. ЛЛ. 20 – 24.

² Там же. ЛЛ. 19, 25.

³ Там же. Д. 930. Л. 194.

ставок»¹. Распоряжение подписал «комиссар по всем учреждениям Министерства г. Петрограда» И. Егоров. Неизвестно, выполнили ли в воспитательном доме это требование комиссара.

Зато мы знаем, что 2 января 1918 г. состоялось еще одно собрание служащих. От него в документах воспитательного дома остался только лист с подписями участников. Интересно, что среди них нет исполнявшего должность директора С.И. Созонова и главного врача И.А. Климова. 27 января канцелярия дома по поручению исполнявшего обязанности директора (все еще находившегося при исполнении) объявляла, что «правление дома созывает 29 сего января в здешнем доме... общее собрание для выбора заведывающего воспитательным домом, его помощника, лиц административного персонала и административно-хозяйственного комитета. Присутствие всех служащих обязательно»². К этому времени Учредительное собрание было разогнано, но руководство воспитательного дома все еще не следовало букве проекта устава. Далее в документах имеется пробел. Первые протоколы административно-хозяйственного комитета датируются 21 февраля 1918 г. Состав комитета, конечно, отличался от состава правления, но не кардинально³.

Изменения будут происходить постепенно. Интересно, что в апреле 1918 г., когда начальством над воспитательным домом стал уже Комиссариат социальной помощи Петроградской трудовой коммуны во главе с народным комиссаром А. Иоффе, было решено пересмотреть некоторые положения проекта устава и циркуляра А.М. Коллонтай. Административно-хозяйственным комитетам до выработки «в порядке законодательства нового распоряжения» предложили работать «только как хозяйственным органам, ведущим всю хозяйственную сторону дела, ... в научную, врачебную, санитарную или учебно-воспитательную сферу не вмешиваться. Вся ответственность за эту сторону дела возлагается на воспитательно-педагогический и врачебный персонал. С этим согласилось и правление Союза младших служащих»⁴.

Революционная встряска закончилась. Началась жизнь в условиях совершившейся революции.

Hasegawa T.

Crime and Police under the Soviet Regime, October 1917 – March 1918

As Mary McCauley states, “in any revolution the struggle for power will involve a struggle for control over the means of coercion and thus violence is written in from the start.” Then she goes on to argue:

¹ Там же. Л. 198.

² Там же. Д. 934 А. ЛЛ. 26 – 28.

³ Там же. ЛЛ. 52 – 53 об.

⁴ Там же. ЛЛ. 29 – 29 об.

Curbing the 'centrifugal logic' of the revolution has to be one of the first tasks of those claiming authority and this entails establishing control over the armed antagonisms, including those who may be supporters. In Petrograd the very vitality of the revolution exacerbated the situation. The attempts, at the grass roots, to dispense with the police, with the old court system, and the civil service, within the context of a deepening economic crisis, led to growing social disorder, both aggravated by unchecked armed intervention and, in turn, encouraging it even further. The struggle for political power and control over the use of force extended from one with political opponents to a battle with crime, measures were adopted to fight on different fronts at once and boundaries became blurred¹.

This statement captures the essence of the formation of the Bolshevik power in the city of Petrograd after their assumption of power. This paper is an attempt to see this process in more detail than McCauley describes with regard to the Bolshevik regime's effort to contain the crime after its assumption of power and form its own police power in the city.

Crime after the Bolshevik Assumption of Power

It is difficult to obtain an accurate picture of how crime was affecting city life after the Bolshevik assumption of power. Boulevard papers that served as valuable sources of the city's crime before the October Revolution were often suppressed by the Bolshevik regime. The Bolshevik regime's brutal suppression of the City Duma, and its conscious efforts to reduce the role of the subdistrict commissariats under the jurisdiction of the City Duma and eventually abolish them altogether disrupted the essential communications between the subdistrict commissariats and the city militia headquarters. If the record keeping of crime in the city became woefully inadequate after the February Revolution with the destruction of the tsarist police, the record keeping of crime by the City Militia administration was severely disrupted after the October Revolution and eventually ceased to exist after January 1918.

Nevertheless, although Bolshevik censorship closed one non-Bolshevik paper after another, they intermittently reappeared in slightly different names. For instance, *Petrogradskii listok* reemerged as *Novoe Petrogradskii listok*, and *Gazeta-Kopeika* as *Gazeta-drug* and *Gazeta dlia vsekh*. The Kadet paper, *Rech'*, which was published in the new name, *Nash vek*, and other papers such as *Vechernoe slovo*, and *Vechernoe vremia* also covered the city's crime news. The Petrograd Bolshevik paper, *Krasnaia gazeta*, that began its publication in January 1918, also had extensive coverage of crime. Although communications between the central city militia headquarters and subdistrict commissariats were seriously disrupted, *The Journal of Events* [*Zhurnal proisshestvii po Petrogradu i prigorodu*], which collected the reports from subdistrict commissariats, continued to record the crime

¹Mary McCauley, *Bread and Justice: State and Society in Petrograd 1917-1922* (Oxford: Clarendon Press, 1991), p. 48.

reported until the end of December. It is possible, though imperfect, to piece together what kind of crimes were committed and where these crimes occurred.

Though incomplete these records might be, one thing was clear. The October Revolution did not stop the rising tide of crime, but rather greatly facilitated it. For the first two to three weeks of the revolution, the city was remarkably calm without much crime. In fact, *Izvestiia* wrote on October 27, "no violence was perpetrated on peaceful citizens. On the contrary, these days the number of usual criminal acts has been seriously reduced"¹. The commissars of the second Lesnoi District, the 3rd Spasskii Subdistrict, the Malo-Okhta Subdistrict, and the 1st Vyborg District reported that between October 25 to November 1, there were no criminal acts involving the use of weapons, shooting, and illegal searches in the district². Similar reports came from various other districts as well³. But it represented a momentary silence that lasted only a few weeks, and if one looks at the reports closely, one notices some disturbing signs that predicted the future direction of criminal activities. For instance, the report of the 3rd Spasskii subdistrict noted an illegal search of an apartment that took place on November 25, and many were detained for drinking⁴.

After the middle of November, the city's crime rate and the incidence of street justice [*samosudy*] suddenly shot up. For instance, on the night of November 29, a group of the armed Red Guards appeared in a restaurant, Medved' on Bol'shaia Koniushnaia (First Kazan Subdistrict), and in the pretext of search, inspected the identifications and possessions of the guests at the restaurants. The Red Guards left the restaurants with all the cash they confiscated. Two of these pseudo-Red Guards were caught later, and shot to death by the decision of the CheKa. On the same night ten armed men attempted to conduct a search at the restaurant, Reinel, at the corner of Nevskii and Morskaia (First Admiralty Subdistrict), but when the owner reported to the subdistrict commissariat, the group ran away⁵. On the same night, a group of sailors appeared at the palace of Grand Duke Andrei Vladimirovich with the Military Revolutionary Committee [VRK]'s order to destroy the liquor storage of the palace, and smashed all the liquor stored at the basement. On the following morning, another group appeared with the VRK's another order to confiscate all the valuables in the palace, but the contact with the VRK turned out that such order had not been issued. The VRK in turn dispatched a detachment of sailors to the palace and arrested the band, and all the valuables and jewelries that were taken from the palace were turned over to the State Bank⁶. One of the telling examples of illegal

¹ *Izvestiia*, October 27, 1917, quoted in A.L. Fraiman, *Forpost sotsialisticheskoi revoliutsii: Petrograd v pervye mesiatsy Sovetskoi vlasti* (Leningrad: Nauka, 1969, p. 140.

² TsGASPb, f. 1312, op. 1, d. 7, ll. 3-3ob, 5, 7, 12-12ob, 48-48ob; Fraiman, *Forpost*, p. 140.

³ Fraiman, *forpost*, pp. 140-141.

⁴ TsGASPb, f. 131, op. 1, d. 7, l. 7, ll. 12-12ob.

⁵ *Gazeta-Drug*, November 30, 1917. Similar illegal searches were reported in *Krasnaia gazeta* March 3; TsGASPb, f. 3217, op. 1, d. 1, ll. 20-21.. Also see V.I. Musaeu, *Prestupnost' v Petrograde v 1917-1921 gg. i bor'ba s nei* (St. Petersburg: FIRI RAN, 2001), p. 77.

⁶ *Gazeta-Drug*, November 30, 1917.

searches took place right at the seat of the Bolshevik government, Smol'nyi. On January 16, seven armed men came to Smol'nyi, conducted an illegal search after showing the search order, and walked away with valuables worth 40,000 rubles¹. There is no space here to describe all such illegal searches, but these examples illustrate that illegal searches in restaurants, institutions and private apartments became prevalent after the October Revolution. Robberies in the guise of searches had also taken place immediately after the February Revolution, but the sums of robbed properties and cash were much larger after the October Revolution, and robberies were more organized, mostly with the aid of get-away automobiles.

But soon robberies were committed without any pretext of illegal searches. On January 10, ten armed sailors broke into one of the warehouses on the Customs' Office on Gutuevskii Island, seizing a large quantities of goods stored there. The attack on the island warehouses continued for the next two days². The robbery on Gutuevskii Island took place again on February 8 (21) with thirty armed men, this time, taking away fur items on the automobile they drove for the robbery³. On February 4 (17), eight armed men in soldiers' uniform, broke into an apartment of Swedish citizen Labgard, who owned a store in Gostinyi dvor, and robbed 1.2 million rubles⁴. On March 1918, nine armed men, robbed the office of Sosnovitskie tube-rolling factories, and 350,000 five-percent promissory notes and 300,000 rubles worth of checks and others, amounting more than a million rubles⁵.

Robberies were also committed in the streets, often in broad daylight. The street robberies often led to murders of the victims. On January 12, famous actor of the Imperial Aleksandriskii Theater, Valua, was attacked by six soldiers on Fontanka embankment near Nevskii Prospect. Valua suffered a serious head injury, and brought to the Mariinskii Hospital, and died there. An officer who was walking with Valua could do nothing to help the actor, since his weapon had been confiscated⁶. Five days later, on January 17, Professor Rosenbach, famous neurologist, was attacked and murdered by robbers in front of his house near Summer Garden (First Admiralty Subdistrict)⁷. In fact, the area between Summer Garden along Fontanka to Simeon Bridge, which used to be the safest and the most fashionable area reserved to the privileged class in the prerevolutionary days, now turned into a dangerous zone. On January 27 a French military mission, Lieutenant Costelli, was

¹ Gazeta dlia vsekh, January 17, 1918.

² V.I. Musaev, *Prestupnost' v Petrograde v 1917-1921 gg. i bor'ba s nei* (St. Petersburg: FIRI RAN, 2001), p. 75.

³ A.L. Fraiman, *Forpost*, p. 191.

⁴ Nash vek, February 19, 1918; Musaev, *Prestupnost'*, p. 79.

⁵ *Petrogradskii golos*, March 21, 1918, quoted in Musaev, *Prestupnost'*, p. 74. The Journal of Events for December recorded armed robberies, December 1, 3, 4, 5, 9, 19, TsGASPB, f. 131, . Most of these events were not reported in newspapers.

⁶ Gazeta dlia vsekh, January 14, 1918.

⁷ Gazeta dlia vsekh, January 18, 1918.

attacked in this area¹. Attacks on foreign diplomats never took place before the October Revolution, but crimes were extended to diplomats after the Bolshevik revolution, raising the question about the new regime's ability to protect diplomats². On January 29, the ambassador of the Netherlands was robbed by a band of robbers on Mokhovaia Street. On the following day, it was the turn of the Italian Ambassador, Marquis del Torreta, whose automobile was blocked on Italiaskaia Street by three unknown men, who grabbed his briefcase and boots. The ambassador had to walk back to his apartment in barefoot in the temperature of minus 25 degrees³. If crimes were extended to diplomats, the Bolshevik officials were not immune to crime, either. One of the most shocking robberies took place to no other than the head of the Petrograd Cheka, M. S. Uritskii. In January, in broad daylight, when Uritskii took a cab to Taudide Palace, a group of robbers robbed him of the boots⁴. On February 9 (22), 1918, three officials of the Commissariat of Justice, who were carrying a large sum of money in a horse-drawn cab, to pay for the salary of the Commissariat employees, were attacked at the entrance of the Commissariat by three men, who arrived there in an automobile. Threatening with a revolver, they took the money and drove away⁵. On March 8, four armed men attacked on Chernyshev Lane a cashier and a money collector [artel'shchik] of the Petrograd school section of the Commissariat of Education and took more than a million rubles⁶. The Petrograd CheKa reported to the Soviet of Commissariat of the Union of Communes of Northern Oblast on February 18 about "unacceptable carelessness with which various Soviet institutions transport a large sum of money," without any armed protection, often cashiers carrying a large sum of money without revolvers⁷.

When robbers encountered resistance from the militia or the Red Guards, confrontations often developed into an armed battle. On January 26 a group of robbers broke into a department store, "Forstadt," on Suvorov Prospect in Peski. There was an explosion in the building, and a militia detachment rushed to the scene and surrounded the building. The militia brought an armed car, but the robbers responded to the militia's shooting by firing back from inside. After the resistance from inside the building stopped, the militia went inside, but the robbers had already disappeared⁸. On March 31, during the search of a restaurant, Svastopol' (Obvodnyi Ca-

¹ Novaia Petrogradskaia gazeta, January 28, 1918.

² Musaev, *Prestupnost'*, p. 79.

³ G. Domergue, *La Russie rouge*, Paris, 1919, p. 183, quoted in Musaev, "Byt," p. 81, Musaev, *Prestupnost'*, p. 79.

⁴ B.D. Bonch-Bruевич, *Isbr. Soch.* Vol. 3 (Moscow, 1963), p. 183, quoted by "Byt," p. 80. Fraiman, *Forpost*, p. 191.

⁵ Fraiman, p. 191, Musaev, *Prestupnost'*, p. 75.

⁶ Musaev, *Prestupnost'*, pp. 75-76.

⁷ TsGA SPB, f, 143, op. 1, d. 181, l. 14, quoted by Musaev, *Prestupnost'*, p. 76.

⁸ *Novyi vechernyi chas*, January 27, 1918.

nal House 153, First Aleksandro-Neviskii Subdistrict), a group of armed men resisted the search and began shooting at the Red Guards. The shootout lasted several hours, resulting in eight killed and eight wounded¹.

These events recorded in the newspapers and *the Journal of Events* gave a glimpse of the worsening crime scene in Petrograd after the Bolshevik assumption of power. These reports show that, first, crimes continued to be committed, second, that crimes increasingly became more violent, and third, as I will discuss below, that the residents' reaction to these crimes also became more violent, involving in brutal reprisals of samosudy.

Murders

After the October Revolution, the gruesome murders continued to be committed. Many family quarrels and disputes in the streets ended up in murders, reflecting the heightened tension and availability of weapons in the civilian life. In December 1917, a militiaman, A. Kachevskii, found his wife having an affair with her lover at home, and he shot both of them². On January 16 (29), a soldier shot another soldier at Sennaia Square, who refused to sell a loaf bread for cheaper price³. Many robberies were accompanied with murders, as shown in the Value and Rosenbach murder cases introduced above. In February 1918, the entire family living in a church owned house in Smolensk Cemetery in Vasil'evskii Island were murdered⁴. On March 20, at the corner of Sadovaia Street and Bankovskii Lane, a money carrier, S. Frolov, of the tobacco firm, Bogdanov, was attacked by five armed men, who stopped in an automobile at the corner. Frolov called for help, thereupon the robbers shot him on the head, instantly killing him⁵.

There exist no statistics on murder from October 1917 to March 1918, but for the seven months from June through December 1918, altogether 168 murders were committed, with the average 24 murders for every month⁶. I suspect the rate of murders from October 1917 to March 1918 was somewhat comparable with this figure, or perhaps even more if we count those who were killed during a wave of drunken pogroms that took place in November and December 1917. Compared with the number of murders committed in 1914 (14), in 1915 (19), and 90 from March to October 1917, this indicates a sharp rise of the murder rate⁷.

The most celebrated case was the murders of A.I. Shingarev and F.F. Koshkin on the night of 6 to 7, January 1918, at the Marinskii Hospital, where they

¹ *Krasnaia gazeta*, April 2, 1918.

² Musaev, *Prestupnost'*, p. 86.

³ *Nash vek*, January 18, 1918, Musaev, *Prestupnost'* p. 86.

⁴ *Krasnaia gazeta*, February 16, 1918.

⁵ *Petrogradskii golos*, March 21, 1918, quoted in Musaev, *Prestupnost'*, p. 76.

⁶ Musaev, *Prestupnost'*, p. 87.

⁷ Tsuyoshi Hasegawa, "Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolutions of 1917," in Charles E. Timberlake, ed., *Religious and Secular Forcers in Late Tsarist Russia* (Seattle, University of Washington Press, 1992, p. 271).

had been transferred from the Petropavlovsk Fortress for the treatment of their illness. The Bolshevik regime, on Lenin's order, established an investigating commission, and detained a number of sailors connected with the murders, but the actual suspected murderers, O. Kreis, an Estonian former worker of Parviannen, and Ia. Matveev, sailor of the ship, *Chaika*, escaped. Although the Commissar of Naval Affairs, P. E. Dybenko issued the order to capture the murderers, the government was reluctant to pursue the case for fear that their arrests would provoke anger among the Baltic sailors¹.

Samosudy

One of the most striking features of the crime scenes after the Bolshevik assumption of power is that people's reactions to criminals caught became more violent. Criminals caught were often subjected to brutal reprisals of samosudy, in most cases, ending up being killed in gruesome manners. Even if they were caught and brought to the commissariat for detentions and investigations, the crowds often demanded that the criminals be handed over to them for a samosud. Criminals knew that being caught would be the end of their lives. This in turn made the criminal acts more violent.

On December 9, at Mikhail Arkhangel'sk in Nevskaiia Zastava, a middle-aged woman, waiting for a tram, noticed that she could not find her moneybag. Believing that it was stolen, she pointed at a teenager standing at the tram stop. The crowd surrounded him, but could not find a moneybag. Despite this, they beat up the teenager, and threw him into the Neva. Desperately trying to save himself, the boy was swimming towards the embankment. Someone shot him before he reached the riverbank. The crowd then inspected the woman, and discovered that her moneybag had fallen behind the lining of her overcoat. The angry crowd decided to give her the same punishment. They dragged her to the Neva and threw her into the river².

On the night of December 21 four men and a woman – very likely a prostitute – were having a party in an apartment in the house at Vezenberg Street (Second Narva Subdistrict). A quarrel began between the four drunken men and a woman, whereupon the men attacked the woman and tried to steal jewelry from her. They smashed her head, and killed her. At this time, a thirteen-year old girl arrived on the scene. Four men injured her, too. At the noise and her shrieks the residents of the house rushed to the scene. The Red Guards and the militia were called in, and the murderers were arrested. The Red Guards were taking the murderers to the commissariat, but on the way the crowd demanded that the murderers be executed on the spot. They opened a people's court. They grabbed the murderers and began to

¹ Musaev, *Prestupnost'*, pp 87-89. Gorky commented: "And now Shingarev and Kokoshkin, innocent and honest people, lie dead, but our authorities lack both the strength and conscience to bring their murderers to trial. Gorky, *Untimely Thoughts*, p. 143.

² *Gazeta dlia vsekh*, December 10, 1917.

beat them. They dragged two of them to the fence, made them stand with their backs to the public, and shot them. The crowd brutally beat the other two with sticks and the heels of the shoes. One hand was torn off from one of them. Finally someone, perhaps, out of pity, shot them both¹.

In December 1917 Liubakhanskii killed his fellow guard Chubarnov. In order to hide his crime, he cut the body into 29 pieces, and dropped the body parts from the American Bridge into the Obvodnyi Canal. On January 3, 1918, he was escorted out of the Aleksandro-Neviskii 3rd subdistrict commissariat and on his way to be taken to the Revolutionary People's Court. A crowd gathered. One of them had a placard saying: "Citizens! Look at this monster. He killed and cut a man into 29 pieces. Let's us hand down a people's sentence." The crowd shouted: "Death to the murderer!" In view of the stormy atmosphere of the crowd, the Red Guards decided to return to the commissariat without taking him to the Revolutionary People's Court. In the meantime, a huge crowd of 100 people had gathered at the commissariat. They held a meeting, and decided to execute the murderer with a samosud. From the commissariat the Red Guards went out and asked the crowd to calm down. The crowd responded: "Death! Death!" Suddenly, the crowd broke the door open, and dragged Liubakhanskii out. Surrounded by the angry crowd, he walked, with his hat in his hand, and begged: "Please mercy on me." "Death! Death!" shouted the crowd. In front of a red barn, his overcoat, coat, and shoes were removed. Liubakhanskii stood in front of the barn facing the crowd without a blindfold. Thirty steps from him stood six men with rifles. Uneven volleys were fired. Liubakhanskii, standing for a few second, quietly fell on the snow. But he was still alive. Again volleys were fired from rifles. He was still moaning and moving. He was still alive. One of the executioners approached and fired a shot through his head from his revolver, and killed the murderer².

On January 11, three armed robbers broke into the jewelry store, Grifman, on Zagorodnyi Prospect (Second Moscow Subdistrict). The robbers shot to death the owner, Grifman, and his son. One of the robbers escaped, but the other two were captured. The crowd were taking them to the Second Moscow Subdistrict Commissariat, but when they reached Moskovskaia Street, one of the crowd shot one robber to death. The third robber was taken to the commissariat, but the crowd demanded that he be handed over. The crowd dragged him to the place where his comrade was shot to death. The robber knelt down and begged for mercy, but the crowd demanded mob justice. He was forced to stand by the building near the dead body of his comrade. A soldier with a rifle and another man with revolver from the crowd fired shots at the robber. The crowd shouted: Hurrah!³

¹ *Gazeta dlia vsekh*, December 21, 1917; *Vechernyi chas*, December 20, 1917.

² *Gazeta dlia vsekh*, January 4, 1918; *Novaia Petrogradskaia gazeta*, January 4, 1918; *Vechnnee vremia*, January 2, 1918. Each newspaper had a slightly different version.

³ *Gazeta dlia vsekh*, January 12, 1918, *Nash vek*, January 12, 1918. Musaeu, "Byt," pp 83-84, and Musaeu, *Prestupnost'*, quoting from TsGA SPb, f. 1000, op. 2, d. 149, l. 2.

On January 16, a man in soldiers' uniform was selling bread with five rubles for one funt at the corner of Gorokhovaia Street and Fontanka (Third Spasskii Sub-district). The crowd that gathered around him demanded that he lower the price to 3 rubles, but the man refused. The angry crowd subjected the merchant to a street justice, and threw him into Fontanka. The victim tried desperately to reach the shore, but the crowd threw rocks and ice. The merchant drowned to death¹.

On February 1 (14), two armed robbers in soldiers' uniform broke into the jewelry store owned by Lindelson on Bol'shoi Prospect on the Petrograd District. The robbers murdered Lindelson and his small children and seriously wounded his wife. One of the robbers was caught. After being subjected to a mob justice, he was shot to death².

Critical Comments on Samosudy

Journalists in the boulevard papers as well as left-wing intellectuals in *Novaia zhizn'* raised an alarm over the senseless violence in the streets. "An Eyewitness" in *Novaia Petrogradskaia gazeta*, for instance, on February 3 (16), 1918, noted the jovial excitement of ordinary citizens in the crowd who participated in a samosud against a robber who was thrown into the Fontanka. He observed the large number of women in the crowd, including a group of giggling high school girls with books in their hands on the way home from school. All eyes of the crowd were focused on the victim in the river, quietly asking themselves: "Is he going to be drowned?" The writer was stunned by the fact that the victim did not cry for mercy. He speculated that the criminal was well aware that a cry for mercy would not only help his life, but also provoke the crowd's cruel instinct. The victim was desperately and quietly swimming to the piling of the bridge to save his life.

The crowd that filled both banks of the river quietly and attentively watched the robber's struggle for life. A boy threw a piece of ice at the victim, saying: "Don't let him get to the piling." No one stopped the boy. What struck me most was the eerie silence of the crowd.

In ancient Rome they pushed the criminals off of the Tarpeian Rock. In twentieth century Petrograd we have the Fontanka instead of the Tarpeian Rock. The cruelty of the crowd in Petrograd is, however, the same as that of the Roman mobs³.

Another interesting observer was "Monte Cristo" in *Petrogradskaia Vechniaia Pochta*. On January 19, 1918, "Monte Cristo" referred to the catastrophic crime scene that threatened citizens' life and property. He also recognized the need to strengthen the criminal justice system where the police would guard citizens

¹ *Gazeta dlia vsekh*, January 17, 1918.

² *Novaia Petrogradskaia gazeta*, February 1 (14), 1918. For other instances of samosudy, see *Gazeta dlia vsekh*, January 13, 19, 1918; *Novaia Petrogradskaia gazeta*, February 3 (16), 1918; *Nash vek*, January 12, January 20, January 24, March 1, 1918; *Krasnaia gazeta*, February 23, 28, March 15, 1918; Musaev, "Byt," and Musaev, *Prestupnost'*, quoting TsGA SPb, f.73, op. 1, d. 159, l. 61.

³ *Novaia Petrogradskaia gazeta*, February 3 (16), 1918.

against criminals and the criminal court would bring just punishment to criminals. But he rejected the Bolshevik treatment of the issue. While the Bolshevik regime approached the crime in the political context connecting the crime with political counterrevolutionary, "Monte Cristo" argued that crime was neutral to all political parties, and therefore, that the criminal justice system should be created, transcending narrow class and political interests¹.

The voice against samosudy was raised not only by "bourgeois" journalists, but also left-wing intellectuals. Maxim Gorky in his columns in *Novaia zhizn'* devoted many columns in his "Untimely Thoughts" lamenting the bestiality of samosudy and criticizing the Soviet government for not creating a just criminal justice system. On December 21, he wrote: "Having abolished the old courts in the name of the proletariat, their lordships of the People's Commissars have thereby strengthened in the consciousness of the 'street' its right to 'mob trials,' a bestial right"².

Nevertheless, these instances of mob justice became a serious concern with the Bolshevik regime as well. *Izvestiia* wrote in February: "Samosudy are a blemish [piatno] on the revolution. It shames its honor. Against whomever it is, do not mete out punishment without trials"³. Lamenting on the cruel punishments such as quartering and boiling to death as reported in some provincial towns, *Krasnaia gazeta* pointed out that although the revolution had to mete out merciless punishments against its enemies, robbers, marauders, and black hundreds for self-defense, senseless violence perpetrated by excited crowds had no place for revolutionary justice. Excessive violence would be a blemish for revolutionary justice, and enemies had to be eliminated by the methods deserving the revolution⁴. These appeals were patently hypocritical in light of Cheka's brutal suppression of what it considered to be counterrevolutionaries and saboteurs. Nevertheless, as the French Jacobins abhorred the mob violence exemplified by the September massacre and channeled violence merely through the state sanctioned guillotines, the Bolshevik regime was also interested in channeling the violence through the state machine of terror.

Anarchists

As before the October Revolution, the city's crime was closely connected with anarchists; either the criminal elements appropriated anarchism to justify their criminal acts or genuine anarchists committed criminal acts. Anarchists' appropriation of private properties, carried out by their anarchist convictions, blurred the distinction between politics and criminality.

¹ "Petrograd—rasboinich'e gnezdo," *Petrogradskaia vecherniaia pochta*, January 19, 1917.

¹ "Okhrana Petrograda," *Petrogradskaia vecherniaia pochta*, January 30, 1917.

² Maxim Gorky, *Untimely Thoughts: Essays on Revolution, Culture, and the Bolsheviks 1917-1918*, translated from the Russian with an Introduction and Notes by Herman Ermolaev (New York: Pauls S. Eriksson 1968). P. 111. For his biting comments on samosudy, see *ibid.*, p. 91, 99-100, 11-111.

³ *Izvestiia*, January 9, 1918, quoted in "Byt," p. 84.

⁴ *Krasnaia gazeta*, March 15, 1918.

Before the October seizure of power, the Bolsheviks did not criticize the anarchists, and in fact, often collaborated with them. As Lenin stated 1921: "I have met and talked with few anarchists in my life, but all the same I have seen enough of them. I sometimes succeeded in reaching agreement with them about aims, but never as regards principles"¹. Anarchists collaborated with the Bolsheviks to overthrow the Provisional Government, as the leading anarchists such as I.P. Zhuk and A.G. Zhelezniakov participated in storming the Winter Palace. Iosif S. Bleikhman, E.Z. Iarchuk, V.S. Shatov and other anarchists joined the VRK. It was Zhelezniakov, as chief of the guard at Tauride Palace, who carried out the Bolsheviks' order to disperse the Constituent Assembly on January 6, 1918².

But when the Bolsheviks were in power, anarchism became a serious threat to the Bolshevik regime, and hence they turned on real or alleged anarchists. In his article, "Horror in the Revolution [*Strashnoe v revoliutsii*]," Bonch-Bruевич described the anarchist-sailors in the Second Guard Marine [Equipage] on the ship, *Respublika*, who committed a series of horrifying criminal acts, arresting officers and executing them without any trials. Lenin personally ordered Bonch-Bruевич to investigate their acts and take necessary measures to punish them. Bonch-Bruевич went to the barracks of the Second Guard Marine, conducted a revolutionary court, summoning three arrested officers, and ordered the sailors to deliver the officers to Smol'nyi. He also witnessed the drunken orgy and piles of weapons scattered in the barracks. Instead of bringing the officers to Smol'nyi, however, the anarchist sailors transferred the arrested officers to a small hiding place where they had drunken orgy with prostitutes. After their orgy, they brought two of them outside and executed them. One of the officers was taken by two other sailors, drove around the city for his acquaintances for extortion of ransom money. Secretly using the Bolshevik-sympathizers, Bonch-Bruевич managed to rescue the officer from the barracks, but the anarchists-sailors threatened to attack Smol'nyi to retrieve the prisoner. Convincing the sober-minded marines to defect to the Smol'nyi, Bonch Bruевич launched an attack on the anarchist sailors, and captured the barracks and disarmed the sailors who were marching to Nikolaevskii Station to escape from the city³.

Brevestnik, the organ of the Petrograd Federation of Anarchists, openly called the anarchists to join the drunken pogroms, and many anarchists were more than willing to respond to this call, and proceeded to get drunk⁴. When the Cheka ar-

¹ Quoted in Vladimir Iu. Chernenko, "Anarchists," in Edward Acton, Vladimir Iu. Chernenko, and William G. Rosenberg, *Critical Companion to the Russian Revolution, 1914-1921* (London, Sydney Auckland, Arnold, 1997), p. 224.

² Chernenko, "Anarchists," pp. 224-225.

³ Vlad. Bonch-Bruевич, "Strashnoe v revoliutsii," *Na boevykh postakh Fevral'skoi I Oktjabr'skoi revoliutsii* (Moscow, Isd-vo "Federatsii", 1930), pp. 286-327.

⁴ *Izvestiia*, February 17, 1918, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 191.

rested a self-proclaimed anarchist-criminal Dal'skii, the anarchists sent an ultimatum, threatening to attack the Soviet government¹. The anarchists often appropriated private houses and possessions. For instance, a group of anarchists seized a house on Stremiannaia Street, and looted all the apartments in this house. When Bonch-Bruevich's Cheka detachment arrested them, they had in their possession many valuables they had confiscated². Another group of anarchists seized two apartments and an office on Volkovskaia Street behind the Moscow Gate, and took off with stolen furs and silvers. On the way in their escape they attempted to break in a nearby leather factory and steal leather products³. On Vasil'evskii Island, a group of anarchists seized the villa of Baron Gintzburg, and refused to vacate its premise despite a categorical injunction of the Petrograd Soviet. The government used military power to dislodge the anarchists from the villa. After the reoccupation of the villa the authorities discovered jewelries, expensive carpets, furniture, paintings, mirrors in an "iron room," that had not been burned down⁴. This case was striking in its similarity to the Durnovo dacha case in June, 1917. Back then the Bolsheviks supported the anarchists, and opposed the Provisional Government's order to expel "anarchists" from the occupied Durnovo Dacha. Now to the Bolsheviks in power, the anarchists became a threat to their power⁵. Indeed, where they stand was determined where they sat.

What made the presence of anarchists threatening was that they were armed, and often armed to the teeth. The anarchists turned many houses they had seized into an armed camp. When the anarchists held a conference in the building of former women's university [kursy], M.A. Lokhvitskoi-Skalon on Nikolaevskaia Street 27 (First Moscow Subdistrict), they showed up fully armed. During the session a bomb was exploded and many were killed and wounded⁶.

The anarchists' threat was serious enough to warrant discussion at the sessions of the Petrograd Soviet. On January 30, the Presidium of the Petrograd Soviet issues a declaration stating that illegal seizures by anarchists of private homes were strictly forbidden⁷. On the session Petrograd Soviet adopted the resolution prohibiting "unauthorized [samochinnye] seizure of dwellings were strictly forbidden and instructed the district Soviets to take the most resolute measure against the groups that defied the order of the Soviet power. The Petrograd Soviet also banned the

¹RGASPI, f. 19, op. 1, d. 46, l. 1., quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 192.

²Pravda, February 18, 1918, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 192.

³*Krasnaia gazeta*, February 19, 1918. Fraiman, *Forpost*, p. 192.

⁴GARF, f. 47, op. 1, d. 44, l. 241, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 192.

⁵On February 11 (24), 1918, 15 anarchists raided the city pawnshop in Vasil'evskii Island, and robbed the warehouse with rich valuables worth 600,000 to 700,000 rubles, while leaving warehouses with less valuable items. *Krasnaia gazeta*, February 25, 1918; Musaev, *Prestupnost'*, p. 77.

⁶Pravda, February 16, 1918, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 192.

⁷Pravda, January 30, 1918, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 192.

anarchist paper, *Burevestnik*, as nothing but a paper inciting pogroms¹. Nevertheless, this order should be also contrasted with the wholesale confiscation of the houses and apartments that belonged to the privileged class for the Soviet offices and resettlement of the proletarian families. The records of the City Duma under the Bolshevik rule had the list of confiscated buildings expelling the previous owners².

Drunken Pogroms:

More than anything else, the unexpected ferocity of the drunken pogroms in November and December jolted the Bolshevik regime. There was a large quantity of vodka, wine, and spirits in wine cellars of sumptuous palaces, restaurants, private apartments, wine, beer, and vodka factories and their storages. According to the City Duma's data, there were in the city 570 wine and vodka cellars and storages, worth 30 million gold rubles in the prerevolutionary prices³. Given the legendary drinking habit of the Russians, these vodka and wine cellars were sitting ducks to be attacked once all the security were to be removed.

It is important to note that drunken pogroms were not an isolate incident in Petrograd after the October Revolution, but the drunken pogroms in Petrograd that took place in November-December and flared up again at the end of January, were notable in their ferocity and the duration, especially when they took place in the "cradle of the proletarian revolution" and in the very capital of the Bolshevik regime⁴. The drunken pogroms were also significant, since they triggered the momentum of the Bolshevik regime to establish a more reliable law-enforcement mechanism.

Since I have chronicled the violent attacks on wine cellars, vodka and brewery mills and storages elsewhere, and since Musaev described these incidents in more detail, there is no need to describe each attack in detail here, although I believe a careful, and serious scholarly analysis of the drunken pogroms is still required⁵. The violent wine pogroms began on the night of November 4 – 5, with attack on the

¹ *Izvestiia*, February 17, 1918., quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 193.

² TsGA f. 3217, op. 1, d. 5b, ll 11-11b, 13, 15-15ob, 16.

³ Quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 184. According to Pravda, there were more than 700 wine and vodka cellars and storages. Pravda, December 2, 1917.

⁴ Drunken orgies were often associated with mobilization in 1914. During 1917 soldiers in the rear often attacked the wine cellars, including a major drunken pogroms in Rzhev and Ostrozhskoe in Voronezh guberniia in September, and simultaneously with the Petrograd drunken pogroms in November-December, drunken pogroms took place also in Iaroslavl', and other provincial small cities. See Musaev, *Prestupnost'*, p. 59.

⁵ Tsuyoshi Hasegawa, *Roshia kakumeika Petrogruradu no shimin seikatsu* (Tokyo: Chuokoronsha, 1989), pp.270-283, 296-299; Musaev, *Prestupnost'*, pp. pp. 57-69. Also see V. Kanishchev and L. Protasov, "'Dop'em romanovskie ostatki'; P'iane pogrom v 1917 godu," *Rodina*, No. 9, 1997, p. 65. For the reports on drunken pogroms, see *Gazeta dlia vsekh*, November 30, December 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9,10, 12, 24, 28, January 21, 24, 25 26; TsGASPb, f. 131, op. 1, d. 42, ll,

wine cellar of Grand Duchess Ksenia Aleksandrovna (Offitserakaia 35). It started with the drivers of the automobile of the Soviet Executive Committee, who broke into the wine cellar. Drunken orgy was joined by others, and the Red Guards dispatched to suppress the disorder, ended up joining the orgy¹. This set the pattern. From then on, sporadic attacks on wine cellars in November suddenly exploded in the first week of December. Mobs attacked wine cellars of aristocratic residences, private apartments, expensive restaurants, beer and vodka storage and manufacturing factories. Often the pogroms began with the soldiers guarding the premises. The wine cellars of the Winter Palace was attacked in November, involving the soldiers of the Preobrazhenskii Regiment, who were on the guard duty of the palace. On November 23, the ‘second storming’ of the Winter Palace ended up a gigantic drunken orgy, forcing the authority to destroy all expensive wine and cognac bottles and pour into the Neva. Especially violent were the attacks on the vodka factory, Iona, on December 1 and 2, the liquor storage near Tuchkova Bridge (Vasil’evskii Island) on December 4, and the vodka factory, Petrov (Moscow District). Some were drowned in the sea of wine and vodka in the cellar. According to Bonch-Bruevich, on the night of December 4, sixty-nine wine pogroms and 611 reports of crime were registered². On one occasion, the Red Guards had to attack the drunken crowd with machine guns, to which the crowd responded with rifle fires. On other occasions, the authorities mobilized armed cars to suppress the disorders³. Some wine pogroms caused fires, killing many. The looting of the liquor storages reached its climax on December 8. *Gazeta dlia vsekh* reported that crowds broke into every conceivable liquor storage, and everywhere in the city, aimless shootings were taking place. The situation was so serious that the Petrograd Soviet spent the major portion of its session discussing how to cope with the widespread wine pogroms in the city. Vladimir Bonch-Bruevich warned: “The revolution is now in danger of being drowned in the sea of vodka and wine.” He reported that many looters were drowned in the sea of liquor, that the soldiers of the Semenovskii Regiment dispatched to suppress the wine pogroms joined the looters, and that three armored cars were sent to suppress the still occupied Petrov Factory⁴. As I will discuss later, on December 1, the Executive Committee of the Petrograd Soviet established the Extraordinary Commission to Combat Pogroms and took draconian measures to combat wine pogrom. The wave of wine pogroms flared up in the beginning of January, and at the end of the month. The last wine pogrom took place on January 24 at the Vodka factory, Bekman (First Admiralty Subdistrict), causing 4 deaths

¹ *Petrogradskii listok*, November 8, 1917; TsGASPB, f. 1311m op. 1, d. 14, l. 32, quoted in Musaev, *Prestupnost’*, p. 60.

² Vlad. Bonch-Bruevich, “Komitet po bor’be s pogromami v Petrograde,” *Na boevykh postakh Fevral’skoi i Oktiabr’skoi revoliutsii* (Moscow: Izd-vo “Federatsiia, 1930), p. 191.

³ *Ibid.*

⁴ *Bor’ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoi vlasti: Khronia sobyii* (Moscow, 1962), December 6, 1917. *Petrogradskii voenno-revoliutsionnyi komitet*, vol. 2, 502, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 185.

and 20 wounded¹. After this, drunken pogroms disappeared, not because the regime took effective measures, but because the city's wine cellars became empty.

The ferocity of the drunken pogroms confronted the Bolshevik regime, and played an important role in the Bolshevik regime's reorganization of the law-enforcement mechanism, as I will discuss below.

The Bolsheviks and the Militia:

Uneasy coexistence of the Red Guards and the City Militia

Immediately after the assumption of power, on October 25, the Military Revolutionary Committee (VRK) issued the decree abolishing the old commissariat under the city militia, and placing the police power to the jurisdiction of the district soviets². On October 28, the Commissar of Internal Affairs [NKVD] issued a decree establishing the workers' militia as the sole police power for security of order and that all the workers' militia should be subordinated to the Petrograd Soviet of Workers' and Soldiers' Deputies³. Responding to the VPK's October 25 decree, local soviets began appointing their own commissars to head the militia organizations. But the city militia remained subordinated to the Militia Chief, N. K. Ivanov, who ordered all city militia organizations on October 27 "to defy the orders of the VPK and the Soviet power, remain on the post, and not to submit themselves to the representatives of the VPK, and not to surrender the commissariat unless physical force was exercised"⁴. Thus, "dual power" persisted even after Bolshevik seizure of power⁵.

¹ *Gazeta dlia vsekh*, January 24, and 25 1918.

² *Petrogradskii voenno-revoliutsionnyi komitet*, vol. 1 (Moscow: Nauka, 1966), p. 109; TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 5, l. 17.

³ E.N. Gorodetskii, *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva 1917-1918* (Moscow: Nauka, 1987), p. 183; Musaev, "Byt gorozhan," p. 77.

⁴ *Petrogradskii voenno-revoliutsionnyi komitet*, vol. 1, p. 206.

⁵ Musaev, *Prestupnost'*, p. 48. The relationship between the city militia and the VRK must be placed in the larger context of the conflict between the Bolshevik regime and the City Duma. For this see, Alexander Rabinowitch, *The Bolsheviks in Power: the First Year of Soviet Rule in Petrograd* (Bloomington: Indiana University Press, 2007), 23, 24, 27, 30, 39, 52, 55-56, 58, 60, 70, 72; V. M. Kruchkovskaia, *Tsentral'naia gorodskaiia дума Petrograda v 1917 g.* (Leningrad: Nauka, 1986), pp. 81-113. Rabinowitch tends to conflate the Committee of Public Safety and the Committee for Salvation of the Homeland and the Revolution. Kruchkovskaia makes a clear distinction between the two, and describes the differences between the Kades and the SR leadership in the City Duma, with the latter initially maintaining political neutrality between the Bolsheviks and the Provisional Government. In the end, however, Krushkovskaia ends up characterizing the Committee of Public Safety and the City Duma as counterrevolutionary organizations. I believe that the publication of the stenographic records of the City Duma meetings deposited in the Manuscript Collection of the National Public Library in St. Petersburg will greatly contribute to our understanding of the details of the first two months of the Bolshevik regime and its opposition.

Despite the clear indication of the VPK and the NKVD to abolish the old city militia and replace it with the workers' militia, however, the Bolshevik regime avoided immediate confrontation with the old city militia and complex dual power of police functions lasted for two months. This was partly because the old city militia functioned as an effective means to combat crime, and useful for maintaining order, partly because the regime lacked reliable police power except for the Red Guards, and finally, because the principle of local self-autonomy on which the local commissariat had been created died hard, and the Bolshevik regime had to move gingerly to replace this principle with the principle of central control.

It should be stressed that the major purpose of the Committee of Public Safety, which was created on October 24, one day before the Bolshevik assumption of power, was to protect the safety of the citizens against "the hooligan-pogrom elements"¹. For that reason, the Committee of Public Safety reaffirmed the need of the city militia to pledge allegiance to the City Duma as the only legal authority in the city, providing the city militiamen with 5,000 new armbands with the insignia of Militia of the Committee of Public Safety². The City Militia took a series of measures to destroy the city's liquor reserves and banned the sales of pure liquor, perfumes and cosmetics. It was the City Militia, which alerted the danger of the drunken pogrom against the wine reserves in the Winter Palace, and requested the VRK to post guards to protect them through the Bolshevik City Duma deputy, A.V. Lunacharskii³. In addition to the city militia at the subdistrict level, the City Duma and the Committee of Public Safety organized the housing committees [domovye komitety] to protect the security of buildings, imposing obligations for posting duty on all 15 to 55 year old male residents during the night, closing the gates and entrances to the buildings, and issuing the identification card [propusk] to each resident⁴.

On the ground level, therefore, the police power had a complex mixture of co-existence between the old city militia and the Red Guards and other military units under the direction of the VRK. A detailed report of the Third Spasskii subdistrict commissar, V. Markov, to the central city militia administration contains an interesting example of the relationship between the subdistrict militia organizations and the Red Guards. On October 27, four people in civilian clothes appeared in the commissariat. Handing the commissar a paper signed by the VRK, they told Markov that he was dismissed, and that in his place a certain "Comrade Zuev" had been appointed. Declaring that only the City Duma could dismiss him, Markov rejected their order, declared the VRK's order illegal. After they left, Markov posted a notice: "In accordance with the City Duma's resolution, I inform you that all power

¹ Krushkovskaia, *Tsentral'naia gorodskaiia дума*, p. 88.

² *Ibid.*, p. 96.

³ TsGASPB, f. 3117, op. 1, d. 1, ll. 18, 58-59, 78, 79-79ob, 80-80ob, 83, 92.

⁴ TsGASPB, f. 3117, op. 1, d. 1, ll. 11ob, 16, 23-23ob, 50; Krushkovskaia, *Tsentral'naia gorodskaiia дума*, p. 98.

in the city belongs to the City Duma and the commissars appointed by it. No one has the right to issue voluntarily orders that belong to a different physical force.”

One and a half hours later, an automobile carrying armed people arrived at the commissariat and sharply assailed Markov for posting such a counterrevolutionary appeal, and seized these notices from the desk of the duty officer. When Markov threatened the use of force, they left without challenging him. After this incident, the Red Guards left Markov and the city militia alone, and the police work in the subdistrict was carried out by the two competing powers, the Red Guards and the city militia, more or less without much conflict¹.

The same pattern of relationship between the Red Guards and the city militia followed in the First Moscow Subdistrict and the Second Kazan Subdistrict, where the representatives of the VRK demanded the dismissal of the commissars of the city militia, but met with refusal, did not force the issue, and left the city militia alone to continue their duties².

These cases suggests that even after the October Revolution, the Bolshevik regime did not resort to the immediate takeover the city militia, and that the subdistrict commissariats continued to function more or less normally, at least in some parts of the city. Other archival materials also show that, although the VRK dismissed the commissars of subdistricts, the VRK was forced to reinstate the commissars they had dismissed³. As in the Third Spasskii subdistrict described above, in many central subdistricts the commissars appointed by the VRK did not play an important role, leaving the commissariats alone without interference. Such was the case in the First and the Third Liteinyi, the Fourth Spasskii, and the First Moscow Subdistricts⁴. In the First Moscow Subdistrict, a city militiaman rescued a Red Guard who was in danger of being subjected to a *samosud* by the crowd after he fired a shot at the crowds to disperse them⁵. In some subdistricts, for instance, in the Porokhovskii District, the Red Guards and the city militia worked together to maintain order⁶. In other subdistricts, the commissariats were composed of the mixture of the old militia and the new representatives of the VRK (2nd Vyborg, 2nd Okhta, and 1st Liteinyi subdistricts). In the 2nd Narva Subdistrict, the old militia continued to function without any interference from any representatives of the VRK⁷. Raboinowitch describes the reaction of an Okhta Bolshevik in response to why the district soviet had not taken over the district duma. According to this Bolshevik, “Institutions of local self-government are purely organizations for economic management, whereas district

¹ TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 5, ll. 24, 24ob, 25; TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 8, l. 25.

² Musaev, *Prestupnost'*, p. 50.

³ This took place at least in the following subdistricts: the 3rd Vyborg, 1st and 2nd Okhta, 1st Lesnoi subdistricts. TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 8, ll. 37, 37ob.

⁴ TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 8, ll. 18, 18ob, 45.

⁵ TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 94, ll. 28, 28ob, 29.

⁶ TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 8, l. 37ob.

⁷ Musaev, *Prestupnost'*, p. 51.

soviets are political institutions”¹. One might add that this Bolshevik may have considered the police matter purely to administrative work that belonged to the district дума and district commissariat.

The cooperation between the city militia and the workers’ militia was also notable in the working class districts. The militiamen in the Second Vyborg Subdistrict held a meeting on November 2, presided over by G.V. Arkhipkin, a Bolshevik, who spoke about the current situation in which the two hostile irreconcilable powers – the “Temporary Revolutionary Committee” and the remnants of the government of Kerenskii – competed each other. Arkhipkin stated: “The Vyborg District Soviet would not require the militiamen’s active demonstration of support [of the new power], but only demand that they stay at their posts and defend the citizens from pogroms, violence, robberies, and murders”². It is important to note that even in the heart of the proletarian district, the Bolsheviks were careful not to “bolshevize” the militia organizations immediately. This example also demonstrates the strength of subdistrict autonomy.

The VRK’s arbitrary decision to disband the city militia, however, provoked resentment and protests from the city militiamen in other subdistricts in the beginning of November. On November 6, the militiamen of the Third Vasil’evskii Subdistrict, which the Provisional Government’s Revision Commission had identified as the subdistrict deeply influenced by the workers’ interests, passed the following resolution:

The city militia must always remain neutral and independent from the political upheaval [perevorot] that is taking place and it can work in complete agreement with the Revolutionary Committee in the matter of residents’ security of property and person. Therefore, we consider it necessary to request that the Vasil’evskii district Soviet of Workers’ and Soldiers’ Deputies dismiss the new commissar [appointed by the District Soviet], restoring the administration of the commissariat to Commissar E. N. Gol’dberg. This is the only way to restore the activity of the commissariat that has been violated, and this solution will be supported by the majority of the commissariat³.

This resolution clearly indicates that the VPR’s high-handed decree provoked the resentment from the subdistrict commissariat in the same way that it had protested the Provisional Government’s attempt to abolish the subdistrict autonomy in June 1917.

The militiamen of the First Admiralty Subdistrict met on November 8, and protested the VRK’s arbitrary dismissal of commissars and assistant commissars of various subdistricts, including their own subdistrict. They passed a resolution, declaring (1) that the militiamen in this subdistrict were civil servants of the city government; (2) that the city militia should maintain political neutrality in enforcing

¹ Quoted in Rabinowitch, *Bolsheviks in Power*, p. 56.

² TsGASPB, f 131, op. 1, d. 8, ll. 14, 14ob; also see Musaev, *Prestupnost’*, pp. 50-51.

³ TsGASPB, f 131, op. 1, d. 8, l. 53.

the law without joining any political groups; (3) that the militiamen continued to support Commissar Semenovskii and his two assistants, and would resist any attempts by any political organizations to dismiss them; and (4) that the militiamen would fulfill only orders of the mayor and the Chief of the City Militia, considering any other orders illegal¹.

We cannot dismiss these resolutions as merely reflections of “bourgeois” militiamen hostile to the Bolshevik regime. The Second Vyborg Subdistrict clearly supported the Bolshevik Revolution against Kerenskii, and stood for the “proletarian” principle. The Third Vasilievskii Subdistrict was prepared to support the Military Revolutionary Committee. Only the First Admiralty Subdistrict remained its commitment to subordinate itself to the City Duma and the Committee of Public Safety. Nevertheless, all these resolutions upheld two important principles of the city militia: the principle of subdistrict self-determination, including the elective principle, and the principle of political neutrality.

It is precisely these principles, however, that eventually doomed the city militia. These principles—the principles that were foundations for the municipal police—were clearly incompatible with the Bolshevik regime, which stood for revolutionary centralization, and for the most radical notion of the “state-driven” police. Especially, when the Committee of Public Safety, which grew out of the City Duma, became willy-nilly drawn into the major group coalescing the groups protesting the Bolshevik’s usurpation of power, and when the Bolshevik regime brutally suppressed the Committee of Public Safety as a counterrevolutionary organization, it was inevitable that sooner or later the city militia that pledged allegiance to the City Duma, and the Committee of Public Safety would be destroyed by the Bolshevik regime.

It is also important to note that the principle of the “municipal police” that was based on the subdistrict autonomy, elected principle, and political neutrality, contributed to the demise of the city militia from within. The subdistrict self-determination deprived the city militia of organizational coherency. The principle of political neutrality in the highly politicized revolutionary situation was impossible— even suicidal— in the face of the political power that was determined to annihilate every organization that deviated even the slightest from its political line. Each subdistrict commissariat was isolated and looked for leadership and guidance from the chief of the City Militia and the City Duma. It was impossible, however, for either the City Duma or the central city militia administration to provide such leadership, for throughout the months since the February Revolution, the Chief of the City Militia and the City Duma had been emasculated precisely by the principle of subdistrict self-determination. And when the central administration of the City Duma was taken over by the Red Guards on the order of the VPK on November 8, the city militia lost its central coordinating body².

¹ Ibid., I, 58, 58ob..

² TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 7, l. 23; TsGASPB, f. 131, op. 1, d. 8, ll. 30, 30ob, 39.

While the Bolshevik regime was careful not to destroy the old city militia immediately, it chose to decapitate the City Duma to which the subdistrict commissariat drew their legitimacy. In the appeal to “all members of the Central Committee and the working class of Russia, Lenin characterized the City Duma as “the good-for nothing Kokrnilov supporters, sons of capitalists and landlords, and [supporters of the uprising] of military cadets”¹. On November 2, the VRK ordered the Staff of the Red Guards to arrest Ivanov, and bring him to Smol’nyi for the Investigating Commission². The Red Guards occupied the City Militia administration at Gorokhovaia Street, closed it, and moved the administration to a building at the corner of Sadovaia and Voznesenskii Prospekt, where neither essential equipment nor telephone were available³. But the staff of the militia administration pledged to continue their allegiance to the City Duma. City Mayor G.I. Shreider declared: “We still have the militia that is ready to serve us”⁴. On November 16, the Soviet of People’s Commissariat, “in view of the fact that the present composition of the Duma majority, having entirely lost political trust, continued to exploit the formal rights for counterrevolutionary actions against the will of workers, soldiers, and peasants, for sabotage and breaking of smooth function of public work,” dissolved the City Duma, and ordered a new election to the City Duma on November 26⁵.

Within the Bolshevik party, there existed two tendencies with regard to the city militia. The radical wing, represented by V.A. Antonov-Ovsenko, faithful to Lenin’s idea of universal militia duty, proposed to abolish the city militia immediately. This proposal was opposed by F.D. Dzerzhinskii and V.A. Avanesov, who advocated that the city militia could be used to combat crimes. “It is not necessary to liquidate it,” Avanesov argued, “but to reorganize it”⁶. To the extent that the city militia served to restore a semblance of order, it was useful for the Bolshevik regime, and the result was precarious cooperation between the Red Guards and the city militia. In the middle of November, the Union of Militiamen held a conference, where 6,000 militiamen acknowledged the authority of the VRK, while 600 remained loyal to the City Duma⁷.

¹ V.I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenii*, vol. 335, p. 43, quoted in Kurchkovskaia, Tsentral’naia gorodskaia ruma, p. 193.

² *Ibid.*, p. 497.

³ Iu.S. Tokoarev, “Petrogradskie rabochie v bor’be za ustanovlenie i okhrany revoliutsionnogo poriadka (avgust-dekabr’ 1917 g.,” *Trudy LOII*, Vyp. 6, Moscow, Leningrad, 1963, p. 43; *Petrogradskii listok*, November 18, 1917; Musaev, *Prestupnost’*, p. 49; Fraiman, *Forpost*, p. 143.

⁴ *Petrogradskii listok*, November 19, 1917; Musaev, *Prestupnost’*, p. 49.

⁵ *Dikrety Sovetskoi vlasti o Petrograde, 25 oktiabria (7 noiabria) 1917 g.- 29 dekabria 1918 g* (Leninbgrad, Leninzdat, 1986), pp. 38-39.

⁶ Gorodetskii, *Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva* pp. 184-185; *Petrogradskii voenno-rvolutsiionnyi komitet*, vol. 3, pp. 168-169.

⁷ Gorodetskii, *Rozhdenie sovetskogo gosudarstva*, p. 184.

Dzerzhinskii's and Avasenov's view prevailed, and on November 19, the VRK passed a resolution directing all the district soviets to appoint commissars in the commissariat, where they had not done so, to dismiss all the militiamen who were not subordinated to the Soviet power, and to create a "commission to liquidate the old militia and to organize security of the city of Petrograd." The Commission was composed of I.P. Bakaev, (the representative from the Petrograd Soviet), F.E. Dzerzhinskii (Commissar of Internal Affairs), E.A. Trifonov (the Central Staff of the Red Guards), I.S. Unshlikht (VRK), and Sergeev and Sozman (two representatives from the bureau on the liquidation of the militia¹.

Before November 23, Trifonov made the following proposal to reorganize the militia in the city. According to this proposal, each factory and industrial enterprise was to provide workers for the militia duty, from whom the Red Guards small unit (*desiatki*), units (*vzvody*), *druzhiny* and battalion would be formed. The Red Guard battalions would provide posting and patrol duties in the district under the control of the district Red Guard command and the District Soviet of Workers and Soldiers' deputies. The training and arming the militia units would be conducted by the district Red Guard staff. The militia duty would last for one week, and the Red Guard militiamen who served one week would be replaced by other units. This proposal was notable for the two basic principles: universal militia duty and the autonomy of local district organizations. But this proposal remained only on paper, and does not seem to have been implemented².

On November 20, the Red Guards and the sailors sent by the VRK occupied the Duma building and forced the Duma deputies to leave the building³. On December 2, the Commission to Liquidate the Old Militia ordered the local soviets to reappoint militiamen within two weeks with two recommendations from the factory committees or from the military units. Militiamen lacking these letters of recommendation should be dismissed⁴. On December 4, the People's Commissariat of Internal Affairs decided to abolish the city militia entirely⁵. Finally, on December 30, the Petrograd Soviet adopted the resolution to abolish the old city militia by January 30, 1918⁶. Thus, the Bolshevik regime's attempt to abolish the city militia was completed.

¹ TsGASPb, f. 73, op. 1, d. 1, ll. 3-5, 25-25ob, 60.

² TsGASPb, f. 73, op. 1, d. 1, ll. 5-5ob; *Petrogradskii voenno-revoliutsionnyi komitet*, vol. 3, pp. 286-287.

³ Fraiman, *Forpost*, pp. 130-132; Musaev, *Prestupnost'*, p. 49.

⁴ TsGASPb, f. 131, op. 1, d. 7, l. 1; TsGASPb, f. 73, op. 1, d. 1, ll. 1, 9,10, 48-48ob; *Gorodetskii, Rozhdenie Sovetskogo gosudarstva*, p. 186

⁵ Musaev, *Prestupnost'*, p. 53.

⁶ "Byt gorozhan," p. 77. Also see A.T. Skiliagin, V. Lesov, Iu. Pimenov, "Dela I liudi lenigradskoi militsii," *Ocherki istorii Leningrada*, 1967, p. 23, 25, 26. *Izvestiia* December 23, 1917, January 3, January 5, 1918, *Novaia zhizn'*, January 4, No. 1, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 194.

Influence of the drunken pogroms on the Bolshevik policy on crime

It should be noted that the abolition of the city militia greatly contributed to the explosion of the wine and vodka pogroms that occurred in December and January. To suppress the horrifying storms of wine pogroms, the Bolshevik regime had to rely on poorly staffed Red Guards and unreliable military units from the reserve guard regiments without the help of the city militia. The pogroms that threatened the Bolshevik regime triggered the regime to adopt a series of emergency measures. On December 1, the VRK created a commission to combat alcoholism and gambling with I.V. Balashev as its head. On December 3, another organ, Extraordinary Military Commissar in the city of Petrograd was created with Lieutenant G.I. Blagonravov as its head. The Petrograd Soviet instructed Blagonravov to destroy all the wine in cellars, get rid of hooligans "counterevolutionary bands" from the city, and arrest and disarm looters¹. On December 5, Blagonravov called the Central Komendatura of the Red Guards to make all the reliable Red Guards available for him to liquidate the drunken pogroms². On the same day, the Petrograd Soviet established the Extraordinary Commission to Combat Pogroms³. Its head Bonch-Bruevich, whose headquarters resided in Room 71 in Smol'nyi, placed the entire city under a martial law, and prohibited any meetings and gatherings in public, declaring that any attack on liquor storages, warehouses, stores, and apartments would be punished severely. He had armored cars patrol the city⁴.

With the creation of the Extraordinary Commission to combat pogroms, a new ideological element was introduced in combating crime. Bonch-Bruevich characterized the wine pogroms consciously engineered by counterrevolutionary elements, led by the Kadets, in their attempt to destroy the unity of the workers and the soldiers. Blagonravov supported this contention, concluding that the leaders of the Kadet Party financed the criminal elements to incite attacks on liquor storage. Lenin wrote: "The bourgeoisie goes for the most sinister crimes, bribing the dregs of society and unleashing these elements, and inducing them to get drunk for pogroms"⁵. Bonch-Bruevich further contended that the attacks were also connected with the strikes of the dvorniks and doormen, but this provoked the resentment of the dvorniks, who formed the union to protest, and their refusal to provide the night duty. This necessitated the regime to impose the guard duty to the building committees [domovye komitety]. Bonch-Bruevich also proposed that the military units should confine soldiers inside the barracks. A soldier of the Volynskii Regiment

¹ *Izvestiia*, December 3, 1917, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 187.

² Musaev, *Prestupnost'*, pp. 62-63.

³ Velikaia Oktiabr'skaia sotsialisticheskaia revoliutsiia: Khronia sobytii (Moscow 1960), vol. 5, p. *Gazeta dlia vsekh*, December 7, 1917.

⁴ Bonch-Bruevich, "Komitet po bor'be s pogromami," p. 191. This Extraordinary Commission should be distinguished from another, more famous Extraordinary Commission (CheKa) to Combat Sabotage and Counterrevolution, headed by Felix Dzerzhinskii.

⁵ Lenin, *Pol. Sob. Soch.* Vol. 26, p. 336, quoted in Musaev, *Prestupnost'*, p. 65

proposed that any looters of liquor storage should be shot on the spot¹. On the whole the Bolsheviks were reluctant to rely on the soldiers for security duties, and tended to rely more on the Red Guards and the Latvian sharpshooters.

On January 28, 1918, the same day the Bolshevik power decided to create the Red Army, the regime held a joint conference of the Petrograd Soviet, district soviets, and the military headquarters to discuss the security measures in the city of Petrograd. Bonch-Bruевич acknowledged that the crime threatened not only the citizens' safety, but also the legitimacy of the regime. He then issued an ultimatum directed at the city's criminal population, giving them a choice of either to leave the city within twenty-four hours or to become a law-abiding citizen. He served notice that after twenty-four hours passed, all criminals without exception would be shot at the scene of crime². This order was also given in Order No. 1 of the Extraordinary Staff of the Petrograd Military District, issued on February 9 (22) 1918, which stated:

- (1) The Petrograd Military District is placed in a state of siege.
- (2) All persons who are engaged in thievery, robbery, assaults, burglaries, expropriations and other criminal acts shall be shot by detachments of the revolutionary army on the spot of crime;
- (3) Private individuals, organizations, and institutions that do not have permission must immediately surrender bombs, hand grenades, shells, and explosive materials to the district soviets of the workers', soldiers, and peasants' deputies....³

This was not an empty order. The Red Guard detachments were unleashed in the streets, shooting criminals on the spot before the crowd got their hands on them. The newspapers reported that in the city's streets dead bodies shot by the Red Guards were strewn everywhere. Further they acknowledged that the city's crime rate sharply declined⁴. As the crime rate declined, so did the incidence of samosudy, but only gradually.

In the second essay published after Bonch-Bruевич's ultimatum, "Monte-Cristo" mocked at the first part of the ultimatum as unlikely to persuade the hard-nosed criminals "to become law-abiding citizens." On the second part of Bonch-Bruевич's order that touched on the introduction of the harsh measures, "Monte-Cristo" expressed the fear that this measure would force the criminal justice system to return to the old police state. He argued that the police state is "nonetheless a huge step forward toward the security of Petrograd. If we cannot create anything new, why not return to the old system? After all, in the past there were not such widespread [paval'nye] epidemics of robbery as it is now in our time"⁵.

¹ *Gazeta dlia vsekh*, December 7

² *Gazeta dlia vsekh*, January 28, 1918; *Novaia Petrogradskaia gazeta*, January 28, 1917; *Petrogradskaia vecherniaia pochta*, January 30, 1918..

³ *Petrogradskaia vecherniaia pochta*, February 9 (22), 1918.

⁴ *Venerniaia zvezda*, February 9 (22), 13 (26), 23 (March 8), 1917;

⁵ "Okhrana Petrograda," *Petrogradskaia vecherniaia pochta*, January 30, 1917.

Towards the centralized police

Trifonov's proposal for universal militia obligation remained only on paper. The old city militia was abolished, but the new militia was not created. There was a dangerous vacuum of police power. This vacuum was filled only by the Red Guards. In November 1917, there existed 12 district Red Guards staffs at the district level, and 5 subdistrict staffs¹. But as the tasks assigned to the Red Guards expanded, the reliable Red Guards were gradually thinned out, since the most conscientious elements of the Red Guards were sent to the front. No accurate statistics are available about the number of the Red Guards operating in the capital. But historian Fraiman estimates on the basis of the Red Guards recruited from major factories, there were 22,000 Red Guards from November 1917 to February 1918, and additional 7,000 to 8,000 reserves. But by February, the number of the Red Guards was reduced to 16,000 to 17,000².

We cannot assume that the Red Guards were always loyal supporters of the Bolshevik regime. In fact, there were serious conflicts between district soviets and the Red Guard organizations. Anarchist tendencies were also discernible in some Red Guard members. Some Red Guard organization declared their self-government without any interference from outside, even from the district soviets or the Petrograd Soviet. The Petrograd Soviet considered this tendency dangerous and attempted to impose "democratic centrism"³.

The Bolshevik regime's ambiguous attitude toward the city militia indicates that the Bolsheviks had neither clear policy nor prior programs as to how to maintain public order after the assumption of power. In fact, whenever a crisis emerged like a hole in the dam, the regime hastily plug the hole in an ad hoc manner. The VRK, the Petrograd Soviet, the Petrograd Military District, and the SNK (the Council of People's Commissariat) issued decrees that were contradictory and created organizations whose jurisdictions and chain of command were not precisely defined. The Extraordinary Commission to Combat Pogroms was created to suppress wine pogroms, but another Extraordinary Commission—infamous Cheka – was also established to combat counterrevolution. The jurisdiction between the two was not clearly defined, and competence of each was not clear. Bonch-Bruевич's Cheka was created by the Soviet Executive Committee, but Dzhherzhinskii's Cheka was not subordinated to the Petrograd Soviet, but only to SNK. The relationship between these organizations, on the one hand, and the People's Commissariat of Justice and the People's Commissariat of Internal Affairs was not clear, either. When the fundamental questions as to who had the right to arrest, imprison, and punish and on what legal basis were not clear, it was not surprising that people resorted to mob justice to mete out punishment.

¹ Startsev, *Ocherki*, p. 206, quoted in Fraiman, p. 145.

² Fraiman, *Forpost*, pp. 195-196.

³ *Raionnye Sovetry Petrograda*, vol. 2, p. 307, quoted in Fraiman, *Forpost*, p. 196.

Only in March 1918, the regime began to streamline the often contradictory and overlapping militia organizations in the city. On March 28, the Petrograd Soviet decided to grant the exclusive jurisdiction of the security of the city to the Commissariat of Internal Affairs of the Petrograd Labor Communes that has been just established, and establish with this commissariat a section dealing with the external security¹. This section included the Committee of Revolutionary Security, which created a system of maintenance of order through subdistrict commissariats. It was decided at the same time that the new militia should be operated on the principle of cadre of militiamen rather than universal militia obligations on all citizens². Cadres of militiamen were taken on voluntary basis from citizens of 18 to 40 years old without any prior criminal convictions. The militia guards conducted position as well as patrol duties to maintain order in their subdistricts. From May to July 1918, the Committee of Revolutionary Security fell in the jurisdiction of M. S. Uritskii, who was simultaneously the head of the Petrograd Cheka and the Commissariat of the Internal Affairs of SKSO [Sovet Kommun Severnoi Oblasti].

In July 1918, the Committee of Revolutionary Security was reorganized by the decision of the Petrograd Soviet to the Kommandatura of Revolutionary Security. The task of the militia was defined as the defense of all citizens from violence and samosudy and fulfillment of laws and resolutions passed by the government. The authority of the city's security rested with the Central Kommandatura, to which the 14 district and 49 subdistrict kommandaturas were to be subordinated. In order for the militia to focus on law-enforcement task, the civil affairs were detached from the militia, and transferred to the local soviets. The Central Kommandatura was headed by V. S. Shatov (former anarchist) and his two assistants. The Central Kommandatura was in turn subordinated to the Commissariat of Internal Affairs of SKSO, and received its financial support directly from this commissariat. The total number of militia guards in the city was somewhere between 6,000 and 7,000 in the middle of 1918. In addition, the Kommandatura formed a guard regiment about 2,000 soldiers to secure the city, composed of the former soldiers of the Semenovskii Regiment. This regiment was charged with the task of securing the government buildings and other important buildings, especially the State Bank and other financial institutions, the Petrograd Soviet, the City Duma, the Fortress of Peter and Paul, warehouses on Gutuevskii Island, the Telephone Station³. Finally, the Soviet government adopted the Law of the Soviet Militia on August 18, 1918, which streamlined the Soviet militia organizations nationwide⁴. The centralization of the Soviet police force was completed. In this process, the principle of local self-government was jettisoned,

¹ GARF f. 393, op. 1, d. 28, l. 19, op. 1, d. 41, l. 38, quoted in "Byt," p. 85.

² Slkiagin, Leson, Pimenov, *Dela i liudi leningradskoi militsii*, p. 29, quoted in Musaev, "Byt," p. 85; Musaev, *Prestupnost'*, pp. 94-95..

³ TsGASPB, f. 142, op. 1, d. 8, l. 113; Musaev, *Prestupnost'*, p. 96..

⁴ Musaev, "Byt," p. 86; Musaev, *Prestupnost'*, p. 97.

and all the police force was streamlined on the top-down principle, subordinated to the Commissariat of the Internal Affairs.

Establishment of the criminal police

It is important to note that, as the Provisional Government and the City Duma had found it necessary to revive the Criminal Investigating Division in July 1917 by recruiting the former professional criminal investigators under the tsarist regime, the Bolshevik Regime chose not to abolish the Criminal Police, but rather reorganized it as the division [otdel] of criminal investigation under the Central Criminal Investigation Commission. From February 1918, the Criminal Police became under the jurisdiction of the Commissariat of Justice, and in December it was headed by A.A. Kirpichnikov, who had served as the head of the criminal investigation for the Tsarist Police as well as for the Provisional Government. Although the Criminal Police had to face many difficulties as constant change in its locations, destruction of former police records and technical means, and loss of informers and agents, the thread of continuity that it inherited from the tsarist regime to the Bolshevik regime indicated the importance of professionalism in pursuing criminal investigation. It was only after 1921, however, the independent Criminal Police was created and its jurisdiction was transferred to the Commissariat of Internal Affairs. The creation of the Criminal Police was accompanied by the efforts to train more qualified professional criminal investigators and the use of technical-scientific methods to combat criminals, including photos, fingerprinting taking, and chemical and forensic analyses¹.

Conclusion

Throughout 1917 until the October Revolution the Bolshevik Party remained indifferent to the problems of crime. They were unsympathetic to the idea of the workers' militia fulfilling the police function to maintain the order of society. Once in power, however, the Bolshevik approach to crime changed drastically. They saw that behind crime and criminals a dark force of counterrevolution was manipulating to discredit the Bolshevik regime. Ideology was imbued into the police organization.

The Bolsheviks did not have clear plans to maintain order after the assumption of power, but the direction their policy took was clear enough. Their policy was to dismantle the old structure of the city militia, and create a new militia system under the central control of the Bolshevik regime. The challenge for the new regime was to how to balance the practical task of combatting the rising wave of crime and samasudy and restore order. In the process of accomplishing this task, the Bolshevik

¹ Za vosem' let: Materialy po istorii sovetskoi raboche-krestianskoi militsii i ugolovno go ro-zyska, 1917-12 noiabria 1925 g. L, 1925, p. 52, quoted in Musaev, "Byt," 88; "Raboche-kres'tianskaia militsii, 1922, No. 1, p. 55, quoted in Musaev, "Byt," p. 88, Musaev, Prestupnost', p. 105.

regime had to destroy one of the central ideological tenets of the Russian Revolution from February to October: de-centralization of power, and impose the principle of centralization and central control. In this transformation, the drunken pogroms played an important role. Faced with the ferocity of drunken pogroms, the Bolshevik regime adopted draconian method, and abandoned the previous notion of universal militia duty. The result was the adoption of the centralized police force, composed of professional trained militiamen, subordinated to the central authority. The system was quite reminiscent to the tsarist police system, and the one that the Provisional Government attempted but failed to establish.

Сведения об авторах

Айрапетов Олег Рудольфович – кандидат исторических наук, доцент МГУ, Москва, Россия;

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Бокарева (Бородулина) Людмила Сергеевна – магистр социально-экономического образования, Санкт-Петербург, Россия;

Гавроева Екатерина Сергеевна – аспирантка кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Гордеев Петр Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, докторант кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия;

Златина Мария Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Иванов Андрей Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Козлов Ярослав Владиславович – исследователь, Харцызск, Донбасс;

Козлова Екатерина Александровна – студентка 4 курса факультета социальных наук РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Кулегин Алексей Михайлович – кандидат исторических наук, заведующий отделом ГМП ИР, заслуженный работник культуры РФ, Санкт-Петербург, Россия;

Лаврова Евгения Михайловна – магистр социально-экономического образования, Санкт-Петербург, Россия;

Ляндрес Семен Михайлович – Ph.D., профессор факультета истории, соруководитель программы российских и восточноевропейских исследований, Университет Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США;

Надсадный Дмитрий Владимирович – ведущий архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;

Николаев Андрей Борисович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Пыжиков Александр Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РАНХиГС, Москва, Россия;

Румянцев Андрей Георгиевич – кандидат исторических наук, главный архивист ЦГИА СПб, Санкт-Петербург, Россия;

Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Смирнова Анастасия Александровна – студентка I курса магистратуры по кафедре русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Стогов Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории культуры, государства и права СПбГЭТУ, Санкт-Петербург, Россия;

Тарасов Константин Андреевич – аспирант СПб ИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия;

Фруменкова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия;

Хасегави Цуеси – Ph.D., профессор факультета истории, Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, Калифорния, США;

Чемакин Антон Александрович – аспирант кафедры русской истории РГПУ, Санкт-Петербург, Россия.

Список сокращений и аббревиатур

АВИМАИВиВС – Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи;
АО – Акционерное общество;
АОУП – Або-Оландская укрепленная позиция;
АРО ГЦТМБ – Архивно-рукописный отдел Государственного центрального театрального музея имени А.А. Бахрушина;
в.к. – великий князь;
ВКГД – Временный комитет Государственной думы;
ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации;
ГАУ – Главное артиллерийское управление;
ген.-м. – генерал-майор;
ГМПИР – Государственный музей политической истории России;
гр. – граф;
ГУГШ – Главное управление Генерального штаба;
ГЭ – Государственный Эрмитаж;
ЕКОПО – Еврейский комитет помощи жертвам войны;
КА – Красный архив;
к.-д. – конституционные демократы;
кн. – князь;
л.-гв. – лейб-гвардия;
МГП – Министерство государственно призрения;
МГУ – Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
МФК – Местный флотский комитет;
НИОР РГБ – Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки;
ОИР – Общество изучения революции;
ОИРР – Общество изучения русской революции;
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки;
ПВО – Петроградский военный округ;
ПЖИ – Павловский женский институт;
ПСС – Полное собрание сочинений;
ПЦР – Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства;
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;
РГ – Рабочая группа;
РГАВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота;
РГАДА – Российский государственный архив древних актов;
РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства;

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории;

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив;

РГИА – Российский государственный исторический архив;

РГПУ – Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена;

РОВС – Русский Общевоинский союз;

РО ИРЛИ РАН – Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук (Пушкинский дом);

СДПФ – социал-демократическая партия Финляндии;

СПбГЭТУ – Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина);

СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук;

СРН – Союз русского народа;

СУ – Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый;

ЦВПК – Центральный военно-промышленный комитет;

ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга;

ЦГАЛИ СПб – Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга;

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания;

ЦГА СПб – Центральный государственный архив Санкт-Петербурга;

ЦГИА СПб – Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга;

ЦОПФ – Центральная организация профессиональных союзов Финляндии;

ЧСК – Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств Временного правительства;

КА – Kansallisarkisto (Национальный архив Финляндии).

Содержание

От составителя	3
Чемакин А.А. От «конструктивной оппозиции» – к революции: М.А. Караулов и Независимая группа в 1914 – 1917 гг.	7
Айрапетов О.Р. Рабочая группа ЦВПК и А.И. Гучков – провокация ареста?.....	14
Бокарева Л.С. Св. Синод в феврале – начале марта 1917 г.	28
Румянцев А.Г. «Полицейские пулеметы» в Феврале 1917 года: миф или реальность?.....	37
Селезнев Ф.А. Царский генерал и революционная контрэлита: обстоятельства назначения Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (2 марта 1917 года).....	54
Ляндрес С.М. Из архива М.А. Полиевктова: неизвестная запись рассказов В.В. Шульгина и П.Б. Шаскольского в мае 1917 г.	68
Гавроева Е.С. Письма во власть: рабочие и М.В. Родзянко (март 1917 г.).....	76
Гордеев П.Н. В.Ф. Безпалов – комендант петроградских государственных театров в 1917 году.	81
Пыжиков А.В. Русская буржуазия в марте – октябре 1917 года.	113
Николаев А.Б. Домовладельцы перед Временным судом (Петроград, весна – лето 1917 г.).....	139
Лаврова Е.М. Конфликты в революционной среде в 1917 году и попытки их разрешения.....	155
Козлов Я.В. Возвращение политэмигрантов через Германию в Россию весной 1917 г.	170
Иванов А.А. «На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года.....	187
Стогов Д.И. Отражение революционных событий 1917 г. в дневнике С.Д. Шереметева.....	195
Тарасов К.А. Общеполковые собрания как институт прямой демократии в 1917 г. (на материалах Петроградского гарнизона).....	205
Кулегин А.М. 1-й Петроградский женский батальон: из истории формирования и действий (июль – ноябрь 1917 г.).....	211
Златина М.А. Причины и процесс ликвидации Консультации для оказания юридической помощи неимущему еврейскому населению в 1917 году (по архивным материалам).....	219
Козлова Е.А. Строительство революционной власти в Ревеле в марте 1917 года (по материалам русскоязычных газет).....	224

Бажанов Д.А. «Дело» офицеров линейного корабля «Гангут» весной 1917 г. как отражение стереотипов во взаимоотношениях личного состава.....	229
Дубровская Е.Ю. Многомерная радикализация: российские военные и национальные и социальные движения финляндцев весной 1917 года	238
Надсадный Д.В. Городские благотворительные учреждения Петрограда в марте – октябре 1917 г.	253
Смирнова А.А. К вопросу об эвакуации Павловского женского института (август – октябрь 1917 г.).....	262
Фруменкова Т.Г. Октябрь 1917 г. и Петроградский воспитательный дом.....	266
Hasegawa T. Crime and Police under the Soviet Regime, October 1917 – March 1918.....	272
Список сокращений и аббревиатур	301
Содержание	303

**Революция 1917 года в России:
новые подходы и взгляды.**

Сборник научных статей

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
К.К. Билеуш

Издание распространяется по подписке.
Продаже не подлежит.

Подписано к печати с оригинал-макета 2.11.2015
Формат 60x90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman Суг.
Печать ризографическая.
Усл. печ. л. 19 п.л.
Тираж – 300 экз.

Отпечатано методом оперативной полиграфии
в издательстве «ЭлекСис», СПб., Новочеркасский пр., д. 1.